



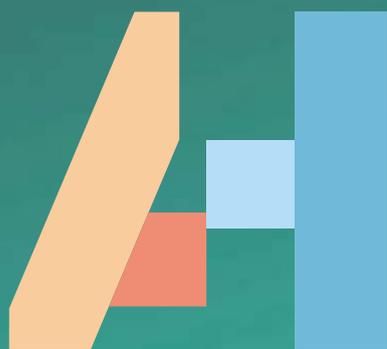
2023 / 1(75)

кризисы / crises

проект
байкал /
project
baikal

РААСН, юбилей
Губернаторская премия – 2022

12+



VI ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

2023

Тема: «Архитектурное и градостроительное наследие, как стратегический ресурс социально-экономического развития территорий России»

8 — 10 июня
г. Самара

Фестиваль «Архитектурное наследие» это:

- Уникальная коммуникативная площадка для профильных специалистов и представителей органов исполнительной власти в области охраны памятников культуры, научной реставрации, приспособления и регенерации памятников архитектуры и садово-паркового искусства;
- Тематические конкурсы среди реставраторов и архитекторов;
- Выставка достижений регионов России в сфере сохранения и развития объектов архитектурного, градостроительного, инженерного и ландшафтного наследия, рационального использования памятников архитектуры и садово-паркового искусства;
- Выставка строительных материалов и технологий;
- 3 дня деловой программы с ведущими отечественными и зарубежными спикерами;
- Официальный каталог по итогам фестиваля, который распространяется среди архитектурного и реставрационного сообщества России.

Ждём Вас на фестивале!

www.archnasledie.ru



Организатор: При поддержке:



МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



МИНИСТРОЙ
РОССИИ



ПРАВИТЕЛЬСТВО
МОСКВЫ



КОМИТЕТ
ПО АРХИТЕКТУРЕ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ
ГОРОДА МОСКВЫ



ПРАВИТЕЛЬСТВО
САМАРСКОЙ
ОБЛАСТИ



АДМИНИСТРАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ОКРУГА
САМАРА

Одно британское издательство, выбирая ключевое слово 2022 года, остановилось на слове *permacrisis*. На самом деле кризис не в прошлом году, а давно уже стал перманентным. За несколько последних десятилетий кризисы настолько прочно вошли в нашу жизнь, что фактически превратились в привычный и постоянный фон. Всевозможные кризисы сменяют друг друга: экономические, эпидемиологические, идеологические, политические...

Однако, несмотря ни на что, жизнь продолжается, и конец непростого года был ярко расцвечен в сфере архитектуры региональными конференциями, губернаторскими премиями (14–22), славными юбилеями и сопровождающими их великолепными выставками (8–13).

Первая часть главной рубрики номера посвящена разнообразным видам кризиса: комплексного, профессионального, энергетического, климатического. Кризисные явления обнаруживаются даже в сфере топонимики и архитектурных деталей.

Парадоксально, но любой кризис – это еще и окно возможностей, и об этом вторая часть главной темы номера.

Номер о кризисах был бы неполным без рубрики «Наследие». Несмотря на подвижническую работу архитекторов-реставраторов (14), исследователей истории региональной архитектуры (120–160) и отдельные успехи комплексной квартальной регенерации в городах России, наследие прочно застряло в перманентном кризисе, и таблички «охраняется государством» часто не успокаивают, а вызывают отторжение своим несоответствием суровой действительности.

Елена Григорьева

One British publishing company has chosen ‘permacrisis’ as the word of the year for 2022. In fact, the crisis has been permanent for the time longer than one year. Over the last few decades, crises have become so integrated into our lives that they look like a familiar and permanent backdrop. Crises of all kinds succeed one another: economic, epidemiological, ideological, political ...

But in spite of everything, life goes on and the end of a difficult year was brightly coloured by regional conferences, governor’s prizes (14–22), glorious anniversaries and accompanying magnificent exhibitions (8–13) in the field of architecture.

The first part of the issue’s main section is devoted to different kinds of crises: complex, professional, energy and climate ones. Crisis phenomena are found even in the sphere of toponymy and architectural details.

Paradoxically, any crisis is also a window of opportunity, and this is the focus of the second part of the issue’s main section.

The issue about crises would not be complete without the heritage section. Despite the devoted work of restoration architects (14), researchers of the history of regional architecture (120–160) and certain achievements in comprehensive regeneration of quarters in Russian cities, heritage has firmly stuck in permanent crisis, and the “protected by the state” signs often don’t calm down, but rather provoke rejection because of their discrepancy with harsh reality.

Elena Grigoryeva

Журнал зарегистрирован
Восточно-Сибирским
управлением Федеральной
службы по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия.
Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

**учредитель,
главный редактор**
Е. И. Григорьева

12+

**корректоры,
литературные
редакторы**
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель
главного редактора
по международной
деятельности**
Анна Григорьева

на обложке фото
Варвары Штерн
«Гармония»

4 обложка фото
Анатолия Бызова

адрес издателя, редакции
664025, Иркутская обл., г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
664043, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 100 экз. Заказ 207
Подписано в печать 22.02.2023
Журнал №1(75) от 10.03.2023

Использование текстовых и фотоматериалов,
опубликованных в настоящем издании, допускается
только с письменного разрешения редакции. За
содержание рекламной информации редакция
ответственности не несет. Мнение редакции не
всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 1 раз в квартал. Цена свободная



Золотая медаль Международной
академии архитектуры
«Интерарх-2009» в номинации
«Периодические издания» /
Golden medal of the International
Academy of Architecture
“Interarch-2009” in “Periodicals”
category

75
кризисы / crises

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии **Google (Google Scholar)**
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**

новости

Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
Леонид Ляхович	РААСН – 30 лет: берегая и продолжая лучшие традиции национальной архитектурной, строительной школы.....	8
Александр Кудрявцев	Три десятилетия Академии. Выступление 11 октября 2022 года на общем собрании Академии, посвященном 30-летию со дня ее основания.....	11
Дмитрий Буш	Юбилей Александра Петровича Кудрявцева.....	12
Лидия Захарова Алексей Поликарпочкин	Губернаторская премия за реставрацию.....	14
Яна Лисицина	Губернаторская премия за книгу «Сказки улицы Большой».....	16
Ольга Горощенова	Губернаторская премия за книги об Иргиредмете.....	18

КРИЗИСЫ

Константин Лидин	Комплексный кризис и муза Архэ.....	24
Александр Раппапорт	О кризисе архитектуры. Заметки разных лет.....	32
Петр Капустин	Архитектурное проектирование и онтологический кризис.....	36
Елена Багина	Кризис детали как деталь кризиса.....	48
Петр Капустин	Кризис в деталях. О статье Е. Багиной «Кризис детали как деталь кризиса».....	56
Дмитрий Соловьев Любовь Шилова Виталий Бушуев	Энергетический кризис и глобальные климатические изменения.....	58
Зинаида Иванова	Климатический кризис и способы реагирования.....	63
Ольга Воличенко Татьяна Цурик	Двойственность отношения к исторической городской застройке.....	68

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva

proofreaders, literary editors
Marina Tkacheva, Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova

associate editor-in-chief for international activity
Anna Grigorieva

front cover image
Harmony. Photo by Varvara Shtern

back cover image
photo by Anatoly Byzov

address of the publisher and the editorial board
664025, 1a Cheremkhovskiy Pereulok, Irkutsk, Irkutsk Region, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

printed by
000 "Tipografia Print Line"
664043, 5/5 Sergeeva Street, Irkutsk, Irkutsk Region, Russia
print run 100
order 207
passed for printing: 22.02.2023
issue 1(75) of 10.03.2023

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- the **Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**
- included in the List of Refereed Publications recommended by the State Commission for Academic Degrees and Titles

12+

- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**
- входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных **ВАК**

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов:
Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

	Александр Гимельштейн Ирина Гимельштейн	Топонимическая реставрация и медиатекст как маркер кризиса городской идентичности	74
	Савочкина Наталья Гладских Анастасия Деменкова Анастасия	Архитектура промышленных объектов в условиях кризиса (на примере Курска).....	78
	Ольга Железняк	Сквоттинг в «эпоху перманентного кризиса»	84
возможность	Елена Григорьева	93
	Алексей Мякота	Архитектурный винтаж. Забор.....	94
	Ольга Воличенко Джумамедель Иманкулов Анастасия Марченко	Теоретическая модель художественного и архитектурного объекта	98
	Владимир Яскевич Болат Куспангалиев Антон Ходжиков	Анализ национального опыта внедрения BIM	105
	Михаил Базилевич Иван Плесовских	Цифровая каталогизация памятников архитектуры: на примере Хабаровска	112
наследие	Петр Капустин	Арка. Кризис и его форма	115
	Петр Завадовский	Леонидов в Крыму. Часть 2.....	120
	Алина Иванова	Русская дача от Петербурга до Харбина: стилистика и семантика.....	129
	Василий Лисицин	Архитектор А. А. Оль (1883–1958) и клуб «Союззолото»	138
	Андрей Ляпин	Архитектор Л. А. Ламекин (1922–1994)	146
	Инна Дружинина	Архитектор и преподаватель Ю. Ф. Дмитриевский (1924–1991)	150
	Армен Казарян	Русские путешественники об архитектурном наследии Ани	153
авторы		161

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Leonid Lyakhovich	30th anniversary of RAACS: Saving and continuing the best traditions of the national architectural and construction school.....	8
	Alexander Kudryavtsev	Three decades of the Academy. Speech delivered on 11 October, 2022 at the Academy’s general meeting dedicated to its 30th anniversary.....	11
	Dmitry Bush	Alexander Petrovich Kudryavtsev’s anniversary	12
	Lidia Zakharova		
	Alexey Polikarpochkin	Governor’s Award for restoration	14
	Yana Lisitsina	Governor’s Award for the design of the book “Tales of Bolshaya Street”	16
	Olga Goroshchenova	Governor’s Award for the books about Irgiredmet	18
CRISES		23
	Konstantin Lidin	The complex crisis and the muse Arche	24
	Alexander Rappaport	On the crisis of architecture. Notes from different years.....	32
	Petr Kapustin	Architectural design and ontological crisis	36
	Elena Bagina	The crisis of a detail as a detail of the crisis	48
	Petr Kapustin	Crisis in Detail. On the article “The crisis of a detail as a detail of the crisis” by E. Bagina	56
	Dmitry Solovyev		
	Liubov Shilova		
	Vitaly Bushuev	Energy crisis and global climate change	58
	Zinaida Ivanova	The climate crisis and the ways of response	63
	Olga Volichenko		
	Tatiana Tsurik	Ambivalence towards historical urban development.....	68
	Alexander Gimelshteyn		
	Irina Gimelshtein	Toponymic restoration and media text as a marker of urban identity crisis	74
	Natalia Savochkina		
	Anastasia Gladskikh		
	Anastasia Demenkova	Architecture of industrial objects in times of crisis: Case study of Kursk.....	78
	Olga Zheleznyak	Squatting in the “era of permanent crisis”	84
opportunity	Elena Grigoryeva	93
	Alexei Myakota	Architectural vintage. The fence	94
	Olga Volichenko		
	Jumamedel Imankulov		
	Anastasia Marchenko	A theoretical model of the artistic and architectural object	98
	Vladimir Yaskevich		
	Bolat Kuspangaliev		
	Anton Khodzhikov	Analysis of the national experience in BIM implementation	105
	Mikhail Bazilevich		
	Ivan Plesovskikh	Digital cataloging of architectural monuments: Case study of Khabarovsk	112
heritage	Petr Kapustin	The arch. Crisis and its form	115
	Petr Zavadovsky	Leonidov in the Crimea. Part 2.....	120
	Alina Ivanova	Russian dacha from Petersburg to Harbin: Stylistics and semantics	129
	Vasily Lisitsin	Architect A. A. Ol (1883–1958) and the SoyuzZoloto Club	138
	Andrei Lyapin	Architect L. A. Lamekin (1922–1994).....	146
	Inna Druzhinina	Architect and professor Yu. F. Dmitrievsky (1924–1991).....	150
	Armen Kazaryan	Russian travellers on the architectural heritage of Ani	153
	authors	161

Winners announced: Liang Sicheng Prize 2020 & 2022

The UIA Chinese Member Section, the Architectural Society of China, have announced the winners of the 10th and 11th editions of the biennial Liang Sicheng Prize. The jury selected Japanese architect Arata Isozaki and Chinese architect Li Xinggong as winners of the 10th Liang Sicheng Architecture Prize. Chinese architects Zhang Li and Hu Yue won the 2022 (11th) edition of the Prize, which recognises architects who have dedicated their professional career to the preservation of architectural heritage and the development of technological and socially responsible innovations in the field of architecture.

France: Grand Prix D'Architecture

French architect and urban planner Christian de Portzamparc received the 2022 Grand Prix d'Architecture (Prix Charles Abella) on 11 January 2023. Awarded by the French Academy of Fine Arts the international prize of 35,000 euros is awarded to an architect for his or her lifetime achievement.

De Portzamparc graduated from the École des Beaux-Arts in Paris in 1969 and founded his own practice, Atelier Christian de Portzamparc, in 1980. Winner of the Pritzker Prize (1994) and the Praemium Imperiale Prize (2004), his work is recognised for its distinctive qualities, bold forms, artistic approach and creativity as a watercolour painter. His major works

include the Cité de la Musique in Paris (1995), the Philharmonie Luxembourg (2005), the Cité des Arts, a cultural complex in Rio de Janeiro (2013), Paris La Défense Arena (2017), as well as the Grand Théâtre in Casablanca (2019) and the Opera House in Shanghai (2020).

International VELUX Awards 2022 – Global Winners

The VELUX Group has announced the global winners for the 2022 Edition of the International VELUX Award for students of architecture. This biennial competition, endorsed by the International Union of Architects (UIA) since 2004, invites participants to explore daylight in one of 2 categories: Daylight in Buildings and Daylight Investigations.

The jury selected the global winners from the 10 finalists selected in the first phase in July 2022. A total of 507 projects were submitted from 211 schools of architecture in 63 countries.

'TIP: Time Indicate Protection' by Zuzanna Sazonow and Aleksandra Pytka (Poland) under the supervision of Patrycja Kamińska was declared the winner in the Daylight in Buildings category.

'Flight' by Sajjad Navidi, Mahya Mousavi Sadr and Elham Bahadori (Iran) supervised by Rima Fayaz and Maryam Fakhari won the Daylight Investigations category.

The winners will receive the prize of 5,000 €; 4,000 € to the students and 1,000 € to the teachers.

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В новостях анонсируются новые выпуски международных конкурсов, а также представлены победители международных премий 2022 года.
Ключевые слова: Международный союз архитекторов; премия; международный конкурс. /

The news announces new editions of international competitions, as well as presents the winners of international awards of the year 2022.

Keywords: International Union of Architects; award; international competition.

Объявлены лауреаты Премии Лян Сычэна за 2020 и 2022 годы

Китайская секция-член Международного союза архитекторов (МСА) и Архитектурное общество Китая объявили победителей 10-го и 11-го выпусков Премии Лян Сычэна, которая присуждается раз в два года. Жюри выбрало японского архитектора Арату Исодзак и китайского архитектора Ли Сингана в качестве лауреатов 10-й архитектурной премии Лян Сычэна. Китайские архитекторы Чжан Ли и Ху Юэ стали победителями 11-го выпуска премии. Награда присуждается архитекторам, посвятившим свою профессиональную карьеру сохранению архитектурного наследия и разработке технологических и социально ответственных инноваций в области архитектуры.

Франция: Гран-при по архитектуре

11 января 2023 года французский архитектор и градостроитель Кристиан де Портзампарк получил Гран-при по архитектуре 2022 года (Prix Charles Abella). Эта международная премия в размере 35000 евро присуждается Французской академией изящных искусств за достижения в области архитектуры.

Де Портзампарк окончил Школу изящных искусств в Париже в 1969

году и основал свою собственную мастерскую, Atelier Christian de Portzamparc, в 1980 году. В 1994-м стал лауреатом Притцкеровской премии, а в 2004 году – премии Praemium Imperiale (2004). Его работы признаны за их уникальность, смелые формы, художественный подход. Также высоко ценится его акварельное творчество. Среди его крупных работ – «Город музыки» в Париже (1995), Филармония в Люксембурге (2005), «Город искусства», культурный комплекс в Рио-де-Жанейро (2013), Пари-Ла-Дефанс Арена (2017), а также



^ Кристиан де Портзампарк / Christian de Portzamparc

Большой театр в Касабланке (2019) и Оперный театр в Шанхае (2020).

Победители международной премии VELUX Awards 2022

Группа компаний VELUX объявила победителей международного конкурса VELUX Award 2022 среди студентов архитектурных вузов. Этот конкурс, проводимый раз в два года и поддерживаемый МСА с 2004 года, предлагает участникам исследовать дневной свет в одной из двух категорий: «Дневной свет в зданиях» и «Исследования дневного света».

Жюри выделило победителей из 10 финалистов, отобранных на первом этапе в июле 2022 года. Всего было представлено 507 проектов от 211 архитектурных школ из 63 стран мира.

Проект «TIP: Time Indicate Protection» Зузанны Сазонов и Александры Пытка (Польша) под руководством Патриции

Каминьской был признан победителем в категории «Дневной свет в зданиях».

Работа «Полет» Саджада Навиди, Махии Мусави Садр и Эльхам Бахадори (Иран) под руководством Римы Фаяз и Марьям Фахари победила в категории «Исследование дневного света».

Победители получают приз в размере 5000 евро: 4000 евро – студенты и 1000 евро – преподаватели.

Великая зеленая стена

МСА объявил результаты одноэтапного студенческого конкурса идей «Великая зеленая стена» (Great Green Wall, GGW). Это официальный студенческий конкурс 29-го Всемирного конгресса архитекторов МСА, который пройдет в Копенгагене, Дания, 2–6 июля 2023 года.

Жюри собралось в Копенгагене 6–8 декабря 2022 года, чтобы оце-



^ «Полет» (Восточная Европа и Ближний Восток), победитель в номинации «Исследование дневного света». VELUX Award 2022 / Flight (Eastern Europe and the Middle East), Daylight Investigations – Winner, VELUX Award 2022

The Great Green Wall

The UIA has announced the results of the Great Green Wall (GGW) single stage student ideas competition. This is the official student competition of the 29th UIA World Congress of Architects that will take place in Copenhagen, Denmark on 2-6 July 2023.

The jury met in Copenhagen on 6-8 December 2022 to evaluate over 150 entries from 49 countries. The members were impressed with the overall quality of the entries and the awareness of climate change as well as the innovative approaches demonstrated in every scale.

The first prize was awarded to Altyнай Isaeva from the Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture (KSUCTA), Kyrgyzstan for the project

“Sustainable housing for Africa” in Sauga, Burkina Faso. The jury lauded the entry for being “a very mature and correct proposal, able to redeploy typological memory and conceptual clarity through a simple configuration of a solid base. It is easy to imagine that this project could grow into a village incrementally, when families expand, following the architectural language of the initial house. The beautiful presentation was also highlighted by the Jury, as was the meticulous attention to detail.”

More information:
www.uia-architectes.org

Primary School in Africa

Kaira Loooro Architecture Competition is a design contest open to students and young architects with aims to discover

new talents and to adopt sustainable architecture models for humanitarian purpose to improve life conditions in developing countries. Cash prizes, Internship and construction are provided for winners, selected by an international jury made up of prestigious architectural firms.

The challenge of 2023’s edition is to design a ‘Primary School’ in Southern of Senegal, a new school model that can protect and foster the development of every child’s potential.

Early registrations: 13rd Jan - 28th Febr 2023
Normal registrations: 1st March - 9th Apr 2023
Late registrations: 10th Apr - 15th May 2023

FAQ answer deadline: 1st June 2023
Submission Deadline: 11st June 2023
Jury evaluation: 2rth June - 01st July 2023

Winners announcements: 10th July 2023
More information:
<https://www.kairalooro.com/>

2022 BLT Built Design Awards Winners Announced

The BLT Built Design Awards judges were impressed by the high level of innovation and creativity of the winning entries that include names enjoying international reputation such as Zaha Hadid Architects, Ateliers Jean Nouvel, Agence d’Architecture A. Bechu & Associés, Sanjay Puri Architects, Stonehill Taylor, Perkins & Will, querkraft architects, Laguarda Low Archi-

нить более 150 работ из 49 стран. Члены жюри были впечатлены общим качеством работ и осведомленностью об изменении климата, а также инновационными подходами, которые продемонстрировали участники.

Первый приз был присужден Алтынай Исаевой из Киргизского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры (КГУСТА), Киргизия (Кыргызстан), за проект «Устойчивое жилье для Африки» в Сауге, Буркина-Фасо. Жюри отметило проект как «очень зрелое и правильное предложение, способное воспроизвести типологическую память и концептуальную ясность через простую конфигурацию прочного основания. Легко представить, что, когда семья расширится, этот проект может постепенно вырасти в деревню, следуя архитектурно-

му языку первоначального дома. Жюри также отметило красивую презентацию и тщательное внимание к деталям».

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Начальная школа в Африке

Архитектурный конкурс Kaira Loooro – это конкурс проектов, открытый для студентов и молодых архитекторов с целью выявления новых талантов и внедрения моделей устойчивой архитектуры в гуманитарных целях для улучшения условий жизни в развивающихся странах. Международное жюри, состоящее из представителей престижных архитектурных фирм, выбирает победителей, которых ожидают денежные призы, стажировка и реализация проекта.

Задача конкурса – спроектировать начальную школу на юге

в Штаб-квартира BEEAH по проекту Zaha Hadid Architects, победитель в номинации «Архитектурный проект года». BLT 2022 / BEEAH Headquarters, Zaha Hadid Architects, Architectural Design of the Year – Winner, BLT 2022



Сенегала, представив новую модель школы, которая обеспечит безопасность всех детей и будет способствовать развитию их потенциала.

Ранняя регистрация: 13 января – 28 февраля 2023 года

Обычная регистрация: 1 марта – 9 апреля 2023 года

Поздняя регистрация: 10 апреля – 15 мая 2023 года

Крайний срок ответов на часто задаваемые вопросы: 1 июня 2023 года

Крайний срок подачи заявок: 11 июня 2023 года

Оценка жюри: 2 июня – 1 июля 2023 года

Объявление победителей: 10 июля 2023 года

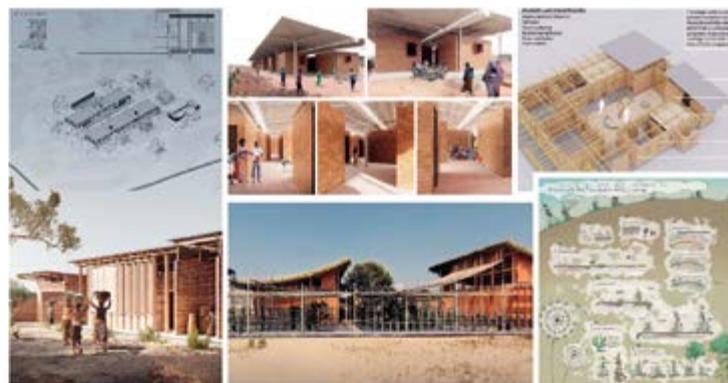
Дополнительная информация:
<https://www.kairalooro.com/>

Объявлены победители премии BLT Built Design Awards 2022 года
Жюри премии BLT Built Design Awards были впечатлены высоким уровнем инноваций и креативности проектов-победителей, среди авто-

ров которых есть такие известные во всем мире имена, как Zaha Hadid Architects, Ateliers Jean Nouvel, Agence d’Architecture A. Bechu & Associés, Sanjay Puri Architects, Stonehill Taylor, Perkins & Will, querkraft architects, Laguarda Low Architects, dwp – design worldwide partnership и другие.

Организаторы конкурса BLT Built Design Awards отметили опыт всех профессионалов, участвующих в реализации выдающихся проектов: от архитектурных бюро и дизайнеров интерьера до специалистов по строительным материалам и руководителей проектов.

Прием заявок на участие во втором выпуске BLT Awards завершился в начале октября 2022 года, и жюри, состоящее из 37 опытных архитекторов, дизайнеров, девелоперов, ученых и представителей СМИ, приступило к определению победителей в каждой категории. На конкурс было прислано более 650 работ из 51 страны, пред-



^ Устойчивое жилье для Африки» в Сауге, Буркина-Фасо, по проекту Алтынай Исаевой, КГУСТА, Киргизия, победитель конкурса «Великая зеленая стена» / “Sustainable housing for Africa”, Sauga, Burkina Faso by Altyнай Isaeva, KSUCTA, Kyrgyzstan – Winner, Great Green Wall

ects, dwp - design worldwide partnership and more.

The BLT Built Design Awards recognized the expertise of all professionals involved in the realization of outstanding projects; from Architecture firms, Interior design experts to construction products, and project management.

The submissions for the 2nd edition of the BLT Awards closed at the beginning of October 2022, leaving the jury panel composed of 37 experienced architects, designers, developers, academics and media representatives to select winners in each category. The program received over 650 submissions from 51 countries, representing 54 categories. The judges evaluated each project based on their own merit; rewarding the most pioneering and

ground-breaking designs and selecting those standing out, based on new concepts, innovations and sustainability initiatives.

The range of work was astounding, Zaha Hadid Architects was awarded the "Architectural Design of the Year" title for BEEAH Headquarters; based in Japan, KAMITOPEN won the "Interior Design of the Year" prize for KAMA-ASA Shop in Tokyo; Yi Design Company Limited received the "Construction Product Design of the Year" award for the innovative YiBrick made of recycled ceramic and Design With Frank by FRANK software was awarded "Project Management of the Year".

More information:
<https://bltawards.com/>

Winners of the 16th International Design Awards

The 2022 International Design Awards (IDA) winners were announced on January 10th 2023 in Los Angeles. The 16th edition of the IDA attracted thousands of outstanding submissions from a record number of designers around the world who vied for the top prizes in this prestigious award.

Evaluating submissions from almost 80 countries, members of the IDA jury commented on the incredibly high standard of design entries across the five Award disciplines – Architecture, Interior, Product, Graphic and Fashion Design.

For the first time ever the public had the opportunity to select their choice of

winners from thousands of outstanding submissions from non-professional designers around the world.

The iconic International Design Awards recognises creators who manage to be simultaneously cutting edge and timeless, projecting a clear unique inspiration.

All International Design Awards 2022 winners will be invited to the IDA Gala ceremony to take place in the coming months and the IDA 2023 will be launched shortly.

More information:
<https://idesignawards.com>

в Штаб-квартира BEEAH по проекту Zaha Hadid Architects, победитель в номинации «Архитектурный проект года». BLT 2022 / BEEAH Headquarters, Zaha Hadid Architects, Architectural Design of the Year – Winner, BLT 2022



ставляющих 54 категории. Судьи оценивали каждый проект по его достоинству, награждая новаторские проекты, которые выделялись на фоне других и основывались на новых концепциях, инновациях и инициативах в области устойчивого развития.

Диапазон работ был поразительным: команда Zaha Hadid Architects победила в номинации «Архитектурный дизайн года» за штаб-квартиру BEEAH; японская компания KAMITOPEN получила приз в номинации «Дизайн интерьера года» за магазин KAMA-ASA в Токио; Yi Design Company Limited получила награду «Дизайн строительной продукции года» за инновационный YiBrick из переработанной керамики, а Design With Frank от FRANK software был удостоен награды «Управление проектом года».

Дополнительная информация:
<https://bltawards.com/>

Победители 16-го конкурса International Design Awards

Победители Международного конкурса International Design Awards (IDA) – 2022 были объявлены 10 января 2023 года в Лос-Анджелесе. В 16-м выпуске IDA приняли участие тысячи выдающихся работ от рекордного числа архитекторов и дизайнеров со всего мира, которые боролись за главные призы этого престижного конкурса.

Оценивая проекты почти из 80 стран, члены жюри IDA отметили невероятно высокий уровень дизайнерских работ по пяти дисциплинам премии – архитектура, интерьер, продукция, графический дизайн и дизайн одежды.

Впервые в истории премии общественность имела возможность выбрать победителей из тысяч ярких проектов, представленных непрофессиональными дизайнерами со всего мира.

Широко известная премия International Design Awards отме-

чает творцов, чьи работы одновременно находятся на передовых позициях и остаются вне времени, демонстрируя уникальное вдохновение авторов.

Все победители конкурса IDA 2022 будут приглашены на церемонию награждения, которая состоится в ближайшие месяцы, а прием заявок на IDA 2023 будет объявлен в ближайшее время.

Дополнительная информация:
<https://idesignawards.com>



^ Музей Шаньюй по проекту Института архитектурного проектирования и исследований Чжэцзянского университета, победитель в номинации «Архитектурный проект года». IDA 2022 / Shangyu Museum by Zhejiang Architectural Design and Research Institute, Architectural Design of the Year – Winner, IDA 2022

Журнал Проект Байкал публикует выступления академиков РААСН на Юбилейном общем собрании членов Российской академии архитектуры и строительных наук, проходившем с 11 по 13 октября 2022 года в Центральном Доме архитектора (Москва).

Академик и руководитель Сибирского территориального отделения РААСН Л. Ляхович изложил историю Академии в России с 1764 года по текущий момент и важные аспекты деятельности РААСН. Он подчеркнул, что деятельность ее членов во многом определяла стратегию развития среды жизнедеятельности. Академик А. Кудрявцев говорил о периодах развития РААСН с момента ее учреждения. Он сосредоточился на обретении автономии и самоорганизации Академии, превращении ее в российскую, развитии связей с высшей школой, совершенствовании экспериментального проектирования, формирования градостроительной доктрины. Особенно интересной была характеристика наиболее значимых деятелей и изменений в архитектуре, градостроительстве и проектировании.

Ключевые слова: РААСН; Академия; история строительства и архитектуры; строительная отрасль; строительство; архитектура.

Project Baikal journal publishes the reports of RAACS academicians at the Jubilee General Meeting of members of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, which was held from 11 to 13 October 2022 in the Central House of the Architect, Moscow.

L. Lyakhovich, academician and head of the Siberian Regional Branch of the RAACS, outlined the history of the Academy in Russia since 1764 up to the present time and highlighted important aspects of the RAACS activities. He emphasized that the activities of its members have greatly determined the strategy for the development of living environment.

Academician A. Kudryavtsev spoke about the periods of development of the RAACS since its establishment. He focused on acquiring autonomy and self-organisation of the Academy, transforming it into a Russian Academy, developing links with higher schools, improving experimental design, forming an urban planning doctrine. Of particular interest was the description of the most significant figures and changes in architecture, urban planning and design.

Keywords: RAACS; Academy; history of construction and architecture; building industry; construction; architecture.

РААСН – 30 лет: сберегая и продолжая лучшие традиции национальной архитектурной, строительной школы / 30th anniversary of RAACS: Saving and continuing the best traditions of the national architectural and construction school

текст

Леонид Ляхович
академик РААСН
Фото предоставлены РААСН/

text

Leonid Lyakhovich
Academician of the RAACS
Photos provided by the RAACS

Наше собрание Юбилейное.

Традиционно на юбилейных мероприятиях оглядываются на прошедшее и задумываются о будущем. Как известно, уровень развития любой цивилизации во многом оценивается по сохранившимся архитектурным и инженерным сооружениям. И это не случайно. Ведь именно наша отрасль реализует достижения цивилизации в создании и комплексное развитие среды жизнедеятельности человека. Как отмечено в наших дипломах, РААСН продолжает традиции, восходящие к Академии трех знатнейших художеств (живописи, ваяния и зодчества), созданной

по решению Сената в 1757 году и учрежденной как Императорская указом Екатерины II от 11 ноября 1764 года. Эта Академия была расформирована в 1918 году. На протяжении своей многолетней деятельности члены Академии и ее выпускники создавали выдающиеся архитектурные объекты и во многом определяли стратегию развития среды жизнедеятельности.

В 1933 году была создана Всесоюзная академия архитектуры, первоначально как высший учебный и научно-исследовательский центр. С 1934 года в задачи Академии включили разработку проблем градостроительства, теории архитектуры и архитектурной композиции.

На Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 года, явившемся переломным в переходе к массовой индустриализации, типизации и унификации строительства, Академию критиковали за односторонний подход к архитектуре.

После этого в 1955 году постановлением «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» Академия архитектуры СССР была преобразована в Академию строительства и архитектуры СССР при Госстрое СССР.

В состав Академии были включены 15 научно-исследовательских институтов строительного и архитектурного профиля, а также экспериментальные заводы, лаборатории, мастерские и другие учреждения. В городах Ленинграде,

Челябинске, Новосибирске, Алма-Ате были созданы филиалы Академии.

За 30 лет своего существования (1933–1963) Академия занималась рассмотрением научно-творческих проблем архитектуры градостроительства и строительства, участвовала в экспериментальном строительстве, издавала литературу по архитектуре и строительству. Были написаны и вышли в свет капитальные труды по теории архитектуры и архитектурной композиции, теории градостроительства и нормам градостроительного проектирования, монографии, многотомники по всеобщей истории архитектуры, истории русской архитектуры и архитектуры народов СССР, учебники по теории и истории архитектуры, градостроительства, строительным дисциплинам для архитектурных и строительных вузов. Еще в 1940-х годах проводилась научно-исследовательская работа по основам индустриального крупнопанельного строительства, были выполнены проекты и началось экспериментальное строительство.

Особое внимание уделялось разработке принципов градостроительного решения районов массовой застройки, что, в целом, обеспечило научную основу индустриализации, типизации и стандартизации. При этом Академии была задана жесткая ориентация на сборное железобетонное домостроение, типовые проекты по всей территории страны.

Одним из важнейших направлений деятельности Академии было





привлечение широкого круга архитекторов, ученых, работников вузов к работе по проблемам, решаемым в Академии. В трудах Академии публиковались статьи не только членов Академии и работников ее учреждений, но и широкого круга специалистов иных организаций, в том числе и вузов. Так как требования к уровню публикаций в Академии были довольно высоки, то это обстоятельство влияло на повышение уровня исследований, выполняемых вне Академии. Маленький пример. Когда я начинал работать в Томском инженерно-строительном институте, то первая в моей жизни статья была опубликована в сборнике его трудов. Вторая статья вышла в 1961 году в сборнике трудов Западно-Сибирского филиала АСИА СССР.

В 1963 году Постановлением Совета Министров СССР Академия была ликвидирована. Таким образом, вместо научного центра, объединяющего профессионалов высокого класса, вся научно-исследовательская система Академии была передана административному учреждению в лице Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР.

В 1992 году был издан Указ Президента России о создании Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН). Этим документом была подчеркнута особая важность архитектурно-строительной деятельности, роль зодчества как высокого искусства, создана основа для объединения

мастеров архитектуры с учеными в области строительных наук в научно-творческом центре, имеющем государственное значение. Государственный статус Академии был определен Постановлением Правительства Российской Федерации №1033 от 11 октября 1993 года.

В декабре 1992 года состоялось Учредительное собрание, на котором 64 выборщиков – представители всех регионов России – избрали тайным голосованием первую половину состава членов Академии по всем трем отделениям РААСН. Мне выпала честь

быть в числе выборщиков. В число первых членов Академии вошли признанные мастера и ученые; так, в числе избранных академиков по отделению строительных наук вошли академики РАН В. В. Болотин и С. В. Яковлев.

Собрание первой половины членов РААСН состоялось в Москве 28–29 января 1993 года. Оно избрало вторую половину состава членов РААСН, одобрило проект Устава РААСН.

Все прошедшие после воссоздания годы РААСН работала над достижением целей и решением задач, записанных в ее уставе.





Основные результаты этой работы представлены на юбилейной выставке. Здесь следует отметить, что многие результаты отражают участие Академии в реализации Национальных проектов РФ.

О признании высокого уровня полученных результатов свидетельствует не только заключение экспертного сообщества, но и присуждение многим из них премий Правительства Российской Федерации, а академик РААСЧ В. И. Травуш в 2022 году был удостоен звания Лауреата Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся заслуги в создании уникальных высотных зданий и сооружений, значительный вклад в развитие строительных наук и технологии.

v Открытие юбилейной выставки



Дополнительно отмечу еще некоторые важные аспекты деятельности Академии. Один из них – это экспертная деятельность по оценке уровня фундаментальных и прикладных исследований, которая реализуется в тесном взаимодействии с РАН, ВАК и Минстроем России. Другой важный аспект – это взаимодействие с вузами. В состав РААСЧ входит значительное число работников высшей школы, и это обстоятельство во многом обеспечивает взаимодействие Академии с вузами. Приведу некоторые примеры, когда участие РААСЧ было во многом определяющим уровнем вузовской науки. На момент воссоздания РААСЧ в вузах функционировала научно-техническая программа «Архитектура и строительство», в которой участвовали около 40 вузов. После воссоздания Академии в состав совета программы вошли вице-президенты РААСЧ, некоторые академики-секретари и члены Академии. Планка уровня проектов программы была поднята.

В Министерстве высшего образования действовала система грантов по десяти направлениям. Это были фундаментальные проблемы математики, физики, химии, экологии и так далее. Архитектуры и строительства не было.

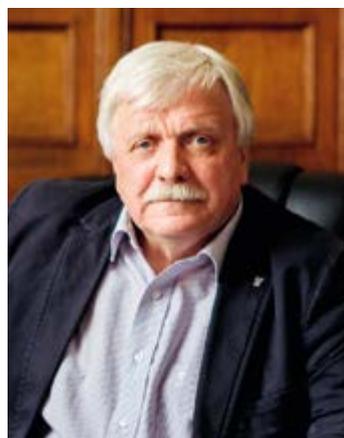
Тогда группа вузовских ученых и членов РААСЧ встретилась с первым заместителем Министра А. Н. Тихоновым и рассказала ему, какие фундаментальные проблемы приходится решать при реализации естественно-научных достижений в создании

среды жизнедеятельности. После этой встречи был утвержден одиннадцатый конкурс грантов «Фундаментальные проблемы архитектуры и строительных наук».

После принятия закона об академиях академические институты организационно были отделены от РААСЧ. В этой ситуации взаимодействие с вузами приобрело новые формы, позволившие РААСЧ более активно привлекать их ресурсы для совместной работы. В частности, это вылилось в создание на базе вузов региональных научно-образовательных центров (РАНОЦ). Особенно важным в системе взаимодействия РААСЧ с вузами явилось создание с участием Минстроя России на базе НИУ МГСУ отраслевого консорциума «Строительство и архитектура», в реализации Программы которого в настоящее время активно участвуют как вузы, так и РААСЧ.

Отмечая свой Юбилей, Академия, конечно же, понимает, что цели и задачи, записанные в нашем Уставе, требуют постоянного развития.

Мы услышали приветствия Президента Российской Федерации В. В. Путина и других представителей руководства страны. Это обязывает нас активизировать свою деятельность, которая, в конечном счете, направлена на развитие среды жизнедеятельности человека. Доверие руководства страны, опыт РААСЧ, ее состав позволяют выразить уверенность в успешности нашей дальнейшей деятельности.



Три десятилетия Академии. Выступление 11 октября 2022 года на общем собрании Академии, посвященном 30-летию со дня ее основания / Three decades of the Academy. Speech delivered on 11 October, 2022 at the Academy's general meeting dedicated to its 30th anniversary

Дорогие коллеги – члены РААСН, дорогие друзья, товарищи! Сегодня мы собрались, чтобы отметить три десятилетия удивительного феномена отечественной культуры и науки – нашей Академии. Государственные академии наук и Академия художеств – сугубо российское явление, свидетельствующее о значении, которое для страны имеют эти два крыла развития человеческой цивилизации. Рождение академии архитектуры, архитектуры и строительства, строительства и архитектуры, архитектуры и строительных наук всегда приходилось на периоды выхода из кризиса к периоду стабилизации и благоденствия, когда требовалось создание качественно более высокой, комфортной среды жизнедеятельности нашего народа.

30 лет прошло со времени указа первого президента России Б. Н. Ельцина о создании РААСН – единственного детища новой России в области науки и искусства.

В памяти встают могучие фигуры архитектурно-строительного сообщества – Александра Рочегова, Андрея Иконникова, Сергея Булгакова, Олега Лобова, Льва Хихлухи, Бориса Фурманова, Владимира Ресина, Ефима Басина, Геннадия Белянкина, Якова Олькова, Виталия Бондаренко, Владимира Болотина, Сергея Яковлева, Виктора Владимировича, Леонида Вавакина, Владимира Белоусова, Александра Виноградова и других легендарных

личностей основателей Академии. Первый триумвират – президент Александр Рочегов, первый вице-президент Сергей Булгаков, первый ученый секретарь Анатолий Виноградов. Я бы назвал этих трех богатырей, прошедших через фильтр новой бюрократии, «победителями». Второе поколение, которое пожинало плоды победы, я бы назвал «жнецами». Обладая высокой степенью автономии и самоорганизации, Академия становится российской, создаются региональные отделения на основе региональных НИИ и вузов, развиваются связи с высшей школой, рождается экспериментальное проектирование, градостроительная доктрина. Второе поколение – Александр Кудрявцев, Сергей Булгаков, Вячеслав Ильичев, Александр Анисимов, Георгий Есаулов. Время спасения и процветания архитектурной и строительной науки. Третье поколение, работавшее в условиях исполнения Закона о реорганизации государственных академий, я бы называл «бойцами»: защита фундаментальных исследований, сохранение коллектива ученых и мастеров, символов академии. Триумвират – Александр Кузьмин, Валерий Теличенко, Павел Акимов. Президент обладал и авторитетом руководителя НИЦ «Строительство», чутко реагировал на сигналы власти, многое спас и сохранил. К нашему глубокому сожалению, безвременно ушел из жизни...

Сегодня у руля Академии – выдающиеся ученые и педагоги, с опытом руководства флагманами российских школ архитектуры и строительства. Но я бы их назвал «практиками». Надо все время работать, как говорил К. С. Станиславский, «в предложенных обстоятельствах», постоянно меняющихся правилах игры, стратегических целях и горизонтах.

Хочу пожелать им сил, здоровья и уверенности в том, что все члены Академии – и ветераны, и вновь избранные, – сознают ответственность миссии академии перед судьбой профессии, перед отечеством и будущими поколениями зодчих и капитанов строительства! Спасибо Вам, дорогие коллеги, за годы плодотворного сотрудничества, за доверие и дружбу!

текст
Александр Кудрявцев
академик РААСН
фото предоставлены РААСН/
text
Alexander Kudryavtsev
Academician of the RAACS
Photos provided by the RAACS

в Вручение наград



Академик Д. В. Буш пишет о 85-летнем юбилее одного из известнейших и выдающихся архитекторов современной России А. П. Кудрявцева, характеризует его разнообразную и плодотворную деятельность, широту и глубину знаний. Выставка, посвященная значительной дате и достижениям, отличающим деятельность А. П. Кудрявцева, включает разделы, соответствующие наиболее важным этапам и результатам его теоретической и творческой работы.

Ключевые слова: академик А. П. Кудрявцев; юбилей; выставка; архитектура; теория архитектуры; объекты; проекты. /

Academician D. V. Busch writes about the 85th anniversary of one of the most famous and prominent architects of modern Russia, A. P. Kudryavtsev, and characterises his diverse and prolific work, as well as the breadth and depth of his knowledge. The exhibition dedicated to A. P. Kudryavtsev's anniversary and achievements comprises sections corresponding to the most important stages and results of his theoretical and creative work.

Keywords: academician A. P. Kudryavtsev; anniversary; exhibition; architecture; theory of architecture; objects; projects

Юбилей Александра Петровича Кудрявцева / Alexander Petrovich Kudryavtsev's anniversary

текст

Дмитрий Буш

академик РААСН

Изображения планшетов выставки

предоставлены **Дмитрием Бушем**

Фото с выставки **Елена Григорьева** /

text

Dmitry Bush

Academician of the RAACS

images of the exhibition boards

provided by **Dmitry Bush**

photo from the exhibition

provided by **Elena Grigorieva**

В декабре прошлого года в Московском Доме архитектора прошло открытие выставки, посвященной 85-летию юбилею Народного архитектора РФ, академика РААСН Александра Петровича Кудрявцева.

Сегодня в России мы вряд ли найдем архитектора с такой богатой биографией и такими выдающимися достижениями за долгие годы служения профессии.

Перечислим основные этапы этой биографии:

- архитектор-практик в Управлении по проектированию Дворца Советов;
- архитектор-практик в ЦНИИЭП им. Б. С. Мезенцева, автор цирка в Краснодаре, театра в Иркутске и многих других проектов;

- преподаватель кафедры истории советской архитектуры в МАРХИ, первый избранный ректор МАРХИ, президент МАРХИ;

- секретарь Правления, вице-президент Союза архитекторов СССР;

- главный редактор журнала «Архитектура СССР»;

- депутат Верховного Совета СССР;

- председатель Экспертно-консультационного общественного совета при главном архитекторе Москвы;

- один из авторитетнейших защитников культурного наследия в стране, почетный президент Национального Комитета ИКОМОС ЮНЕСКО;

- теоретик, автор более 200 научных трудов и публикаций;
- член-корреспондент, академик, президент РААСН;
- заслуженный архитектор РФ, народный архитектор РФ.

Список можно продолжить, но, наверное, в этом нет особой необходимости. Поражает многогранность таланта Александра Петровича и широта его интересов. В памяти всплывают эпитеты типа «универсальный человек», применяемые, в основном, к фигурам масштаба Леонардо. В чем секрет таких результатов? На такой вопрос, скорее всего, не ответит и сам юбиляр, но мы попробуем просто перечислить те его качества, не заметить которые при общении с ним невозможно.





Наверное, первое, что следует отметить – это его блестящая эрудиция, энциклопедические знания не только в области архитектуры, но и в истории культуры в целом. Кроме того, уверенное владение иностранными языками, позволяющее читать курсы лекций в зарубежных университетах. Огромный, не слабеющий с годами интерес к практике, теории и истории всей мировой архитектуры. Способность на любом посту и в любых обстоятельствах наметить цель работы и уверенно добиваться ее достижения. Твердая и внятно выраженная позиция по любому сложному вопросу – от обсуждения конкретного архитектурного проекта до государственной и международной политики. Умение аргументированно

и всегда корректно отстаивать свою точку зрения в общении с любыми собеседниками – вплоть до высших лиц в государстве. Интерес к коллегам и студентам, их взглядам и их творчеству. Поистине аристократические вежливость и уважение по отношению к каждому, с кем приходится общаться, невзирая на уровень образования собеседника, его общественное положение и черты его характера. Огромное личное обаяние и опыт общения, позволяющие быстро налаживать доверительный человеческий контакт практически с каждым, с кем приходится общаться.

Юбилейную выставку Александра Петровича мы построили, пытаясь следовать в каждой ее части перечисленным и поста-

сям юбиляра – Зодчий, Новатор, Модернист, Мастер, Педагог, Ректор, Апологет наследия, Политик, Эксперт, Главный редактор, Теоретик, Президент РААСН. Мы не смогли охватить все – не были отражены, например, графика и живопись Александра Петровича, его увлечение коллекционированием и многое другое. Но, надеемся, удалось приблизиться к главной задаче этой выставки, которую можно сформулировать коротко так: показать нам всем, как много может сделать один человек в нашей профессии.



Премии губернатора Иркутской области за достижения в области культуры и искусства в 2022 году в номинации «Произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства» за реставрацию объектов культурного наследия города Иркутска удостоен творческий коллектив в составе Алексея Поликарпочкина, Марии Борисовой, Лидии Захаровой, Евгении Кузнецовой, Александры Кушковой. На счету коллектива архитекторов-реставраторов свыше 60 проектов реставрации, большинство из которых реализовано.

Ключевые слова: Иркутск; архитектурно-реставрационная мастерская; памятники деревянного зодчества./

The Irkutsk Region Governor's Award for Achievements in Culture and Art 2022 in the category "Works of Architecture, Urban Planning and Park Art" was awarded to the creative team consisting of Alexey Polikarpochkin, Maria Borisova, Lidia Zakharova, Evgeniya Kuznetsova and Alexandra Kushkova for the restoration of the cultural heritage sites in Irkutsk. The team of architects and restorers has completed more than 60 restoration projects over the last thirty years. Most of the projects have been realized.

Keywords: Irkutsk; architectural and restoration studio; monuments of wooden architecture.

Губернаторская премия за реставрацию / Governor's Award for restoration

текст

Лидия Захарова

000 «Архитектурно-реставрационная мастерская 10»

Алексей Поликарпочкин

000 «Архитектурно-реставрационная мастерская 10» /

text

Lidia Zakharova

000 Architectural and Restoration Studio 10

Alexey Polikarpochkin

000 Architectural and Restoration Studio 10

Наша организация ООО «АРМ-10» была основана в далеком 1989 году в Томске как филиал института «Спецпроектреставрация». У истоков мастерской стояли известные архитекторы-реставраторы Алексей Поликарпочкин и Сергей Нефедьев. Сначала ими выполнялись работы по реставрации объектов культурного наследия в Томске. Затем организация переехала в Иркутск.

Первыми работами в Иркутске стали проекты реставрации объектов культурного наследия федерального значения по ул. Грязнова, 11, 22, по ул. Ангарской, 8. Затем была проделана большая работа по реставрации здания пожарно-

го депо по ул. Тимирязева, 33, с приспособлением под Пожарно-технический центр. Значимой стала и реставрация комплекса жилых построек XIX века по ул. Свердлова, 16–20. Особенную гордость вызывает реализованный проект реставрации здания железнодорожного вокзала станции Иркутск-Пассажирский, который является визитной карточкой нашего города.

Много внимания сотрудниками уделяется восстановлению культовых зданий разных конфессий: это реставрация церкви Св. Григория Неокесарийского в Иркутске, церкви Св. Николая Мирликийского в селе Большое Голоустное на

Байкале, памятника архитектуры начала XIX века – церкви Покрова в Иркутске (ул. Рабочего Штаба, 29); строительство часовни Петра и Павла в деревне Большие Коты, церкви в деревне Максимовщина.

Нами выполнены проекты костела и мечети для Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Дружба с этим учреждением подкреплена 18 реализованными объектами деревянного зодчества на территории музея.

Особо хочется отметить работу архитекторов-реставраторов над проектом 130-го квартала, где было реализовано 14 объектов по проектам нашей организации. С 2012





года город украсили 15 отреставрированных объектов культурного наследия, которые были выполнены нами в рамках реализации городской программы АРПИ.

В 2017 году наша компания приняла участие в реализации программы «Административно-общественный комплекс на базе исторической деревянной застройки» по ул. Горького в Красноярске, где были выполнены проекты реставрации трех объектов культурного наследия.

Кроме реставрации, мы занимаемся проектированием современных зданий и интерьеров. Особо гордимся 17-летней дружбой с

Иркутским центром молекулярной диагностики, для которого спроектировали более пяти филиалов.

За время своего существования компания не раз была отмечена на архитектурных выставках разного уровня. Среди наших наград восемь золотых, пять серебряных и три бронзовых диплома межрегионального фестиваля «Зодчество в Сибири»; дипломы 1-й и 2-й степени Международного фестиваля «Зодчество» в Москве и многие другие.



В 2022 году премия губернатора Иркутской области творческим работникам за достижения в области культуры и искусства присуждена за краеведческий просветительский издательский проект «Книга «Сказки улицы Большой»» писателю Юрию Баранову и художникам Василию и Яне Лисициным. В статье раскрывается содержание этой книги, описывается концепция иллюстративного подхода.

Ключевые слова: Иркутская область; 2022 год; книга; иллюстрации; Ю. Баранов; В. Лисицин; Я. Лисицина. /

In 2022 the Irkutsk Region Governor's Award for the creative work in the field of culture and art was given to the writer Yuriy Baranov and the artists Vasily Lisitsin and Yana Lisitsina for their regional educational publishing project "The Tales of Bolshaya Street". The article reveals the content of the book and describes the concept of illustrative approach.

Keywords: Irkutsk region; 2022; book; illustrations; Y. Baranov; V. Lisitsin; Ya. Lisitsina.

Губернаторская премия за книгу «Сказки улицы Большой» / Governor's Award for the design of the book "Tales of Bolshaya Street"

текст
Яна Лисицина
Иркутский государственный университет /
text
Yana Lisitsina
Irkutsk State University

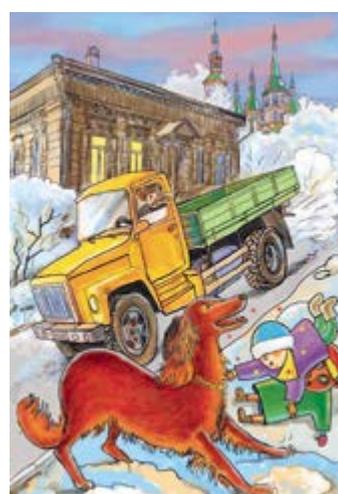
Премия губернатора Иркутской области присуждается творческим работникам один раз в год за достижения в области культуры и искусства. В 2022 году этой наградой был отмечен краеведческий просветительский издательский проект «Книга «Сказки улицы Большой»», над которым работали писатель Юрий Баранов и художники Василий и Яна Лисицины.

Это издание – сборник сказок, действия которых происходят в Иркутске, причем сам город выступает не как застывшее окружение-фон, а как один из важнейших героев книги. Улица Большая – историческое название центральной улицы Иркутска, ныне – ул. Карла Маркса. По словам Платона, существует «правильность имен, присущая каждой вещи от природы», и, возможно, природа этой

книги заключена в ее названии. В нем ощущается погружение в волшебную реальность, сотканную из конкретной исторической вязи. Писатель Юрий Баранов поместил своих героев в среду, плотно насыщенную городскими легендами, местными мифами, неожиданными ракурсами понимания обыденных вещей.

Иркутск с его архитектурой, улицами, памятниками оживает и взаимодействует с ребятами и зверятами в самых разнообразных ситуациях, которые отражены в цветных иллюстрациях: памятник Александру III склоняется и отдает шпору с сапога, гипсовые привратники спускаются с барельефов Русско-Азиатского банка и открывают двери, а императрица с медальона оживает и интригует против весны, грузовик несется

по ул. Тимирязева, и видны купола Крестовоздвиженской церкви, ангел сидит на крыше дома с якорем в усадьбе В. П. Сукачева и внимательно читает список добрых дел... В иркутских зданиях происходят удивительные истории: в здании бывшего Русско-Азиатского банка – фантастический бал привидений, на арке между зданиями около ТюЗа в вазе спрятана волшебная книга, в трехэтажном доме на перекрестке улиц Ивановской и Большой в ювелирном магазине Кельмеера отважные сиамяские коты отражают дерзкое ограбление... Все это погружает ребенка в сказку, но не какую-то заморскую, далекую, а именно свою, разлитую в хорошо прочувствованном пространстве, в котором живет маленький человек, и это учит видеть необычное





в обыденном, чувствовать связь с прошлым, любить настоящее.

Директор Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева Я. Ю. Гавриш считает, что «обращение к историческим корням Иркутска, внимательный подход к его архитектуре горожанам транслируется в вербальном выражении – в качестве отдельных текстов, объединенных единой тематикой, и в визуальном – в виде общего оформления книги и иллюстраций, раскрывающих и освещающих сюжетную линию произведения и детализированно отражающих смысловую суть».

Перевод вербальных образов в узнаваемые объекты, ставшие знаковыми для нескольких поколений иркутян, – важная основа визуального образа книги. Тема архитектуры перетекает с обложки, на которой герои сказок смотрят с высоты зеленого купола банка на город, раскинувшийся тонким белым кружевом, к развернутому титулу. На нем линейной графикой продолжена тема города. Обложку и титул соединяет форзац с троицей героев: девочкой, собакой и снеговиком, и на условном фоне видны характерные следы каждого, причем отпечатки обуви ребенка ведут к памятнику Александру III.

Структура оформления книги «Сказки улицы Большой» основывается на книжной классической манере, предусматривающей разделение блока на рисованные шмуцтитулы, заставки, концовки. Проверенный временем и опытом (художники работают в области

книжного оформления и иллюстрации с 1991 года) подход к книжному оформлению основывается на понимании книги как сложной системы, схожей с архитектурным объектом. Эту концепцию озвучил в 1960-х годах великий книжный иллюстратор, художник В. А. Фаворский: «Архитектор, строя здание, строит целый внутренний мир – помещение, комнаты, смена которых рассчитана на последовательное рассмотрение. То же самое относится и к книге».

Работа над иллюстрациями к «Сказкам улицы Большой» длилась два года: собирался материал, делались пленэрные зарисовки, разрабатывались многочисленные детали, отрисовывались варианты разворотов. Творческому процессу во многом способствовала научная квалификация художников, являющихся кандидатами исторических наук и занимающихся исследованием архитектуры и изобразительного искусства Иркутской области. Как отмечают художники, «был ковид, все сидели дома, и было чем заняться».

В работе над книгой принимали участие редактор С. Зубакова, корректор Е. Зандер, верстальщик А. Гордиевских. Тираж отпечатан в ООО «Форвард».

Книга вышла в 2020 году, а в 2022-м была получена оценка профессионального сообщества: диплом в номинации «Лучшие иллюстрации к произведениям для детей и подростков» за иллюстрации к книге Ю. Баранова «Сказки улицы Большой» Международного

конкурса книжной иллюстрации «Образ книги» (Москва). Также дизайн и иллюстрации к этой книге награждены дипломом 1-й степени Международного конкурса-выставки «Культурное наследие в современном дизайне (Иркутск)».

Авторский коллектив

Юрий Иванович Баранов – член Союза писателей России, заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области, лауреат премии губернатора Иркутской области за достижения в области культуры и искусства по направлению 2016 года, VIII Международного славянского литературного форума «Золотой витязь», ежегодного регионального конкурса «Золотая запятая – 2005», Международной литературной

премии им. П. П. Ершова, премии им. Эдуарда Володина «Имперская культура» и др.

Василий Геннадьевич Лисицин

– член Союза дизайнеров России, кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ, автор научных книг и статей, лауреат и дипломант многочисленных выставок и конкурсов.

Яна Юрьевна Лисицина

– член Союза художников России, Ассоциации искусствоведов России, Союза журналистов России, кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, автор научных книг и статей, лауреат и дипломант многочисленных выставок и конкурсов.



Иркутский НИИ благородных и редких металлов и алмазов (Иргиредмет) насчитывает 150-летнюю историю. Институт неоднократно менял названия, был под разными ведомствами, носил гриф секретности. Его основной деятельностью является научно-исследовательская деятельность, комплексная научно-техническая оценка и разработка месторождений полезных ископаемых, проектирование, строительство и реконструкция металлургических предприятий. Здание Иргиредмета расположено в центральной части Иркутска, на набережной Ангары. Первоначально на этом месте располагалась Иркутская золотосплавочная лаборатория. В советское время для Иргиредмета по проекту архитектора Д. М. Гольдштейна (инженер М. Ф. Аникин) было построено монументальное здание, являющееся одним из главенствующих объектов застройки центральной части Иркутска.

Ключевые слова: Иркутская золотосплавочная лаборатория; Сибгинцветмет; Гинзолото; архитектура; Д. М. Гольдштейн; М. Ф. Аникин; Иркутск; АО «Иргиредмет»; завод № 172. /

The Irkutsk Research Institute of Precious and Rare Metals and Diamonds (Irgiredmet) has a 150-year history. The Institute changed its name several times, was under different departments, and was classified as secret. Its main activity is research and development, comprehensive scientific and technical assessment and development of mineral deposits, design, construction and reconstruction of metallurgical enterprises. The building of Irgiredmet is located in the central part of Irkutsk on the Embankment of the Angara River. Initially, the Irkutsk gold-alloy laboratory was located on this site. In Soviet times, a monumental building was built for Irgiredmet. Designed by architect D. M. Goldstein and engineer M. F. Anikin, it is one of the main buildings in the central part of Irkutsk.

Keywords: Irkutsk; Irkutsk gold alloy laboratory; Sibgintsvetmet; Ginzoloto; Irgiredmet; architecture; D. M. Goldstein; M. F. Anikin; Irkutsk; Irgiredmet JSC; Plant 172.

Губернаторская премия за книги об Иргиредмете / Governor's Award for the books about Irgiredmet

текст
Ольга Горощенова
Иркутский национальный
исследовательский технический
университет /
text
Olga Goroshchenova
Irkutsk National Research Technical
University

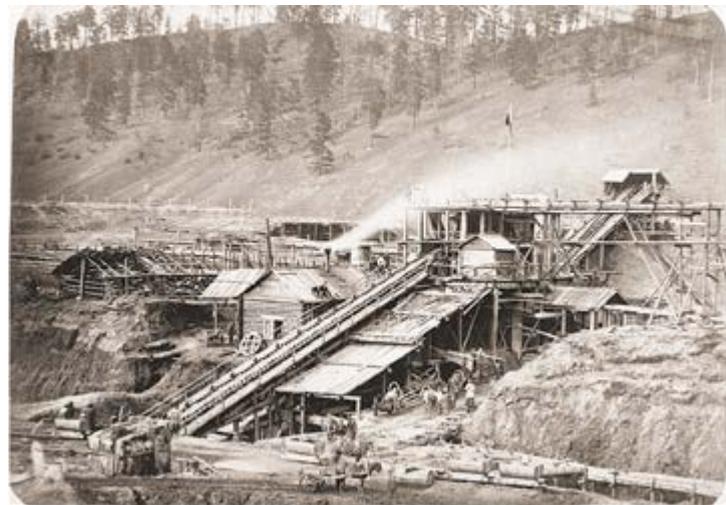
В 2021 году Иркутский научно-исследовательский институт благородных и редких металлов и алмазов (Иргиредмет) отметил 150-летний юбилей. К этому замечательному событию были подготовлены и изданы две книги, в которых собран уникальный исторический материал: «Золотые годы, золотые люди» (сборник воспоминаний сотрудников Иргиредмета) и «Иргиредмет: 150 золотых лет» (история). Последняя стала победителем конкурса «Книга года – 2021» в номинации «Лучшее краеведческое издание», а творческий проект из двух книг под общим названием «Иргиредмет: 150 золотых лет» был удостоен премии губернатора Иркутской области за достижения в области культуры и искусства в 2022 году. Такому

успеху способствовало не только содержание изданий, но и запоминающееся оформление дизайнера Василия Лисицина, а также верстка Татьяны Анненковой. Книги печатались в типографии «Принт Лайн» (руководитель Владимир Петров).

Иргиредмет прошел славный путь развития от Иркутской золотосплавочной лаборатории, созданной по указу императора Александра II в 1871 году, до крупного научно-исследовательского и производственно-внедренческого центра золотой отрасли России. Это единственное в Иркутской области научно-техническое учреждение, насчитывающее последовательное развитие в 150 лет.

Нужды золотой промышленности требовали создания золотосплавочной лаборатории в самом

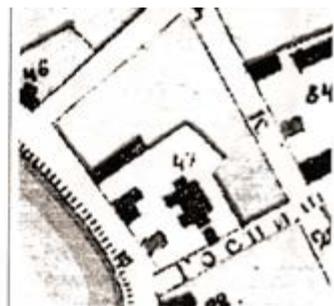
центре ее дислокации – Иркутске, административной столице обширной губернии, промышленности и торговли. Купцы-золотопромышленники фактически предложили государству выгодную сделку, взяв все расходы по ее открытию на себя. Первоначально была приобретена усадьба купца И. П. Шугаева, которую планировалось за небольшие деньги переоборудовать под нужды горного отдела Восточной Сибири и самой лаборатории. Двухэтажный каменный дом с землей, двумя флигелями и хозяйственными постройками в приходе Харлампиевской церкви на набережной Ангары в 1870 году был приобретен промышленниками за 35 тыс. руб. в городскую собственность. В этом же году в усадьбе был разобран старый флигель





с подвалами, расчищено место под фундамент, вырыты канавы, начата заготовка камня и кирпича для строительства золотоплавильни. Проект каменного здания золотосплавочной лаборатории был разработан архитектором А. Е. Разгильдеевым. Строительные работы длились полгода под наблюдением иркутского архитектора Э. Я. Гофмана. Комиссия, возглавляемая архитектором В. А. Кудельским, 14 августа 1870 года приняла здание, посчитав, что оно выстроено «совершенно прочно» из материалов хорошего качества «согласно утвержденному чертежу» с небольшими изменениями. Однако в первоначальном виде плавильня простояла недолго. В дореволюционный период здание дополнялось боковыми пристроями с северо-запада и юго-востока, что было зафиксировано городскими планами 1899 и 1929 годов.

Иркутская золотосплавочная лаборатория была долгожданным детищем для золотопромышленников Восточной Сибири. 19 января 1871 года император Александр II высочайше утвердил мнение Государственного совета «О разрешении сплава шихового золота в Иркутске и штатах иркутской лаборатории и горного отделения Главного управления Восточной Сибири». Золото от промышленников потекло рекой. Первый управляющий А. А. Савицкий писал: «Иркутская лаборатория не только по количеству переплавляемого золота, но по разнообразию и количеству химических определений



< Здание Иркутской золотосплавочной лаборатории на плане Иркутска 1888 года, обозначено № 47

в Горное управление и золотосплавочная лаборатория. Июнь, 1891. ИОКМ





> Здание Иркутской золотосплавочной лаборатории

может занять не последнее место в ряду лабораторий Европейской России».

Послереволюционная ситуация резко ухудшила положение и самой лаборатории, и ее сотрудников. Остро стоял вопрос о закрытии, но после провозглашения новым правительством курса на индустриализацию, увеличение золотого запаса кадровая политика в стране резко изменилась. Золотоплавильня действовала до 1930 года, пока не была преобразована в Сибирское отделение Московского института «Гинцветмет». В феврале 1932-го на базе Сибгинцветмета при Всесоюзном объединении «Востокзолото» в Иркутске был организован отраслевой Государственный научно-иссле-

v Одно из помещений лаборатории



довательский институт всесоюзного значения – «Гинзолото». Первым директором института стал В. И. Гувэ. Материальная база включала усадьбу, находившуюся на набережной Ангары, 38/1, оцененную в 105317 руб. В 1935 году «плавильня» (сектор обработки руд, полупромышленная установка) была надстроена вторым этажом. Научная деятельность института «Гинзолото» охватывала золотодобывающие предприятия Казахстана, Алтая, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Якутии.

В годы Великой Отечественной войны «Гинзолото» был передан из системы «Главзолото» в управление «Главолово» и переименован в Завод № 172. Были сокращены научно-исследовательские программы, организована производственная деятельность: разработаны технологии обогащения оловянных, вольфрамовых, молибденовых руд и руд цветных металлов.

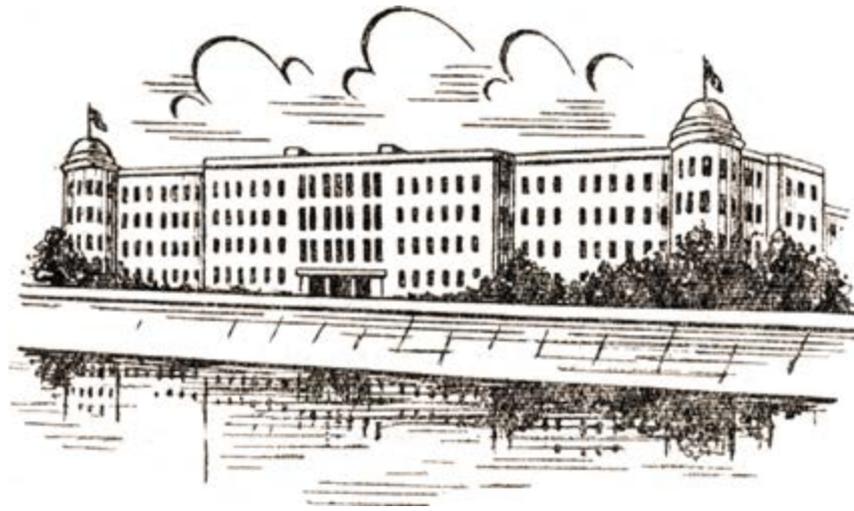
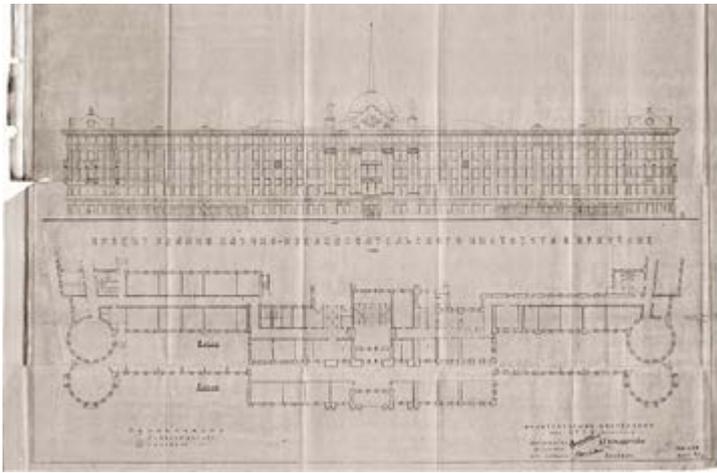
В мае 1946 года институт стал называться Иркутским научно-исследовательским институтом редких металлов «Иргиредмет», а в 1949-м он стал частью системы МВД СССР. В 1949–1953 годах институт проводил многочисленные исследования редкометалльных руд новых месторождений и оказывал техническую помощь молодым металлургическим предприятиям редкометалльной промышленности.

В 1950 году было начато строительство главного корпуса института на набережной Ангары, 38 (Вузовская набережная, впоследствии бульвар Гагарина).

Проектное задание было поручено разработать Иркутской архитектурно-проектной мастерской (руководитель П. Г. Ракевич). Архитектор – Давыд Моисеевич Гольдштейн, член Иркутской организации союза архитекторов, выпускник Московского архитектурно-строительного института 1934 года, популяризатор архитектуры и искусства, автор многих крупных городских проектов и реконструкций того времени.

Из техплана известно, что здание НИИ «размещается на территории п/я 181 в квартале № 5 центральной части Иркутска, занимающего с учетом дополнительно отводимых 1,685 га из общей площади квартала № 5, 2,36 га». В новый главный корпус необходимо было встроить здание 2-й половины XIX века, которое занимало управление Иркутской золотосплавочной лаборатории, а с 1930-го – «Гинзолото». Главная тема образа здания – торжество жизненных сил и труда. Основная задача архитектурно-пространственного решения – создание монументального по форме, строгого по стилю и значительного по облику здания, которое станет одним из главенствующих объектов застройки набережной. По проекту, здание института обращено в сторону Вузовской набережной и составляет с ней единый ансамбль, но в то же время образует первый план панорамы города.

Техническая характеристика здания в планировочном решении выглядела следующим образом: количество эксплуатацион-



ных единиц – одно здание, вид строительства – новая постройка, этажность – четыре этажа, стеновой материал – кирпич, сантехническое оборудование, водопровод, канализация, отопление, вентиляция, электроосвещение. Отделка фасада – цветная штукатурка с мраморной крошкой – светлые детали с покрытием мраморным сусликом. Плоскости должны были оформляться каменной штукатуркой со «смывом». Цоколь здания облицовывался естественными плитками. Карниз с лепными деталями. Портик коринфского ордера. Колонны с покрытием искусственным мрамором. В здании института должны были располагаться лаборатории, дирекция, зрительный зал на 336 мест, малый зал, кулуары, библиотека, уборные и умывальные комнаты, душевые, буфет с моечной

и др. Объем здания – 65–70 тысяч кубометров. Строительная стоимость по технической смете – 10,3 млн руб.

К сожалению, первоначальный проект не был выполнен в полной мере по объективным причинам: высокая стоимость материалов, низкая квалификация строителей (заключенные, вольнонаемные, студенты), крайне неравномерно поступающие средства на строительство, плохая организация процесса строительства.

В результате декоративные элементы – шпиль, скульптуры, ордера, колонны, пояса консолю – не нашли своего воплощения. Форма кубиковлов на башнях была изменена, и, как мы узнаем из воспоминаний почетного гражданина Иркутска И. С. Черняка, купола чертили в конструкторском

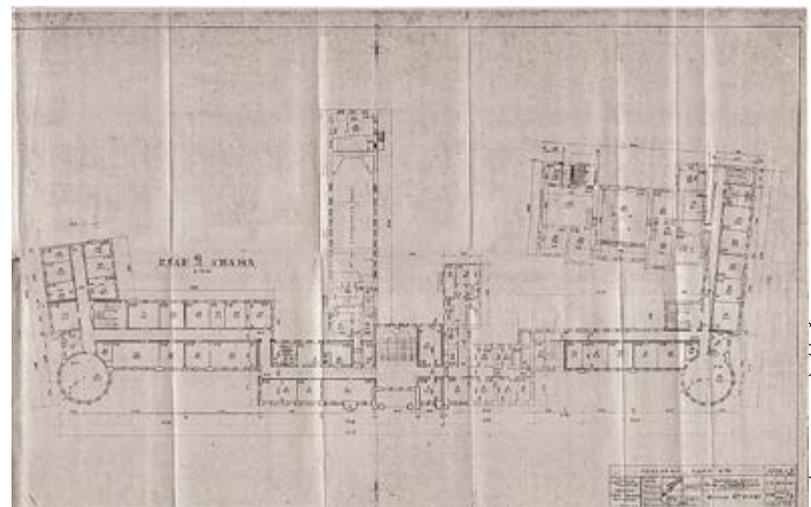
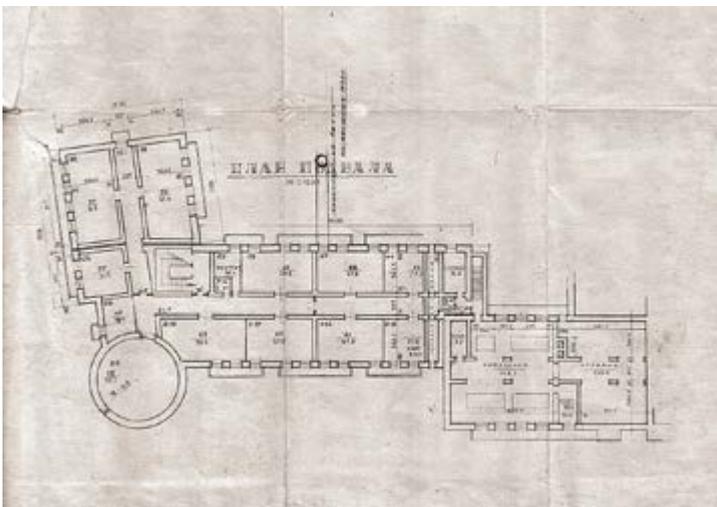
отделе института под руководством инженера М. Ф. Аникина. Кроме того, большой и малый зрительные залы, сцена и некоторые другие помещения, присутствовавшие в первоначальном проекте, не были реализованы.

В бюро экспертиз отдела по делам архитектуры при Иркутском облисполкоме расчетную сейсмичность, которую должно было выдерживать здание, определили в 7 баллов, но здание выстроили с учетом сейсмичности в 8 баллов, так как подвижность почв оказалась более высокой, чем предполагалось. При строительстве рекомендовалось несколько заглубить подвальный этаж.

Строительство долгожданного главного корпуса осуществлялось в три этапа. Масштабное строительство шло непросто, но в итоге

30 декабря 1952 года было сдано в эксплуатацию четырехэтажное здание лабораторного корпуса на углу набережной Ангары (бульвар Гагарина) и ул. Ярослава Гашека. В корпус стали заселяться первые лаборатории. В 1957 году была сдана следующая очередь. В 1964-м было завершено строительство центральной части Иргиредмета по бульвару Гагарина, здание приобрело современный вид.

В связи с перемещением основных отделов института в новое здание (1952) «золотоплавильня» потеряла свое первоначальное значение и стала использоваться как второстепенная постройка служебного назначения. При перестройках 2005–2020 годов «золотоплавильня» потеряла свой первоначальный декоративно-ху-





дожественный вид, объемно-планировочное решение и утратила значение памятника архитектуры XIX века.

К 140-летию института в 2010 году руководством Иргиредмета было принято решение об обновлении фасада здания. По проекту научно-исследовательской реставрационной мастерской «Традиция» (директор А. К. Мироненко, главный архитектор проекта Л. В. Малышева, исполнитель Ю. В. Лебенко) силами ООО «РосСпецСтрой» (директор Иван Конев, начальник участка Андрей Булдаков, производитель работ Алексей Ефремов) была выполнена реконструкция центрального ризалита главного фасада здания, который приобрел более теплые цвета. Это были последние крупные строительные-монтажные

работы, проводившиеся в главном корпусе здания Иргиредмета.

Сегодня институт «Иргиредмет» – это большое красивое четырехэтажное здание серого цвета с двумя металлическими куполами на крыше. Оно удачно расположено на набережной Ангары, вдоль ее русла. Фасад здания обращен к реке. Здание имеет форму буквы П и занимает целый квартал между улицами Ярослава Гашека и Горького.

Литература

Томилов, В. Д. На путях научно-технического прогресса (к 125-летию института «Иргиредмет»). – Иркутск : [б. и.], 1995. – 95 с.

Горощенова, О. А. Иргиредмет: 150 золотых лет : монография. – Иркутск : Изд-во АО «Иргиредмет», 2021. – 432 с.

Иргиредмет: золотые годы, золотые люди : сборник науч.-публицист. произведений / под ред. О. А. Горощеновой. – Иркутск : Изд-во АО «Иргиредмет», 2021. – 296 с.

References

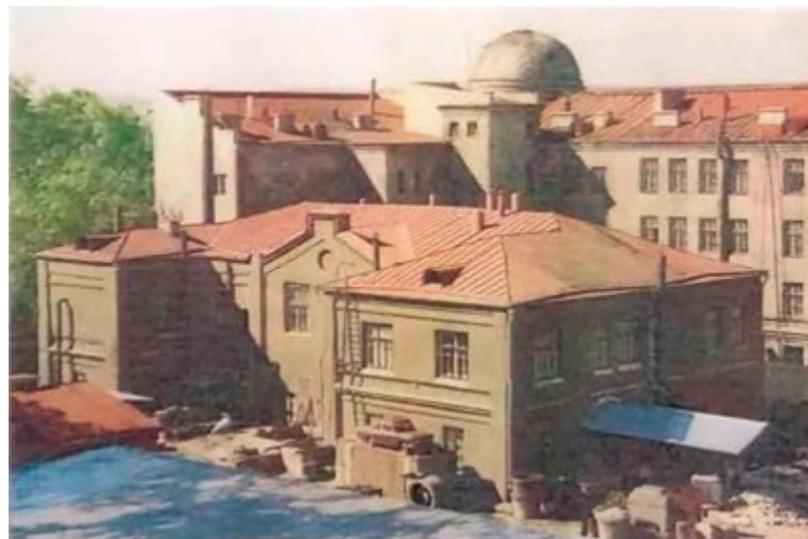
Goroshchenova, O. A. (2021a). Irgiredmet: 160 zolotykh let: monografiya [Irgiredmet: 150 golden years: monograph]. Irkutsk: Publishing House of Irgiredmet JSC.

Goroshchenova, O. A. (Ed.). (2021b). Irgiredmet: Zolotyeh gody, zolotyeh lyudi: Sbornik nauch.-publitsist. proizvedeniy [Irgiredmet: Golden years, golden people: Collection of scientific-publicistic works]. Irkutsk: Irgiredmet JSC.

Tomilov, V. D. (1995). Na putyakh nauchno-tehnicheskogo progressa (k 125-letiyu instituta Irgiredmet) [On the ways of scientific and technical progress (to the 125th anniversary of the Institute "Irgiredmet")]. Irkutsk.

v Здание участка полупромышленных испытаний (УПИ), 2021. Фото Ольги Горощеновой

v Здание бывшей Иркутской золотоплавильни, 1999. Фото Александра Прокудина



A black and white photograph showing a vast, snow-covered mountain slope on the right side. The snow is textured and appears to be melting or sliding down towards a rocky shoreline on the left. The shoreline is composed of dark, smooth stones. In the upper left corner, a dark, calm body of water is visible, meeting the shore. The overall scene is desolate and evokes a sense of a harsh, cold environment.

кризисы / crises

В статье вводится понятие комплексного кризиса. В отличие от локальных кризисов, комплексный носит глобальный характер и затрагивает все значимые сферы жизни – экономику, политику, эпидемиологию, демографию и так далее. В качестве примера комплексного кризиса приведены события шестнадцатого века н. э. Показано, что в сфере архитектуры и строительства комплексный кризис может стать причиной как застоя и регресса, так и быстрого прогресса и появления ярких талантов. Сделано предположение о том, что позитивные результаты прохождения кризиса связаны с готовностью принимать новшества и следовать им.

Ключевые слова: архитектура; строительство; история; шестнадцатый век; кризис; комплексный кризис.

The article introduces the concept of a complex crisis. Unlike local crises, a complex one is global in nature and affects all significant areas of life – the economy, politics, epidemiology, demography, and so on. The events of the sixteenth century A.D. are given as an example of the complex crisis. It is shown that in the field of architecture and construction, the complex crisis can cause both stagnation and regression, as well as rapid progress and the emergence of bright talents. The assumption is made that the positive results of the crisis are associated with the willingness to accept innovations and follow them.

Keywords: architecture; construction; history; sixteenth century; crisis; complex crisis.

Комплексный кризис и муза Архэ / The complex crisis and the muse Arche

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Как известно, древние греки насчитывали девять муз – покровительниц искусств, дочерей любвеобильного Зевса и богини памяти Мнемозины. Каждая муза специализировалась на одном из проявлений Души Божественной (психэ) – различных видах поэзии, театра, торжественных гимнов в честь любви (Полигимния) или в честь великих правителей (Клио). Своя муза есть даже у астрономии (Уrania), которая в античные времена еще не отделилась от астрологии и была скорее искусством, чем наукой.

У архитектуры, скульптуры и живописи своей музы не было. Великие шедевры греческого изобразительного искусства, по мнению самих греков, были не более чем произведениями ремесленников. Даже самые прекрасные храмы и статуи не были одушевлены, а мертвые предметы не могут иметь божественного покровителя.

С тех пор восприятие изобразительных искусств кардинально поменялось. Сейчас вряд ли кому-то покажется странным, что картины, статуи, архитектурные комплексы и целые города наделяются свойствами живых существ и собеседников. Маяковский обещал потомкам шагнуть через лирические томики, как живой с живыми говоря. Так же говорят с нами архитекторы и зодчие – языком своих строений.

Представим себе, что у архитектуры появилась своя муза. Что бы она сказала нам и как бы себя повела сейчас, в эти кризисные времена?

Крылатая латинская фраза гласит, что, когда грохочут пушки, музы молчат (*Inter arma silent Musae*). Действительно, в кризис, особенно в его открытой военной форме, служить музам становится непросто. Музыканты, поэты, артисты, продолжающие работать по специальности под грохот кризиса – это герои: их обычный, повседневный творческий труд превращается в подвиг.

Казалось бы, зодчие и вовсе не могут творить под гром кризисных пушек. Кризис – это разрушение, распад, война: в общем, нечто, прямо противоположное строительству. Если представить себе, что у архитектуры все-таки есть своя муза, то в кризисную эпоху она не просто молчит, а немеет и впадает в летаргию.

Но так ли это?

1. Кризисы локальные и комплексные

Древнегреческое слово «кризис» (κρίσις) первоначально означало приговор суда. Позже его значение расширилось и включило в себя любой крутой перелом, перемену или изменение хода событий. Специалисты по теории систем называют такие моменты «точкой бифуркации», начиная с которой события могут пойти так, а могут – иначе, и выбор неизвестен заранее [1].

Кризисы бывают локальные – например, кризис в ходе болезни, в карьере отдельно взятого чиновника или целого коллектива, в войне, в экономике или в науке. Такие кризисы происходят ежедневно, и обычно их замечают только те, кто в них непосредственно участвует.

Однако время от времени разражаются кризисы комплексные. Это явление глобальное; в него, так или иначе, оказываются втянуты все страны и регионы мира. Комплексный кризис проявлен во всех значимых сферах жизни: он поражает и экономику, и демографию, вызывает мощные переселения народов, крутые изменения в образе жизни миллионов и миллиардов жителей Земли, порождает новые философские системы и переворачивает наши представления о законах природы и общества. Комплексный кризис наступает после длительного периода стабильности, когда уклад жизни не меняется очень долго (что, собственно, и вызывает накопление нерешенных противоречий во всех сферах жизни).

«Молчащие столетия» в истории Европы – это период с X по XV века н. э., зрелое Средневековье, наиболее стабильная форма феодализма. Экономическая основа в виде крупной земельной собственности нашла свои наиболее эффективные формы и перестала меняться. Социальная структура в виде ступенчатой пирамиды с военной аристократией наверху стабилизировалась настолько, что породила особую человеческую породу – рыцаря, военная специализация которого была закреплена уже генетически. Рыцарь рождался для войны, его телесные и психологические особенности передавались по наследству от множества предыдущих поколений воинственных предков. Этажом ниже располагалась церковь, полностью взявшая на себя чиновничьи обязанности по сохранению законов и государственной морали,

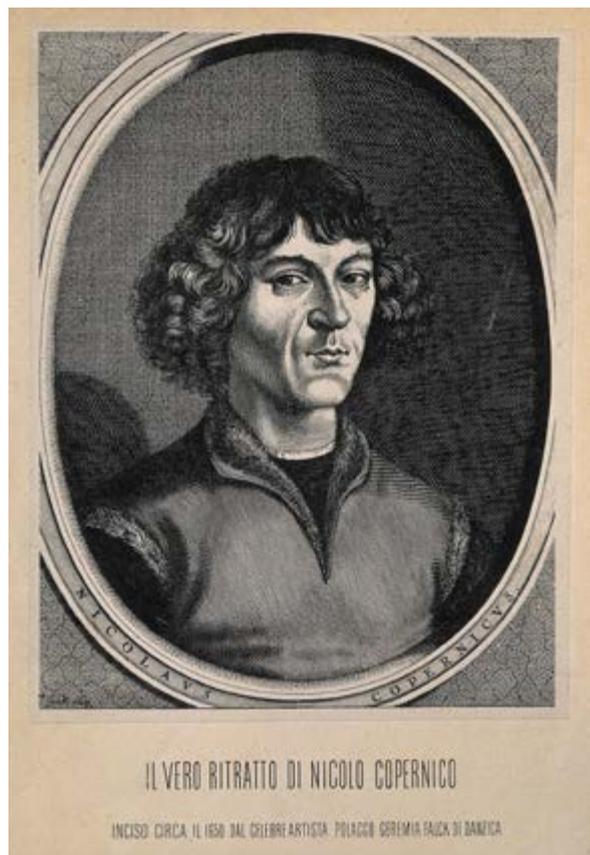
а фундаментом социума служила масса ремесленников и крестьян-арендаторов земли.

Да, были войны и восстания крестьян, империи возникали, разрастались и рушились, крестоносцы уходили в Святую землю воевать за гроб Господень, с востока приходили орды кочевников, а с юга – эпидемии чумы и холеры. Но все это были привычные и многократно уже испытанные бедствия. Повсюду и всегда земля была основой богатства, золото стоило дорого, а человеческая жизнь – дешево. В церкви читали молитвы на мертвых языках и проповеди о тщете всего земного, большинство людей жило в постоянной готовности к мучениям и смерти – в общем, царил, по выражению братьев Стругацких, «нормальный уровень средневекового зверства». Благодатное тепло климатического оптимума позволяло получать богатые урожаи, население, уничтожаемое войнами и эпидемиями, быстро восстанавливалось – казалось, что перемены закончились навсегда. Кризисы,

конечно, случались, но только локальные, ограниченные одной сферой жизни и одним регионом.

Подобную картину мы обнаруживаем не только в Западной Европе, но и на всех необъятных просторах Евразии, в «доколумбовой» Америке, в Африке. Китайская империя Мин, сменившая недолговечную монгольскую династию Юань, поначалу просто воспроизводила уклад предыдущей китайской династии Сун. Индийские раджи непрерывно воевали, отрывая друг у друга куски территории, но и эти бедствия повторялись из поколения в поколение. Ацтеки привычно приносили в жертву пленных тольтеков и миштеков, инки заставляли аймара строить дороги и пасти стада лам. Арабский мир, Средняя Азия, Вьетнам, маленькие островные государства Тихого и Индийского океана – весь мир двигался в круге привычных повторяющихся событий.

Но затем наступил век шестнадцатый.



^ Jeremiasz Falck (1610–1677). Портрет Николая Коперника. Гравюра. Николай Коперник известен своими открытиями в области астрономии и математики. Менее знаменит открытый им закон экономики: когда государи начинают портить монету, то плохие деньги вытесняют хорошие. Иначе говоря, поддельные монеты продолжают циркулировать на рынке, но полноценные деньги люди стараются припрятать и сохранить, так что они постепенно исчезают из обращения. Через пятьсот лет этот же закон был заново открыт Джорджем Акерлофом, за что он получил Нобелевскую премию по экономике



^ Елена Глинская, супруга Великого князя Московского Василия III и мать первого русского царя Ивана IV Грозного. Реконструкция лица по костям черепа.

В 1533–1538 годах она, будучи уже вдовствующей княгиней и регентшей при малолетнем сыне Иване, провела масштабную реформу денежной системы. Реформа началась с массовых казней фальшивомонетчиков и продолжилась переходом к государственной монополии на чеканку денег и гарантированное качество серебра, из которого чеканились новые монеты – денги и копейки. Эти меры спасли Россию от инфляционного кризиса и повысили авторитет российской валюты в Европе

2. Шестнадцатый век. Экономика и климат

В первые десятилетия XVI века Западная Европа впервые за много веков столкнулась с системной инфляцией. В 1500 году в Англии цена стандартной корзины товаров (в основном продуктов питания, но включая и другие вещи, такие как одежда и свечи), была не выше, чем в 1275 году. И вдруг, всего за первых 50 лет XVI века потребительские цены удвоились. Англия, казалось, разваливалась на части. По словам свидетелей, никогда не было так много нищих, многие из которых перерезали бы вам глотку при малейшем шансе [2].

То же самое происходило в других странах Европы. В Италии инфляция составляет 5%, в Нидерландах – 4% в год. Сегодня эти цифры кажутся скромными, но для шестнадцатого века они означали катастрофу. Основа феодального образа жизни – аренда земли – базировалась на долговременных договорах между землевладельцем и арендаторами. Договоры заключались на 99 лет или вообще бессрочно, с фиксированной

ежегодной выплатой. И те же самые суммы, которые арендаторы веками платили феодалу, стали обесцениваться на глазах.

В эти же десятилетия зашаталась и самая глубокая основа экономики феодализма – высокая и стабильная цена на золото и серебро. Открытие Америки в 1492 году и последующее ее ограбление вызвало небывалый приток золота в Европу. В начале XVI века в Боливии были открыты крупные месторождения серебра. Столица страны, город Потоси стремительно превратился в один из крупнейших городов мира, сравнимый с Лондоном и Парижем. Сотни тонн серебра из Боливии потоком хлынули в Европу и уронили цену и на этот металл.

Европейские финансисты не понимали, что происходит с деньгами. Короли и раньше портили монеты, подмешивая к золоту и серебру неблагородные добавки, но цена самих золота и серебра оставалась неизменной. И вдруг – все зашаталось и начало разваливаться.

> Комплекс Казанского кремля. Объект культурного наследия ЮНЕСКО. После завоевания Казанского ханства Иваном Грозным кремль был перестроен по архитектурным образцам Московского Кремля



> Здание Университета в Тимбукту, построенное из сырцового кирпича и дерева в характерном судано-сахелианском архитектурном стиле. Тимбукту (современная Мали) в XVI веке был одним из крупнейших культурных центров империи Сонгай и всего мусульманского мира. В свой золотой век Тимбукту был процветающим торговым городом в пустыне, в центре важных торговых путей для золота и соли, а также крупным интеллектуальным и духовным центром, сыгравшим ключевую роль в распространении ислама в Африке. Исламские ученые путешествовали на большие расстояния, чтобы учиться в городском университете. В период своего расцвета здесь обучалось 25000 студентов, он располагал самой большой коллекцией книг в Африке со времен Александрийской библиотеки древности



Финансовые землетрясения фатальным образом умножили процессы изменения климата. Малый климатический оптимум, когда в Шотландии рос виноград, а в Норвегии, возле Полярного круга – пшеница, закончился в XIV веке. Наступал Малый ледниковый период. К шестнадцатому столетию климат по всей Евразии стал не только заметно холоднее, но и гораздо менее устойчивым. Колебания среднегодовой температуры выросли, сытые годы сменялись ужасными неурожаями. Новые сельскохозяйственные культуры, завезенные из Америки – картофель, кукуруза, фасоль, батат – несколько смягчили проблему, но все же голод властно протянул свою костявую руку над всей Европой [3].

В Азии дела обстояли еще страшнее. Одряхлевшая империя Мин, насквозь проеденная коррупцией, не могла справиться с природными катастрофами. «Даже в очень хорошие годы урожая едва достаточно для покрытия расходов», – писал один из сановников. В годы неурожая наступал страшный голод. В 1595 году голод поразил провинции Шаньдун и Хэнань. «Люди выглядели высушенными, непохожими на людей, – докладывал императору цензор У Цзы. – Они продают своих жен и дочерей на дорогах. Женщину цветущего возраста можно купить за 1 доу проса (1 доу = 10 литров), мальчика десяти лет – за несколько монет. Младенцев бросают в канавы и каналы, а стариков оставляют на дорогах. На всем протяжении страны – умершие от голода, повсюду грабежи и разбой. Люди на дорогах едят человеческое мясо, и положение слишком ужасно, чтобы описывать его» [4, с. 391–392].

Казалось бы, непонятные и грозные проблемы не позволяют даже думать о прекрасном и вечном. Молчит ли муза архитектуры в этом жутком окружении? Вовсе нет.

В европейской архитектуре в целом XVI век – это действительно период некоторого застоя и торможения. После величавого расцвета Высокого Ренессанса архитектура пятится назад, к готическим и даже романским образцам.

Совершенно иное впечатление производит Италия той же поры. В северных и центральных областях Италии мы видим настоящий праздник плодоносного и обильного Позднего Возрождения. Еще творят универсальные

титаны Рафаэль и Микеланджело, а рядом с ними возвышается могучая фигура Браманте. Семейство Сангалло (патриарх Джулиано, его племянники Антонио Старший, Антонио Младший, Бастиано по прозвищу Аристотель, его сын Франческо да Сангалло) строят великолепные дворцы и комплексы в Риме, Флоренции, Тоскане... В течение этого века Андреа ди Пьетро да Падова под именем Палладио пишет «Четыре книги об архитектуре», чтобы создать бессмертный стиль своего имени. Трудно перечислить шедевры, которые страшный век оставил европейской архитектуре – от комплекса Ватикана в Риме до вилл в пригородах скромной Виченцы.

Случайно или нет, но Италии обходят и самые тяжелые формы комплексного кризиса. Экономика избегает краха за счет развития торговли с азиатскими регионами. Климат меняется, но сельское хозяйство приспосабливается к новым условиям, осваивает выращивание помидоров и картофеля и как-то справляется с голодом. Политические неурядицы компенсируются ростом

в И. Чешский. Дворцовый комплекс Строгановых в Сольвычегодске (1565). Гравюра. (1842). Причудливая деревянная архитектура напоминает работы французских архитекторов «говорящего стиля», но возникла на два века раньше





^ > Знаменитая стена вокруг города Бенин (современная республика Нигер, Западная Африка). Когда португальцы впервые «открыли» город в 1485 году, они были ошеломлены, обнаружив это огромное королевство, состоящее из сотен взаимосвязанных городов и деревень посреди африканских джунглей. В 1691 году капитан португальского корабля Лоуренсу Пинту заметил: «Большой Бенин, где проживает король, больше Лиссабона; все улицы идут прямо и насколько хватает глаз. Дома большие, особенно королевский, богато украшенный и с прекрасными колоннами. Город богатый и трудолюбивый. Он так хорошо управляется, что воровство неизвестно, и люди живут в такой безопасности, что у них нет дверей в своих домах». Расположенный на равнине, Бенин окружался массивными стенами на юге и глубокими рвами на севере. За городскими стенами было возведено множество других стен, которые разделили окрестности столицы примерно на 500 отдельных деревень. Стены Бенина когда-то были в четыре раза длиннее Великой Китайской стены, и на их возведение ушло в сто раз больше материала, чем на Великую пирамиду Хеопса

влияния Ватикана, который играет роль объединяющей и упорядочивающей силы.

Архитектурная муза отворачивается от стран и народов, которые пытаются сохранить старый уклад жизни и любой ценой защитить его от кризисных ураганов. Эта капризная особа вдохновляет и поддерживает гениев там, где новая стилистика, новые идеи принимаются и развиваются.

3. Короли, цари, эпидемии и церкви

Мощный расцвет в том же XVI веке переживает архитектура России.

Надо заметить, что российская экономика успешно переносила инфляционный кризис. Удешевление золота и серебра даже пошло на пользу России, потому что замену драгоценным металлам стали искать, в том числе, в драгоценных сибирских мехах. Соболя и песцы, белка и куница – русские меха быстро приобрели статус символов престижа и знаков богатства. Драгоценные шкурки, как выяснилось, во многих случаях прекрасно заменяют золотые и серебряные монеты – их труднее подделать или испортить, они не просто красивые, а еще и теплые и так далее. Правда, меха хуже хранятся и могут сгнить, поэтому их труднее использовать для зарытых в землю кладов, меха должны циркулировать на рынке непрерывно. Но разве это недостаток?..

Историки часто связывают расцвет и усиление Московского княжества, превращение его в Российское царство с деятельностью талантливых лидеров. Действительно, последовательное правление Ивана Третьего, Василия Третьего и Ивана Четвертого Грозного выглядит весьма впечатляюще. Из окраинного данника Золотой орды Москва становится значительным региональным игроком, соперником Великого княжества Литовского и центром консолидации русских земель.

Но яркие лидеры появлялись в кризисную эпоху не только в Московском государстве. Вот пример: в самом конце пятнадцатого века в Англии родился Генрих Тюдор, будущий король Генрих Восьмой. Это был настоящий человек Возрождения, умный, образованный и все-сторонне одаренный. Он правил Англией и Ирландией почти сорок лет, был женат шесть раз, сочинял прекрас-

ную музыку; он разорвал отношения с папским престолом и возглавил протестантскую (англиканскую) церковь и так далее, и тому подобное. Это был просвещенный государь в платоновском духе, но все его достоинства оказались бессильны перед лицом наступающего экономического краха. И муза архитектуры тоже не проявила благосклонности к английскому королю.

А вот московские государи весьма эффективно использовали все особенности комплексного кризиса. Распад Золотой орды привел к появлению небольших, но агрессивных ханств – Крымского, Астраханского и Казанского. Для защиты от их возможного нападения в Москве были построены четыре кольца укреплений. Стену вокруг Кремля строили русские и итальянские архитекторы, но Китай-город, Белый город и Земляной вал, эти величественные проекты, возглавляли только отечественные таланты. Так сложилась концентрическая структура Москвы, присущая ей и поныне.

На рубеже XV и XVI веков стремительно растет ансамбль кремлевских дворцов и храмов. В короткий срок были построены главные кремлевские соборы – Успенский (1475–1479), Благовещенский (1484–1489) и Архангельский (1505–1508). Большой Кремлевский дворец с Грановитой палатой (1487–1491) утвердил образ величественного правителя большого и могущественного государства.

Вторая и третья четверть XVI века – время, когда появляются каменные церкви, построенные по образцу деревянных шатровых храмов, легкие и изящные. Церковь Вознесения в Коломенском (1532), церковь Иоанна Предтечи в селе Дьякове (1553–1554) и одна из признанных вершин русской архитектуры – собор Покрова Богородицы, что на Рву (1554–1560), больше известный как Храм Василия Блаженного.

Российская архитектура этого периода очень разнообразна – от массивной брутальности Успенского собора Троице-Сергиева монастыря (1585) до Большого собора Донского монастыря (1584–1593), поражающего стройностью и гармоничностью форм. Российские зодчие не носят звучных аристократических фамилий, как их итальянские коллеги. Скорее, имена их звучат, как простонародные прозвища: Барма, Постник, Федор



Конь и обрусевшие итальянцы Фрязины. Подобно архитекторам Древней Греции, они просто делают свою работу – добросовестно и с душой. И муза архитектуры им покровительствует.

Между тем на рубежах Московского царства появляется еще одна грозная разрушительная ипостась комплексного кризиса – новые, неизвестные европейцам болезни.

Чума и холера были известны евразийцам со времен античности. Это был страшный бич, но комплексный кризис принес еще неведомые напасти. Европейцы «подарили» аборигенам обеих Америк оспу и чуму, а взамен получили сифилис.

Эпидемия сифилиса в Евразии, как считают историки, началась с завоевания Неаполя французским королем Карлом VIII Любезным. Разгромленная армия короля неаполитанского наполовину состояла из испанских и итальянских наемников, которые уже успели «засеять» заокеанской болезнью весь город. Захватив Неаполь

в 1494 году, французы сполна насладились «правами победителей», и уже через несколько месяцев зараза поразила солдат, офицеров и даже армейских священников. К концу века сифилис победно шествует по Франции, по княжествам Священной Римской империи германского народа, Польши, Венгрии, достигает границ Великого княжества Литовского. Всего в течение кризисного XVI века первая волна эпидемии унесла около 5 миллионов жизней.

Вскоре болезнь перекидывается и на азиатскую часть континента, куда ее заносят португальские и испанские моряки. Первые случаи зарегистрированы в японском Киото, но самая обильная жатва собрана болезнью в Китае, где от нее умерло не менее шести миллионов человек [5].

И опять, странным образом, эпидемия минует русские земли, ограничиваясь единичными случаями заболевания. Причины неясны – возможно, более высокий



Fig. 4. Landsknecht-Doppelsöldner mit Hafensbüchse (nach F. Brun).

^ Война в эпоху комплексного кризиса также меняет свои формы и содержание. Кризис XVI века превратил войну в дело профессиональных армий, вооруженных огнестрельным оружием. К середине века поле битвы преобразилось. Государства, которые сохранили консервативный средневековый способ ведения войны, основанный на грубых ударных действиях, подобно шотландцам, уступили новым профессиональным армиям, состоящим из тяжелой и легкой кавалерии, пикинеров и аркебузирова и растущего числа пушек. Ландскнехт в «ленточных штанах» плюдерхозен с аркебузой. Франц Брюн. Гравюра из сюиты «Солдаты». 1559

< Иван Грозный провел реформацию своей армии одним из первых в Европе. Русские стрельцы. Иллюстрация [7, с. 106]

уровень личной гигиены, менее разнуданные нравы... Или что-то еще?

Заключение. Муза по имени Архэ

Мы перечислили далеко не все аспекты комплексного кризиса. Возможно, следовало бы назвать еще и кризис господствующей идеологии: в XVI веке он выразился в церковной Реформации, возникновении целого ряда протестантских учений. Закономерной реакцией на рождение лютеранства, кальвинизма, англиканской церкви и прочих национальных церквей была Контрреформация, создание ордена иезуитов, Варфоломеевская ночь и религиозные войны. Еще одним проявлением кризиса была охота на ведьм – небывалая война с колдунами и ворожеями, необъяснимая и непонятная в своей бесчеловечности.

Опять же странным образом те регионы, в которых муза архитектуры помогала рождать шедевры – в Италии и в России – не было ни масштабного церковного раскола, ни кровавых войн религиозных фанатиков, ни чудовищной охоты на ведьм и сотен тысяч сожженных детей и женщин.

С другой стороны, еще одним проявлением кризиса стало глубокое преобразование армии и самого понятия войны. Рыцарство уходило в легенды и романы; вместе с ним в прошлом оставались наемники-ландскнехты, мародеры и насильники без чести, совести и жалости. Армия становилась профессиональной, а война становилась огнестрельной. Одним из самых первых государей царь Иван Четвертый Грозный создал стрелецкие полки и навсегда ликвидировал угрозу вторжения из Крымского и Казанского ханств (вместе с самими ханствами). Война быстро теряла нарядность и сходство с торжественным турниром, становилась грязным и тяжелым трудом, состязанием в количестве пушек.

И все это время муза архитектуры продолжала говорить в полный голос именно там, где новшества принимались и поддерживались. От маньеризма она перешла на язык барокко, из Италии распространила свое влияние на Францию, в следующем веке – на Пруссию, на всю остальную Европу и на молодые государства двух Америк. В Китае архитектурная муза вдохновила перенос столицы в Пекин и строительство блистательного комплекса Запретного города. В долине африканской реки Нигер (в государствах Томбукту, Бенин, Ифе и Зимбабве) строились уникальные города и храмы и так далее, и так далее. Ураганные вихри комплексного кризиса расчищали место для развития новых и плодотворных движений.

В 45 году до нашей эры Марк Туллий Цицерон написал диалог «О природе богов», в котором обобщил теологические представления греков и римлян. По его свидетельству, прежде рождения девяти аполлонических муз появились Аониды, первоначальные беотийские музы. Одна из четырех старших муз звалась Архэ (Первая, Начальная) [6, с. 88]. Возможно, именно она и должна была стать покровительницей архитектуры?

Сегодня мы снова наблюдаем явные признаки глобального комплексного кризиса. Тектонические сдвиги в самих основах экономики. Изменения климата и связанные с ними угрозы природных катастроф и голода. Эпидемии невиданных болезней. Новые виды войны: безлюдные эскадрильи дронов и «умных» ракет, войны гибридные и информационные, стирающие грани между войной и миром. Охота на ведьм (в сегодняшней Европе такими «ведьмами» становятся русские) и крах господствующих идеологий – все это реалии нашего сегодняшнего дня.

И, как и пятьсот лет назад, муза архитектуры будет благосклонна к тем странам и регионам, которые не станут пытаться вернуть прошлое, но увидят и примут новую посткризисную реальность.

Литература

1. Лидин, К. Город в точке бифуркации // Проект Байкал. – 2006. – № 9. – С. 38–40
2. The great inflation of the 1500s is echoing eerily today. Inflation past have lessons for today. <https://www.economist.com/christmas-specials/2022/12/20/the-great-inflation-of-the-1500s-is-echoing-eerily-today>
3. Johnson A. (2018) Europe in the 16th Century. Ozymandias Press (E-book).
4. Mabel Ping-hua Lee (1921) The economic history of China. NY: University of Michigan Library
5. Rothschild B.M. (2005) History of Syphilis. Clinical Infectious Diseases, 40, 1454–1463
6. Цицерон, Марк Туллий. Философские трактаты/пер. с латин. М. И. Рижского; отв. ред., сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г. Г. Майоров; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1985. – 382 с. (Памятники философской мысли)
7. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Часть первая / [А. В. Висковатов]. – Санкт-Петербург : Печатано в Военной типографии, 1841. – [2], IV, 200, CLXV с., [12], 156 л. ил., портр.

References

- Cicero, M. T. (1985). *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises]. In M. I. Rizhskij (Trans.); G. G. Mayorov (Ed.), *Monuments of philosophical thought*. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Philosophy. Moscow: Nauka.
- Johnson, A. (2018). *Europe in the 16th Century* [E-book edition]. Ozymandias Press.
- Lee, M. P. H. (1921). *The economic history of China*. NY: University of Michigan Library.
- Lidin, K. (2006). The City at the Bifurcation Point. *Project Baikal*, 3 (9), 38–40. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.9.498>
- Rothschild, B. M. (2005). History of Syphilis. *Clinical Infectious Diseases*, 40, 1454–1463.
- The great inflation of the 1500s is echoing eerily today. Inflation past have lessons for today (2022, December 20). *The Economist*. Retrieved from <https://www.economist.com/christmas-specials/2022/12/20/the-great-inflation-of-the-1500s-is-echoing-eerily-today>
- Viskovatov, A. V. (Ed.). (1841). *Istoricheskoe opisaniye odezhdy i vooruzheniya rossiiskikh voisk* [Historical description of clothing and armament of Russian troops]. Part 1. Saint-Petersburg: Voen. tip.



Не видеть в архитектуре кризиса – значит не видеть и не понимать природы архитектуры. Масса архитектурной работы, увеличиваясь, демонстрирует неуклонное падение ее уровня. Проектирование и строительство с участием архитекторов мало отличается от «анонимного» проектирования или проектирования без архитекторов. Наличие отдельных ярких личностей в архитектуре – не доказательство здоровья архитектуры в целом и ее культурно-социальной адекватности. Кризис человечности – основа деградации современной архитектуры.

Ключевые слова: архитектура; кризис архитектуры; кризис человечности; иллюзии прогресса; развитие; деградация. /

О кризисе архитектуры. Заметки разных лет / On the crisis of architecture. Notes from different years

текст

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Кризис архитектуры и критика кризиса

Попытку написать «Апологию, или Оправдание» архитектуры тоже нужно как-то оправдать. С чего бы это вдруг приниматься за такое дело? Разве нет дел поважнее и «пореальнее»? Нужно ли оправдывать архитектуру вообще? Быть может, полезнее и уместнее ее «создавать» в частных реализациях, проектировать, а не разглагольствовать? Такого рода вопросы – не риторическая уловка автора, не знающего, как начать задуманное им предприятие. Эти вопросы возникнут с неизбежностью, как только замысел «Апологии» станет известен более широко, и поэтому ответить на эти вопросы, а точнее – возражения, нужно в самом начале, до построения самого оправдательного рассуждения.

Тот, кто не принимает всерьез актуальности апологии архитектуры, не видит и того, что называют «кризисом» архитектуры. Хотя далеко не все из тех, кто такой кризис видит и пишет о нем, согласились бы с попыткой построения «апологии». Мнения на этот счет суммируются в двух позициях. Одни говорят, что архитектура переживает кризис, от которого может и должна оправиться; другие же видят в этом кризисе нечто уже невозвратимое, окончательное и бесповоротное: смерть архитектуры. Те, кто не видит в архитектуре кризиса, либо вообще не видит и самой архитектуры (она их не занимает и не беспокоит), либо относятся к ее нынешнему состоянию как к чему-то совершенно нормальному, данному от века и обычному. Они склонны упрекнуть всякого, кто видит эти «кризисы», в нервной или психической болезни, утомлении и отчаянии, и порекомендовать какое-нибудь лечение или отдых. На самом деле, говорят они, нет никакого «кризиса»; скорее, есть только прогресс архитектуры, пусть постепенный, но необратимый, твердый. Таким образом, прежде чем приступать к «апологии» архитектуры, нужно, во-первых, показать, что такой кризис существует, что он не пустая выдумка, и если даже он выдуман, то это ничуть не умаляет его «реальности» для автора апологии. Во-вторых, нужно показать, что этот кризис не есть нечто безнадежное, что архитектура еще не умерла и что апология архитектурного возрождения, даже если она и не в силах доказать или убедить в значимости архитектуры, имеет смысл как выражение

надежды, на которую имеет право самое нормальное, здоровое сознание, а не помраченный разум психопата. Вот почему начать нужно с этого злополучного «кризиса» и критики его противников.

Те, кто отрицают «кризис» архитектуры или утверждают, ее современный расцвет, могут сослаться на такой простой факт, как увеличение объема проектирования, то есть строительства, осуществляемого с участием архитектора. Если в прошлом огромное число строительных операций велось без привлечения специалиста-архитектора, то сегодня, несмотря на то, что огромное количество производственных, жилых, складских, транспортных и т. п. сооружений возводится без участия архитектора или даже инженера, все же процент сооружений, в которых был архитектурный проект, несомненно растет как в количественно абсолютном, так и в относительном смысле. Можно ли из этого неоспоримого факта заключать о прогрессе архитектуры или отсутствии архитектурного кризиса?

Я думаю, что нельзя, так как масса архитектурной работы, увеличиваясь, демонстрирует неуклонное падение ее уровня. Страшно не столько то, что архитекторы не участвуют в проектировании, сколько то, что проектирование и строительство с участием архитекторов мало отличается от «анонимного» проектирования или проектирования без архитекторов, а порой и уступает такому анонимному проектированию, что приводит многих профессионалов-архитекторов (после выставки Рудольфского) к идее следования «анонимности» или выучки у непрофессионалов как пути спасения самого архитектурного профессионализма. Это ли не выражение «кризиса» в профессии?

Другое возражение против «кризиса» может состоять в том, что сегодня именно профессиональная сторона архитектуры находится на подъеме. Издается большое количество книг и журналов, создано множество учебных заведений архитектурного профиля, можно назвать множество архитекторов, добившихся выдающихся успехов как в мысли, так и в проектно-творчестве и строительстве.

Что касается научной и педагогической активности в сфере архитектуры, то ее относительное увеличение,

Not to see a crisis in architecture means not to see or understand the nature of architecture. While the volume of architectural work is increasing, its level is steadily falling. Designing and construction with the participation of architects differs little from 'anonymous' design or design without architects. The presence of some bright personalities in architecture does not prove that the whole architecture is healthy and is culturally and socially relevant. The crisis of humanity is the basis for degradation of contemporary architecture.

Keywords: architecture; crisis of architecture; crisis of humanity; illusions of progress; development; degradation.

конечно, факт. Но здесь архитектура всплывает, скорее, на волне общего бума издательского и педагогического дела, нежели является активной иницирующей силой. И то, что ее выносит вверх и она растекается по поверхности нынешнего культурного течения, еще не говорит о ее собственных силах. Когда же мы видим отдельные яркие архитектурные личности, таких революционных, как Ле Корбюзье или Леонидов, Райт, Кензо Танге и прочих, это еще не доказательство здоровья архитектуры в целом. Значимость этих личностей – факт относительный; они рассматриваются нами на некотором общем «архитектурном фоне» как более или менее яркие вспышки, судить по которым об общем состоянии архитектурного «здоровья» опасно: как раз их относительная яркость может быть показателем угасания общего фона. И есть все основания видеть в их относительной яркости этот эффект гаснущего фона, так как при всем очаровании и блеске их индивидуальных дарований их культурная ценность и сила постоянно преувеличиваются. Недавнее «ниспровержение» их новой молодежью – волной «постмодернизма» – с некоторой долей симптоматичной убедительности показало не только то, что «и на солнце есть пятна», а то, что видеть солнце в этих пятнах можно только при известном желании и энтузиазме; и когда последний спадает, яркие источники света становятся тусклыми и расплывчатыми пятнами.

Другим аргументом не в пользу архитектуры в целом (если брать выдающихся архитекторов XX века) оказывается их мощное противостояние всей культуре, всему и вся в ней – их ужасное одиночество, безнадежность их призывов и пропаганды. А если взять тех их последователей, в которых можно было бы видеть продолжение и развитие дела пионеров, то мы, к величайшему сожалению, будем вынуждены признать, что пионеры были яркими одиночками, а последователи и продолжатели – гораздо более тусклыми и путанными эпигонами, разменявшими золотые крупички чистых находок на медь популярных мотивов.

За всеми этими рассуждениями вырастает, как огромный айсберг за его надводной частью, обстоятельство, которое ближе всего касается подлинного кризиса современной архитектуры – ее ненужность широким

слоям трудящихся масс, ее культурно-социальную неадекватность в целом. Эта неадекватность проявляется и в отчужденности лидеров современной архитектуры, и в снижении среднего уровня архитектурных притязаний, и в сомнении в профессиональных достоинствах архитектурных традиций, и в новейших течениях типа «контекстуализма» или «постмодернизма». В них на первый план выдвигается не позитивный идеал, а нечто «среднее», по-своему безликое и милое, но именно безликостью и милостью обывательскому, а заодно и профессиональному сознанию, стремящемуся сделать архитектуру «невидимой», если не ополчается на нее со всем пылом фанатичной агрессивности и не обвиняет ее во всех смертных грехах: тоталитарности, элитарности, узурпации прав человека. вплоть до банальных обвинений в неспособности решить ни одну из художественных, экономических, конструктивных и функциональных задач. Бесконечный хор глухого ропота на архитектуру от обывателя до сноба – действительно впечатляющий фон ее нынешнего культурного существования и социальной укорененности.

Наконец, если взять архитектуру в ее самых экстравагантных, острых и профессионально эпатажных проявлениях, то и здесь, скорее, можно видеть агонию предсмертных судорог, нежели здоровую игру сил. Такого рода факты принадлежат скорее искусству, авангарду, чем архитектуре как таковой. И как бы мы ни решали вопрос о значимости авангарда для самого современного искусства, для архитектуры эти всплески есть последний крик захлебнувшегося.

10.10.1982

История иллюзий

Современная архитектура, переживающая системный кризис и паралич, расплачивается за свой интеллектуальный статус, насчитывающий тысячелетия.

Трудность преодоления этого кризиса состоит как раз в том, что история архитектурной мысли – это история, условно говоря, иллюзий, точнее, история концепций и практик, которые сегодня удобнее всего описывать в качестве иллюзий в новом смысле слова, в определен-

ных условиях могущими стать уникальной жизнестроительной силой.

Современная ситуация утратила эту жизнестроительную силу и функцию, но сохранила их концептуально-исповедальную структуру, которая, впитав в себя новые достижения технической, философской и научной мысли, сохранила также и иррациональную схему синтеза, уже не соответствующего их предметному смыслу и темпу развития. Поэтому до сих пор современной теории архитектуры свойственно прибегать, как к соседям матери, ко всем появляющимся на свет технологиям, философиям и идеологиям, не теряя своего статуса еще слепого младенца. Можно сказать, что архитектура исторически была и остается, подобно человеку, своего рода выкидышем истории, слепорожденным существом, до сих пор живущим внутриутробным разумом, но питающимся новыми идеями и образами – от мифологии до теории когнитивных структур.

Само по себе – это явление гигантской исторической значимости, сконцентрировавшее огромную творческую энергию и изобретательскую силу. Противоречие, в котором она теперь оказалась, состоит в несоответствии новых интеллектуальных практик ее архаической синтетической природе. Именно в этом заключается противоречие ее ремесленной и интуитивной традиции с монументальной глубинной статикой и новейшими отпрысками дифференцированного знания и их динамики, что совсем недавно сделало архитектуру своеобразным источником революционно-мифологических судорог и откровений.

Взрывные иллюзии авангарда сами по себе дышали своего рода невинностью инфантильных снов, но, будучи смешаны с новейшими практическими технологиями ставшего взрослым или повзрослевшего разума и техники, обрушились на цивилизацию как гром с ясного неба и заразили мир тоталитарными конвульсиями перестроечной лихорадки. В скором времени эти конвульсии были усмирены, и архитектура была вновь ввергнута во внутриутробное состояние, в котором она приняла покорную позу не матери, но ученицы. Она стала чем-то вроде невменяемого ребеночка цивилизации, которому все готовы помочь, но на самом деле совершенно не понимают, что это за существо и как ему можно помочь. Его сейчас пичкают всеми соками культуры и науки, всеми отварами самостоятельной космической медицины и всеми советами новоиспеченной мудрости.

Продуктом таких вспомогательных терапевтик становятся монструозные иллюзии нового поколения – и архитектура послушно глотает эти пилюли, напрочь утратив способность рефлексивно оценивать их неадекватность. Говоря «архитектура» применительно к современной ситуации, я, конечно, не имею в виду ту могучую силу, которая строила пирамиды и монументы, но лишь рассыпавшиеся остатки их в виде новой квазипрофессии, так и не одолевшей своего врожденного мамонтизма. Так что одним из направлений восстановления ее самосознания, освобождения от приписанных ей теперь функций бытовой услуги и пробуждения от внутриутробных снов могла бы быть, на мой взгляд, работа по преодолению этих природенных иллюзий, что особенно трудно как раз потому, что, растеряв все секреты этой архаической органики, архитектура как профессия осталась при этих иллюзиях как при своем единственном убежище и достоянии.

Культура освоила монументальные остатки архитектуры прошлого как реликвии и в лучшем случае заботливо очищает их от пыли и наслоений. Одновременно можно наблюдать попытки внедрить в профессию современные вкусы и моды дизайна.

Но работу по преодолению кризиса пора начинать изнутри профессии, поскольку ни история архитектуры, имеющая свой музейный заработок, ни строительная техника и ни в коем случае не новая партийная идеология ей в этом помочь не захотят и не смогут. Ее будут по-прежнему покрывать похвалой и заботой, чтобы нещадно эксплуатировать и потакать своим прихотям – нечто подобное эксплуатации младенцев, пусть и огромных.

И уж никак не будут способствовать ее прозрению и пробуждению, так как прозревшая и пробужденная архитектура сможет обнаружить в себе надолго уснувшие силы и предъявить своим потомкам счет, который некому будет оплатить.

23.09.2018

Кризис человечности – основа деградации современной архитектуры

Несмотря на формальное провозглашение гуманизма и его идеалов, современная архитектура демонстрирует иные ценности:

1. Плебейское обожествление комфорта и некоторого рода фантомности его смыслов;
2. Аристократический техницизм, связанный с превосходством механических агрегатов и военной машинерии;
3. Демонстрацию богатства и неограниченной власти элит.

Попытка понизить эти ценности до обыденного уровня средних возможностей рядового гражданина демонстрирует все те же, но относительно упрощенные признаки самодовольства власти.

Новая капиталистическая аристократия не разделяет установки на скромность и не ставит во главу архитектурного искусства фундаментальные проблемы человеческого бытия – здоровье, кризис умирания и непреодолимость смерти, не демонстрирует сдержанности и стоического идеала самоограничений, равно как и не демонстрирует скрытого и явного драматизма человеческих судеб в процессе непрерывных изменений в постижении природы всех миров, в том числе и человеческого.

Принимая в качестве определения архитектуры Искусство, в самом архитектурном мировоззрении не высвечивается различие технического совершенства, разумной экономии и так называемой «красоты», в которой духовные смыслы постоянно и беззастенчиво сводятся к разного рода формализмам – так называемой «гармонии» или к конфликтам старого и нового понимания самих смыслов человеческого существования, демонстрации силы денег, власти и тоталитарной безжалостности.

Преодоление этой нравственной, точнее, относительно безнравственной схемы предполагает выработку установок относительно смысла человеческой судьбы во всей ее неопределенности и достоинстве.

Кризис архитектуры или кризис человека?

Кризис архитектуры идет параллельно с довольно впечатляющим прогрессом электроники. Вопрос: что же можно считать показательным для современной культуры и цивилизации? Если считать, что развитие компьютеров, программ и чипов определяет будущее человечества больше, чем форма зданий, пластика фасадов и уют городских площадей, то, конечно, можно полагать, что в целом мы живем в эпоху гигантского ускорения развития цивилизации. Архитектура может подождать; успеет и доделаем.

Но возможна и иная система оценок, в которой архитектура все же показывает, что человеческие способы существования уступают место чему-то иному. Тут уже дело не в падении вкусов, забвении традиций и своего

рода аристократическом снобизме сибаритов. Речь идет о том, что происходит с тем, кто и для кого все это делает.

Речь идет о человеке как о критерии смысла происходящих процессов. И вот падение человекосоразмерности и человеческой осмысленности бытия в мире, оказывается, разрушает смысл всех успехов коммуникации и автоматизации. Но такие утверждения или гипотезы возвращают нас к вопросу о человеке – что это или кто это: двуногое без перьев или венец творения?

То, что архитектура демонстрирует нам успехи, бесспорно. Но это именно успехи в бессмысливании человеческого бытия на нашей планете.

О космосе я говорить не могу – не понимаю, зачем он нужен человеку и что это такое. Образы космоса несколько потеснили образы чудовищ из фильмов ужаса. Но это уже становится смешным. А то, что происходит с архитектурой на Земле, здесь и теперь, как будто превращает мир в изделие кулинарной индустрии, подобно пирожкам с кремом и сахарной пудре. Выражение «пудрить мозги» впервые обретает свой смысл при рассмотрении новых архитектурных проектов.

Человек исчезает из самой архитектуры – куда-то уезжает: охота к перемене мест сильнее гения места. Человек исчезает из архитектурной мастерской – тут царит игра в куклы и ползучие растения. Человек исчезает из теории архитектуры – там он читает самому себе философские эссе про то, что человек исчез во время строительства песочных замков на том же берегу залива. Человек исчезает из архитектурной критики – ибо он до нее не дорос. Человек исчезает из архитектурного образования – ибо там он слишком занят подготовкой к экзаменам. Одним словом, человек исчез из архитектуры, уступив место статистике.

Видимо, статистика – все-таки не ложь, как утверждает мудрый и скептический наблюдатель, а истинное лицо и самого человека, и его архитектуры.

Так что не будем о грустном; поскорее купим себе новый айфон или виртуальный синтезатор голографических иллюзий и займемся чем угодно, только бы не архитектурой. Трансгуманизм и трансархитектура ждут нас прямо за углом.

Так в чем же кризис? Какой кризис? Нет никакого кризиса: кризис – это то, что было вчера или даже позавчера.

Жаль? Конечно, архитектура была удивительно мила и забавна. А человек? Да, когда-то он «звучал гордо», но скорости растут – и мы уже в мире сверхзвуковых скоростей, обогнавших человеческую гордость.

История и теория архитектуры до сих пор не смогли поставить вопрос о причинах, унаследованного тем или иным способом равнодушия к подлинно человеческим ценностям бытия. Культурный эпос архитектуры прошлого повсюду уступает место жажде демонстративной универсальности и безразличия к индивидуальной судьбе.

9.11.2018

Архитектура – развитие и деградация

Нынешнее мировоззрение смотрит на историю как на развитие общества и культуры. Развитие считается основным законом: оно лежит в основе эволюции, а деградация оказывается следствием войн и катастроф. Но покажите древнему египтянину или греку город Нью-Йорк – и едва ли вы услышите одобрение или восхищение его архитектурой.

История архитектуры, хоть и может представить себе и даже оправдать такую реакцию, все равно будет продолжать твердить о развитии архитектуры. Что же происходит на самом деле? Нынешние обсуждения архитектуры и городов будущего строятся на истории климата, роста численности населения стран и развитии

техники строительства и коммуникации, придавая этим процессам смысл эволюции или качественного развития, что далеко не очевидно. Мы можем полагать, что развитие технологии производства и коммуникаций станет силой, способной радикально изменить образы поселений. Но оценить эти изменения придется, исходя из тенденций изменения в системах производства, распределения, роста населения и исчерпания жизненных ресурсов биосферы, а вопрос об оценке этих изменений повиснет в воздухе, так как окажется принципиально неоднозначным. Мы будем говорить о вынужденном приспособлении архитектуры к условиям жизни, избегая итоговых оценок этих изменений и самих критериев этих оценок. Не исключено, что наши оценки этих изменений покажутся сегодня парадоксальными, например, перспектива вымирания городских поселений и возвращения к сельским типам поселков в XXII веке и далее. Этих соображений достаточно для того, чтобы оценить всю парадоксальную неоднозначность понятия прогресса и деградации в архитектуре. И когда мы встречаем в архитектурной критике сетования на идиотизм современных городов и методов проектного управления ими, нам придется признать парадоксальный характер изменения оценок и вкусов, не укладывающийся в простые критерии развития и деградации. Отсюда вопросы: что же делать, какова стратегия изменения в понимании вкусов и их абсолютной значимости – всех стилей, тенденций, вершин и падений вкуса? Видимо, эта парадоксальная диалектика коснется соотношения изменчивости и постоянства смыслов архитектуры, ее форм и композиций, сред и пространственных категорий относительности типов и идеалов в их вечном созидательном и разрушительном потоке идей и вкусов. И на этом станет строиться профессиональное образование, критика и история, ныне создающая иллюзорную твердость подходов и неизменность принципов.

16.09.2022

Литература

1. Раппапорт, А. Путь к дому // Проект Байкал. – 2022. – № 3 (73). – С. 122–127
2. Раппапорт, А. Архитектурная фелицитология // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (46). – С. 64–65

References

- Rappaport, A. (2015). Architectural Felicitology. Project Baikal, 12(46), 64-65. <https://orcid.org/0000-0001-5477-1722>
- Rappaport, A. (2022). The road to home. Project Baikal, 19(73), 122-127. <https://doi.org/10.51461/pb.73.22>

Состояние перманентного кризиса стало едва ли не нормой для современного человечества. Однако нельзя отрицать, что для модернистских тенденций в искусстве, литературе и культуре в целом кризис – наиболее комфортное состояние: оно повышает ставки на новации, позволяет радикализм, востребует сильные методы и сильных личностей. Тенденция, увы, не ограничивается модернизмом как периодом. Архитектура, склонная к выразительным «красивым жестам», нацеленная на острое эмоциональное воздействие, и сегодня немало способствует распространению онтологического кризиса, засоряет ментальную сферу.

Ключевые слова: проблема онтологии в архитектуре; генезис онтологического кризиса; прикладные архитектурно-проектировочные онтологемы; архитектурное проектирование как проблема; бункер как прототип; эстетизация катастрофы. /

The state of permanent crisis has become almost a norm for contemporary humanity. However, one cannot deny that for modernist tendencies in art, literature and culture in general, crisis is the most comfortable state: it raises the stakes for innovation, allows radicalism, and demands strong methods and strong personalities. The trend, alas, is not limited to modernism as a period. Architecture, prone to expressive 'beautiful gestures' and aimed at acute emotional impact, even today fosters the spread of ontological crisis, while cluttering the mental sphere.

Keywords: the problem of ontology in architecture; genesis of the ontological crisis; applied architectural and planning ontologems; architectural design as a problem; bunker as a prototype; aestheticization of a disaster.

Архитектурное проектирование и онтологический кризис / Architectural design and ontological crisis

текст

Петр Капустин

Воронежский
государственный
технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical
University

Массовые волнения в Бразилиа. Тысячи арестованных. Возмущенные толпы скандируют политические лозунги на фоне безмятежных гигантских «пиал» О. Нимейера. Нет, архитектура, разумеется, не должна реагировать на злобу дня, это не ее масштаб, не ее ритм, не ее дело, наконец. Но впечатления столкновения разных миров избежать не удастся.

Нимейер полагал, что все конфликты закончены, он проектировал для наступившего века гармонии и человеческого достоинства, совместно с Л. Костой закладывал город равных возможностей и добрых, разумных, деловых взаимоотношений. Все это, разумеется, давно осыпалось. Давно Умберто Эко осуществил жесткий, нелюбимый анализ грез и реальности Бразилиа в «классической» работе по архитектурной семиотике. Давно уже все сказано и о самом Нимейере, и об архитектуре этого извода. А шок все равно возникает. Архитектура уводит нас от реальности? Ее надменная суггестия усыпляет критическое мышление, переводя воображение в область абстрактной композиции, не позволяя уже думать о людях, обществе, проблемах вокруг, и оттого столкновения с реальностью оказываются столь ошеломительными?

Кризис как он есть

Онтологический кризис – утрата понимания мира, в котором мы живем. Состояние нередкое в культуре (но, заметим, совершенно неведомое традиции; когда традиционное общество входит в кризис, когда в нем начинают звучать вопросы на подрыв очевидности и торжествующей мифологии, оно тем самым входит в культуру, как то случилось с классической Грецией). Не будучи редким, состояние онтологического кризиса всякий раз в истории инстигирировало новые парадигмы и учения, верования и культы, – чем ближе к нашему времени, тем более гротескные и выморочные (что относится как к культам, так и к научным парадигмам, например космогоническим). Но сегодня самих парадигм и учений столько, что в пору диагностировать эпистемологический кризис во всей их разноголосой массе, – в этой ситуации еще одна новая парадигма дела не спасет.

Мир никогда не был для человека прост и легко постижим, он являл собою загадку и вызов во все времена, но времена бывают разные. В одних временах картина мира задана с жесткостью неимоверной, против которой невозможны акты сомнения, где частной воле остается лишь верифицировать свои собственные идеи, да и идеи почти невозможно счесть персональными. А бывают времена, атмосфера которых способствует всеобщему скепсису и целенаправленному противостоянию «холодным истинам мира», когда известные и доступные знания и представления объявляются мороком и фейками. Онтологический кризис связан с распадом или прекращением действия «картин мира» – собирательных онтологем, в рамках которых так или иначе осмыслена повседневная жизнь, обретают место и масштаб события и подвиги, праздники и трагедии. Существование в эпоху онтологического кризиса беспокойное, ненадежное, но веселое; беда лишь в том, что далеко не всем такой род веселья по душе.

Причины и действие онтологических кризисов намного превосходят любую отдельную мифологическую, религиозную или научную парадигму (хотя могут начаться в ней), профессиональную норму или цеховое предание. В том числе и архитектура, какова бы она ни была, – не причина онтологического кризиса, а эффекты его охватывают круг занятий и представлений, далеко уходящий за пределы поля профессиональной ответственности архитекторов. Тотальные кризисы начинаются не в архитектуре, не в архитектуре же они разрешаются. По крайней мере в последние несколько тысяч лет. Этот тезис принципиально важен для нашего дальнейшего рассуждения, поскольку цель настоящего текста – выяснение места архитектурной деятельности и присущих архитектурно-проектной профессии способов мыслить свои объекты, воображать ареалы и контексты их существования, предьявлять идеи и замыслы в той или иной их соотнесенности с той или иной реальностью. «Выбор» реальности, равно как и детерминация «объектов» профессиональной заботы, далеко не всегда оказываются предметами собственно архитектурно-проектного мышления, они чаще всего задаются доминирующими представлениями эпохи, но исключения возможны



и известны (что лишь обостряет проблему). Однако даже не будучи причиной онтологических сбоев в восприятии и понимании мира, архитектура несет существенную долю ответственности за поддержание и распространение кризисных мироощущений, за их культивирование и эстетизацию. Об этом мы и намерены вести разговор ниже.

Поскольку обсуждаемая проблематика имеет существенную историческую глубину, избежать краткого экскурса по истории вопроса невозможно.

Древний мир. Традиция и ремесло

Одним из головокружительных обобщений современной историографии является термин «Древний мир». Мир этот, разумеется, обширен и разнообразен, он далек от монотонности и единства, хотя и полон деспотиями, а идея Единства – одна из центральных для него, правда, уже на закате. Похоже, именно интенция к единству – как представления, так и власти, а за ней и идеологии, веры, морфологии пространства и архитектуры – оказалась для древних роковой. Ученик Аристотеля проявил недюжинные способности к объединению разнородного, тем самым нивелируя мечом и сжигая огнем различное, одновременно смешивая его «словно в дружеском кубке», по словам Плутарха. Организованный Александром Македонским микс поставил его гигантскую империю на грань: она зависела от единства воли и представления, удержать которые кроме самого Александра оказалось некому. Первый опыт глобализма стал заложником воображения; ни картину, ни даже карту нового мира сохранить не удалось.

Архитектура живет регионами, умирая в глобальном, потому и век Александра (увы, намного превышающий ему богам 33 года) не стал веком взлета архитектуры. Утратив эллинскую гармонию, она не приобрела имперского величия; империю как регион (или суперрегион) удалось построить лишь Риму.

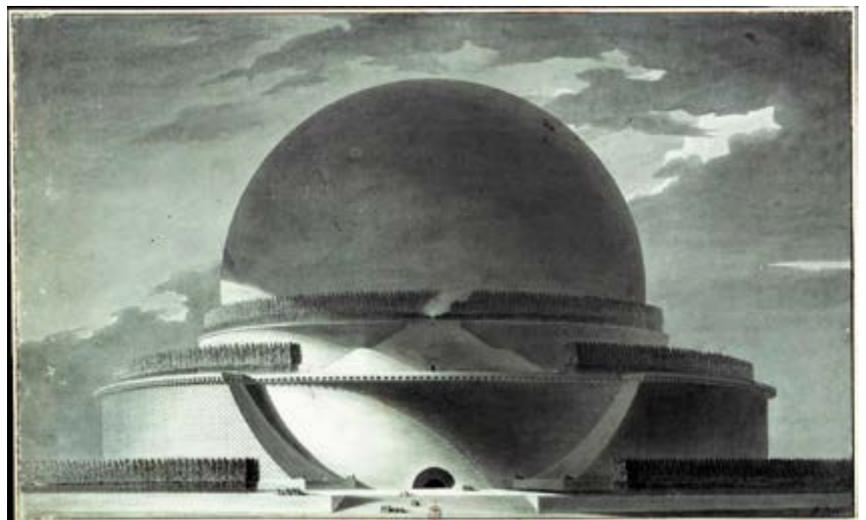
Но задолго до своей концентрации в империи, с их непомерными притязаниями, вечным дефицитом связности и с их эпическими распадами, «Древний мир» умел создавать и культивировать устойчивые соцелостности значений и выражающих их форм. Это пресловутое

«выражение» в XX веке, или даже чуть раньше, станет идефиксом для новых проектно-художественных профессий; они будут стремиться к нему, имитировать изо всех сил, но так и не достигнут утраченной в Золотом веке непринужденности объективации идей. Ведь для последней требуется картина мира без швов и лоскутных заплат – такая, которой давно уже нет [1].

Внятные и относительно устойчивые границы ойкумены, данные богами и предками постулаты, пришедшие из преданий и известные едва ли не до рождения «формы» окружающих вещей и пространств, равно как и способы их трактования; все еще живые, полнокровные символы, – вот основы традиционного зодчества. Недоступные нам основы.

Нельзя сказать, что архитектура Древнего мира была безмятежна. При свойственной ей монументальности и способности довлеть (таков заказ жрецов и властителей) в ней немало драматизма, даже внутреннего беспокойства, иногда – надлома. Таковы некоторые гробницы Петры, греческие храмы на юге Сицилии, или, например, внешне спокойный храмовый комплекс Хатшепсут. Здесь нет кризиса онтологии, хотя мировоззрение иной

в Рис. 2. Кенотаф Ньютона. Архитектор Э. Л. Булл, 1784. «Классический» век еще верил в то, что методами новой науки можно воссоздать утраченную целостность мира – мир казался не столь уж большим и сложным, едва ли не полностью изученным. Но тревога проникает даже в архитектуру. Зарождающееся архитектурное проектирование уже демонстрирует свою несущую точную силу





^ Рис. 4. Второй Гетеанум, Дорнах, Швейцария. Архитектор (!) Р. Штайнер, 1928. Эсхатология рубежа XIX – XX веков не вмещается ни в какие из известных доселе форм – как в литературном, так и в архитектурном дискурсе. Возгонка суггестии в архитектуре достигает в экспрессионизме, пожалуй, исторического максимума



^ Рис. 5. Башня Эйнштейна, Потсдам. Архитектор Э. Мендельсон, 1921. Бюргерский контекст постройки явно не то, что могло бы удовлетворить автора. Перед нами – один из прекрасно артикулированных примеров величественной архитектуры на фоне грозового неба. Экспрессионизму нужны катастрофы для оправдания своей пафосности

1. М. Хайдеггер подчеркивал исчислительный, «считающий» характер новейшей европейской «рацио». «При этом слово «считать», – писал он, – понимается в более широком смысле, который слово *ratio* (исначально – слово римского торгового языка) получает уже у Цицерона в то время, когда греческое мышление перенимается римским представлением» [14, с. 212]. Дефициентность «счета», связанных с ним онтологических представлений и обслуживающих его семиотических средств в сравнении с тем, что Хайдеггер именовал «достойным мышления», принципиально важна для нашей темы. Напомним также о разделении новейшей европейской рефлексии на семиотику и аксиологию (в ущерб последней) [15]. Семиотика глуха к ценностям, ставка на нее способна порождать то, что Платон именовал эйдолонами – ложными эйдосами или вещами без сущности.

> Рис. 3. Д. Б. Пиранези (1720–1778). Остатки акведука Нерона. Руина как культурный код. Руина у Пиранези не столько отсылка к величию Рима, сколько фиксация актуального состояния мира и сознания. Аркада – великий и непреходящий участник руин

раз кардинально менялось, как при реформе Эхнатона и последующей контрреформации. Смена постулатов происходила крайне редко, и уж если происходила, то неизменно в границах ойкумены, совпадающей с регионом значений; институты власти и жречества оставались неизменными, а недовольные подавлялись.

Архитектура же *par excellence* оставалась выше сиюминутных политических или идейных дрязг; ее невозмутимая укорененность в базовых структурах мира сомнению, насколько можно судить, не подвергалась. Зодчий, такой как Имхотеп, строитель пирамиды и заупокойного комплекса Джосера в Саккара, или Сененмут, «застройщик» Дейр-эль-Бахри, ни в малой мере не был и не мог быть профессионалом – уже в силу отсутствия соответствующей профессии. Но и потребной властью, и жреческими компетенциями он, очевидно, обладал. Жречество же, с которым тогда была неразличима архитектура храмов, в несравнимо большей мере обладало «рычагами» воздействия на реальность, нежели сегодняшний ползучий консюмеризм, или даже то, что грезились Корбюзье за его лозунгом «Архитектура или революция».

Новое время. Рацио и профессия

Однако все меняется с ослаблением религиозной картины мира, с формированием естественнонаучной парадигмы, появлением первых конфигураций проектирования, со становлением профессии. Все это происходит прак-



тически синхронно – в Новое время (еще одна замечательная историографическая абстракция: будто времена бывают старыми или новыми, и кто тогда мы, нынешние, в этой многовековой ретроспективе «нового?»).

Новое время – это прежде всего распад традиционного общества, утрата монополии религии на мировоззрение, т. е. онтологию; начало заката ремесла, бывшего высоким и требовательным институтом (окончательная смерть его случится во второй половине XIX столетия, в эпоху У. Морриса и К. Маркса). В таких экстремальных с точки зрения всех тысячелетий предшествующей истории условиях не покажется чем-то особенным локальная, уже вполне профессиональная (начало архитектурной профессии со всеми оговорками можно отсчитывать с 1671 года, с первой европейской – французской – академии архитектуры) история сведения всего содержания деятельности к набору догм и методических правил. Эпоха требовала точности и определенности, она приветствовала простоту и редукцию, отрицала всякий морок, не озаренный светом просвещенческого разума.

Рационализм выступил на мировой исторической сцене в роли самого пафосного и самого нелепого самозабвения. В самом деле, сделать все ставки на одно только торжество Разума, силу которого, его пределы и возможности только-только начали для себя открывать, – это шаг смелый и вполне безумный. Но... «разум был крив», как позже скажет Умберто Эко (в «Маятнике Фуко» [2, с. 23]). Квинтэссенцией «рацио» (в точном смысле – пятой субстанцией, дополняющей и исправляющей Природу) стал в Новое время знак, просвещенческая концепция знака.

«В общем, – читаем мы в «Эмиле», – заменяйте вещь знаком лишь в том случае, когда ее нельзя показать, так как знак поглощает внимание ребенка и заставляет его забыть о самой вещи» [3, с. 449]. Ж. Деррида, цитируя Руссо, пишет о «катастрофе восполнения» и связанными с ней новыми, насильственными функциями знака. В ситуации «смерти символов и кризиса знаков», однако, не являются ли именно предметные идеализации науки заместителями утраченных символов и стоящих за ними сущностей, «вещей», которые теперь нельзя показывать? Не ими ли стремятся заполнить вакуум физиче-

> Рис. 6. Вилла Савой, Пуасси, близ Парижа. Архитектор Ле Корбюзье, 1929. Что произошло на планете, после чего жилой дом человека стал выглядеть вот так? Что за катастрофа случилась – если не с миром в целом, то с паттернами восприятия и нормами оценки? Привычка видеть в таком «новую» норму уже столетие отравляет наш вкус и мироощущение. «Модернисты, как известно, освободили множество не тех призраков и добавили изрядное число глухих нот к официальной гамме наших визуальных средств», писал М. Мерло-Понти еще в 1960 году [21, с. 21]. Х. Майер в 1933 году назвал довоенные постройки Корбюзье «изысканно-легкомысленными фельетонами» [22, с. 364]. Но, кажется, здесь все всерьез. Послевоенные шедевры мэтра обретут тяжесть, бункерные бойницы и толщину бетонных стен (ничем не оправданную), но и в ранних уже видна нешуточная угроза целенаправленного подрыва повседневных норм



v Рис. 7. Луиджи Моретти, интерьер, 1950. Драматизация пространства на грани фола. То ли здесь уже произошло убийство, то ли оно лишь пока замышляется (архитектором?). Л. Моретти – один из наиболее экзальтированных авторов итальянской школы



ской вселенной – холодной и равнодушной – пионеры новоевропейской науки, будучи сами людьми иной, гибнущей их усилиями, картины мира? В той, донаушной и неразвлшебственной картине, символы были еще живы и держали собой всю экзистенциальную сферу, как и всю онтологию. Свято место опустело. И оно заполняется люциферическими миражами – световыми симулякрами объектов, для которых объекты реальные – подобие платоновых «теней». Подлог прост по схеме: неясная и не показавшаяся самим естествоиспытателям реальность конструируется рационально¹, моделируется в материале знаков. Действительность науки начинает стремительно разворачиваться, покрывая собою любые вопрошания о реальности, переводя их в количественные вопросы и давая им квантифицированные оценки. Отождествление замещенного с замещающим – самая суть семиотики натурализма². Однако эта «простота» имеет далеко идущие следствия. Для наших задач здесь выделим лишь три следствия из плотного «пакета» актуальных и доныне жестких излучений «Большого взрыва» Просвещения.

Естественно-научный тип объективации закрепляется как универсальная норма познания и как норма творчества (что, к слову сказать, весьма скоро приводит к утрате способности видеть границу между когнитивным и креативным).

Создается образец и самая модель рационалистического проектирования, очень скоро утратившего метафизическую универсальность, масштаб видения и ответственности, ставшего повседневным специализированным средством работы в областях, ранее обходившихся без столь вычурной и двусмысленной техники мышления, а также в областях специально под себя вновь организованных самим рационалистическим проектированием.

Свет – новый свет, отличный от света традиции и фаворского света, – становится не только ключевой метафорой, но и едва ли не первым образом Нового времени. В архитектуре он развернется в полную силу – но лишь как феномен оптики и как квази-символическая форма³.

Формируемая архитектурная профессия, т. е. такая форма организации деятельности, которая, в отличие

от ремесла, опирается на обезличенные формы хранения и передачи знаний (а не только умений), на массовую (а не «штучную») подготовку кадров и специфические институты теории, истории, критики; востребует собственные онтологические представления – даже в прямом и техническом смысле: надежные ответы на вопросы как мыслить свои объекты работы, как с ними действовать. У ремесла таких вопросов не возникало, там действовали конвенции – образцы и прототипы, значение которых было священным, по меньшей мере освященным авторитетом предков. Новорожденная (трусам А.-К. Катрмера де Кенси (1755–1849), Ж.-Н.-Л. Дюрана (1760–1834) и др.) архитектурная типология (и как форма организации профессионального сознания, и как новая научная дисциплина) направлена на выполнение этой задачи: она призвана рационально заменить и психологически заместить утраченные культурой прототипы традиционного переживания и использования пространства. Иллюзию устойчивости удается поддерживать почти два столетия – до начала XX века.

Модернизм. Стерильность и драматизация

Эра модернизма в архитектуре (в отличие от эпохи модернизма (или эры модерна) в философии и культуре, и от модернизма, например, в живописи) началась с ос-

2. Не будет ли позже объявленное проектом структурализма различие означающего и означаемого камуфлировать именно это, уже состоявшееся отождествление? Разбирая проблематику моделирования, мы можем увидеть, что такое предположение не лишено оснований.

3. Мало где, как в метаморфозах света в эпоху рационализма и всего, к рационализму привычно приписываемого, отразится онтологический упадок архитектуры, а вместе с ней и всей культуры нашего времени. Свет всегда много значил для архитектуры, а еще больше – для религиозного сознания. Свет не был физическим эффектом, он рассматривался как дар, знамение или уж как материал, т. е. понимался онтологически (его онтологический статус существенно выше пресловутого «пространства», а главное – более... реален). Но в новоевропейских «опытах светоносных» (Experimenta lucifera – термин Ф. Бэкона) и последующих экспериментах циничного светского разума [16] действие со светом сводится к эстетике размещения освещенных тел, к оптическим эффектам, к инсоляции. Свет, как и все иное, оказался расколдован. Однако свет в архитектуре с ним множество связанных с ним вопросов достойны отдельного рассмотрения

> Рис. 8. Дворец конгрессов, Рим. Архитекторы А. Либеры, Л. Зандри, 1938–1954. Архитекторы XX века неуклонно проектировали и строили храмы неведомых темных культов. Экспрессионистская эзотерическая интенция, приобретая любые формы, неизменно требовала жертв, и не всегда виртуальных



воения прорывных достижений авангарда, с довольно прагматичного и лишённого сентиментальности соединения всего полезного, что можно «припаять к примусу» вновь организуемой конфигурации деятельности, продуцируемой баухаузами и вхутемасами – институтами утилизации авангарда [4].

О модернизме и авангарде сказано много, но все еще недостаточно для того, чтобы окончательно остыть к этим фигурам нашей истории. Героизация авангарда и не основанная ни на чем апология якобы незамутненного триумфального шествия модернизма (вплоть до середины 1970-х, где он почему-то бесславно кончается), – все еще, увы, не вырванные с корнем из наших учебников страницы лжи и подлогов. Быть может, проблематика онтологического кризиса, который был в эту эпоху усугублен и закреплён, способствует давно чаемому переосмыслению случившейся тогда катастрофы.

То, что речь должна идти именно о катастрофе, не оставляет никакого сомнения. В ряду историографических идеализаций, которые мы по ходу изложения отмечаем, идеализация модернизма – одна из наиболее лукавых и «скользких». Модернизм, сколько бы его ни ругали постмодернисты и все другие, точно «лег» на годы своего, по крайней мере номинального, доминирования. То есть перед нами наличествует внятный предмет проблематизации и критики, какой трудно найти, например, за маркером «экспрессионизм», который рассыпается на авторские манеры, эзотерические школы, травматические эксцессы и прочие мотивы субъективной реакции на тревоги беспокойного времени. И онтологические измерения такой трактовки модернизма куда как впечатляют: уверенная поступь Единой Идеи,

утверждение нового мира, победный ритм локомотива Истории... Подобные образы возникают при чтении апологий модернизма у таких авторов, как Г.-Р. Хичкок, А. Уиттик, Ю. Едике, М. Рагон, Б. Дзеви и др. Однако мы рискуем предложить иную интерпретацию если не происхождения, то морфологии и характера модернистского мироощущения.

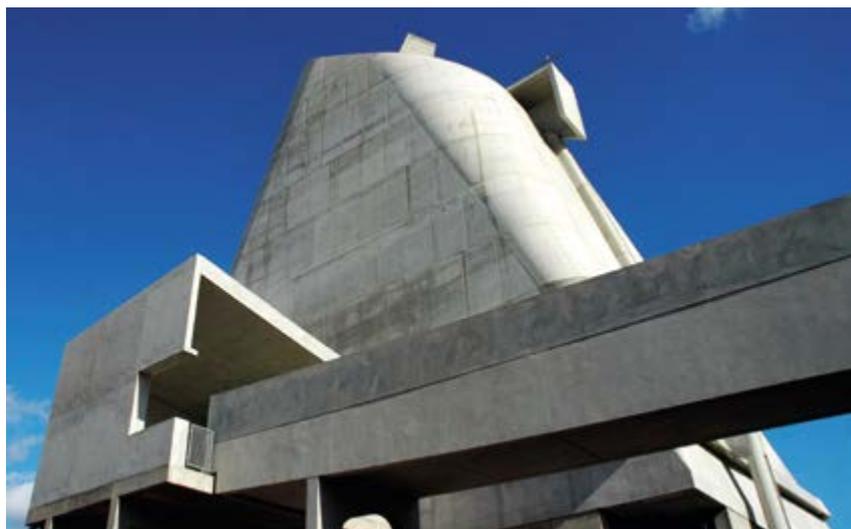
Выскажем парадоксальную формулу, сконструированную по известному образцу: модернизм есть стерилизованная экспрессия плюс драматизация всякой абстракции. Экспрессионизм, кажется, недооценен в генезисе модернистской суггестии. Но он в ней не явен, «снят», по Гегелю. Драматизация у модернизма, в отличие от «чистого» экспрессионизма (если не у Р. Штайнера и Э. Мендельсона, то у Р. Вине с его «Кабинетом доктора Калигари»), проходит не по обнаженным нервам и прочим рецепторам, но по вполне интеллигентным каналам восприятия. Особенного совершенства в этом деле достигли к 1950-м годам итальянцы, имеющие редкую (как оказалось) возможность десятилетиями практиковать модернизм в его наиболее раскрепощенных вариациях. Но и у Корбюзье в конце 1920-х, если верно посмотреть (чем и отличаются хорошие фотографы), в той же вилле Савой все уже налицо, а именно: «упакованная» в белые коробки экспрессия голой и самодостаточной геометрии. Драматизм появляется в силу самого способа «упаковки» – это отнюдь не «конденсаторы функции», о которых грезил Я. М. Гинзбург, и совсем не те исходные units, которые взыскали пионеры абстракции и иже с ней – от П. Сезанна до П. Мондриана и К. Малевича. Корбюзье уверенно формирует из загородного дома его «изнанку»: прямоугольники помещений

> Рис. 9. Атлантический вал (Atalantic Wall), фото Поля Вирильо





^ Рис. 10. Святилище семейства Барион, Тревизо. Архитектор К. Скарпа, 1968–1978. Игра в онтологические страсти захватывала даже лучших архитекторов XX века, что уж говорить о постройках за гранью профессионализма, а ведь их немало



^ Рис. 12. Церковь Сен-Пьер, Фирмини. По проекту Ле Корбюзье, 1960–2006. Безадресная экспрессия и маньеризм деталей могли бы стать разоблачительными, даже смехотворными, если бы не авторитет автора. Такие конвенции (согласие на усвоение в профессиональном/общественном вокабулярии и дальнейшее культивирование в статусе нормы) и создали онтологический кризис в архитектуре к нашему времени

на фасаде (изнутри наружу?) – лишь код, кодифицируется же не проживание в доме, а его противоположность, отчего здание так напоминает... funeral homes, похоронное бюро. Но оставим такой разбор для другого случая, ведь наш предмет здесь – не стилистика и аллюзии, а предельные конфигурации сборки представлений о мире и населяющих его объектах, в том числе объектах архитектурной заботы.

Объекты эти (что называется, внезапно) обнаруживают природу, крайне далекую от всякого рационалистического объяснения и оправдания. В самом деле, вместо прямолинейных отсылок к утилитарным, т. е. низменным потребностям человеческого тулова, они демонстрируют приверженность к изгоняемому изо всех сил веками рационализма и науки духовному! Что заставило В. В. Кандинского написать трактат «О духовном в искусстве» (1910)? Вряд ли то был пропагандируемый на рубеже XIX и XX веков тренд к функции и оптимальности решений (кто бы его вообще принимал в расчет!). Дефициентность (принципиальная недостаточность) функционалистических представлений была опознана достаточно рано, раньше программы на второй тур конкурса Дворца Советов. То, что итальянцы именуют сегодня «рационалистической архитектурой», не забывая упомянуть и функции, и конструкции, и прочие прелести ранней модернистской фантазии, на самом деле есть довольно иррациональная по многим позициям архитектура, но феномен ее бесконечной привлекательности не исчерпывается набором опломбированных апологами модернизма доблестей, равно как и не объясняется им. Перед нами чистая «техническая» формула онтологического кризиса: явления не объясняются отсылками

к принципам, которые специально для того призваны. Источники происходящего – в чем-то ином, латентном, – скорее всего, пребывающем за пределами «дневного» сознания. И эта тенденция длится до наших дней.

Пляжные алтари

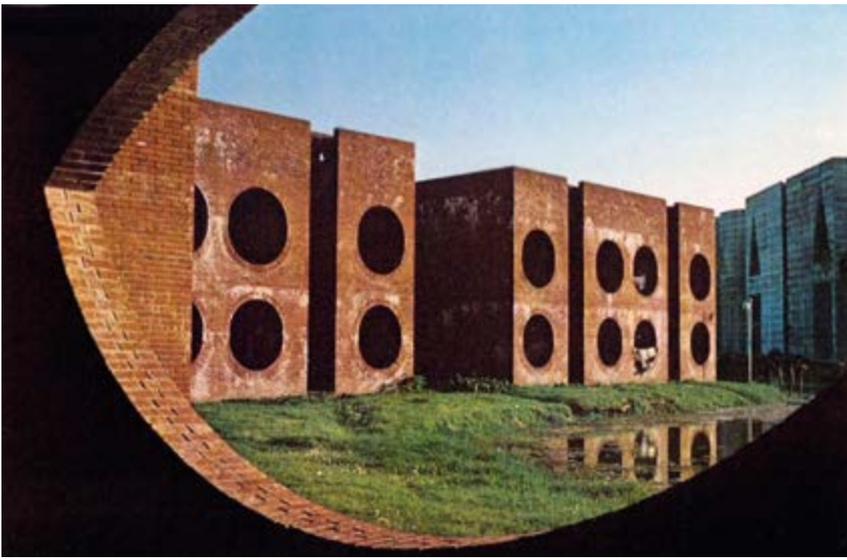
В послевоенной архитектуре такое бессознательное нашел («внезапно» – в связи с открытием доступа к западному побережью Франции с лета 1945 года) Поль Вирильо [5]. Оно вполне прогнозируемо: военные травмы, в данном случае – травмы ландшафта Европы: Атлантический Вал и другие укрепления Второй Мировой. Вирильо подчеркивает предмет своего интереса: удивительная выразительность этих сооружений. Правда, вопрос что именно они выражают, он оставил без ответа, разве что признал: долженствующие защищать, эти сооружения скорее пугают и вводят в депрессию обывателя, нежели даруют sense of defense, ради которого они вроде бы и создавались. Даже здесь функционализм дает сбой.

Нам важна тенденция формообразования, которая стоит за популярностью бункерной архитектуры в 1950–1960, да и в 1970-х годах. П. Вирильо прямо указывает на сакрализацию этих прототипов: «Каждый каземат был пустым ковчегом или маленьким храмом без культа». Бункеры, названные Вирильо «пляжными алтарями» (это не по А. де Саду), де-факто замещают в коллективном воображении разрушенные войной соборы Европы – еще одна грань онтологического замещения, еще один, и тотальный, случай смысловой подмены, становящейся привычной, еще один шаг к онтологическому кризису.

Привычность подмены состоит в том, что послевоенная гражданская архитектура повально станет имитировать

в Рис. 11. Бункеры и прочие тяжкие грехи архитектуры XX века фатально сказались на монументах войнам и революциям этого столетия. Они не только фиксируют скорбь о грозном былом, но и возводят его в культ, регулярно воспроизводя в подобии мрачных ритуалов





^ Рис. 13. Фрагмент комплекса национальной ассамблеи в Дакка, Бангладеш. Архитектор Л. Кан, 1961–1983. Онтологическая тревожность и выморочность архитектуры делают невозможным экзистенциальное погружение в нее, отменяют феномен присутствия. Вместо Dasein здесь торжествуют «прелести отсутствия» (так Чарльз Дженкс в свое время охарактеризовал деконструкцию, но принцип универсален)



^ Рис. 14. Музей скульптора Ханса Йозефсона «Ла Конджунта» в кантоне Тичино, Швейцария. Архитектор П. Меркли, 1992. Отчего унылая тоска стала синонимом «актуальной архитектуры»? Некому сказать: «Король-то голый!»? Дело, судя по всему, уже не во вкусе: сбит не только вкус и оптика, скрупулезно выстраиваемая с Ньютона, но и целый комплекс экзистенциальных и эсхатологических ожиданий

4. Ожидание конца света, разумеется, не изобретено XX веком, в нем оно лишь получило технический смысл. Эсхатологические настроения свойственны всей истории человечества (предположительно, с позднего неолита [17]), менялся лишь масштаб и предполагаемые причины (главная из которых – грехи человеческие). Не ново, стоит признать, и стремление использовать эсхатологические ожидания для обогащения и манипуляции.

стилику бункера, его нарочито артикулированную брутальность (популярность брутализма известна): шершавые фактуры, следы опалубки, грубость деталей, общую небрежность и строительную спешку, возведенные в культ, ставшие своеобразной эстетикой. Эта эстетика захватила значительный ареал архитектурной практики, фатально сказавшись на монументах и мемориалах, возведенных в послевоенные десятилетия, на образности общественных и даже жилых зданий («единицы» Корбюзье в Марселе и Берлине и их многочисленные реплики, в том числе дом А. Меерсона на Беговой в Москве и пр.).

О чем говорит этот опыт Вирильо? О латентных и в принципе «незаконных» с точки зрения правоверного функционализма и конструктивизма источниках действительной инспирации архитектурной образности третьей четверти XX века. В самом деле, что стоит за «выразительностью» архитектуры брутализма, что она выражает? Опасности и тревоги мира? Но такие коннотации не оговорены ни в каких святках модернистского «нового braveго мира»! Напротив, в них царит оптимизм, простор (где он в бункере!); культ света (узкие лучи света из бункерных бойниц стали новым интерьерным трендом в эти годы)... Но истина же всем известна, хотя и не озвучивается открыто (что есть очевидный разрыв между смыслом и дискурсом). «Зачем продолжать удивляться формам современной архитектуры Ле Корбюзье? Зачем говорить о «брутализме»?» – восклицает Поль Вирильо. Зачем, если в бункерах все это есть, и в такой степени, что последующие десятилетия эволюции архитектуры модернизма кажутся лишь слабой имитацией найденного в Атлантическом вале и других подобных укреплениях?

Между тем молодая профессия ускоренно строит свою прикладную онтологию; она не оригинальна: это опять типология объектов, на этот раз функционалистская. Но у нее уже есть один скелет в шкафу – Паноптикон И. Бентама, очевидно и длительно влиявший на все эти бесконечные заклинания «логика и свет!» по поводу любой типологической ниши (А. Уиттик [6]), ответственный за доминирование идей дисциплинарного контроля, безопасности, гигиены. Мишель Фуко работал над «Надирать и наказывать» примерно в те же годы, когда Поль Вирильо собирал результаты своих многолет-

них экспедиций для будущей книги «Бункерная архитектура», и это уже эра архитектурного постмодернизма – типология зданий и сооружений сложилась и уже трещит по швам. 1980–1990 годы – время поиска альтернативных оснований для типологизации объектов архитектурного проектирования, методологического переосмысления самого понятия объекта и объективации.

Прекрасная катастрофа

«Прекрасной катастрофой» назвал Нью-Йорк Ле Корбюзье (по [7]). Пребывание в состоянии перманентного кризиса стало едва ли не нормой для человечества где-то с 30-х годов прошлого века. Кризисы социальные, экономические, военные, экологические и пр., не переставая восприниматься в качестве угроз, успели стать обыденностью, время от времени артифицируемой кризисами новых типов.

Но как бы ни были серьезны проблемы, каковы бы ни были причины кризисов для практик, считающихся базовыми, нельзя отрицать, что для модернизма в искусстве, литературе и культуре в целом кризис – наиболее комфортное состояние: оно повышает ставки на новации, позволяет радикализм, востребует сильные методы и сильных личностей. Модернистский вкус к кризисам, подобно вкусу предшествовавшей романтической эпохи к руинам, стал эстетически необходим: на фоне беспроblemного и тихого существования жесты революционного ниспровержения всего на свете выглядят бледно. Для архитектуры (так называемой антиархитектуры) и радикального проектирования второй половины XX века и вовсе требуется всеобщая катастрофа: лишь она оправдывает масштабные идеи и решения.

Так, понимание творчества Р. Б. Фуллера (как архитектора, дизайнера, теоретика проектирования, мыслителя и мистагога, да даже и как гениального инженера-изобретателя) невозможно без признания фундаментального для него значения катастрофы – реальной или виртуальной, случившейся или чаемой. Автор этих строк назвал творческий метод Фуллера «технологическим катастрофизмом»: «Можно сказать: технологический катастрофизм есть высшая и последняя стадия инженерного утопизма. Это не только действие в ожидании



^ Рис. 15. Дроп-Сити, Колорадо, «образцовая» коммуна движения «социального несогласия». Архитектор Р. Б. Фуллер и С. Баэр, 1965. Участие Фуллера в истории Дроп-Сити столь же триумфально, сколь и нелепо; но показательно: теория проектирования шестидесятых нуждается в экстремальном опыте не менее, чем маргинальное сознание шестидесятых нуждается в легитимной поддержке со стороны несистемных авторитетов. Результат на сегодня известен: произошла аннигиляция, ни от того, ни от другого не осталось

или предотвращении техногенных катастроф, но прежде всего – тип мышления, ориентированный на обеспечение и оснащение созидательной позиции человека в ситуации дряхлеющей катастрофы. Это – видение мира как постоянно и радикально меняющейся и искусственно изменяемой реальности, перед которой предстает Homo sapiens» [8].

Разумеется, эпоха развитого модернизма и Фуллера в частности – время постоянного ожидания ядерной катастрофы, вся атмосфера времени пропитана им⁴. Ожидание становится почти обыденной нормой, но ведь известен эффект трансгрессии, когда происходит срыв, рвутся сдержки, энергии прорываются вовне. Но и трансгрессия теперь отнюдь не ведет к открытию реальности, к реальному освобождению, напротив, она уже учтена, уже имеет архитектурные эквиваленты. «Опасность трансгрессии задает структурам повседневности еще один слой задач на бдительность, практически перегружая и затопляя традиционные антропологические горизонты беспредельным напряжением. Невыполнимость требования «помнить все и не спать», требования, восходящего к ранним утопиям модернизма, к Декарту, довольно быстро привила вкус к эклектике забвения и, с другой стороны, ко всякого рода упаковкам негативных и нежелательных энергий во внешне рациональную форму или оболочку. Таковы купола Фуллера, картины Э. Хоппера, фильмы А. Хичкока, сеансы тишины Джона Кейджа; таковы банки супа «Кемпбелл» у Энди Уорхола и многое иное. Упаковка – вид забвения в ожидании⁵. Она стирает границы между случившимся и страхом ожидания, обостряет антинатуралистическое наслаждение стояния на краю времен и пространств, у среза всех мыслимых различий» [8]. Выше мы упомянули стерильные коробки «белой архитектуры» – эти комфортные кенотафы традиционного образа жизни, здравого смысла, классической семьи, привычного габитуса. Стоит добавить «блобы» – идеальные пузыри слизи, способные переварить в своей утробе вообще всякий смысл.

Проектная фабрикация

Суггестия предьявленной архитектурной формы – сильный прием убеждения в том, что перед вами что-то ре-

альное, достойное внимания и уважения, особенно, если грамотно использованы приемы артикуляции формы. «Со времен египетских пирамид [это] понятый и успешно эксплуатируемый прием объективации в архитектуре. «Вытолкнутое в объективацию» (выражение О. И. Генисаретского) и застывшее содержимое внутреннего мира автора всегда норовит выглядеть окаменевшей Истиной, даже когда она далека от музыки. Архитектура, несомненно, – мощное средство вменения, независимо от того, какие картины мира вменяются с ее помощью», – писали мы в работе о проблеме реальности в архитектуре [9].

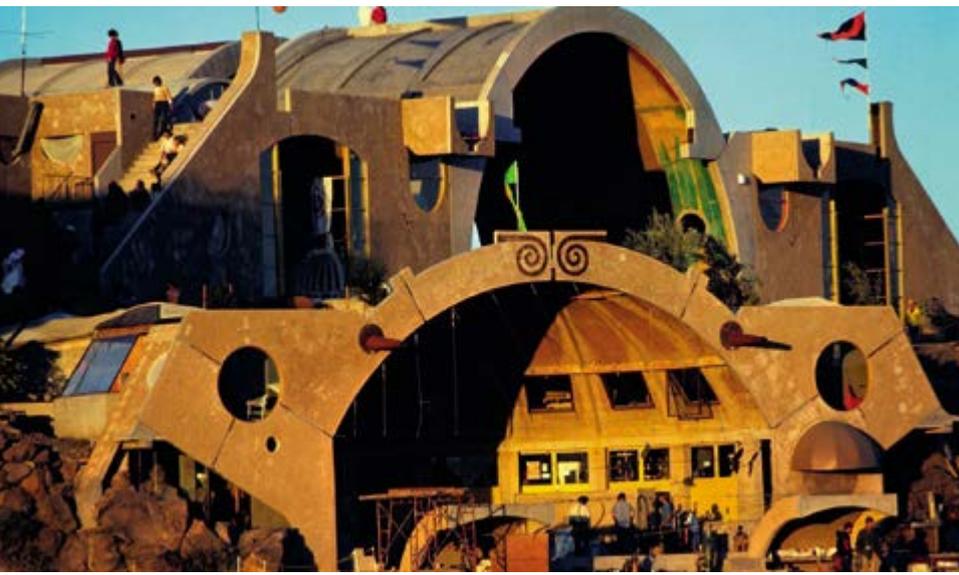
В архитектуре традиционной такие феномены не составляли проблемы, более того, на них единственно и делали ставку. Картины мира и содержание вменяемого были утверждены самыми высшими инстанциями, а приемы артикуляции формы применялись грамотно *par excellence*. То есть онтологический кризис не грозил, напротив, царила онтологическая гармония. Космос мог быть и не всегда за человека, но он оставался космосом, что и воплощала великая Архитектура.

С приходом проектного метода, с его углублением в процессах разделения труда и обособления профессии архитектора-проектировщика, ситуация кардинально меняется. «В наши дни превалирует веселый дух экспозиций. Формы создаются теперь не инструментом строителя, а карандашом чертежника», – сокрушался в 1908 г. А. Лоос [10, с. 152]. Проектирование существенно перестраивает архитектурную деятельность, открывает новые возможности, но и несет новые риски, полной чашей испытые архитектурой XX века, – и на долю XXI еще много осталось.

Проблематика генезиса проектного мышления и его взаимодействия с традиционным архитектурным сознанием слишком обширна и до сих пор нетривиальна, чтобы попытаться даже слегка раскрыть ее в небольшой статье, тем более касающейся этой проблематики лишь стороной. Для задач настоящей статьи ограничимся лишь одним тезисом: именно проектирование (так называемое архитектурное проектирование [11]) ответственно за те явления заигрывания с кризисными и катастрофическими тенденциями, о которых у нас речь⁶. Пожалуй,

5. Ожидаемое катастрофизма несравненно важнее, экзистенциально и эстетически глубже натурально воспринимаемого события или результата состоявшегося разрушения, ибо «в ожидании все возвращается в непроявленное состояние» (Морис Бланшо [18]). Прием нагнетания пугающих ожиданий искусно применялся в фильмах А. Хичкока; С. Дали говорил о своей картине: вот корзина с хлебом за миг до ядерного распада. В архитектуре также драматическая «выразительность» предчувствия обычно глубже, нежели искусственные, бутафорские руины (как у группы SITE, например).

6. Представление о том, что проектирование есть неотъемлемый атрибут архитектуры, кажется нам одним из заблуждений обыденного и профессионального сознания. Это представление не подтверждается историей, оно отражает присущие лишь нашему времени взгляды в проекции на все остальные времена и регионы существования того, что мы по устоявшемуся заблуждению привыкли считать Архитектурой – якобы единой и неделимой, подчиненной всегда и везде одним и тем же «объективным законам». Но никакого проектирования, насколько мы сегодня способны понять, не могло быть и не было в ремесленно организованном зодчестве, занятом материализацией прототипов [19]. И дело, разумеется, не столько в наличии или отсутствии чертежей и прочих средств технического проектирования, сколько в самом характере деятельности в целом. Неразличение типов архитектурной практики по их проектному содержанию – одна из главных причин непонимания процессов возникновения и развертывания профессиональной формы организации архитектурной деятельности, модернизма и других событий давней и недавней истории.



< Рис. 16. Аркозанти, поселение альтернативного образа жизни, Аризона, с 1970 года. Архитектор П. Солери. Вдохновенно соединяя модернистский проектный глобализм, сектансткую убежденность и квазиэкологические лозунги, Паоло Селери сумел завлечь массу молодежи в свои стилистически ничтожные и онтологически выморочные поселения

7. «Ситуация «смерти» (предмета, вещи, живописи, архитектуры, искусства в целом и т. д.) является едва ли не обязательной для концептуальных построений авангарда; только с ее констатации (или создания) начинаются позитивные действия на «освободившейся площадке». Эту установку сознания и действия унаследовал и модернизм, для которого «генетический код» разрушения предшествующего до основания явился моральным оправданием пренебрежительного отношения к контексту, будь то контекст среды исторического города, природы, памяти или традиции» [20, с. 60].

началось все это с экспериментов *l'architecture parlante* – «говорящей архитектуры» французского революционного романтизма. Опираясь на семиотику Просвещения, на заимствованные у естественной науки приемы построения абстрактных идеализаций реального, провоцируя всплеск воображения и позволяя свободу комбинации форм (все более «беспредметных»), проектирование далеко увело архитекторов от статичного мира классических образцов и сакральных прототипов.

Представления об объектах профессионального труда становятся проблемой – онтологической проблемой. Попытки решить ее, как мы говорили выше, за счет построения типологий, оставляют открытой энергию разбухнувшей креативности, всякий раз способную игнорировать любые типологии и перечни; зияние всего неосмысленного в объектном «поле» профессии накапливается и становится таково, что в него «проваливаются» уже любые типы и виды зданий и сооружений: «Много ли есть онтологически реального в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях, много ли есть реального в росте ненасытных потребностей? Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения», – писал Н. А. Бердяев (цит. по [12]). По Дж. Р. Р. Толкину, «самый чудовищный замок, который когда-либо извлекался из мешка великана в древних кельтских сказаниях, не только намного менее уродлив, чем любое промышленное предприятие, но и гораздо более реален» [13, с. 84–85].

«Ирреальность архитектуры не только нарастает от десятилетия к десятилетию, но и все менее опознается в качестве таковой самими архитекторами (манifestацию ирреальности как ценности мы здесь вообще не обсуждаем, однако, как известно, имеет место и она)... При уже сегодняшней мощи реализаторских машин можно что угодно реализовать, но это реализуемое не обретает тем самым автоматически категориальных прав Реального, а проект не получает право автоматически именоваться реалистичным. То, что подмены и отождествления все же происходят, – едва ли не главная беда

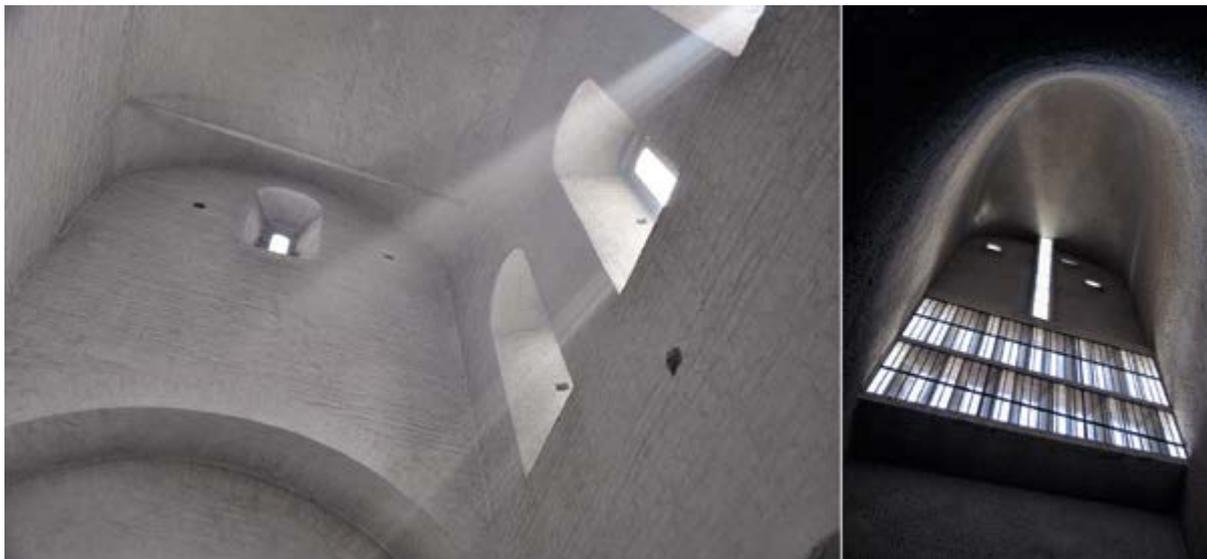
современности и точно главная вина архитектурной профессии сегодня. Экологический кризис – результат безудержного производства – может показаться старой доброй неприятностью в сравнении с уже начинающимся онтологическим кризисом – результатом самодостаточных реализаций» [9].

Сегодня приходится признать, что освобождение проектной креативности далеко не всегда сопровождается сомасштабным ему ростом рефлексивной дисциплины творцов-проектировщиков; гораздо чаще они становятся, по Платону, «фабрикантами эйдолонов».

Итого

Онтология – это не мир как он есть, не Бытие (мы не знаем о нем ничего и сегодня). Онтология – наши построения, картины, парадигмы, гипотезы, прыжки и ужимки пред великим и вечным вызовом Бытия. Они могут оказаться относительно приемлемы какое-то время, могут быстро приходить в негодность, впадать в состояние кризиса. Чем мы проще, тем устойчивее, вернее и надежнее наши онтологиемы. Да чего уж, они и есть сама Истина! Но чем сложнее мы организованы, чем больше у нас знаний и чем больше в нас критицизма, тем короче срок жизни всяких объяснительных конструкций, парадигм, научных теорий или догм (с догматами веры сложнее: они, как оказалось, вне этой закономерности). Вероятно, совсем уж сложная организация и вовсе опережает всякие сроки жизни концептов и институтов, будучи вынуждена регулярно диагностировать их безвременную наступившую кончину⁷.

Однако скепсис и критическое мышление не позволяют обойти всех ловушек. Так, если мы строим логику наших действий – проектных, творческих, исследовательских – исходя из ставшего обычным требования научности, сиречь непротиворечивости, логичности и воспроизводимости (проверяемости) результатов, то тем надежнее мы погружаемся в пучину слепого доверия однажды принятым и усвоенным догмам, в особый тип суеверия – сциентизм. Стоит критической рефлексии «выдержать» сознание из него, как оно тут же рискует впасть в другую прелесть – попасть под обаяние художественного формализма, где «объектами» становятся, т. е. обретают



< Рис. 17. Свет в православном храме (слева, фото О. И. Генисаретского) и световые эффекты в капелле Роншан (справа, фото И. Г. Лежава). Пародия Корбюзье не только несет черты натуралистического гротеска, но и явственно сообщает: бога нет

плоть, фантомы субъективного воображения, стереотипы массовой культуры, модные конвенции или случайные ассоциации. А пространство обитания всего перечисленного уже научилось защищаться от строгих аналитических взглядов под маской актуального средства борьбы с тем или иным кризисом, прибегая к приему драматизации формы, совмеща мнимую очевидность с чаемой эффективностью (что в итоге дает лишь визуальную эффектность).

Начав с гуманистической борьбы за предотвращение экстремальных событий и их последствий, актуальное искусство, архитектура и проектность быстро осознали свою заинтересованность в катастрофах и кризисах, обнаружили в них не только эстетические, но и этические аргументы, выработали особую конфигурацию таких

понятий, категорий, образов, которая позволяет воспроизводиться кризисным ожиданиям, играть на их возгонке. И тенденция, увы, не ограничивается модернизмом как историческим периодом.

По крайней мере часть профессионалов сегодня активно используют указанную конфигурацию – вольно или невольно, и часть эта существенна. Так сама архитектура не только не способствует избавлению от кризисов, но провоцирует их – иногда прямо и непосредственно, но чаще тонко и опосредованно. Это неприятное «открытие» способно, в свою очередь, объяснить причины неразрешимости внутрипрофессиональных кризисных состояний: неадекватность форм видения мира (в том числе его частных «объектов») и знаний о нем; малую реалистичность избранных способов действия;

в Рис. 18. Свет в военном бункере (слева) и в интерьере дома, построенного для себя Й. Утсоном (справа). Сколько бы ни разглагольствовал именитый автор о «движении солнца» или самого «космоса» в его жилище, прототип его инспираций очевиден и очевидно убог. Прекрасный пример онтологической вторичности послевоенной западной архитектуры



> Рис. 19. Архитектурные эквиваленты всяческой трансгрессии давно уже стали модным вокабулярием для многочисленных подражаний. Заметим: «веселый дух экспозиций», особенно всемирных ЭКСПО, отнюдь не способствовал становлению архитектурного вкуса нашей и без того безумной эпохи [23]. «Профессия же пошла по обычному для себя сценарию морфологических пристрастий, по пути форсирования выразительности формального словаря, подчинив его идеологическим и/или коммерческим задачам. В результате она оказалась наследницей мертвого языка и заложницей прогрессистского самодвижения цивилизации XX века, в котором ей оставалось лишь делать «хорошую мину при плохой игре» – смысл используемого ею синтаксиса свелся к поддержанию конвенции о том, что архитектура все еще «выражает» дух современности» [24, с. 34]. Онтологический кризис в архитектуре сегодня, в отличие от Нового времени и даже от модернизма 1930–1950-х, чаще всего приобретает форму довольно натуралистических репрезентаций при полной их концептуальной беспомощности



иллюзорность модных конфигураций рефлексии; несогласованность социальной роли архитектора и способов построения им своего творческого самообраза и пр. Все эти и многие другие аспекты профессионального ментального пространства сильно «отравлены» описываемой интенцией. Осознать последнюю, выстроить ей альтернативы – важнейшая задача развития профессии нескольких последних и грядущих десятилетий.

Литература

- Капустин, П. В. Швы и шрамы архитектурной мысли // Проект Байкал. – 2022. – № 74. – С. 128–137
- Эко, У. Маятник Фуко. – СПб.: Симпозиум, 2001. – 764 с.
- Деррида, Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
- Капустин, П. В. ВХУТЕМАС: вопросы к новому осмыслению // Архитектура и строительство России. – 2020. – № 3(235). – С. 12–17
- Вирильо, П. Бункер археология Пер. А. Тарханова // ARCHITECTON. Изв. вузов. – 1993. – № 2. – С. 91–99
- Уиттик, А. Европейская архитектура XX века. – М.: Стройиздат, 1964. – Т. 2. – С. 66–160.
- Norberg-Schulz, Ch. The Prospects of Pluralism // Architectural Design. – 1989. – Vol. 59. – N 11–12. – P. 9–13
- Капустин, П. В. На излете утопии, на изломе инженерии: Бакминстер Фуллер // ARCHITECTON. Известия вузов. – 1995. – № 1–2. – С. 55–59
- Капустин, П. В. Тезис о «леонидовщине» и проблема реальности в архитектуре и проектировании. Ч. 2 // ARCHITECTON. Изв. вузов. – 2007. – № 20. – URL: http://archvuz.ru/2007_4/9 (дата обращения: 15.01.2023).
- Лоос, А. Орнамент и преступление. Архитектура // Мастера архитектуры об архитектуре. – М.: Искусство, 1972. – С. 143–157
- Капустин, П. В. Существовало ли «архитектурное проектирование»? // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 75–87
- Онтологический кризис. – URL: https://studbooks.net/666234/kulturologiya/ontologicheskij_krizis (дата обращения: 15.01.2023).

- Толкин, Дж. Р. Р. Дерево и лист. – М.: Прогресс-Гнозис, 1991. – 144 с.
- Хайдеггер, М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. – СПб.: Алетейя, 2000. – 290 с.
- Генисаретский, О. И. Пространства рефлексивных состояний. – URL: <https://www.fondgp.ru/publications/пространства-рефлексивных-состояний> (дата обращения: 15.01.2023).
- Слотердайк, П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. В. Перцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 584 с.
- Саввин, Н. Последний час Земли. Кто придумал бояться конца света, как он стал оружием манипуляций и почему никак не наступает? – URL: <https://m.lenta.ru/articles/2022/11/27/apocalypse/> (дата обращения: 15.01.2023).
- Бланшо, М. Ожидание забвения. – СПб: Амфора, 2000. – С. 113–114
- Капустин, П. В. Прототипы без проектирования? // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 68–75
- Капустин, П. В. История дизайна в документах: тексты, дискуссии, мнения: хрестоматия: в 3 ч. – Воронеж: Изд-во ВГАСУ, 2010. – Ч. 1. – 186 с.
- Мерло-Понти, М. Око и дух. – М.: Искусство, 1992. – 63 с.
- Мейер, Г. Как я работаю // Мастера архитектуры об архитектуре. – М.: Искусство, 1972. – С. 362–364.
- Капустин, П. В. Всемирные выставки: экстремальная территория архитектуры // Архитектурные исследования. – 2019. – № 1(17). – С. 24–33
- Капустин, П. В. Век тотальной редукции // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 32–39

References

- Blanchot, M. (2000). *Awaiting Oblivion*. SPb: Amphora.
- Derrida, J. (2000). *Of Grammatology*. Moscow: Ad Marginem.
- Eco, U. (2001). *Foucault's Pendulum*. SPb: Symposium.
- Genisaretsky, O. I. (1999). *Prostranstva refleksivnykh sostoyaniy* [Spaces of Reflexive States]. Retrieved January 15, 2023, from <https://www.fondgp.ru/publications/пространства-рефлексивных-состояний>



Heidegger, M. (2000). On the essence of ground. Articles and fragments. SPb: Aletheia.

Kapustin, P. V. (1995). Na izlete On the eve of utopia, on the fracture of engineering: Buckminster Fuller ARCHITECTON. Proceedings of higher education, 1-2, 55-59.

Kapustin, P. V. (2007). Tezis o "leonidovshchine" i problema realnosti v arkhitekture i proektirovanii [The thesis of "leonidovshchina" and the problem of reality in architecture and design]. PART 2. ARCHITECTON. Proceedings of higher education, 20. Retrieved January 15, 2023, from http://archvuz.ru/2007_4/9

Kapustin, P. V. (2010). Istoriya dizaina v dokumentakh: Teksty, diskussii, mneniya: Khrestomatiya: V 3 ch. [The history of design in documents: Texts, discussions, opinions: Reader: In 3 parts]. Voronezh: VGASU Publishing House.

Kapustin, P. V. (2017). Was there an "architectural design"? [Sushchestvovalo li arkhitekturnoe proektirovanie?]. In Issues of the Theory of Architecture: Modern Experience of Professional Self-Reflection (pp. 75-87). Moscow: LENAND.

Kapustin, P. (2019a). A century of Total Reduction. Project Baikal, 16(59), 32-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1428>

Kapustin, P. V. (2019b). World Exhibitions: Extreme territory of architecture. Architectural Research, 1(17), 24-33.

Kapustin, P. (2020a). Prototypes without design? Project Baikal, 17(66), 68-75. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1720>

Kapustin, P. V. (2020b). VKhUTEMAS: voprosy k novomu osmysleniyu [VKhUTEMAS: Issues for New Understanding], 3(235), 12-17.

Kapustin, P. V. (2022). The seams and scars of architectural thought. Project Baikal, 19(74), 128-137. <https://doi.org/10.51461/pb.74.22>

Loos, A. (1972). Ornament and crime. Architecture. In Masters of Architecture on Architecture (pp. 143-157). Moscow: Art.

Merleau-Ponty, M. (1992). Eye and mind. Moscow: Art.

Meyer, H. (1972). How I Work. In Masters of Architecture on Architecture (pp. 362-364). Moscow: Art.

Norberg-Schulz, Ch. (1989). The Prospects of Pluralism. Architectural Design, 59(11-12), 9-13.

Ontologicheskii krizis [Ontological crisis]. Retrieved January 15, 2023, from https://studbooks.net/666234/kulturologiya/ontologicheskii_krizis

Savvin, N. (2022, November 27). Posledniy chas Zemli. Kto pridumal boyatsya kontsa sveta, kak on stal oruzhiem manipulyatsiy i pochemu nikak ne nastupaet? [The Last Hour of the Earth. Who invented the fear of the end of the world, how did it become a weapon of manipulation and why does it never come? Retrieved January 15, 2023, from <https://m.lenta.ru/articles/2022/11/27/apocalypse/>

Sloterdijk, P. (2001). Critique of cynical reason (A.V. Pertsev, Trans.). Yekaterinburg: Publishing house of Ural State University.

Tolkien, J. R. R. (1991). Tree and leaf. Moscow: Progress-Gnosis.

Virilio, P. (1993). Bunker Archaeology (A. Tarkhanov, Trans.). ARCHITECTON. Proceedings of higher education, 2, 91-99.

Whittick, A. (1964). European architecture in the twentieth century. Moscow: Stroyizdat.

Рождение новой посткризисной архитектуры, сомасштабной человеку и отражающей глубинные философские и идеологические основы общества, возможно, если эти основы не разрушены. Кризисы, переживаемые архитектурой в XX – начале XXI века, связаны с утратой обществом идеологического фундамента. Исчезновение символических деталей в архитектуре – деталь общего кризиса культуры.

Ключевые слова: архитектура; символическая деталь; идеологический фундамент; кризис./

The birth of a new post-crisis architecture, human-scaled and reflecting deep philosophical and ideological foundations of the society, is possible if these foundations are not destroyed. The crises experienced by architecture in the 20th and early 21st centuries are related to the loss of ideological foundations of the society. The disappearance of symbolic details in architecture is a detail of the general crisis of culture.

Keywords: architecture; symbolic detail; ideological foundation; crisis.

Кризис детали как деталь кризиса / The crisis of a detail as a detail of the crisis

текст

Елена Багина

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина /
text

Elena Bagina

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

Слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой – «благоприятная возможность»

Джон Ф. Кеннеди

О кризисах

Кризис – перелом, переворот, пора переходного состояния, которая может завершиться позитивно для системы или негативно – разрушением старой системы. На протяжении XX века архитектура пережила несколько кризисов, в результате которых, казалось бы, должна была полностью разрушиться идеология классицизма и эклектики, основанная на выработанном веками языке ордерных и стилевых форм.

«Современная архитектура» завоевала свои позиции после Первой мировой войны на волне революционных потрясений и иллюзий достижения социальной справедливости. Эклектика и неоклассика должны были бы, по мысли авангардистов, остаться в прошлом. Но этого не случилось. Ар-деко, отличавшееся «всеядностью», переварило, приспособив к буржуазным вкусам, и авангардные формы, и архитектурные стили прошлого, создав некую смесь. Идеология ар-деко позволяла пользоваться для создания художественного образа любым набором значимых деталей, характерных для любых времен и любых стилей. Можно сказать, что ар-деко – модифицированная эклектика, получившая «прививку» авангарда.

В 1970-х годах модернистские идеалы подверглись критике за негуманность и утопизм. Негуманность виделась прежде всего в отсутствии символических деталей, сомасштабных человеку, отсутствии декора, традиционно соотносящегося с понятием красоты.

Стремление модернизма средствами архитектуры достичь социальной справедливости стало восприниматься как заблуждение, отсутствие символически осмысленных деталей – как несомасштабность человеку, а «честность» материалов – как грубость.

Крупные жилые комплексы, на которые в решении социальных проблем возлагали большие надежды, превратились в гетто. Историческая городская среда, сложившаяся в основном в эпоху эклектики и модерна, избыточная «говорящими» деталями, вновь стала ценностью. Но кризис модернизма ввел в теорию архитектуры категорию комического. Сарказм, ирония и юмор стали отличительной чертой постмодернизма. В архитектуре комическое проявилось в гротескных деталях и абсурдных сочетаниях элементов. Абсурд в архитектуре (и в культуре в целом) – явление новое. Иррациональная логика абсурда позволяет взглянуть на привычные явления с другой точки зрения. Положительная роль абсурда заключается в возможности мыслить глубже и шире. Воспитание общества абсурдом в литературе, живописи, театре, архитектуре – подготовка к коренным изменениям в жизни общества и культуры [1].

«Современная эпоха, – утверждает Г. Лебон, – представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных фактора. Первый – это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй – это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности» [2, с. 125].

Сторонники постмодернизма в архитектуре не без оснований утверждали, что «региональные и локальные особенности предпочтительнее интернациональной безликости, а традиционные улицы и площади с застройкой



> Особняк ар-деко

по красной линии и насыщенным общественными функциями первым этажом гораздо лучше отвечают потребностям городского жителя, чем свободная планировка. С их точки зрения, орнамент и "говорящие" архитектурные формы нравятся людям, а модернисты, отвергавшие все это как дурной вкус, просто снобы» [3].

Первые признаки постмодернизма в середине 1950-х годов появляются в итальянской архитектуре и американской литературе. К концу 1960-х годов кризис модернизма становится явственным во всех странах и распространяется на все области культуры. Постмодернистская тенденция становится устойчивой. В немалой степени этому явлению способствует новейшая философия. Особую роль в этом процессе сыграло появление в 1979 году книги «Состояние постмодерна» французского философа Ж. Ф. Лиотара. В архитектуре эру постмодерна провозгласил Чарльз Дженкс, назвав даже точную дату наступления этой эры, хотя точная дата, конечно, чисто риторический прием.

По мнению немецкого философа Ю. Хабермаса, утверждения о разрешении кризиса модернизма постмодернизмом не имеют достаточных оснований. Он считает, что модерн – незавершенный проект. И такое утверждение имеет под собой основание. Массовое жилищное строительство все так же безлико и лишено деталей, как и пресловутые модернистские жилые комплексы 1960-х – 1970-х годов, предназначенные для основной массы населения. Новые строительные материалы и технологии позволяют сделать здания аккуратней. Но от того, что нынче модны клеточки черно-коричневые, а завтра будут модны клеточки серо-оранжевые, ничего не меняется, кроме того, что этажей в безликих домах становится все больше и больше.

Архитектура общественных зданий тоже продолжает тенденции, которые возникли еще в первой половине XX века. Символически осмысленных деталей там тоже нет. А усложнение формы дает лишь кратковременный эффект удивления. Изогранные здания-аттракционы появляются по всему миру. Конструкторы соревнуются, делая, казалось бы, невозможное – возможным.

Есть также мнение, что постмодернизм – явление, характерное для любой эпохи, переживающей культурный кризис, то есть это – трансисторическое явление. Многие теоретики определяют постмодернизм как особую эпоху, связанную с возникновением постиндустриальной цивилизации.

Закончилась ли эпоха постмодернизма?

Закончилась ли эпоха модернизма? Эти вопросы неизбежно возникают, если считать, что стили последовательно меняют друг друга – заканчивается один и начинается другой. Но эта модель условна. Действительность намного сложнее. Мы живем в эпоху перемен, и в зыбком изменчивом мире неизменным оказывается классический ордерный язык архитектуры, неумирающая эклектика и миропонимание ар-деко, рожденное в Интербеллуме, между Первой и Второй мировыми войнами. То новое в архитектуре, что рождается в Интербеллуме между Второй мировой войной и Третьей, которая уже набирает обороты, проявится в культуре, когда будет выстраиваться послевоенный мир. На пике нового мирового кризиса, который сегодня ощущается во всех сферах жизни, нельзя сказать, родится ли принципиально новая архитектура или будут развиваться существующие тенденции.

О деталях

Слово «деталь» было заимствовано из французского языка в середине XIX века. Первоначальное его значение – подробность, частность, мелкая составная часть. Французское слово *detaillier*, известное с XII века, дословно переводится как «разрезанное на части».

Деталью может быть любая вещь, любое явление. Все зависит от масштаба рассмотрения. Наша галактика – деталь Млечного пути, планета Земля – деталь Солнечной системы, и так до бесконечности – от микромира до макромира. Но такое широкое рассмотрение детали не входит в задачу статьи. Ограничимся традиционным пониманием детали, которое сложилось в ордерной архитектуре. Архитектурная деталь – значимый и в композиционном, и в символическом плане пластический элемент здания. Архитектурная деталь может не иметь конструктивного смысла, а может и иметь. Одна и та же деталь может использоваться в разных масштабах, и сказать, что архитектурная деталь – вещь относительно малого размера – нельзя.

Так, арка может быть огромной, может быть маленькой. Волота может достигать огромных размеров, может быть небольшой. Наиболее значимые архитектурные детали – колонна и арка, например, – могут существовать и как отдельно стоящие объекты. В этом случае используется их символический потенциал.

Архитекторы, рассуждая о деталях, говорят, что детали могут выражать структуру здания, зрительно увеличивать или уменьшать его размеры, придавать ему легкость или массивность, что архитектурные детали используются для взаимосвязи масштаба человека с масштабом постройки, масштаба постройки – с масштабом города. С этими утверждениями не стоит спорить. Но это только малая часть функций архитектурных деталей. Говорят еще, что детали определяют стиль.

Дьявол кроется в деталях

Но и Бог тоже в деталях. Мисовское «чуть-чуть» – это о божественности детали. Дьявол изрядно пошутил с последователями Миса ван дер Роэ. «Меньше» в их постройках не стало «больше»; скорее – ничтожно мало. Гармония абстрактных форм как отражение абсолютной истины – неоплатонический идеал Миса ван дер Роэ. Его последователи вряд ли глубоко понимали философию мастера. Они копировали внешние признаки минималистической архитектуры. Мис ван дер Роэ писал: «В 1900 году в Европе была группа очень талантливых людей, которая основала движение "Ар-нуво". Они стремились создавать все по-новому: новые дома, новые костюмы, новые ложки, новую жизнь – все новое. Они думали, однако, что это вопрос формы. В целом движение осталось типичной модой и никогда не выходило за ее пределы... Мне стало ясно, что вводить новые формы – не задача архитектуры. Я пытался понять – что же является ее задачей? Я спрашивал Питера Беренса, но он не смог мне ответить. Может быть, он просто не понимал вопроса. Мы пытались отыскать ответ сами. Мы исследовали залежи древней и средневековой философии. С того времени, как мы поняли, что это – вопрос истины, мы пытались найти, чем же действительно является истина. Мы были очень обрадованы, найдя определение истины у Фомы Аквинского, как выражают это современные философы на сегодняшнем языке: "Истина есть сущность факта". Я никогда не забываю этого. Это обнадеживающий и направляющий свет. Чтобы понять, чем действительно является архитектура, мне понадобилось пятьдесят лет – полстолетия» [4].

Философия Людвиг Миса ван дер Роэ базировалась на понимании того, что здание как строение не имеет ценности само по себе. Оно является всего лишь зеркальным отражением текущей эпохи. Строение приобретает свою ценность, когда в нее вкладывается высший смысл.

Высший смысл в искусстве искал и Пит Мондриан, последователь Елены Блаватской и убежденный теософ. Неопластицизм Пита Мондриана и группы «Де Стейл» прост лишь на первый взгляд. Но до «второго взгляда» большинство последователей Пита Мондриана и Тео



^ Интерьер ар-деко



> Людвиг Мис ван дер Роэ



ван Дусбурга, как правило, не доходят. Бессмысленное рисование прямоугольных сеток и раскрашенных квадратов в честь авангардистов начала XX века до сих пор популярно.

В 1924 году Тео ван Дусбург сформулировал шестнадцать принципов новой архитектуры. Основным было то, что форма должна быть независимой от предыдущих стилей и здание должно состоять из отдельных плоскостей, которые являются порождением одной идеи и выполняют общую функцию. Элементами архитектуры были названы функция, масса, поверхность, время, пространство, свет, цвет и материал.

Маленький домик в Утрехте, построенный в том же 1924 году участником группы «Де Стейл» Герритом Ритвельдом для госпожи Трюс Шредер и ее троих детей, стал материальным воплощением идей Тео ван Дусбурга и его единомышленников.

Отцов «современной архитектуры» можно по пальцам перечислить, подражателей – несть числа. Кризис модернизма лежит отчасти на совести подражателей. Их постройки, лишённые философии мастеров, потеряли статус архитектуры и стали строительным дизайном.

*У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
то трезво завершат карандаши [5].*

Это стихотворение Иосифа Бродского часто цитируют. Но в кризисе и неприятии архитектуры модернизма виновен не Шарль Эдуард Жаннере и даже не его брат и соавтор Пьер, и не архитекторы, считавшие, что массовое жилищное строительство может помочь установить социальный мир. Эпигоны, поверившие, что минимализм и отсутствие символически осмысленных деталей, составлявших «словарь» классической архитектуры, и есть суть современной архитектуры, немало способствовали кризису. Отсутствие деталей и устойчивых правил их соединения сыграли с ними злую шутку. А композиционных приемов и стилевых элементов у модернистов, которым можно подражать, совсем немного.

Элита, ценящая дорогие и хорошо сделанные вещи, старается заказывать особняки, нередко предпочитая ар-деко или неоклассику как апробированные варианты, где есть понятные архитектурные детали. Правда, элитные строения тоже часто минималистичны. Но, как всегда, все дело в деталях, иных деталях: стены отделанные ониксом, змеевиком, цветным мрамором, полированная сталь, бронза... et cetera... Во все времена использовали мрамор, оникс, порфир для отделки помещений и фасадов. Но плоскости полированного камня не были главными «говорящими» элементами. Они были фоном. О философии формы плоскости полированного камня стали говорить только в архитектуре модернизма, но беда в том, что эта философия была понятна очень узкому кругу, она не стала идеологией общества.

Смысл нейтральных плоскостей в архитектуре, родившейся после Первой мировой войны – отрицание былого, той культуры, которую смела череда социальных потрясений и революций. Обитатели минималистичных особняков в 1920-х – 1930-х годах старались жить в них вне связи с прошлым и без надежд на будущее, сегодняшним днем. Таковы были умонастроения Интербеллума.

Недаром в барселонском (выставочном!) павильоне Миса ван дер Роэ (1929) не экспонировалось ничего, кроме архитектуры, дорогой, «иной» архитектуры. Эта архитектура строилась на игре разнофактурных плоскостей – каменных, стеклянных, бетонных, пересекающихся под прямыми углами. Павильон после выставки демонтирован и отправлен в Германию, где следы его затерялись.



^ Здание M2 в Токио. Архитектор Кенго Кума



^ Кадр из фильма «Метрополис»

В 1983 году его решили восстановить. В 1986 году он был восстановлен. И снесли, и восстановили это строение не случайно. Снесли – потому что люди, принимающие решение, не понимали эстетику Миса. Восстановили – потому, что их преемникам объяснили, насколько это прекрасно. Поняли ли восстанавливающие эстетику неотомистской архитектуры – вопрос. Но архитектор к тому времени уже был признан гением. И тут хочешь не хочешь нужно делать понимающее лицо. Посещают барселонский павильон в основном архитекторы, искусствоведы и продвинутые эстеты. Для прочей публики ближе Средневековый квартал и фантастические строения Антонио Гауди.

Любителей минимализма среди представителей имущих классов всегда было немного. Ар-деко ближе и теплее для многих из них, если не сказать что для большинства.

Я избегаю называть ар-деко стилем. Стиль ли это вообще – сказать сложно. Стилем это направление в искусстве и архитектуре не позволяет назвать его всеядность. Скорее это миропонимание, выраженное в эклектических, не функциональных и не рациональных формах. В ар-деко символическая деталь в почете. И уж точно нет того, что называют демократизмом.

Фриц Ланг со своим фильмом «Метрополис» (1927) оказался провидцем. В фильме сосуществуют три направления архитектуры, которые в конце 1930-х годов были популярны: ар-деко, экспрессионизм и функционализм.

Ар-деко характерен для буржуазной части «Метрополиса», который в фильме Фрица Ланга копирует увеличенный во много раз Нью Йорк. Функционализм – стиль для части Метрополиса, предназначенной для рабочих: там жилые дома-коробки без какого-либо признака декора и связи с контекстом. Эти дома – своего рода экстраполяция, предсказание. Ни реальные рабочие трущобы того времени, ни модернистские эксперименты поселка Вайсенхоф (1927), в котором строили образцово-показательные дома для рабочих Ле Корбюзье, Вальтер Гропиус, Людвиг Мис ван дер Роз и другие, так не выглядели. Вайсенхоф был изысканным эстетическим экспериментом. Потом, чуть позднее, появились при-

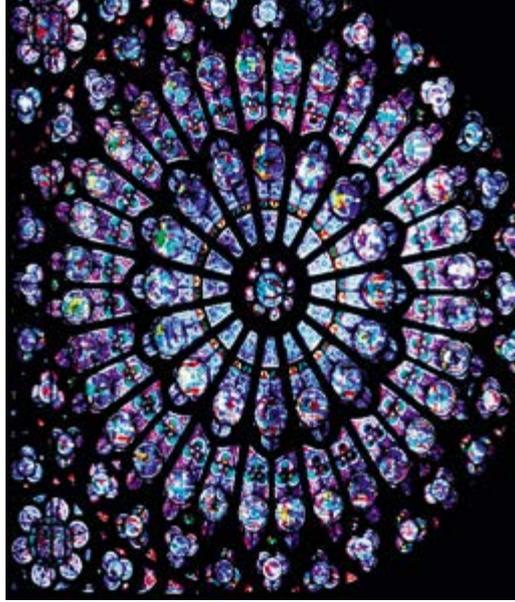
митивные дома-коробки и в рабочих районах крупных городов.

Но и «роскошный» квази-Нью-Йорк, и рабочие кварталы под землей не главное, хотя точно угадан стиль жизни имущих и неимущих классов. Ведущая роль в фильме у экспрессионизма. Циклопическая Вавилонская башня – выход, спасение для общества, истинный путь архитектуры. В ее облике цитаты работ Эриха Мендельсона, Гетеанума Рудольфа Штайнера, стеклянного павильона Бруно Таута, построенного еще в 1914 году [6].

Пространственное разделение архитектуры с деталями и без них в «Метрополисе» осуществлялось по вертикали. В некоторых крупных городах с высотной застройкой сегодня такое разделение тоже можно наблюдать. Но по большей части разделение идет по горизонтали. Причем пространственные разрывы между различными «зонами» велики. В предместьях крупных городов возникают некие «запретные города», где строят замки и подобия помещичьих усадеб, где можно увидеть и подражание корбюзиянским виллам, и даже творения Захи Хадид. Особняки, напоминающие строения XIX века, тем не менее, наиболее востребованы в анклавах новой буржуазии.

В отличие от жилых комплексов, которые стали самой популярной темой в архитектуре XX–XXI века, элитные поселки не видны. Пластически сложных деталей там быть не может, потому что любое удорожание не приветствуется. Но в результате архитектура становится бессмысленной, то есть перестает вообще быть архитектурой. Судьба взорванного жилого комплекса в Приюитт Айгоу, просуществовавшего с 1954 по 1974 год, ждет и новые жилые дома, построенные в XXI веке. И не спасут ни газончики, ни пластиковые стандартные детские площадки. Жизнь в таких домах убога по определению, сколько ни рекламируют их «обслуженность» детскими дошкольными учреждениями, школами, магазинами, сколько ни говорят о комфорте проживания в крошечных клетушках на энном этаже, иногда даже «с прекрасным видом».

Как всегда, творцы и идеологи безликой архитектуры предпочитают жить в центре Петербурга (Москвы, Лондона, Берлина и т. п.) в старых домах с высокими



^ Готическая роза



^ Гравюра на обложке манифеста Баухауза. 1919

потолками, фасады которых украшены колоннами, пилястрами, маскаронами...

О самостоятельности и отдельной жизни деталей

Антон Павлович Чехов однажды сказал, что без детали вещь не живет и именно деталь способна передать максимальное количество информации. В архитектуре, литературе, кино изобразительном искусстве с помощью детали можно получить ключ к постижению смысла.

Архитектурная деталь, имеющая устойчивое смысловое поле, может стать даже отдельным сооружением, не потеряв своего смысла. Множество колонн живут отдельно от зданий. Более того, они становятся значимее тех колонн, которые выстраиваются в ряд в колоннадах. Например, Колонна Траяна, Вандомская колонна, воздвигнутая в честь побед Наполеона Бонапарта в Париже, Александровская колонна на Дворцовой площади в Петербурге... Да мало ли колонн поставлено по всему миру на площадях в память о великих событиях и людях!

Колонна может переродиться и в отдельное здание. Эта деталь так же, как Нос у Гоголя, становится отдельным персонажем. Можно возразить, что Гоголь использует прием, называемый абсурдом. Но ведь и известный конкурсный проект Адольфа Лооса на здание редакции

газеты «Чикаго Трибьюн» (1922) – небоскреб в форме гигантской дорической колонны – тоже в какой-то степени абсурд. Архитектурная деталь у Лооса превратилась в здание. Проект не был реализован, но само его появление симптоматично. Марк Витрувий Поллион, написавший «Десять книг об архитектуре», видел в дорическом ордере «пропорции, крепость и красоту мужского тела». Ассоциации с «крепким парнем» в этом проекте Лооса вряд ли были случайностью.

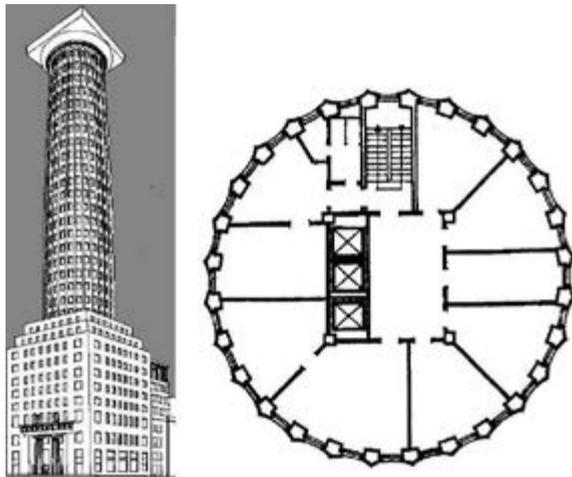
Небоскреб «Классическая колонна», возведенный по проекту китайского бюро Skidmore Owings & Merrill в провинции Чженчжоу в 2013 году – тоже гигантская отдельно стоящая колонна, напоминающая в силуэте колонны китайских храмов. Главный архитектор SOM отзываясь о постройке так: «Колонна – это наш канонический символ, который с некоторых пор существует вне времени. Работая над проектом, мы хотели создать нечто такое, что совместило бы в себе самые современные технологии с «лицом» нашей культуры» [7]. Оказывается, лицо китайской культуры – колонна.

Арка как архитектурная деталь обладает не меньшим потенциалом самостоятельности, чем колонна. Отдельно стоящие арки – не редкое явление. Арка в структуре здания символизировала небесный свод. У многих народов в обрядах инициации прохождение через арку означает новое рождение после полного отказа от своей старой природы. Прохождение под Триумфальной аркой – апофеоз победы.

Об информативности и символике архитектурных деталей

Некогда (чуть больше века назад) полагали, что колонны, капители, пилястры, атланты, кариатиды, рельефы, каменные гирлянды цветов и фруктов, маскароны и пр. составляют живой «портрет» фасада. Говорят, что в Петербурге и сейчас можно увидеть около 19000 разных маскаронов. У этого скульптурного элемента, украшающего здание, была сакральная функция – оберегать и защищать от темных сил.

Символическая природа архитектурных деталей, структура которых отрабатывалась веками, позволяла «читать» здание как книгу не только узкому кругу посвященных,



> Проект здания газеты «Чикаго Трибьюн». Архитектор Адольф Лоос



< Доходный дом Мурузи.
Санкт-Петербург

но и всем членам общества. Понятно, что для этого общество должно было иметь единую идеологию. Конечно, тонкости алхимических и теологических толкований различных деталей средневековых готических соборов были доступны немногим, но для большинства в герметических знаниях и не было необходимости. Достаточно было христианской мифологии.

Характерной деталью готических соборов было круглое окно, называемое розой. Обыкновенно в здании их было несколько. Северная роза никогда не освещалась. Южная же сверкала под лучами солнца. Сюжеты витражей для северной и южной розы подбирались соответствующие. Например, для южной розы характерным сюжетом было Преображение Господне. Самой главной розой была центральная, называемая *rota* (колесо). Символика витражей в центральной розе была связана с изменчивостью мира, цикличностью времен года и, конечно, с алхимическим Великим делом (лат. *magnum opus*), процессом получения философского камня и достижением просветленного сознания, слияния духа и материи.

Алхимические трактовки различных деталей собора были двойственными. Например, крест, в форме которого обычно построены соборы, являлся в то же время алхимическим символом первичных мучений высвобождения духовного из материального [8].

Не случайно архитектурные детали как смысловые элементы в течение многих веков в разных культурах отрабатывались в культовых сооружениях и дворцах знати. Поиски нового архитектурного языка в первые послереволюционные годы в Советской России, следовательно, и новых символических деталей, выражающих новую идеологию, начались с архитектурных конкурсов. Понятно, почему в названии темы было слово «дворец»: «Дворец Рабочих в Петрограде» (1919), «Дворец Труда в Москве» (1922–1923) и не было слова «храм». Новая марксистская идеология (по сути, новая религия) была атеистичной. В конкурсных проектах 1920-х годов архитекторы, воспитанные на ордерной грамматике, рисовали капители, колонны, арки и пр. Ничего другого они не умели. Некоторые проекты напоминали храмы.

Некоторые – американские небоскребы (проект «Дворца Труда» братьев Веснинных).

Строить монструозные сооружения, которые рисовали архитекторы, никто не собирался ни в 1919-м, ни в 1923 году. Это была работа на будущее.

Выработать символические детали новой архитектуры было необходимо для пропаганды марксистской идеологии, которая претендовала на то, что станет единственной и всеобщей. Но не получилось. Ни архитекторы, воспитанные в эпоху эклектики, неоклассики и модерна, ни советские авангардисты не были способны создать новый символический язык архитектуры с «говорящими» деталями, понятными всем. В начале 1930-х годов вернулись к ордерной архитектуре, и в коринфских капителях появились пятиконечные звезды, а в орнаментах – серпы и молоты...

«Мы хотим вместе придумывать и создавать новое здание будущего, где все сольется в едином образе: архитектура, скульптура, живопись, – здание, которое, подобно храмам, возносившимся в небо руками ремесленников, станет кристалльным символом новой, грядущей веры» [9]. Это цитата из манифеста Баухауза 1919 года. Ключевое слово здесь вера, пока еще не существующая, грядущая. И потому на обложке манифеста гравюра Лионеля Фейнингера – «Собор». Деталей в этой гравюре немного – звезды, вертикальные линии... На самом деле очень схематично нарисован готический собор. Так ведь и Баухауз – временное жилище строителей собора. А как же новая вера?

De nihilo nihil (из ничего – ничто)

Символическая деталь в архитектуре не рождается спонтанно, по воле одного человека, пусть даже он называет себя великим архитектором. В архитектуре детали не возникают из ничего и не исчезают бесследно, если они имеют глубокий культурный подтекст. Стало быть, рождение новой архитектуры, сомасштабной человеку, отражающей глубинные философские и идеологические основы общества, возможно, если эти основы не разрушены или их можно построить или реанимировать.

Стремление к чистым формам, лишенным культурных смыслов, стало ахиллесовой пятой архитектуры и изо-



> «Огурец». Лондон.
Архитектор Норман Фостер

бразительного искусства в XX и XXI веках. Отсутствие деталей, имеющих символическое значение и создающих визуальное богатство, выхолостило и архитектуру, и живопись, и скульптуру XX и начала XXI века. Кризис детали в массовой «современной архитектуре» – деталь общего кризиса смыслов, который переживает общество потребления.

Избыточность детали в культуре как избыточность смыслов

Благодаря новым средствам коммуникации интенсивность информационного потока в XXI веке непомерно велика. Переварить эту информацию, задуматься, остановиться и вникнуть в детали нет возможности. Скольжение по поверхности делает детали избыточными. И если бы отсутствие значимых деталей наблюдалось только в архи-



> Здание-аттракцион

тектуре, можно было бы сказать, что пора возвращаться к неоклассике, к традиционному ордерному языку – и все встанет на свои места. Увы: отсутствие деталей наблюдается и в литературе, и в кино, и в театре, и в детских анимационных фильмах. Все лаконичнее становятся театральные декорации: один-два знаковых предмета на сцене, условные исторические костюмы, если действие разворачивается во времена давно ушедшие. В кинематографе нынче тоже не до тонкостей. Неспешное, избыточное деталями кино не в почете. Андрея Тарковского, конечно же, «любят» все. Но даже «Солярис» выдерживают немногие, не говоря уж о «Ностальгии».

Наугад открываю книжку Владимира Сорокина «Моноклон»: «Губернатор вышел из машины. Встречающие дружно поприветствовали его. Он ответил им деловой улыбкой. Приехавшие сопровождающие лица стали выходить из машины, обступать губернатора. Одетый в бурого медведя, двухметровый охранник выбежал из машины охраны и с рычанием опустился на колени перед губернатором» [10, с. 69].

Изобилие глаголов в прозе Сорокина не случайно. Действие разворачивается стремительно. Не до деталей. Хотя Сорокин умеет работать с деталью, иначе он не был бы признанным литератором.

Многие детские «мультки» избыточны грубо нарисованными персонажами. Динамичное действие не дает возможности задуматься, рассмотреть детали. Поэтому убирается все «лишнее». Нельзя сказать, что вся детская мультипликация такова. Но тенденция к упрощению рисунка четко прослеживается.

Два «ковидных» года, когда спасение виделось в самоизоляции, для моды даром не прошло. «Пижамный стиль» прост, удобен, лишен деталей. Тяжелые ботинки практичны. Пальто напоминают домашние халаты. Где шпильки, платья сложного кроя, продуманные прически? Где отглаженные костюмы с галстуками?

Все эти детали никуда не делись, но они не для всех. В чести и продуманные прически, и дорогие костюмы из тончайшей шерсти и даже старинные трости и часы с цепочками. Все это носится. Вопрос – где и кем?

Для большинства «прозодежда» – спортивные костюмы и куртки оверсайз. Так что же? Любой мегапо-



< Ироничная архитектура
постмодерна

лис похож на «Метрополис» Фрица Ланга? Да, конечно. И ар-деко для дорогих загородных особняков как нельзя более кстати.

Некогда дворцы знати украшали города. Сейчас они за чертой города. А в городе – стандартные жилые комплексы, моллы и супермаркеты, напоминающие огромные сараи. Кризис городов, потерявших историческую застройку и на ее месте получивших безликие строения, очевиден.

Жизнь горожан все больше перемещается в виртуальное пространство. Может быть, архитектура как каменная летопись и выражение идеологии общества стала еще меньше нужна для большинства, чем книги.

Кризис детали – это деталь кризиса, который сейчас на пике. Перспектива разрешения этого кризиса туманна.

Литература

1. Бойко, Д. В. Логика абсурда. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27701 (дата обращения: 15.11.2022)
2. Лебон, Г. Психология толп. – Москва : Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1999. – 416 с.
3. Философские течения конца XX – начала XXI века. – URL: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/textbooks/frolovintro/chapter4_7.php (дата обращения: 25.11.2022)
4. Творчество Миса ван дер Роэ. – URL: <http://arthis.ru/emansipe/artdeko45.html> (дата обращения: 25.11.2022)
5. Иосиф Бродский. Роттердамский дневник. – URL: https://45parallel.net/iosif_brodskiy/rotterdamskiy_dnevnik.html (дата обращения: 10.12.2022)
6. Метрополис. Реж. Фриц Ланг. – URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 25.11.2022)
7. Демурина, Гаяна. Небоскреб «Классическая колонна» в Китае в провинции Чженчжоу. – URL: <https://www.buro247.ru/culture/architecture/neboskreb-klassicheskaya-kolonna-v-kitae.html> (дата обращения: 10.12.2022)
8. Зданчук, Светлана. Символизм в готической архитектуре. – URL: <https://visual-image.ru/simvolizm-v-goticheskoy-arhitekture/> (дата обращения: 05.12.2022)
9. Манифест Государственного Баухауза в Веймаре. – URL: <https://archi.ru/elpub/91601/manifest-gosudarstvennogo-baukhauza-v-veimare> (дата обращения 05.12.2022)
10. Сорокин, Владимир. Моноклон. – Москва : Астрель : АСТ, 2010. – 286 с.

11. Капустин, П. В. Ар-деко. Поэтика отравы // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 138–147

12. Багина, Е. Ю. Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 120–125

References

- Bagina, E. (2019). Art Deco: The Western Hedonism and the Soviet Romance. *Project Baikal*, 16(62), 120-125. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1559>
- Boyko, D. V. (2014). Logoka absurda [The logic of absurdity]. *Psychology and Psychotechnics*, 1, 12-21. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.1.10514. Retrieved November 15, 2022, from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27701
- Brodsky, J. (n.d.). *Rotterdamский дневник* [Rotterdam Diary]. Retrieved December 10, 2022, from https://45parallel.net/iosif_brodskiy/rotterdamskiy_dnevnik.html
- Demurina, G. (2013, February 16). *Neboskreb "Klassicheskaya kolonna" v Kitae v provintsii Zhengzhou* [Classical Column, a Skyscraper in China, Zhengzhou Province]. Retrieved December 10, 2022, from <https://www.buro247.ru/culture/architecture/neboskreb-klassicheskaya-kolonna-v-kitae.html>
- Filosofskie techeniya kontsa XX – nachala XXI veka [Philosophies of the late XX – early XXI centuries]. (n.d.). Retrieved November 25, 2022, from https://mipt.ru/education/chair/philosophy/textbooks/frolovintro/chapter4_7.php
- Gropius, W. (2011, July 6). *Bauhaus Manifesto in Weimar* (V. R. Aronov, Trans.). Retrieved December 5, 2022, from <https://archi.ru/elpub/91601/manifest-gosudarstvennogo-baukhauza-v-veimare>
- Kapustin, P. (2019). Art Deco. Poetics of poison. *Project Baikal*, 16(62), 138-147. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1561>
- Lebon, G. (1999). *Psikhologiya tolpy* [Psychology of Crowds]. Moscow: Institute of Psychology RAS, Publishing house "KSP+".
- Metropolis directed by Fritz Lang. (2022, August 27). In Wikipedia. Retrieved November 25, 2022, from <https://ru.wikipedia.org>
- Sorokin, V. (2010). *Monoclone*. Moscow: Astril: AST.
- Tvorchestvo Mies van der Rohe [Works of Mies van der Rohe]. (n.d.). Retrieved November 25, 2022, from <http://arthis.ru/emansipe/artdeko45.html>
- Zdanchuk, S. (2020, September 6). *Simvolizm v goticheskoi arkhitekture* [Symbolism in Gothic architecture]. Retrieved December 5, 2022, from <https://visual-image.ru/simvolizm-v-goticheskoy-arhitekture/>



< Рис. 2. Кунстхаус. Грац. Архитекторы Питер Кук и Колин Фурнье, 2003. Не самый «чистый», но один из самых показательных в своем отношении к детализированной исторической среде «блб»

Настоящий текст – отклик на статью Е. Ю. Багиной «Кризис детали как деталь кризиса» в текущем номере журнала. Изложено авторское видение значимых вопросов, поставленных в статье. Ключевые слова: кризис; деталь в архитектуре; арка; ар-деко; модернизм; постмодернизм. /

The present text is a response to the article “The crisis of a detail as a detail of the crisis” by E. Yu. Bagina included in the current issue of the journal. The author expresses his point of view on the important questions raised in the article.

Keywords: crisis; detail in architecture; arch; art deco; modernism; postmodernism.

Кризис в деталях. О статье Е. Багиной «Кризис детали как деталь кризиса» / Crisis in Detail. On the article “The crisis of a detail as a detail of the crisis” by E. Bagina

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

С общим пессимизмом статьи Елены Багиной «Кризис детали как деталь кризиса» в наше время не согласиться было бы некорректно. Я не стану этого делать, однако при чтении статьи появилось несколько соображений разного рода, которыми хотелось бы поделиться.

Основное соображение можно было бы сформулировать так: фундамент нового мира только сегодня закладывается, пока не до деталей. Но это, как я понимаю, – чистое индальгирование за историей с ее вечно текущим «сегодня». Это уже было, и было много раз. Модернизм точно на таких основаниях игнорировал деталь. То есть то, что «у нас все только строится» – не аргумент; уже лет 100 (если не 200) «все только строится». Да и Юрген Хабермас, упоминаемый Е. Багиной, кажется, имел в виду тоже нечто подобное (т. е. индальгировал уже на втором заходе).

Использование/неиспользование символических деталей, как мне представляется, проблема не деталей. Это проблема символического, проблема существования символа в секуляризованном мире. Модернизм был неспособен работать с символами, они и сегодня прячутся где-то по углам. Символическое, думается, не в деталях (к детали и модернизм худо-бедно пришел – Мис, Райт, совмод). Как говорил Р. Штайнер, в Гетеануме нет символов – он сам есть прямое проявление высших сил (т. е. он сам и есть символ). А когда символы, или метанаррации «умерли» (для тех, для кого они умерли), детализация или декор положения уже не спасут.

И тут проблема масштаба выходит на первый план. Е. Багина ее упомянула, но как-то второпях. Мне же она представляется важнейшей. Не думаю, что это тот

натуральный масштаб, о котором пишет, например, Никос Салингарос. Волевым началом, проектностью, вклинившись в традиционную архитектурную масштабность, резко изменили само понятие. Например, барселонский павильон Миса – он сам есть одна большая деталь (и таких примеров немало). Весь вопрос о контексте: деталь чего? Вероятно, нам еще предстоит осмысление проблематики масштаба в проектировании, понимаемом в его нетождественности традиционному архитектурному масштабу (см. [1; 2]).

В оценках ситуации интербеллума с Е. Багиной я согласен: гедонизм близорук и потому центрируется на детали (см. также [3]). Да и страх заставляет цепляться за фактуру бытия. В ар-деко перед нами предстает «парадоксальная» ситуация: деталей «море», а символов уже нет!

Деталь утрачивает позиции в функционализме и иже с ним: если вы сигнифицируете процессы (а, по сути, всякий раз – какой-то один-единственный «процесс» – жилье, производство и пр.), то уже сам масштаб принятой вами абстракции не позволит что-то детализировать. Детали могут быть лишь сугубо... декоративными – как выражение бессознательных представлений о визуальной норме (вроде манерных засечек на «пилоти» у Луиса Кана в институте Солка (рис. 1). На функционализме архитектуру не построишь.

Вот еще интересная линия размышлений, открываемая статьей Е. Багиной: символическое своим историческим генезисом связано с иерархией, с подчинением, насильем et cetera. Архитектура либеральная, «доступная» (!), «демократическая», всеми силами избегающая таких нетолерантных мотивов – всегда par excellence... «слаба», и, кажется, это неустранимо. Деталей в ней обычно тоже немного – ведь деталь не невинна, она своенравна: вдруг еще что-то лишнее «скажет» ненароком... И это – еще один повод нелюбви к деталям в «актуальной архитектуре», повод, напрямую выводящий на часто латентные, но всегда имеющие место социально-политические подосновы архитектурных форм.

В так называемых бляхах вообще практически нет деталей (рис. 2). Блб – «тело без органов» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Это гендерная идеология – лишить призна-

> Рис. 1. Институт биологических исследований Солка. Сан-Диего, США. Архитектор Луис Кан, 1959. Декорирование опор как циновок – сентиментальная антитеза индустриализму



ков, теперь уже и функционалистских. В таких условиях возврат к детали крайне маловероятен, а ее подлинность становится недостижимой.

Но, к счастью, есть и иная архитектура.

Стоит высоко оценить идею Е. Багиной о постмодернизме как кризисном явлении. А на вопрос, закончился ли он, приходится отвечать – «нет». Ни модернизм, ни его пост-состояния, оппозиции и альтернативы – ничего пока не закончилось, все сосуществует синхронно в силу отсутствия действительно масштабных исторических идей.

Но и модернизм (архитектурный, всего лишь архитектурный) поначалу был чему-то пост-, видел себя на том берегу разверзшейся пропасти истории, на правильной стороне кризиса, пока не стало видно целое (а как увидеть целое модернизма в 1919 году, когда на обложку манифеста Баухауза берется «Собор социализма» Л. Фейнингера – экспрессионистическая фантазия!) Детали, фактура, частности в таких вопросах коварны: поначалу они кажутся несущественными, преходящими, а позже приобретают вес документа, и документа разоблачительного. Парадокс: с приходом целостного видения слабеют масштабы притязаний, инициативы становятся локальными, а детали начинают играть и переливаться всеми огнями и смыслами.

Вообще интерес к деталям возможен, кажется, при нескольких «предварительных» условиях. Нужны стабильность, достаток, спокойствие и даже некоторое безделье, элегия (когда ростбиф лениво ковыряют вилкой в ресторане или своем особняке, а не шницель заглазывают в влопыхах в заводской столовой). Требуется некоторое «пиршество духа», метапозиция и созерцательная, отстраненная заинтересованность в происходящем. Тогда видны детали, тогда они обретают значение, пусть даже это значение восполнения надвигающейся пустоты, как в архитектуре эклектики, или заполнения пустоты окружающей (так В. Л. Глазачев рисовал свои знаменитые «конферюшки», скупая на «научных» конференциях). Для интереса требуется некое межзудное состояние, переходное, промежуточное, чреватое кризисом, но еще не разразившееся им. О. И. Генисаретский говорил, что слово интерес – это «интер-эссе», междуствие. Вот тут, в частности, весь ар-деко. Нужен, наконец, самый вкус к уникальному (ведь уникальное таится в мелочах), его достаточно длительное и артикулированное воспитание.

Особенное спасибо Е. Багиной за неоднократное упоминание темы/проблемы арки. На мой взгляд, арка есть самая «кризисная» архитектурная форма, к ней сходятся силовые линии и энергии многих властных начал в архитектуре.

Интересно пишет Е. Багина о голландских неопластицистах, в том числе о теософии у П. Мондриана. Деталь там надежно исчезает – и в живописи, и в архитектуре, и даже в дизайне (рис. 3). Абстракция голландцев, как другие линии геометрического абстракционизма начала XX в., из которых проросло модернистское проектирование, была насквозь эзотерической. Путь эзотерики (и А. Г. Раппапорт это лишний раз подтвердил) – в расфокусировке зрения, взгляда, когда детали сливаются с фоном или гипертрофируются до размера некоего квази-целого (что, по сути, одно). Это тоже открытая линия размышлений, разумеется, к ней стоит специально вернуться.

«Метрополис» Ф. Ланга – великолепный фильм 1927 года – времени, балансирующего между крайностями. Интересно, когда рядом с ним появляется поселок Вайсенхоф – его одногодок, но, кажется, принадлежащий другому миру. Ан нет! Модернизм (даже и такой, что в «Метрополисе») смотрится как попытка... очнуться

ото сна, что ли. А ар-деко – как попытка убежать от морока реальности (или уж утонуть в нем окончательно). Метрополис (от своих пышных фактур до голых абстракций) хорош тем, что становится ясно: и то, и другое – иллюзии; граница между ними диффузная.

Е. Багина вспоминает и о недооцененной до сих пор, как кажется, теме загадочной модернистской шизофрении, то есть традиционалистского (если не сказать «архаического») бытования модернистов-новаторов: на работе они революционеры, а дома консерваторы. Недавно мне довелось привести и прокомментировать цитату на эту тему из книги М. Рагона о домашнем камине [4], а на днях натолкнулся фразу М. Б. Атаянца: «Я хотел бы напомнить хулиганский эксперимент люксембургского архитектора Леона Крие. В конце 1970-х – начале 1980-х годов в качестве аргумента в очень жесткой полемике с английской модернистской школой он взял и опубликовал домашние адреса всех приверженцев новой парадигмы. Ни один из них не жил в доме, построенном позже 1870 года!» [5]. Детали, покидая города и среды вместе с коллекциями антиквариата и «старомодным» представлением об уюте, перемещаются в архитектурские «башни из слоеной кости» и прочие элитарные заповедники. Придет ли пора обратного движения?

В целом статья Е. Багиной очень интересная и важная, в ней множество ветвящихся троп и ниточек дальнейшего разматывания клубка нашей профессиональной проблематики, за что автору огромное спасибо!

Литература

1. Капустин, П. В. Масштаб и проектирование: от мерности к смыслу // Архитектурные исследования : научный журнал. – Воронеж : Воронежский ГАСУ. – 2016. – № 3 (7). – С. 33–41. – URL: <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№3-7.pdf>
2. Капустин, П. В. Масштаб и проектирование: от зримости к оценке // Архитектурные исследования : научный журнал. – Воронеж : ВГТУ. – 2016. – № 4 (8). – С. 4–14. – URL: <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№4-8.pdf>
3. Багина, Е. Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 120–125
4. Капустин, П. В. Недвижимость и движение в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 32–39
5. Классика в архитектуре: быть или не быть? Дискуссия. – URL: <http://berlogos.com/interview/klassika-v-arkhitekture-byt-ili-ne-byt/> (дата обращения: 08.01.2023)

References

- Bagina, E. (2019). Art Deco: The Western Hedonism and the Soviet Romance. *Project Baikal*, 16(62), 120-125. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1559>
- Kapustin, P. V. (2016a). *Masshtab i proektirovanie: ot mernosti k smyslu* [Scale and design: From dimensionality to meaning]. *Architectural Research*, 3(7), 33-41. Voronezh: Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20#3-7.pdf>
- Kapustin, P. V. (2016b). *Masshtab i proektirovanie: ot zrimosti k otsenke* [Scale and design: From visibility to evaluation]. *Architectural Research*, 4(8), 4-14. Voronezh: VGTU. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20#4-8.pdf>
- Kapustin, P. (2022). *Immobility and mobility in architecture*. *Project Baikal*, 19(71), 32-39.
- Klassika v arkhitekture: byt ili ne byt?* [Classics in architecture: To be or not to be?] (2012, July 20). BERLOGOS. Retrieved January 8, 2023, from <http://berlogos.com/interview/klassika-v-arkhitekture-byt-ili-ne-byt/>



< Рис. 3. Кризис детали в проектировании, восходящем к абстракции. Слева – Г. Ритвельд. Красно-синее кресло. Фрагмент. 1923. Справа – Т. ван Дусбург. Синхронная встречная композиция. 1929

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-55-71003 «Быстрые изменения окружающей среды в Арктике: последствия для благополучия населения, устойчивости развития и демографии Арктического региона» / Acknowledgements: This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (State Assignment No. FMWE-2022-0003; 075-01056-22-00)

В статье рассматриваются проблемы нестабильности спроса и предложения энергоресурсов в мире в период энергетического кризиса 2022 года на фоне роста военной напряженности в мире в постпандемических реалиях. Представлены долгосрочные прогнозы ведущих энергетических агентств, опубликованные по итогам 2022 года; различные формы кризисной адаптации и новые возможности удаления углеродного следа инфраструктурных объектов как от прямых выбросов, так и за счет потребления электроэнергии. Описывается один из методов достижения отрицательного углеродного следа в окружающей городской среде за счет использования инновационных технологий аддитивного строительства.

Ключевые слова: энергетический кризис; технологии аддитивного строительства; углеродный след; городская среда; постпандемические реалии./

The article deals with the problems of instability in the demand and supply of energy resources in the world during the energy crisis of 2022 against the backdrop of growing military tension in the world in post-pandemic realities. The article considers the long-term forecasts of leading energy agencies published at the end of 2022, as well as various forms of crisis adaptation and new opportunities to remove the carbon footprint of infrastructure facilities, both from direct emissions and through electricity consumption. The authors describe one of the methods to achieve a negative carbon footprint in the surrounding urban environment using innovative technologies of additive construction.

Keywords: energy crisis; additive construction technologies; carbon footprint; urban environment; post-pandemic realities.

Энергетический кризис и глобальные климатические изменения / Energy crisis and global climate change

текст

Дмитрий Соловьев

Институт океанологии имени П. П. Ширшова РАН,

Любовь Шилова

Национальный исследовательский

Московский

государственный

строительный университет

Виталий Бушуев

Объединенный институт высоких температур РАН /

text

Dmitry Solovyev

Shirshov Institute of

Oceanology of the Russian

Academy of Sciences

Lyubov Shilova

Moscow State University of

Civil Engineering

Vitaly Bushuev

Joint Institute for High

Temperatures of the Russian

Academy of Sciences

1. Введение

Нестабильность спроса и предложения энергоресурсов в мире в 2022 году повлияла на долгосрочные годовые прогнозы основных энергетических агентств [1, с. 1]. Согласно приведенному обзору [1, с. 3] различных сценарных прогнозов ожидается, что доля использования традиционных источников энергии в мировом энергобалансе, к которым в первую очередь относятся нефть и уголь, продолжит свое снижение. Одновременно будет происходить снижение темпов увеличения концентрации CO₂ в атмосфере благодаря расширению экологизации технологий промышленного сектора в развивающихся странах. Успешная реализация действующих стратегий по снижению выбросов CO₂ развитыми и развивающимися странами не вызовет значительных структурных изменений в устоявшейся мировой структуре потребления энергии. Все это определяет использование более решительных мер, которые должны быть реализованы на уровне национальной политики отдельных стран для достижения ключевых стратегических целей устойчивого развития по снижению использования доли традиционных источников энергии и достижению целей по секвестрованию углеродного следа. Базовым фактором сохранения текущего вектора трансформации энергетики в мире является готовность стран к восстановлению своих национальных экономик в постковидный период и после энергетического кризиса 2020–2022 годов. Причем это восстановление должно идти не только на основе уже принятых климатических стратегий: необходимо учитывать и возможности расширения перечня доступных мер поддержки, направленных на устойчивое развитие. В том числе это меры по стимулированию использования различных видов ВИЭ, которые характеризуются низкой углеродоемкостью.

Пандемия коронавируса все еще остается важным фактором развития мировой экономики и оказывает значительное влияние на ее энергетический сектор. Несмотря на продолжающиеся кризисные процессы в экономике, восстановление национальных экономик идет опережающими темпами, что определяет скачкообразный рост спроса на энергоресурсы [2, с. 281]. Эти скачки спроса происходят на фоне технических сбоев

в работе мощностей на основе традиционных ресурсов и ограниченного прироста генерации на базе ВИЭ, которую сдерживают последствия ковидных ограничений и логистические проблемы, вызванные прерыванием цепочки поставок оборудования из КНР. На спрос также оказывают заметное влияние и неблагоприятные погодные условия, связанные с глобальными изменениями климата, препятствующие ритмичной работе ветроустановок и солнечной генерации.

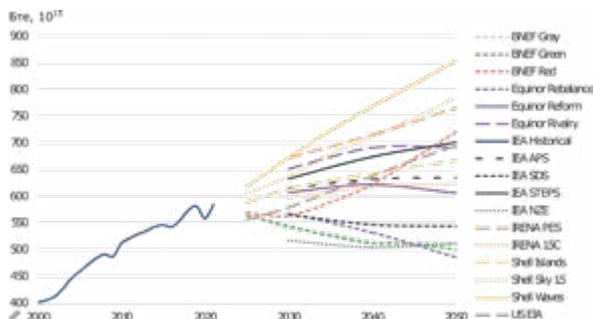
Дисбаланс спроса и предложения на ископаемое топливо привел к значительному повышению цен на всех рынках топлива. Обвал на рынке природного газа распространился и на смежные энергетические рынки. Высокие цены на природный газ влекут за собой там, где технологически возможно, переход к использованию более дешевого топлива (нефть и уголь). Причем это характерно не только для энергорынка стран ЕС, но и для рынков развивающихся стран во всем мире. Описанные тенденции безусловно сдерживают реализацию планов, заданных национальными климатическими стратегиями. Очевидно, что осуществление глобальной трансформации энергетики в рамках концепции «энергетического перехода» требует значительно больше усилий, чем считалось ранее.

Государственная поддержка во время энергетических кризисов, вызванных пандемией коронавируса, а также отложенный спрос позволили промышленности избежать стагнации. Подобная тенденция восстановления экономик в краткосрочной и среднесрочной перспективе предполагает рост объема выбросов CO₂ не только от промышленного и транспортного сектора, но и от электрогенерации в целом. Однако этот рост не будет трансформироваться в долгосрочный тренд.

В 2021 году в электроэнергетическом секторе было произведено 13 Гт выбросов CO₂ – более одной трети общемирового объема выбросов, связанных с энергетикой. К 2030 году МЭА прогнозирует снижение роста выбросов CO₂ в мире. Так, в рамках базового сценария (STEPS) объем ежегодных выбросов углекислого газа от производства электроэнергии сократятся более чем на 10% к 2030 году и примерно на 40% к 2050 году.

1. Энергокризис на фоне пандемии COVID-19

Во время системного кризиса, вызванного пандемией COVID-19, большинство стран были вынуждены использовать фискальные инструменты для оказания поддержки производителям и потребителям различных секторов экономики и в особенности энергетического сектора. В отчете, представленном коллективом авторов из Аналитического центра при Правительстве РФ [3, с. 6], отмечено, что в 2021 году примерно 2,3 трлн. долл. выделено на восстановление экономики энергетического сектора, причем 0,4 трлн. долл. из них непосредственно на развитие низкоуглеродной энергетики. При этом к 2023 году должно быть гарантировано 70% финансовой поддержки «зеленой» энергетике, что в краткосрочной перспективе скажется на привлечении дополнительных инвестиций частного сектора. С учетом упомянутых факторов были скорректированы прогнозы ведущих энергетических агентств по ожидаемой структуре потребления первичной энергии до 2050 года [1, с. 3]. Так, активное восстановление экономической активности после прохождения пиковых показателей заболеваемости коронавирусом в начале 2022 года привело к пересмотру ранее сделанных оценок общемирового потребления энергии (рис. 1).



^ Рис. 1. Ожидаемое глобальное потребление первичной энергии до 2050 года согласно обзору сценариев ведущих энергетических агентств [1, с. 3]

Таким образом, нынешний энергетический кризис ставит перед всеми странами мира новые задачи по реализации ранее обозначенных целей достижения углеродной нейтральности. Эффективность предлагавшихся ранее климатических мер и стратегий снизилась из-за энергетического кризиса и в условиях последствий пандемии коронавируса. Это снижение обусловлено отложенным спросом на энергоресурсы и ускоренным восстановлением промышленного сектора и экономик стран. Чтобы изменить ситуацию, государства могут расширить список инструментов для поощрения сокращения выбросов CO₂ и разработки источников энергии с низким, нулевым и даже отрицательным уровнем выбросов. Однако не все регионы мира и страны готовы к энергетическому переходу из-за бурного роста населения и развития промышленности и транспорта.

Мировая экономика имеет 12-летний цикл ожидаемых рецессий, в т. ч. и падение всех показателей в 2020–2022 годы. Так что сегодняшние кризисные события – это не «черный лебедь», а вполне прогнозируемое явление цикличности всех социоприродных событий [4, с. 15]. Согласно данным мониторинга Международного валютного фонда (www.imf.org) к концу 2022 года, ВВП стран мировых лидеров экономического развития восстановился и практически достиг своих докризисных объемов, что повлекло и восстановление спроса на энергетические ресурсы. Однако события 2022 года, связанные с ростом военно-политической напряженности, оказали негативное влияние в первую очередь на энергетический сектор, вызвав сильную волатильность на рынках энергоресурсов. В условиях беспрецедентно-

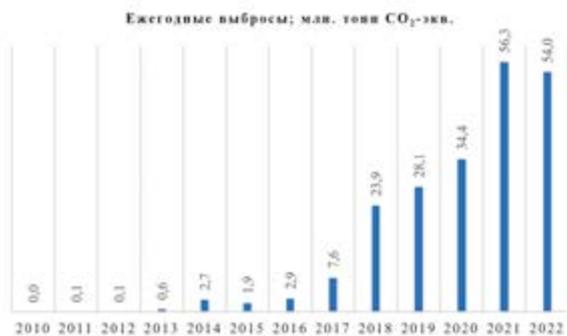
го санкционного давления российский энергетический сектор потерял значимую долю своих доходов, но в тоже время он смог стать опорой для удержания на плаву всей российской экономики. Согласно представленным в работе [4, с. 16–17] нейронным прогнозам, наиболее реалистичным сценарием развития мировой экономики является сохранение устойчивого спроса на отечественные углеводороды до 2035 года. В этот период доходы от энергетического сектора должны быть направлены на повышение эффективности производства и диверсификацию бизнеса энергетических компаний.

2. Новая роль энергии

Новая многомерная реальность, новое качество информационных потоков, искусственный интеллект и, наконец, меняющаяся на глазах человеческая природа требуют размышлений и о новой роли, а, возможно, и о новых формах энергии в жизни человека [5, с. 61]. Само понятие «энергия» приобретает новый смысл и наполнение, определяемое вызовами кризисных периодов человеческой цивилизации.

Если отталкиваться от традиционного физического определения энергии как меры оценки перехода движения материи из одних форм в другие, то сегодня с уверенностью можно говорить о возрастании роли «виртуальной энергии» в жизни человека и общества. Ведь обработка больших массивов информации, развитие беспилотного транспорта и автоматизированных систем управления, создание дополненной реальности, виртуальных миров, криптовалют требует все большего количества энергии.

Так, по оценкам исследователей Кембриджского центра альтернативных финансов, только энергетические затраты на майнинг самой популярной в мире криптовалюты – биткойна – по состоянию на декабрь 2022 года составили порядка 0,41% от мирового потребления электроэнергии и 0,14% от общего объема потребления первичной энергии (<https://ccaf.io/cbeci/index>). Такие показатели уже вполне сопоставимы с объемом энергопотребления Швейцарии или Кувейта! А выбросы парниковых газов за счет майнинга биткойна (рис. 2) приближаются к уровням выбросов всей традиционной золотодобычи в мире, равным величине около 100 млн. т CO₂ экв. (рис. 2) [6, с. 1].



^ Рис. 2. Ежегодные выбросы углекислого газа за счет майнинга биткойна [6, с. 1]

Если же принять во внимание, что энергетические затраты на работу центров обработки данных уже составляют более 1% мирового энергопотребления, то можно оценить суммарные затраты энергии на майнинг всех криптовалют в мире и на работу дата-центров примерно в 2% мирового энергопотребления [7, с. 99]. Безусловно, с учетом все большего внедрения систем искусственного интеллекта и телекоммуникационных сетей 5G (а в перспективе и 6G), потребности виртуальной экономики в реальной энергии будут только возрастать.

Если же рассматривать энергию более широко, например, как понятие, включающее духовную или пассивную энергию общества, то сегодня все отчетливее виден тренд на перераспределение такой энергии общества от преобразования окружающей нас реальности в сторону создания новых виртуальных или дополненных реальностей.

Стоит только задуматься, сколько времени люди сегодня тратят на общение в соцсетях, на создание цифрового контента с целью получения максимального количества «лайков» как символов их признания или самоутверждения. Более того, сегодня люди готовы тратить не только свое время, но и свои реальные деньги и прочие ресурсы, в т. ч. энергетические, на получение разного рода виртуальных бонусов во всевозможных компьютерных играх, которые постепенно эволюционируют в полноценные виртуальные миры со своей валютой, способами получения умений («скиллов») и навыков для т. н. «прокачки» своих виртуальных персонажей. При этом последние живут по особым правилам, которые зачастую сильно отличаются от законов человеческого общества. И многие люди, погружаясь в такие миры, начинают рассматривать их как часть своей реальной жизни, не только проводя в них свое время, но и перекачивая в них свои жизненные ресурсы, по сути, свою жизненную энергию...

Кроме того, растущая атомизация человеческого общества, которую мы наблюдаем в современных постковидных реалиях, требует более разнообразных форм обеспечения энергетических потребностей человека. При этом речь идет не только о растущей популярности децентрализованных и автономных способов такого энергообеспечения, но, по сути, о необходимости энергоинформационного обеспечения каждого индивида [5, с. 64–65]. Представляется, что доступ не только к энергии, но, одновременно, к интернету как источнику получения информации, а также различным форматам виртуального общения (соцсети, мессенджеры, виртуальные экосистемы наподобие метавселенных) становится сегодня одним из основополагающих условий для обеспечения устойчивого развития современного общества и преодоления кризисов.

3. Формы кризисной адаптации в условиях глобальных изменений климата

В заключение хотелось бы обратить внимание на характерные как отрицательные, так и положительные новые формы кризисной адаптации в условиях глобальных изменений климата. Интересно, что сторонники антропогенной концепции потепления рассматривали его как благо в контексте общего улучшения сельскохозяйственных условий, а также предотвращения либо смягчения нового ледникового периода, который должен наступить в будущем [8, с. 10].

В данном случае вряд ли можно однозначно говорить о пользе или вреде тех или иных изменений климата, независимо от их причин. Прежде всего отметим, что изменения климата проявляются различным образом в разных природно-климатических зонах. Наиболее сильны изменения климата в высоких широтах. В частности, если в среднем за последние 100 лет температура воздуха выросла на 10 °С, то, согласно докладу Росгидромета «Об особенностях климата на территории РФ в 2021 году», в России в целом она выросла на 20 °С, в Российской Арктике – на 40 °С, а в экваториальных широтах практически не изменилась. При потеплении идет смещение природных зон в более высокие широты (при похолодании, соответственно, наоборот). Проще говоря, с юга (в Северном полушарии) лес наступает на тундру, а степь наступает на лес. Таким образом, в одних регионах природные условия могут стать более благоприятными (в частности, для ведения сельского

хозяйства), чем в других. Например, в России под угрозой засух оказываются основные, самые южные сельскохозяйственные регионы страны. Одновременно центр и север европейской части России, большая часть Сибири и Дальнего Востока оказываются в зоне смягчения природных условий. В арктической зоне России существует также риск деградации вечной мерзлоты и океанического ледового покрова, что может привести к целому ряду отрицательных эффектов; с другой стороны, улучшатся условия для эксплуатации Северного морского пути.

Среди отрицательных эффектов быстрых изменений климата следует назвать рост частоты катастрофических природных явлений (ураганы, лесные пожары, наводнения). Более того, планетарные изменения климата (которые непосредственно зависят от солнечной активности) могут становиться катализатором гражданских конфликтов и войн. Существуют статистические результаты, связывающие, например, исторические вспышки гражданских конфликтов в Африке с годовыми колебаниями местной температуры [9, с. 406]. Наконец, среди отрицательных последствий текущего потепления называется рост уровня Мирового океана в связи с деградацией ледниковых покровов, что может привести к затоплению обширных населенных территорий. Немаловажную роль в изменениях климата играют механизмы отрицательных обратных связей. В частности, на Земле наблюдается коррелирующий с ростом концентрации CO₂ рост биомассы, который к концу текущего столетия может составить 12% [10, с. 2].

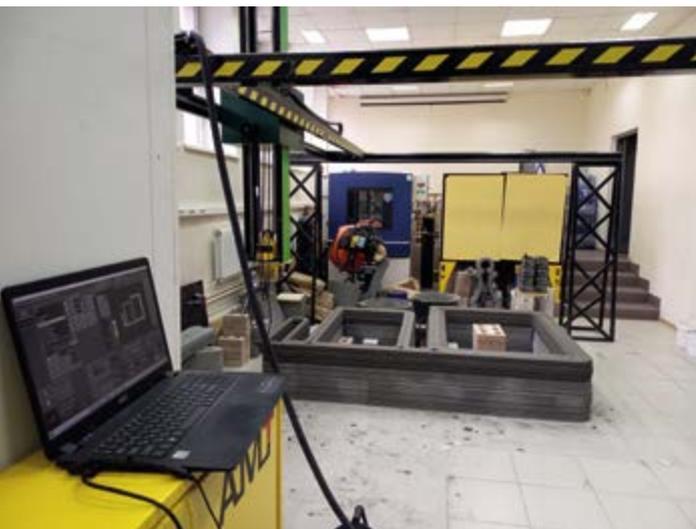
Наконец, одним из самых насущных вопросов является выбор стратегии в связи с потеплением – борьбы с ним или приспособлением к нему. Ряд исследований и расчетов показал, что в мировом масштабе стоимость полного перехода к углеродной нейтральности составляет величину порядка 120 трлн. долл. и роста инвестиций в энергетику в 2–3 раза относительно нынешнего уровня. В масштабах России стоимость перехода к безуглеродной экономике составит 400 трлн. рублей и также потребует кратного увеличения инвестиций в ТЭК [11, с. 33]. Таким образом, реалистичность заявленных планов преодоления актуальных климатических вызовов путем энергетического перехода оказывается под вопросом, что заставляет внимательнее рассмотреть возможности адаптации к климатическим изменениям независимо от их генезиса.

В последнее время все более широкое распространение получают формы кризисной адаптации к новой энергетической реальности, включающие создание карбоновых полигонов и новые возможности по удалению углеродного следа инфраструктурных объектов как от прямых выбросов, так и за счет потребления электроэнергии.

В мире уже получил свою практическую реализацию целый ряд методов достижения отрицательного углеродного следа в окружающей городской среде, в частности, за счет использования 3D-печати зданий и архитектурных элементов городской среды, посадки и восстановления зеленых насаждений в мегаполисах, секвестрации углерода (улавливание углерода в почве), биоэнергетики со связыванием и хранением углерода (BECCS) и прямой захват воздуха (DAC).

Строительная отрасль относится к числу крупнейших генераторов парниковых газов, что определяет ее весомый вклад в ускорение процессов глобального потепления. В настоящее время на ее долю приходится порядка 30% от их общих выбросов атмосферу [13, с. 63]. Необходимо отметить, что цемент является наиболее «грязным» компонентом строительства с точки зрения оставляемого его производством углеродного следа.

В последнее время технологии аддитивного строительства (3D-печати) привлекают все больше внимания уче-



^ Рис. 3. Печать архитектурных элементов на 3D-принтере в лаборатории НИИ СМиТ НИУ МГСУ [12, с. 1]



^ Рис. 4. Проект двухэтажного жилого дома с применением строительной 3D-печати (Россия, Уфа) [14, с. 1]

ных и инженеров во всем мире. Существует значительный и до сих пор не раскрытый потенциал использования технологий строительной 3D-печати, который связан с отказом от существенной доли традиционных строительных процессов и перехода к прямой печати зданий и сооружений. В России это направление успешно развивается на базе НИИ СМиТ НИУ МГСУ, который является ведущим отечественным центром компетенций в области внедрения новых материалов и технологий в строительстве. На рис. 3 показан порталный строительный 3D-принтер, реализующий принцип аддитивного строительного производства, который позволяет автоматизировать укладку бетонной смеси без использования опалубки, что обеспечивает возможность отказа от наиболее трудоемких операций в строительстве. Переход к использованию аддитивных технологий в строительстве минимизирует использование ручного труда и позволяет сократить потребность в рабочей силе на этапе возведения бетонного каркаса зданий и сооружением до двух операторов строительного 3D-принтера. Существующий опыт использования строительных 3D-принтеров в малоэтажном строительстве показывает, что принцип аддитивного строительного производства позволяет до 30% сократить материалоемкость и до 80% продолжительность строительно-монтажных работ (без учета отделки) по сравнению с традиционными технологиями строительства с применением монолитного или сборного железобетона. В качестве печатного материала для 3D-печати может использоваться относительно недорогая смесь мелкозернистого бетона на основе цементного вяжущего. В процессе 3D-печати используется только необходимое количество строительного материала, а его перерасход практически исключается.

Возможности 3D-принтера позволяют печатать малые архитектурные формы элементов городской среды и конструктивные элементы здания для последующей сборки на стройплощадке. Технология строительной 3D-печати обладает очень хорошую перспективу, чтобы стать долгожданным драйвером цифровизации строительной отрасли и обеспечить кратное повышение производительности труда в строительстве за счет автоматизации производственных процессов.

В настоящее время в России технологии строительной 3D-печати находятся в начальной стадии своего развития по сравнению с крупномасштабными проектами внедрения 3D-печати в Саудовской Аравии, Арабских Эмиратах и Китае.

Первый в России двухэтажный жилой дом площадью 160 м², построенный на основе технологии строительной 3D-печати, появится в городе Уфе (рис. 4).

Этот проект нельзя считать серьезным прорывом в международном контексте, но его успешная реализация позволит со временем масштабировать опыт применения новых технологий и даст импульс к их дальнейшему развитию на отечественной производственной и материальной базе.

Объект с подведенными коммуникациями полностью готов для комфортного проживания. Проект строительства домов этого типа реализован как инновационная бизнес-идея в коллаборации ряда российских молодых быстро развивающихся стартап-компаний совместно с НИУ МГСУ и при участии Архитектурного строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета (АСИ УГНТУ).

4. Выводы

Энергетический кризис, пандемийные волны и глобальные изменения климата оказывают свое влияние на большую часть населения планеты. Пандемия стала «знаменем свыше», сломавшим привычный уклад жизни всего населения Земли, не только «встряхнувшим» человечество, но определившим новый, до сих пор неизвестный путь развития нашей цивилизации. Очевидно, что этот путь уже не будет преимущественно основан на экономической доминанте и товарно-денежных отношениях. На первый план должны выйти человек, его здоровье и достижение гармонии с окружающим миром, которое невозможно без решения энерго-климатических проблем, усугубляющихся с ростом населения Земли. Одним из главных цивилизационных изменений, к которому нас подтолкнули нынешние кризисы, является нарастающая виртуализация человеческого общения и хозяйственной деятельности. Важным следствием этого процесса является увеличение многомерности и информатизации

окружающей нас действительности и перенос многих привычных сфер социально-экономической, политической и культурной жизни в «виртуальный» цифровой формат.

Дополненная реальность, искусственный интеллект, оцифровка, виртуализация и компьютеризация всех сфер нашей жизни влекут за собой не только риски, но и определенные новые возможности. По сути, кризисные процессы ускорили переход к формированию ноосферы именно в том исходном понимании, которое дал этому термину его автор академик Вернадский. Его идея состоит в определении ноосферы (сферы разума) не только как высшей силы в развитии земной биосферы, но и как главного источника поддержания ее гармонии и ее жизненного потенциала. В этой связи появление новых информационных, энергетических, архитектурно-строительных и бионических технологий с применением искусственного интеллекта создаст принципиально новые возможности для человеческой цивилизации и поможет найти ответы на вызовы энерго-климатических кризисов.

Литература

- Raimi, D. Global Energy Outlook 2022: Turning Points and Tension in the Energy Transition / D. Raimi, E. Campbell, R.G. Newell et al. – Washington, DC, 2022. – 47 p.
- World Energy Outlook 2022. – Paris, 2022. – 524 p. – URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022> (дата обращения: 27.12.2022)
- Голяшев, А. Отражение кризисов 2020-2021 годов в энергетических прогнозах / А. Голяшев, В. Скрябина, А. Кудрин et al. // Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. – 2021. – № 21. – С. 1–16
- Бушуев, В. В., Клепач, А. Н., Соловьев, Д. А. Образ переходного мира: экономика, энергетическое развитие и природные аномалии // Энергетическая политика. – 2022. – № 3. – С. 14–27
- Бушуев, В. В., Клепач, А. Н. Энергоинформационный космизм России // Экономические стратегии. – 2022. – № 5(185). – С. 60–65
- Bitcoin greenhouse gas emissions. – URL: <https://ccaf.io/cbeci/ghg/index> (дата обращения: 10.01.2023)
- Гайдук, Д. М., Толяренко, В. С. Криптовалюта как источник истощения энергетических ресурсов // Актуальные проблемы геотехники, экологии и защиты населения в чрезвычайных ситуациях : материалы 74-й студенческой научно-технической конференции : секция «Геотехника и экология в строительстве», 25 апреля 2018 года. – Минск : БНТУ, 2018. – С. 99–102
- Будыко, М. И. Глобальное потепление и его последствия // Избранные работы. – Санкт-Петербург : 000 «Америт» : Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова, 2020. – 206 с.
- Solow, A.R. Climate for conflict / A.R. Solow. – // Nature. – 2011. – Vol. 476. – № 7361. – P. 406-407. – URL: <http://www.nature.com/articles/476406a> (дата обращения: 18.11.2021).
- Forzieri, G., Alkama, R., Miralles, D. G., Cescatti, A. Satellites reveal contrasting responses of regional climate to the widespread greening of Earth // Science. – 2017. – Vol. 356. – № 6343. – P. 1180–1184
- Дегтярев, К. С., Синюгин, О. А., Берёзкин, М. Ю. Оценка инвестиционных затрат на переход к безуглеродной экономике в России к 2060 году // Окружающая среда и энерговедение. – 2022. – № 2. – С. 29–39
- Напечатанные дома: как сэкономить на строительстве при помощи 3D-принтера. – URL: <https://mgsu.ru/news/Universitet/Napechatannyedomakaksekonomitnaastroitelstvepripomoshchi3Dprinter/> (дата обращения: 27.12.2022)
- Крутилова, М. О. Направления совершенствования экономических механизмов минимизации выбросов парниковых газов в течение жизненного цикла здания // Экономика строительства и природопользования. – 2018. – № 1 (66). – С. 63–71
- В Уфе планируется печать первого в России жилого двухэтажного дома на 3D-принтере. – URL: <https://mgsu.ru/news/Universitet/VUfeplaniruetsyapechatpervogovRossiizhilogodvukhetazhnogodomana3Dprintere/#prettyPhoto> (дата обращения: 27.12.2022)

References

- Bitcoin greenhouse gas emissions. (n.d.). CCAF. Retrieved January 10, 2023, from <https://ccaf.io/cbeci/ghg/index>
- Budyko, M. I. (2020). Globalnoe poteplenie i ego posledstviya [Global warming and its consequences]. In Selected Works. St. Petersburg: 000 Amerit: A. I. Voeikov Main Geophysical Observatory.
- Bushuev, V. V., & Klepach, A. N. (2022). Energy-informational cosmism of Russia. *Economic strategies*, 5(185), 60-65. DOI: 10/33917/es-5.185.2022.60-65.
- Bushuev, V. V., Klepach, A.N., & Solovyev, D.A. (2022). The image of the consequences of a transitional world: Economy, energy development and natural anomalies. *Energy policy*, 3, 14-27. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_3169_14.
- Degtyarev, K. S., Sinyugin, O. A., & Beryozkin M. Yu. (2022). Estimations of the investment costs for transition to carbon-free economy in Russia by 2060. *Environment and energy science*, 2, 29-39.
- Forzieri, G., Alkama, R., Miralles, D. G., & Cescatti, A. (2017). Satellites reveal contrasting responses of regional climate to the widespread greening of Earth. *Science*, 356(6343), 1180-1184. DOI: 10.1126/science.aal1727.
- Gaiduk, D. M., & Tolyarenok, V. S. (2018, April 25). Kriptovalyuta kak istochnik istoshcheniya energeticheskikh resursov [Cryptocurrency as a source of depletion of energy resources]. Actual problems of geotechnics, ecology and population protection in emergency situations: Proceedings of the 74th student scientific and technical conference: Section “Geotechnics and ecology in construction” (pp. 99-102). Minsk: BNTU.
- Golyashev, A., Skryabina, V., Kudrin, A. et al. (2021). Otrazhenie krizisov 2020-2021 godov v energeticheskikh prognozakh [Reflection of 2020-2021 crises in energy forecasts]. *Energy Bulletin of the Analytical Center for the Government of the Russian Federation*, 21, 1-16.
- Krutilova, M. O. (2018). Napravleniya sovershenstvovaniya ekonomicheskikh mekhanizmov minimizatsii vybrosov parnikovyykh gazov v techenie zhiznennogo tsikla zdaniya [Directions for improving the economic mechanisms for minimizing greenhouse gas emissions during the life cycle of a building]. *Economics of construction and nature management*, 1(66), 63-71.
- Printed houses: how to save on construction costs with a 3D printer. (2022, April 27). MGSU. Retrieved December 27, 2022, from <https://mgsu.ru/news/Universitet/Napechatannyedomakaksekonomitnaastroitelstvepripomoshchi3Dprinter/>
- Raimi, D., Campbell, E., Newell, R. G. et al. (2022). Global Energy Outlook 2022: Turning Points and Tension in the Energy Transition. Washington, DC.
- Solow, A. R. (2011). Climate for conflict. *Nature*, 476(7361), 406-407. Retrieved November 18, 2021, from <http://www.nature.com/articles/476406a>
- V Ufe planiruetsya pechat pervogo v Rossii zhilogo dvukhetazhnogo doma na 3D-printere [The first two-story residential building in Russia is planned to be printed on a 3D printer in Ufa] (2021, May 20). Retrieved December 27, 2022, from <https://mgsu.ru/news/Universitet/VUfeplaniruetsyapechatpervogovRossiizhilogodvukhetazhnogodomana3Dprintere/#prettyPhoto>
- World Energy Outlook 2022 (2022). IEA. Paris. Retrieved December 27, 2022, from <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022>

Ставятся вопросы о климатическом кризисе, выражающемся в глобальном потеплении, чрезвычайных ситуациях, представляющих опасность для городов и поселений, зданий, сооружений, здоровья людей. Сделан обзор различных точек зрения на изменение климата, роль парниковых газов и антропогенного вклада в глобальное потепление. Проведено исследование предлагаемых способов адаптации строительства и архитектуры к ситуации глобального потепления, смягчения негативных последствий изменения климата. Выделены актуальные направления научных исследований: проектирование углеродно-нейтральной архитектуры, разработка биоинженерных строительных материалов, создание «вертикальных» садов и др. Представлены результаты социологического опроса студентов НИУ МГСУ 2021–2022 годов, показывающие уровень понимания ими причин изменения климата, профессиональной ответственности и готовности противодействовать негативным последствиям изменения климата.

Ключевые слова: климатический кризис; глобальное потепление; адаптация города; климатоустойчивая архитектура; углеродно-нейтральные здания, социологический опрос.

The article raises questions about the climate crisis, which manifests itself in global warming, emergencies that pose a danger to cities and towns, buildings, structures, and people's health. The author presents different points of view on climate change, the role of greenhouse gases and the anthropogenic contribution to global warming. A study was made of the proposed ways of adapting construction and architecture to the situation of global warming, mitigating the negative effects of climate change. The author highlights topical areas of scientific research, such as: the formation of carbon-neutral architecture, the development of bioengineered building materials, the creation of "vertical gardens", etc. The author presents the results of a sociological survey of the students of National Research Moscow State University of Civil Engineering of the year 2021–2022. The results are showing their understanding of the causes of climate change, professional responsibility and readiness to counteract the negative effects of climate change.

Keywords: climate crisis; global warming; city adaptation; climate-resistant architecture; carbon-neutral buildings; sociological survey.

Климатический кризис и способы реагирования / The climate crisis and the ways of response

Введение

Климатический кризис – один из самых серьезных вызовов, с которым столкнулось человечество. Происходящие изменения влияют на жизнь людей, повышают чувство тревоги, страха. Если в научной литературе вопросы экологического кризиса обсуждаются уже давно, то понятие «климатический кризис» появилось относительно недавно и стало актуальной темой научных и политических дискурсов. По данным Оксфордского корпуса английского языка (Oxford Monitor Corpus of English), в 2021 году употребление понятия «климатический кризис» увеличилось почти в 20 раз по сравнению с 2018 годом, а со второй половины 2019-го обогнало по частоте использование понятия «климатическая чрезвычайная ситуация» [1]. Все больше появляется публикаций, в которых происходящие изменения квалифицируются как кризисные явления [2, 3]. Исследователи анализируют причины возникающих чрезвычайных ситуаций и их последствия [4].

Между тем знания о процессах и обратных связях в климатической системе Земли по-прежнему не являются полными. Есть расхождения среди ученых в оценке чувствительности климатической системы планеты к росту концентрации углекислого газа. Например, расчетами одних ученых устанавливается, что «при сжигании угля, газа, нефти и их продуктов в атмосферу ежегодно выбрасывается до 32 млрд тонн CO₂, что примерно в 100 раз превышает вулканический вклад. Около 3/4 всего антропогенного увеличения содержания углекислого газа в воздухе объясняется сжиганием ископаемых углеводородов, а большая часть остального – вырубкой лесов» [5]. Некоторые ученые отрицают влияние современного повышения концентрации CO₂ в атмосфере на температуру приземного воздуха и приводят результаты расчетов, показывающих, что воздействие парниковых газов не оказывает существенного влияния на климат. Даже двукратное увеличение содержания такого слабого парникового газа, как углекислый, может привести к увеличению температуры лишь на 0,5 градусов. [5]. Также по-разному интерпретируется роль антропогенного усиления парникового эффекта [6]. Однако в любом случае при любой причине возникновения

климатических изменений и их последствий требуется совершенствование подхода к планированию и проектированию городов, управлению ими. Борьба за снижение негативных последствий изменения климата, технологическая адаптация городов, архитектуры и строительства, социально-психологическая адаптация социальных групп и индивидов к новой ситуации, формирование бережливой модели потребления – необходимое условие нейтрализации негативных эффектов изменения климата. «Другими словами, если города должны быть адаптированы к прогнозируемому будущему климату, необходимо начать адаптацию прямо сейчас, изменив структуру города, дизайн зданий, модели городского планирования, привычное поведение людей» [7].

Цели данной статьи – рассмотрение проблем влияния климатического кризиса на города и поселения, здания и сооружения, обзор способов адаптации к климатическим изменениям; изучение степени профессиональной ответственности и готовности студентов Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) – будущих градостроителей, архитекторов – к борьбе с негативными последствиями изменения климата.

Методы исследования

Анализ вторичных данных – научных статей, статистических отчетов, сообщений и других материалов о фактах, событиях, последствиях изменения климата в мире и России – использовался с целью проследить ситуацию в области изменения климата и дать обзор способов реагирования городов и архитектуры. Социологический опрос/анкетирование позволил получить первичные данные об уровне климатического сознания будущих архитекторов и градостроителей, признании/непризнании своей ответственности за состояние городов и готовности предпринять профессиональные и личные действия в целях противодействия климатическому кризису.

Климатический кризис и его последствия в урбанизированной среде

Глобальное потепление на планете, рост средней температуры воздуха вызывают дисбаланс всей климатической системы. Это подтверждается наблюдениями, проводи-

текст

Зинаида Иванова
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Zinaida Ivanova
National Research Moscow State University of Civil Engineering

мыми климатическими службами мира: 94,5% метеостанций мира показывают положительные тренды. Однако потепление неоднородно в пространстве Земного шара. Регионы наиболее интенсивного потепления – Европа (+0,537 °C/10 лет, максимум в августе +0,612) и Арктический широтный пояс (+0,436 °C/10 лет, максимум в июне +0,493) [8]. Летом 2022 года в российском секторе нормы превышены на 2–4 °C, а на арктических островах Канады – на 2 °C и более [9]. Неравномерное повышение температуры воздуха усиливает нестабильность климата, соответственно, растет количество резких погодных аномалий и связанных с ними стихийных бедствий – штормов, ураганов, наводнений, засух и т. д. Наибольшую опасность эффекты глобального потепления представляют для урбанизированной среды.

Другая опасность для города – проливные дожди и наводнения. Например, 2021 год стал катастрофичным для Европы. В Бельгии, Люксембурге, Италии, Великобритании Чехии, Австрии, Румынии и Германии ущерб от наводнений составил 20,4 млрд евро, при этом 9,3 млрд из них приходилось на Германию. В ее западной части система укрепления берегов оказалась не подготовленной к такому бедствию, многие прибрежные районы оказались затопленными. Существенные потери приносят ежегодные наводнения в Венеции. В 2019 году проливные дожди привели к затоплению более 80% города. Наводнение нанесло значительный ущерб историческим памятникам, в частности повредило напольные мозаики и мраморные колонны в соборе Святого Марка.

Климатоустойчивое проектирование

Согласно некоторым исследованиям, на строительный сектор приходится 40% выбросов парниковых газов, из них на строительные материалы и конструкции (цемент, сталь, стекло) – 11–15% мировых выбросов CO₂ [10].

В сложившейся ситуации архитектурно-строительная отрасль оказывается в особенно важном положении. Чтобы и сами города, и архитектурно-строительная сфера могли эффективно способствовать снижению климатических рисков, необходимо внести серьезные изменения в проектирование и планирование городов, переосмыслить то, как строить. Экологичность – центральная движущая сила в проектировании климатоустойчивых городов и архитектуры. В зависимости от складывающейся ситуации в конкретном городе, районе, глубины и масштаба происходящих процессов основными элементами адаптации могут стать:

- развитие зеленых насаждений, городских лесных массивов, зеленых поясов города;
- ограничение выбросов парниковых газов в процессе строительства и эксплуатации, зданий и сооружений;
- внедрение программы «Экологичный транспорт»;
- защита биоразнообразия в городе;
- улучшение управления отходами и поддержка экономики замкнутого цикла;
- ликвидация «костровов тепла»;
- защита прибрежных городов от наводнений;
- улучшение пешеходной и велосипедной проницаемости города, использование личных средств передвижения;
- внедрение так называемых проницаемых тротуаров.

Экоустойчивая архитектура включает в себя: учет климатических факторов, использование естественного света и солнечной радиации, влажности, осадков, скорости ветра; оценку воздействия зданий на грунтовые воды, почву, местную температуру и качество воздуха.

Выделим некоторые современные направления формирования климатоустойчивой архитектуры.

Проектирование углеродно-нейтральных зданий.

Согласно данным Всемирной метеорологической организации, основными парниковыми газами являются:

водяной пар (H₂O – наибольший вклад в атмосферу), углекислый газ (CO₂), метан CH₄, озон (O₃), оксид азота (N₂O) [11]. Для расчета углеродного следа от зданий и сооружений предназначен калькулятор воплощенного углерода в строительстве (ЕС3). Он используется европейскими архитекторами для количественной оценки и проверки экологической устойчивости, а также в качестве конкурентного параметра при выборе строительных материалов [12]. Как пример здания, стремящегося к углеродной нейтральности, можно привести индивидуальный дом общей площадью 214 м², изготовленный из сборных деревянно-каркасных элементов, германского архитектора М. Айхнера [13]. Проект выполнен с учетом требований онлайн-калькулятора eLCA (оценка жизненного цикла – 50 лет) Германского федерального института исследований в области строительства, городского хозяйства и пространственного развития (BBSR). Согласно немецкой системе сертификации устойчивого жилья (NaWoh), для малоэтажных домов в Центральной Европе рекомендуется максимум ≤ 12 кг CO₂-экв/(м²NRF*a) в качестве приемлемого значения годовых выбросов парниковых газов CO₂ на м² общей площади пола. В таблице представлены также другие категории вредного воздействия здания на протяжении жизненного цикла.

По мнению М. Айхнера, даже использование лучших современных строительных, отделочных и монтажных материалов не может считаться гарантом нулевого уровня выбросов, так как здание неминуемо создает определенное количество вредных парниковых газов.

Инновационные строительные материалы. Одна из главных проблем современной архитектурно-строительной сферы – создание принципиально новых строительных материалов с действительно нулевым выбросом парниковых газов. В проектах разработчиков – биоинженерные материалы (с использованием биологических организмов), которые сами растут, производят энергию, самовосстанавливаются; биокирпичи, выращенные на мицелии. Эти начинания представляют собой рубеж в биологии и материаловедении и, возможно, путь к архитектуре нового типа. Компания Skidmore, Owings & Merrill (SOM) предложила проект Urban Sequoia – новую архитектурную концепцию на основе эокантропоцентрического подхода. В проекте представлены «леса зданий», которые улавливают углерод, очищают воздух, производят биоматериалы и создают новую экологическую и устойчивую городскую среду [15].

Среди новых разработок и другие инновационные углероднейтральные материалы: переработанные заполнители, более экологичные варианты бетона, переработанная конструкционная сталь, древесина, сертифицированная FSC (Международной некоммерческой организацией «Лесной попечительский совет»).

Озеленение города и зданий. Эта мера рекомендуется для снижения температуры воздуха и его увлажнения, для улучшения теплового комфорта в целом. Однако зеленые крыши представляют наиболее эффективный способ снижения потребления энергии не только летом, но и круглогодично. Проектирование зеленых крыш, внешних зеленых стен (засаживание их растениями) или вертикальных садов рассматривается архитекторами и градостроителями также как одно из решений для декарбонизации зданий, компенсации выбросов углерода. Растительность на стенах способна поглощать газ, пыль, охлаждать здание и снижать температуру внутри помещений летом, зимой – сохранять тепло и уменьшить потребление энергии.

В Стратегии развития строительной отрасли и ЖКХ Российской Федерации до 2030 года предусматривает-

Система рейтинга устойчивого жилья, индикаторы воздействия (NaWoh 3.2.1.), типичные значения для проверки достоверности [14]

Характеристика	Степень	Значение	Единица измерения
Потенциал истощения озонового слоя (ODR)	Приемлемо	0,0020	g CFC11-экв/(м ² NGFa*a)*
	Хорошо	0,0010	g CFC11-экв/(м ² NGFa*a)
	Очень хорошо	0,0007	g CFC11-экв/(м ² NGFa*a)
Потенциал формирования озона (POCF)	Приемлемо	14,0	g C2H4-экв/(м ² NGFa*a)
	Хорошо	10,0	g C2H4-экв/(м ² NGFa*a)
	Очень хорошо	7,0	g C2H4-экв/(м ² NGFa*a)
Потенциал окисления (AP)	Приемлемо	70,0	g SO2-экв/(м ² NGFa*a)
	Хорошо	50,0	g SO2-экв/(м ² NGFa*a)
	Очень хорошо	35,0	g SO2-экв/(м ² NGFa*a)
Потенциал роста уровня фосфатов/эвтрофикации (EP)	Приемлемо	7,0	g PO4-экв/(м ² NGFa*a)
	Хорошо	5,0	g PO4-экв/(м ² NGFa*a)
	Очень хорошо	3,5	g PO4-экв/(м ² NGFa*a)

Примечание. *m² NGFa*a – на м² внутренней полезной площади здания в год.

ся создание зеленых крыш. За счет этого планируется уменьшение теплопотери здания зимой до 35% и обеспечение защиты от жары летом.

Светлые или белые крыши. По мнению специалистов это поможет в борьбе с глобальным потеплением. Американские физики из Университета Беркли подтвердили такой вывод своими расчетами: изменение цвета на белый увеличит отражательную способность крыш на 10%, а вызванный этим охлаждающий эффект сопоставим с удалением из атмосферы около 44 млрд. тонн парниковых газов [16].

Применение цифровых технологий (Artificial intelligence (AI), Big data, Internet of things). Они могут внести изменения в строительную площадку или в способ проектирования нового здания или городской среды. Новые инструменты, основанные на данных, способны помочь создавать более качественные пространства и здания, которые позволяют экономить ресурсы. Они могут включать в себя оптимизацию здания для снижения энергопотребления, обеспечения хороших условий микроклимата. Независимо от масштаба или желаемого результата, технология помогает профессионалам легче создавать, тестировать и выбирать варианты, которые оказывают меньшее воздействие на окружающую среду.

Эффективным инструментом является Spacemaker, программное обеспечение Autodesk, которое работает с облачным AI, позволяя командам сотрудничать, а также анализировать и проектировать объекты недвижимости с подходом, ориентированным на результат. Таким образом, начиная разработку нового проекта, можно протестировать тысячи возможностей, чтобы максимально использовать потенциал участка и связи с городом, обеспечивая при этом естественное освещение, изоляцию шума, микроклимат и т. д.

Изменение климата и профессиональная ответственность архитекторов и градостроителей
Передовые знания в области причин и последствий глобального потепления, знание технологий для адаптации застроенной среды к изменению климата, профессиональная и личная ответственность – необходимое условие для работников, в обязанности которых входит

нахождение путей и способов смягчения негативных последствий климатического кризиса. Насколько ответственными за создаваемую среду чувствуют себя будущие градостроители и архитекторы, вступающие в свои профессиональные обязанности в условиях изменения климата? Каковы их понимание причин климатических бедствий и готовность к разработке и реализации климатосберегающих проектов?

Для выяснения этих вопросов было проведено два социологических опроса в НИУ МГСУ – в ноябре 2021 и в ноябре – декабре 2022 года.

В ноябре 2021 года опрошено 234 студента, обучающихся по направлениям «архитектура», «градостроительство», «строительство уникальных зданий и сооружений». Цель опроса – понимание студентами причин изменения климата и готовности предпринять личные действия в защиту климата.

Из всех опрошенных 80,4% респондентов изменение климата назвали реальной проблемой, однако 19,6% респондентов считают, что особой опасности нет, все происходит в пределах нормы колебаний температуры и природных процессов.

80% респондентов уверены, что естественные процессы изменения климата ускорены промышленной деятельностью человека. Наибольший вред наносят природе сжигание угля и газа (73%), вырубка леса (67%), образование свалок (61%), использование любого вида автотранспорта (44%).

По мнению респондентов, возникающие экстремальные ситуации сравнимы с экологическим и климатическим кризисом. Возможные последствия для России – опасность проседания почвы при таянии вечной мерзлоты и обрушения зданий, сооружений (68,6%), гибель растительного и животного мира Сибири и Дальнего Востока (61,9%). Некоторые студенты обратили внимание на социальные последствия, предположив, что климатические процессы могут отразиться и на других сферах, в частности на характере общественных отношений, протекании социальных процессов, в усилении неравенства и бедности некоторых слоев населения.

Особую угрозу, по мнению респондентов (63%), изменение климата несет городам вследствие пере-

грева городской поверхности (зданий, автомобильных трасс, тротуаров, почвы). При этом здоровье горожан также окажется под угрозой (33%). 66,5% респондентов обеспокоено тем, что уже сегодня нужно готовить город к климатическим перепадам и экстремальным явлениям, разрабатывать технологии адаптации городов, хотя 33,5% респондентов полагают, что «не обязательно этим заниматься сейчас, сегодня у страны достаточно других проблем».

Отвечая на вопрос: «Что нужно делать сегодня, чтобы остановить или замедлить процесс изменения климата и глобальное потепление?» – большинство студентов предложило «ограничить и контролировать производственные выбросы, внедрять современные очистные системы» (83,3%), «сократить потребление электроэнергии» (53%), «снизить потребление тепла, установив тепловой счетчик в квартире/доме» (58%).

К каким именно действиям на личном уровне готовы студенты здесь и сейчас? Более половины опрошенных выбрали варианты: «раздельно собирать отходы» (74%), «не употреблять пластиковые упаковки и пакеты» (59%), «сократить использование одноразовых вещей в быту» (54%). «Остановить промышленные предприятия, загрязняющие природу» согласились 36,6% респондентов, «ограничить количество личного автотранспорта в городах, запретить дизельный автотранспорт» предложили 23%, «в малых городах активнее использовать велосипеды и другие виды индивидуального транспорта» порекомендовали всего лишь 14% опрошенных.

Исследование было продолжено в ноябре – декабре 2022 года. Целью нового опроса стало выявление ответственности и готовности студентов-магистрантов к климатозащитным профессиональным действиям. Опросу подверглись те же студенты, обучающиеся по направлениям «градостроительство» и «архитектура», но уже перешедшие с первого на второй курс магистратуры. Свои знания в области климатоустойчивой архитектуры респонденты оценили невысоко: как «средние» – 51,5% студентов-градостроителей и 46,7% студентов-архитекторов. Оценку «скорее скудные знания, чем обширные» дали 37,8% и 33,3% студентов соответственно. Знания в области климатоустойчивого города оценили как «средние» 50% студентов-градостроителей и 42,9% студентов-архитекторов, и оценку «скорее скудные знания, чем обширные» дали 32,4% и 38,1% соответственно. Таким образом, стало понятно, почему в опросе 2021 года получились низкие показатели по некоторым вопросам, связанным с пониманием причин и последствий изменения климата.

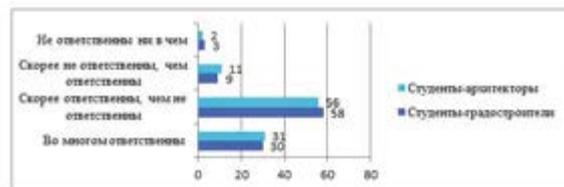
Респондентам был задан вопрос: «Какие меры можно было бы принять для противодействия изменению климата?» Для выбора им были предложены некоторые предлагаемые сегодня специалистами способы противодействия изменению климата:

- разрабатывать новые типы зданий и сооружений, способные выдерживать удары стихии, проектировать климатические убежища, здания-ковчеги (выбрали 76% студентов-архитекторов и 68% студентов-градостроителей);
- строить новые безопасные города на незатопляемой возвышенности с устойчивой несущей поверхностью грунтов (28% и 62%);
- не допускать возникновения «островков тепла» в городах средстами архитектурного и городского проектирования (30% и 58%);
- добиваться строжайшего контроля землепользования, запрета на новое строительство в зонах риска (30% и 62%);

– использовать «модульное строительство» с возможностью быстрого перебазирования (выбрали 40% студентов-архитекторов и 32% студентов-градостроителей).

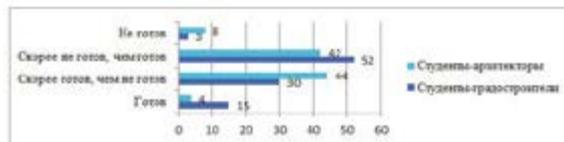
Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты еще не имеют достаточных знаний и профессионального мнения о предлагаемых способах реагирования на возможные угрозы.

Ответы, полученные на вопрос: «Как Вы оцениваете степень своей профессиональной ответственности за адаптацию города и архитектуры к процессу изменения климата?», оказались вполне зрелыми для респондентов, а также сходными в обеих группах респондентов (рис. 1)



▲ Рис. 1. Осознание своей профессиональной ответственности студентами магистратуры МГСУ за адаптацию города и архитектуры к изменению климата

В ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете свою профессиональную готовность к противодействию негативным процессам изменения климата и адаптации городов к изменению климата?» – респонденты оказались весьма критичны по отношению к себе (рис. 2).



▲ Рис. 2. Готовность студентов магистратуры МГСУ к противодействию изменению климата

Таким образом, в результате двух социологических опросов одной и той же выборки студентов-магистрантов удалось выявить некоторые проблемы в их подготовленности к новым условиям и требованиям проектирования и строительства. Полученные данные настораживают, но некоторое оправдание низкой компетентности магистрантов можно найти. Выводы ученых о последствиях изменения климата все еще не являются окончательными и неопровержимыми.

Выводы

1. Проблемы изменения климата на планете во многом политизированы, возможно, экономически ангажированы. Имеют место диаметрально противоположные мнения о причинах и последствиях глобального потепления и в научном мире. По мнению ведущих ученых мира – климатологов и специалистов в области изменения климата (в частности, Росгидромета, Института глобального климата и экологии им. акад. Ю. А. Израэля, Института географии РАН, на чьи исследования сделаны ссылки в данной статье), климатические изменения все же продолжают углубляться, температура по всему миру растет без признаков замедления. Данные факты должны быть приняты во внимание.

2. Происходящие в последние десятилетия стихийные бедствия, действительно связанные с экстремальными перепадами температуры, наносят серьезный урон урбанизированным территориям. Города и поселения оказываются неподготовленными к климатическим бедствиям, что требует немедленного реагирования и поиска способа адаптации в конкретных условиях.

3. Изменение климата меняет современный город и архитектуру. Защита от негативных последствий, экологичность становятся центральной движущей силой в строительстве и дизайне. Углеродно-нейтральная архитектура и безопасные строительные материалы – приоритет в современной архитектурной и строительной науке и проектировании.

4. Результаты опроса магистрантов – архитекторов и градостроителей – показали, что студенты, хотя и понимают причины изменения климата, демонстрируют свою озабоченность, но не имеют достаточных, с их точки зрения, знаний в области адаптации города и архитектуры к изменению климата. В то же время студенты осознают свою профессиональную ответственность за состояние городов, здоровье и безопасность горожан, но низко оценивают свою профессиональную готовность к противодействию климатическому кризису.

5. Следовательно, требуется усиление теоретической и практической подготовки градостроителей и архитекторов в области причин и последствий изменения климата, технологий адаптации городов, зданий и сооружений к ситуации глобального потепления, также требуется некоторая корректировка учебных программ в плане расширения объема климатических дисциплин.

Литература

1. The language of climate change and environmental sustainability: the OED October 2021 update. – URL: <https://public.oed.com/blog/the-oed-october-2021-update/> (дата обращения: 26.11.2022)
2. Negotiating Climate Change in Crisis / eds. S. Böhm, S. Sullivan. – Cambridge: Open Book Publishers, 2021. – DOI: 10.11647/OBP.0265
3. Кокорин, А. О. От климатической теории к экономической практике. Как преодолеть экологический и климатический кризисы на планете // Экология и жизнь. – 2008. – № 2. – С. 50–51
4. Тишков, А. А., Золотокрылин, А. Н., Семенов, В. А., Кухта, А. Е. Климатологические исследования в институте географии РАН: к 100-летию института // Фундаментальная и прикладная климатология. – 2018. – № 2. – С. 8–30. – DOI: 10.21513/2410-8758-2018-2-8-30
5. Глобальное изменение климата. Происходит ли потепление и почему? // Геоинфо. – URL: <https://geoinfo.ru/product/analiticheskaya-sluzhba-geoinfo/> (дата обращения: 13.01. 2023)
6. Семенов, С. М. Парниковый эффект и современный климат // Метеорология и гидрология. – 2022. – № 10. – С. 5–17
7. Masson, V., Marchadier, C., Adolphe, L. Adapting cities to climate change: A systemic modelling approach // Urban climate. – 2014. – Vol. 10(2). – P. 407–429.
8. Бюллетень мониторинга изменений климата Земного шара. Приземная температура. Лето 2022. VI–VIII // Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. – URL: www.igce.ru/climatechange (дата обращения: 13.01. 2023)
9. Лето в России стало 3-м самым теплым в истории наблюдений. – URL: <https://meteoinfo.ru/novosti/99-pogoda-v-mire/> (дата обращения: 13.01. 2023)
10. What is Net-Zero Architecture? Terms and Design Strategies. March 02, 2022 // ArchDaily. – URL: <https://www.archdaily.com/977740/what-is-net-zero-architecture> > ISSN 0719-8884 (дата обращения: 13.01. 2023)
11. The State of Greenhouse Gases in the Atmosphere Based on Global Observations through 2020 // WMO Greenhouse Gas Bulletin. – 2021. – N 17. – URL: https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=10904 (дата обращения: 13.01.2023)
12. Andersen, S., Larsen, H.F., Raffnsøe, L., Melvang, C. Environmental Product Declarations (EPDs) as a competitive parameter within sustainable buildings and building materials // IOP Conference. Series Earth and Environmental Science. – 2019. – N 323(1). – DOI: 10.1088/1755-1315/323/1/012145
13. Eichner, M., Ivanova, Z. Bioclimatic architecture as the main part of green building // E3S Web of Conferences. – 2029 – Vol. 91. – URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/2019910>
14. Bewertungssystem Nachhaltiger Wohnungsbau Mehrfamilienhäuser – Neubau. – URL: <https://www.nawoh.de/uploads/pdf/>

kriterien/v_3_0/Oekologische_Qualitaet_V_3_0.pdf (дата обращения: 29.12.2022)

15. SOM Proposes to Transform the Built Environment into a «Forest» of Absorbing Carbon at COP26. – URL: <https://www.archdaily.com/971822/som-proposes-to-transform-the-built-environment-into-a-forest-of-absorbing-carbon-at-cop26> (дата обращения: 25.12.2022)

16. Ученые: Белые крыши помогут в борьбе с глобальным потеплением. – URL: <https://www.rbc.ru/society/18/09/2008/5703cf079a79473dc814908f?ysclid=lc0z80jpkt2938827> (дата обращения: 25.12.2022)

References

- Andersen, S., Larsen, H.F., Raffnsøe, L., & Melvang, C. (2019). Environmental Product Declarations (EPDs) as a competitive parameter within sustainable buildings and building materials. IOP Conference. Series Earth and Environmental Science, 323(1). DOI: 10.1088/1755-1315/323/1/012145
- Bewertungssystem Nachhaltiger Wohnungsbau Mehrfamilienhäuser - Neubau [Evaluation system for sustainable housing Multi-family houses - New construction]. Retrieved December 29, 2022, from https://www.nawoh.de/uploads/pdf/kriterien/v_3_0/Oekologische_Qualitaet_V_3_0.pdf
- Böhm, S., & Sullivan, S. (Eds.). (2021). Negotiating Climate Change in Crisis. Cambridge: Open Book Publishers. DOI: 10.11647/OBP.0265.
- Byulleten monitoring izmenenii klimata Zemnogo shara. Prizemnaya temperatura. Leto 2022. VI–VIII [Global Climate Change Monitoring Bulletin. Surface temperature. Summer 2022. VI–VIII]. (2022). Federal Service for Hydrometeorology and Environmental Monitoring. Retrieved January 13, 2023, from www.igce.ru/climatechange
- Eichner, M., & Ivanova, Z. (2019). Bioclimatic architecture as the main part of green building. E3S Web of Conferences, 91, 05015. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/2019910>
- Globalnoe izmenenie klimata. Proiskhodit li poteplenie i pochemu? [Global climate change. Is warming occurring and why?]. Geoinfo. Retrieved January 13, 2023, from <https://geoinfo.ru/product/analiticheskaya-sluzhba-geoinfo/>
- Ions, R., & Wild, K. (2021, October 5). The language of climate change and environmental sustainability: the OED October 2021 update. OED. Retrieved November 26, 2022, from <https://public.oed.com/blog/the-oed-october-2021-update/>
- Kokorin, A. O. (2008). Ot klimaticheskoi teorii k ekonomicheskoi praktike. Kak preodolet ekologicheskii y klimaticheskii krizisy na planete [From climate theory to economic practice. How to overcome ecological and climatic crises on the planet]. Ecology and Life, 2, 50–51.
- Leto v Rossii stalo 3-m samym teplem v istorii nablyudenii [The summer in Russia became the 3rd warmest in the history of observations] (2022, October 4). Hydrometcenter of Russia. Retrieved January 13, 2023, from <https://meteoinfo.ru/novosti/99-pogoda-v-mire/>
- Masson, V., Marchadier, C., Adolphe, L. et al. (2014). Adapting cities to climate change: A systemic modelling approach. Urban climate, 10(2), 407–429. <https://doi.org/10.1016/j.uclim.2014.03.004>
- Semyonov, S. M. (2022). Greenhouse effect and modern climate. Meteorology and hydrology, 10, 5–17.
- SOM Proposes to Transform the Built Environment into a “Forest” of Absorbing Carbon at COP26. Retrieved December 25, 2022, from <https://www.archdaily.com/971822/som-proposes-to-transform-the-built-environment-into-a-forest-of-absorbing-carbon-at-cop26>
- Stouhi, D. (2022, March 2). What is Net-Zero Architecture? Terms and Design Strategies. ArchDaily. Retrieved January 13, 2023, from <https://www.archdaily.com/977740/what-is-net-zero-architecture>
- The State of Greenhouse Gases in the Atmosphere Based on Global Observations through 2020 (2021, October 25). WMO Greenhouse Gas Bulletin, 17. Retrieved January 13, 2023, from https://library.wmo.int/doc_num.php?explnum_id=10904
- Tishkov, A. A., Zolotokrylin, A. N., Semenov, V. A., & Kukhta, A. E. (2018). Climate studies in the Institute of Geography of the RAS: To the 100th anniversary of the Institute. Fundamental and Applied Climatology, 2, 8–30. DOI: 10.21513/2410-8758-2018-2-8-30.
- Uchenye: Belye kryshi pomogut v borbe s globalnym potepleniem [Scientists: White roofs will help fight global warming] (2008, September 18). RBC. Retrieved December 25, 2022, from <https://www.rbc.ru/society/18/09/2008/5703cf079a79473dc814908f?ysclid=lc0z80jpkt2938827>

Рассматриваются последствия уменьшения контроля за согласованием архитектурно-градостроительного облика объектов капитального строительства российских городов. Новая практика, упрощающая процедуру согласования, позволит снизить расходы застройщиков, однако без учета мнения специалистов и горожан она спровоцирует массовое тиражирование непривлекательных штампов, агрессивно стирающих следы архитектурной идентичности. С учетом непрекращающейся урбанизации в крупных городах России можно прогнозировать превращение единичных объектов исторической застройки в архитектурно-маргинальные образования, вытесняемые бесконтрольной застройкой, что приводит к разрушению целостности восприятия архитектурного пространства городов, потере значимых ландшафтных компонентов.

Ключевые слова: амбивалентность; реконструкция; памятники архитектуры; кризис градостроительной культуры; идентичность городской среды. /

The authors consider the consequences of the reduced control over the architectural and urban planning approval of capital construction in Russian cities. The new practice that simplifies the approval procedure will allow to reduce the costs for developers. However, without taking into account the opinion of specialists and citizens, it will provoke mass replication of unattractive clichés, aggressively erasing the traces of architectural identity. In view of the ongoing urbanization in large Russian cities, we can predict the transformation of certain historical buildings into architectural marginal formations forced out by uncontrolled development, which leads to the destruction of the integrity of perception of the cities' architectural space and the loss of significant landscape components.

Keywords: ambivalence; reconstruction; architectural monuments; crisis of urban culture; identity of urban environment.

Двойственность отношения к исторической городской застройке / Ambivalence towards historical urban development

текст

Ольга Воличенко

Юго-Западный государственный университет

Татьяна Цурик

Юго-Западный государственный университет /

text

Olga Volichenko

Southwest State University

Tatiana Tsurik

Southwest State University

Если мы не избавимся от нашей зависимости от реальной и признанной архитектуры как способа мышления по всем вопросам, от политических до самых практических, не освободимся от вечности, чтобы размышлять о непреодолимых и неотложных новых проблемах, таких как бедность, исчезновение природы, то архитектура, возможно, не доживет до 2050 года.

Рем Колхас. Приветственная речь лауреата Притцкеровской архитектурной премии 2000 года

Введение

Экономические и политические кризисы ставят перед архитекторами задачи, осмысление которых приводит к созданию тех или иных градостроительных программ развития, так как именно архитектурно-градостроительная среда, как лакмусовая бумага, проявляет и обнажает критическую ситуацию во всей ее неприглядности. Теоретик искусствоведения аббат ордена иезуитов Марк-Антуан Ложье в своем трактате «Опыт архитектуры» рассматривает проблему несостоятельности средневековой планировочной структуры в Париже XVIII века – с узкими улицами в центре города, застроенными многоэтажными зданиями, в которых обитали бедняки. Антисанитария районов – отсутствие канализации, большая плотность жилой застройки, недостаточная проветриваемость и нехватка солнечного света – приводили к регулярным вспышкам эпидемий, которые охватывали весь город. Социальные и экономические проблемы провоцировали постоянные мятежи и бунты в столице. Аббат Ложье предлагает градостроительную концепцию выхода из кризиса: «Нужно смотреть на город как на лес. Его улицы – те же дороги, которые следует проложить в лесу. Красоту парка составляет множественность, прямизна и ширина дорог» [1, с. 425]. Данный тезис, взятый в XIX веке на вооружение бароном Жоржем Эженом Османом, определил на многие годы подход к исторически сложившейся ткани города. «Прорубка просек» – прокладывание и расширение улиц, невзирая на то, сколько «деревьев» – исторических зданий встанет на пути маршрута, – приводила к массовому уничтожению кварталов старых зданий не только по всему Парижу, но и во многих городах Европы. Решая необходимые проблемы ре-

конструкции средневековых городов, в соответствии с потребностями нового времени – эры капитализма, мир потерял уникальные архитектурные сокровища прошедшей эпохи (рис. 2).

Именно тогда сформировались две точки зрения на город, каждая из которых имеет своих приверженцев, свое теоретическое и концептуальное обоснование. С одной стороны – горячие защитники сохранности аутентичности центральных районов исторического города, его зданий, ансамблей, улиц, камерных пространств площадей и скверов, тактильной и духовной атмосферы прошлого. Им противостоит большинство, поддерживаемое интересами бизнеса, стремящегося занять привлекательные участки городского ядра для своих целей. Тезис «город – это живой, постоянно изменяющийся и обновляемый организм. Точно так же, как обновляется природа, должны обновляться города» – служит девизом для данной точки зрения. Известный голландский архитектор и урбанист Рем Колхас прямо заявлял: «Сожаление по поводу отсутствия истории – утомительный рефлекс. В нем проявляет себя негласный консенсус, предполагающий, что присутствие истории всегда желательно. Но кто сказал, что так оно и есть? Город – это плоскость, наиболее эффективным образом заполненная людьми и процессами, а присутствие истории в большинстве случаев только снижает эту эффективность» [2, с. 8].

Экономические и политические проблемы, обострившиеся в начале XX века, по замыслу Ле Корбюзье могла решить новая модель города. Идея реконструкции городов на принципах модернизма предусматривала создание широких магистралей, обширных общественных пространств, современных жилых кварталов с оазисами зелени, доступных для всех слоев населения. Основные мероприятия по пространственной реабилитации проводились с целью оздоровления среды старых городов. Для этого разрушались исторические районы с «узкими извилистыми улицами без вентиляции и света, с чудовищными условиями жизни, становившимися очагами политизации рабочих, ликвидировались символические пространства старого города» [3, с. 9]. Проекты Ле Корбюзье по реконструкции Барселоны «Новая Барселона» и Парижа «План Вуазен» радикально решали



^ Рис. 1. Париж. «План Вуазен» Ле Корбюзье, 1925 (<https://goo.su/6Xq8zZ>)



^ Рис. 2. Париж до реконструкции Османа. Фотография Шарля Мервиля, конец 1850-х годов (<https://goo.su/KDKR>)

социальные проблемы, предлагая новые пространства на месте уничтоженных старых (рис. 1). Идеи не были осуществлены, но стали глобальными программными манифестами для осуществления реконструкции городов и формирования отношения к ценности исторического архитектурного наследия.

Амбивалентность архитектуры

Еще в XVIII веке теоретики определили две прямо противоположные полярные позиции, по которым оценивают красоту города и путешественники, впервые посетившие его, и горожане, постоянно проживающее в нем, – во-первых, с точки зрения монументальности его архитектурных памятников, во-вторых, с позиции практичности, удобства и безопасности [4]. Сложно найти однозначный ответ на вопрос, какая из этих позиций является более приоритетной: безликий, безопасный город с широкими улицами и примитивной застройкой вряд ли будет привлекателен как с точки зрения его жителей, так и туристов. Необходимость установления баланса между этими двумя критериями городской красоты – удобный город с развитой городской инфраструктурой и комфортной средой проживания, сохранивший в то же время разнообразную и разновременную историческую застройку – фокус его самобытности, идентификации и притяжения, – превращается в важную градостроительную задачу. Анализируя значимость исторической среды города и памятников архитектуры, можно сделать вывод, что, с одной стороны, памятник (его состояние, вид, использование и т. п.) является отражением существующей власти, а с другой – существует как объект памяти – временной и пространственный ориентир – своеобразная точка отчета, которая нужна изменяющемуся городу при создании своей истории (рис. 3).

Двойственность подхода к историческому наследию города становится настоящей проблемой, приводит к стиранию исторической памяти, культурной самоидентификации регионов, медленному разрушению, а затем сносу архитектурных памятников. Декларируемые архитекторами цели: «<...> на всей территории Российской Федерации находятся материальные, возведенные нашими предками свидетельства России над многими

историческими трудностями, и эти памятники и древние города должны быть не только сохранены, но на их основе нам следует создать многоуровневое пространство смысла, выражающее национальную идентичность нашей великой страны» [5, с. 23], разбиваются о следующие факторы:

- амбиции инвесторов и застройщиков, для которых важно получение максимально быстрой экономической выгоды;
- отсутствие процедурного протокола, выстраивающего и выравнивающего систему отношений между населением, архитекторами и бизнесом;
- законодательство, поддерживающее проекты, разработанные и выполненные по минимальной стоимости, что препятствует реализации лучших архитектурных решений;
- сокращение процедуры согласования и перечня обязательных документов, что позволяет застройщикам в регионах оптимизировать затраты и время на подготовку необходимой документации для получения разрешения на строительство;
- отмену процедуры согласования архитектурно-градостроительного облика объектов строительства практически во всех городах России (кроме Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя).

Новые поправки в градостроительные и архитектурные нормы, которые вступят в действие с 2023 года, еще более усложняют положение в регионах, поставив под угрозу уничтожения историческую среду: «Без надзора архитекторов застройщики смогут строить, не обращая внимания на сложившуюся застройку – без внимания к архитектуре, архитектурному наследию и окружающей среде» [6].

Можно выделить ряд причин и обстоятельств, повлиявших на формирование системы взглядов на пространство исторического города в нашей стране. В мировой архитектурной практике накоплены многочисленные примеры гармоничного включения исторической застройки в городскую среду в связи с тем, что поддержание в надлежащем виде памятников архитектуры приносит доход в городскую экономику, увеличивает туристический поток, сохраняет идентичность городов и поддерживает стилевую целостность и гармонизацию



^ Рис. 3. Курск. Здание бывших Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков. Архитектор Ф. О. Ливчак, 1912 (<https://goo.su/yYdp>)

городской застройки. В то же время российские реалии демонстрируют отсутствие единства по каждому из указанных тезисов.

Городская экономика

Неоднозначность отношения к историческим средовым фрагментам реализуется в том, что фокус обсуждений специалистов различной направленности смещается в зависимости от того, с какой точки зрения оценивается город – как совокупность природных, архитектурных и человеческих ресурсов и возможностей или как механизм получения прибыли в условиях рынка. На первый взгляд, здесь нет противоречия, так как сложившиеся на городской территории культурно-исторические связи и практики представляют собой общественное достояние, а город – это посредник экономической, политической, социальной и экологической динамики [7].

Процессы, происходящие в современных городах, демонстрируют разнообразие практик, с одной стороны, использующих городские пространства для экономической

выгоды, с другой – реализующих коллективные способы взаимодействия сообществ, ориентированных на общее благо. Во многих городах России эти процессы оказываются зачастую противоположными друг другу, несмотря на то что «в этой логике человек не существует без города, без культуры и формирует себя в соответствии с масштабом окружающего его пространства» [8, с. 67]. Задача соблюдения баланса между сохранением старого и созданием нового превращается в дихотомию: либо новая застройка, либо теряющие эстетический облик исторические сооружения.

Свидетельством того, что доходность города связывают в основном с новостройками, стало современное состояние российских городов в результате планомерного разрушения исторической городской среды в интересах развития рынка жилищного девелопмента, приносящего максимальную прибыль в городскую казну (рис. 4). В то же время снос исторических объектов рассматривается как покушение на общественное достояние и провоцирует возникновение конфликтов между градозащитниками и застройщиками. Указанные противоречия формируют поле дискуссий между представителями гуманистического мышления, отстаивающими право горожанина на человеческий масштаб застройки и поддержание неизменности исторических центров, и девелоперами, транслирующими идею трансформации городской среды в целях развития городской экономики, считающими «места памяти» проблемными зонами (рис. 5).

Стоит отметить, что заявленная проблема по-разному проявляется в российских городах. Анализ современной градостроительной политики выявляет стратификацию городской жизни в зависимости от численности населения и административного значения города. В отношении столичных городов сохраняется практика обсуждения и согласования архитектурно-градостроительного облика объектов капитального строительства, однако российские региональные центры зачастую оказываются вне этой дискуссии, а право принятия решения в отношении облика городских пространств отдается застройщикам.

v Рис. 4. Курск. Панорама ул. Дзержинского (<https://goo.su/ZH7xVM>)





Городская идентичность

Достаточно остро стоит задача сохранения идентичности российских городов, особенно тех, чья градообразующая деятельность зависела от развития предприятий промышленности, обусловивших рост численности населения и увеличение плотности застройки. Общей проблемой для них стала единообразная градостроительная система, типовая архитектура, деградация окружающей среды. Если описывать архитектурное пространство в категориях семиосферы, где архитектура как один из языков культуры создает модель мироздания, «матрицу», имеющую особенности в каждой культуре [9, с. 141], то эпоха модернизма последовательно стирала следы уникальности, уничтожая специфические черты российских городов. Результатом промышленной урбанизации стало преобладание эклектичной застройки, поэтому, оставаясь вместилищем коллективного опыта пространственной деятельности, города утратили исторические доминанты материального наследия, сохранив частичные фрагменты исторической застройки, зачастую находящиеся в аварийном состоянии. В этих условиях сложно

говорить о едином архитектурном ландшафте городских пространств (рис. 6, а, б).

Исторические жилые кварталы или здания, обогащающие пространственный текст города, часто находятся в ветхом или аварийном состоянии, с отсутствием необходимого инженерного оборудования, и, сохраняя следы ушедших эпох, они лишены требований современного комфорта [10] (рис. 7).

Сохранение идентичности городской среды может быть, таким образом, решено только с использованием эффективных приемов – от смягчения визуальных контрастов до разработки проектов комплексной реконструкции. Совместное сосуществование исторических

^ Рис. 6. Курск. Высотные здания, разрушившие восприятие католического костела XIX в. (<https://goo.su/wf5ss>) (а) и панорама городского центра (<https://goo.su/u3X5EC>) (б)



< Рис. 5. Курск. Водонапорная башня (пожарная каланча) в 1874 году (<https://goo.su/KAaVaFL>) (а) и в окружении современной застройки (<https://goo.su/74HqFk>) (б)



< Рис. 7. Курск. Доходный дом дворянина В. В. Толубеева, конец XIX века (<https://goo.su/tEX>)

памятников и новых объектов может создавать целостность городской среды при сохранении композиционного единства и ансамбля города, что наглядно демонстрируют примеры сосуществования через многослойность «обеспечения композиционно-художественной связи между новой застройкой и историческими зонами» [11]. Очевидно, что в этой плоскости также лежит вопрос о создании неповторимого облика города. Его уникальность создается не столько обеспечением усредненных

показателей комфортной городской среды, сколько сохранением мест, в которых возможно перемещение в пространстве и времени (рис. 8).

Городская целостность

Поддержание гармоничной целостности и стилового единства городских пространств выявляет много проблемных зон, связанных с наличием разнонаправленных интересов, с одной стороны, российских специалистов, в том числе архитекторов, и заказчиков и представителей власти – с другой. При этом архитектурное сообщество в регионах не имеет реальных рычагов воздействия на принятие важнейших решений о судьбе архитектурных памятников, что отражает общую логику его развития в нашей стране.

Архитектурная теория и практика изменили в XX веке характер городского пространства. Переход от классической концепции «города-текста» с реминисценцией исторического наследия в каждом объекте к городу «мета-тексту» с жесткой регламентацией функциональных зон, а затем к постепенному разрушению ценности физического пространства города, его связей и значимых объектов, сводимых к «узловым точкам-пространствам» [9, с. 147] носит объективный характер и стал реальностью во всех городах мира, независимо от локализации. Вместе с тем в нашей стране архитектурное сообщество, начиная с совместного постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О преодолении излишеств в архитектуре и строительстве» в 1955 году, ускорило процессы распространения невыразительной, штампованной архитектуры, где, наряду со строительством блочно-панельных пятиэтажек, распространялась практика уничтожения архитектурных памятников прошлого. Под борьбу с излишествами попали ансамблевость и выразительность архитектурной среды, а результатами стали однообразные, безликие здания и микрорайоны по всей стране.

Отказавшись от классики и стремясь воплотить идеи модернизма, архитекторы способствовали распространению и утверждению идеи о несовременности и отсталости проявлений в архитектуре исторических образцов, которые выступали скорее рудиментами, чем уникальными историческими объектами. В то же время город-



> Рис. 8. Водонапорная башня. Чикаго, 1869 (<https://goo.su/SGcY>)

ской ландшафт значительно пострадал от уменьшения озелененных пространств, в результате чего проявились экологические проблемы городов. «Городской пейзаж является предметом различных вмешательств, особенно обострившихся в борьбе за свободу выражения, возникших благодаря новым материалам и конструктивным методам» [12]. Отсутствие развитой городской культуры с ее ценностями плюрализма, партиципации, сбалансированности интересов приводит к разрыву между архитектором и социумом, превращая его в посредника между властью и предпринимательскими слоями общества. В то же время стоит отметить, что «процессы трансформации городской среды, как ответ на изменяющиеся условия общества, совершаются независимо от нашего желания или административных ограничений. Они могут проходить неуправляемо, стихийно или в русле программных перспективных планов развития города, направленных на создание гармоничной предметно-пространственной среды, отражающей национальную культуру региона» [13, с. 84].

Заключение

Сформировавшиеся на протяжении исторического развития города его планировочная структура и застройка, с одной стороны, безусловно, являются материальным свидетельством прошлого и культурной ценностью для будущих поколений. С другой стороны, двойственность отношения к ним определяется проблемами развития исторических центров города – снижением уровня комфорта по сравнению с новыми районами города. Историческая планировка с узкими улицами не в состоянии удовлетворительно обеспечивать современные транспортные потребности, а историческая застройка требует подбора новых функций и реконструкции.

Согласование требований развития городской инфраструктуры с задачами сохранения исторической уникальности архитектурно-градостроительной среды и художественно-эстетического образа для большинства российских городов остается проблемой, которую муниципальные власти предпочитают игнорировать. В последние годы в погоне за массовым увеличением строительства доступного жилья продолжается тиражирование безликих проектов, планомерно уничтожающих целостность исторической среды, нарушающих визуальное единство, разрушающих сложившийся выразительный силуэт города и живописные видовые панорамы. Становится явным кризис архитектурной профессии и снижение роли архитектора на фоне прогрессирующей тенденции к примитивизации массовой застройки, направленной на производство как можно большего количества квадратных метров для получения максимальной экономической выгоды. Художественно-эстетическая составляющая проекта, осмысление контекста места строительства становятся вторичным и отбрасываются как лишний фактор. Архитектурная деятельность отделилась от сферы искусства, став приложением технической сферы. Отсутствие механизмов в виде единых архитектурно-градостроительных стандартов, транслирующих и регулирующих общие ценностные критерии формирования городского пространства на всей территории России, порождает и закрепляет распад культурной памяти, а значит, и городской идентичности.

Литература

- Hillier, A. de. La recherche du beau idéal dans l'Essai sur l'architecture de l'abbé Laugier // Dix-huitième Siècle. – 1998. – № 30. – P. 413–434
- Колхас, Р. Гигантизм или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство. – Москва, 2015. – 84 с.
- Дончук, Т. В. Преемственность идей в планах реконструкции Парижа и Барселоны // Архитектон: известия вузов. – 2019. – № 1 (65). – С. 1–9

- Descat, S. L'embellissement urbain au XVIIIe siècle. Éléments du beau, éléments du sublime // Les Arts des Lumières. – 2019. – 168 p.
- Швидковский, Д. 30 лет Российской академии архитектуры и строительных наук: от основания к перспективам. – Екатеринбург, 2022. – 248 с.
- Архитекторы бьют тревогу: застройщики могут окончательно «испортить» Владивосток // Konkurent.ru. – URL: <https://konkurent.ru/article/54702> (дата обращения: 13.12.2022)
- Enright, T., Rossi, U. Ambivalence of the urban commons // The Routledge Handbook on Spaces of Urban Politics. – Routledge, 2018. – P. 35–46
- Невлютов, М. Города не для людей // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 66–67
- Пучков, М. В. Глобализация и идентичность в архитектуре современных городов // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 1. – 2013. – № 3 (116). – С. 140–147
- Субботин, О. С. Особенности регенерации кварталов исторической застройки. Ч. 1 // Жилищное строительство. – 2012. – № 10. – С. 22–25
- Азатян, К. Р., Енгоян, А. Р. Проблемы интеграции старого и нового в процессе развития городского пространства // Вестн. МГСУ. – 2014. – № 6. С. 7–16
- Araujo Carvalho, B. de. Arquitetura no tempo e no espaço. – Rio de Janeiro: Freitas Bastos, 1982. – 223 p.
- Воличенко, О. В., Рычкин, Е. Д. Реновации промышленных территорий как фактор преобразования городского ландшафта // Архитектура и строительство России. – 2018. – № 2(226). – С. 84–91

References

- Arhitektory b'yut trevogu: zastroyshchiki mogut okonchatel'no "isportit'" Vladivostok [Architects sound the alarm: developers can finally "spoil" Vladivostok]. Konkurent.ru. Retrieved December 13, 2022, from <https://konkurent.ru/article/54702>
- Azatyany, K. R., & Engoyan, A. R. (2014). Problemy integracii starogo i novogo v processe razvitiya gorodskogo prostranstva [Problems of integration of old and new in the development of urban space]. Vestnik MGSU, 6, 7-16.
- de Araujo Carvalho, B. (1982). Arquitetura no tempo e no espacio. Rio de Janeiro: Freitas Bastos.
- de Hillierin, A. (1998). La recherche du beau idéal dans l'Essai sur l'architecture de l'abbé Laugier. Dix-huitième Siècle, 30, 413-434.
- Descat, S. (2019). L'embellissement urbain au XVIIIe siècle. Éléments du beau, éléments du sublime. Les Arts des Lumières. 168. ISBN: 978-2-491086-00-8.
- Donchuk, T. V. (2019). Preemstvennost' idej v planah rekonstrukcii Parizha i Barselony [Continuity of ideas in the reconstruction plans of Paris and Barcelona]. Architecton: Proceedings of higher education, 1(65), 1-9.
- Enright, T., & Rossi, U. (2018). Ambivalence of the urban commons. In The Routledge Handbook on Spaces of Urban Politics (pp. 35-46). Routledge. ISBN9781315712468.
- Kolhas, R. (2015). Gigantizm ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Mусорное пространство (sbornik) [Bigness or the problem of Large. Generic City. Junkspace]. Moscow. ISBN: 978-5-9905612-1-2.
- Nevlyutov, M. (2015). The cities for no man. Project Baikal, 12(46), 66-67. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.947>
- Puchkov, M. V. (2013). Globalizaciya i identichnost' v arhitekture sovremennyh gorodov [Globalization and identity in the architecture of modern cities]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. 3 (116), 140-147.
- Shvidkovskij, D. (2022). 30 let Rossijskoj akademii arhitektury i stroitel'nyh nauk: ot osnovaniya k perspektivam [30 years of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences: From foundation to prospects]. RAASN 1992-2022. Ekaterinburg.
- Subbotin, O. S. (2012). Osobennosti regeneracii kvartalov istoricheskoj zastroyki. Chast' I [Peculiarities of regeneration of blocks of historical buildings. Part 1]. Zhilishchnoe stroitel'stvo, 10, 22-25.
- Volichenko, O. V. & Rychkin, E. D. (2018). Renovacii promyshlennyh territorij kak faktor preobrazovaniya gorodskogo landshafta [Renovation of industrial areas as a factor of urban landscape transformation] Arhitektura i stroitel'stvo Rossii, 2(226), 84-91.

Современный медиатекст рассматривается как один из признаков кризиса городской идентичности. В Иркутске с 1960-х годов существовало активное общественное движение по сохранению культурных памятников. Значение исторических топонимов для городской идентичности общепризнано в профессиональной и культурной среде. Это дало возможность манифестирования темы топонимической реставрации. Волна частичной топонимической реставрации 1990-х годов в исторических российских городах была полностью проигнорирована иркутскими властями, а вне ее рамок были произведены лишь отдельные конъюнктурные переименования топонимов. В современных кризисных процессах медиа посредством медиатекстов выступают идентификаторами, маркерами кризиса, информаторами, производителями конфликтов, пространством кризисных проявлений и средой распространения конфликта.

Ключевые слова: кризис; идентичность; медиатекст; топонимическая реставрация; дискурс; конфликт. /

The modern media text is considered as one of the markers of the urban identity crisis. Since the 1960s there has been an active social movement for the preservation of cultural monuments in Irkutsk. The importance of historical toponyms for the city identity is generally recognized in the professional and cultural sphere. This provided an opportunity to manifest the theme of toponymic restoration. The wave of partial toponymic restoration in historical Russian cities in the 1990s was completely ignored by the Irkutsk authorities, and there were just a few cases of opportunistic renaming of toponyms beyond it. In the contemporary crisis processes, media acts through media texts as identifiers, crisis markers, informants, conflict producers, the space of crisis manifestations and the medium of conflict propagation.

Keywords: crisis; identity; media text; toponymic restoration; discourse; conflict.

Топонимическая реставрация и медиатекст как маркер кризиса городской идентичности / Toponymic restoration and media text as a marker of urban identity crisis

текст

Александр Гимельштейн
Иркутский
государственный
университет

Ирина Гимельштейн
Иркутский национальный
исследовательский
технический университет /
text

Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University
Irina Gimelshteyn
Irkutsk National Research
Technical University

Исторический Иркутск, старейший русский город Байкальской Сибири, казалось бы, обладает полным набором ценностей, обеспечивающих городскую идентичность, особость, непохожесть. Однако обратимся к критериям, с помощью которых Н. Анисимов [1] предлагает измерять городскую идентичность:

- общность городского сообщества (насколько единым является видение горожанами своего прошлого, настоящего и будущего, связанного с городом);
- уникальность города (представления горожан об общей степени уникальности города, его общих и особых черт);
- восприятие города «вне контекста» (в отрыве от нации, страны, региона);
- уровень положительной оценки (уровень городского патриотизма, интерес к городской культуре и истории);
- реализованный практический потенциал идентичности (наличие положительных примеров реализации общегородских проектов).

Применение вышеназванных инструментов дает основание для вывода о кризисе городской идентичности в Иркутске. А так как уникальная топонимика является важнейшей частью уникальности города, мы имеем возможность подтвердить этот вывод анализом событий 2016 года, названных масс-медиа «иркутской топонимической войной».

Топонимические памятники организуют культурно-историческое пространство, в котором живут, подчеркивают его уникальность и своеобразие, обеспечивают историческое преемство, свидетельствуют о древности и историчности окружающей их среды, фиксируют события, запечатлевают утраченные городские объекты, особенности рельефа, имена и занятия жителей [2].

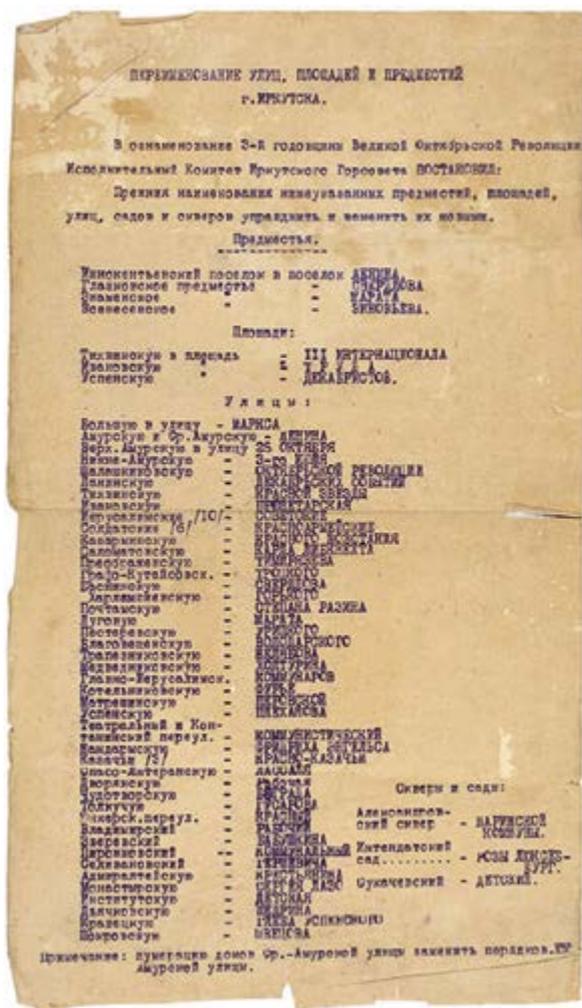
В 1920 году в Иркутске заменены 70 из 185 топонимов – десять имен площадей и предместий и 60 названий улиц [3]. В дальнейшем эти изменения продолжились. Массовые переименования шли в это время по всей стране – победители закрепляли имена своих героев и свои идеалы в местных топонимах. Тем самым страница, связанная с дореволюционными названиями городских объектов, была перевернута.

В 1934 году произведено 25 переименований, в 1940-м – еще 58.

Стоит отметить, что для многих губернских, да и уездных городов до прихода советской власти была характерна оригинальная топонимика. Специфической особенностью Иркутска были купеческие топонимы. Конечно, такая практика свойственна не только нашему городу, потому что нередко наименование улицы шло от собственника крупного магазина. В Иркутске тоже такое случалось, но чаще это были «наградные» названия. Иркутское купечество славилось своей филантропией. Средства, которые они отправляли на благотворительные цели, выделялись, как правило, не на меценатство – поддержку культуры, искусства и науки, а на дома призрения, учебные заведения и социальные нужды. У нас есть некая недооценка масштабов благотворительности той эпохи, несравнимых с современными объемами спонсорства. Среди иркутских купцов были те, кто потратил на благотворительные цели миллион рублей, когда стоимость одного пуда (16 кг) муки была 36 копеек ассигнациями. Подобная практика поощрялась императорским правительством. За благотворительную деятельность купцов награждали орденами и высокими чинами по Табели о рангах, а городское сообщество называло в их честь улицы. Таких улиц было множество, что и образовало иркутскую «особость», поскольку такая топонимика была абсолютно оригинальной.

Советский Иркутск после 1920 года строился и расширялся, а значит, советская топонимика появлялась и естественным порядком. Так, улицы в Поселке энергетиков назывались в честь энергетиков. Как и по всей стране, в нем стали появляться улицы, названные в честь ученых, писателей, деятелей искусств. Все это сформировало советскую топонимику, в которой были интересные элементы, и, безусловно, она также имеет настоящую историческую ценность.

Если говорить о топонимической реставрации (именно этот термин здесь будет наиболее уместен), то ее резонно применять исключительно к историческому центру столицы Прибайкалья. Именно здесь исторические названия являются памятниками истории и культуры. Существует масса законодательных актов, защищающих памятники



архитектуры, но, к сожалению, отсутствует законодательство, охраняющее топонимические памятники.

В Иркутске с 1960-х годов существовало активное общественное движение по сохранению культурных памятников. Проблематика городской идентичности допускалась даже подцензурной советской прессой, воспринимаясь как культуроведческая [4]. Значение исторических топонимов для городской идентичности общепризнано в профессиональной и культурной среде. Это создало условия для сравнительно раннего манифестирования темы топонимической реставрации. Историки, краеведы, деятели культуры пришли к концу XX и началу XXI века с определенной общей идеей восстановления ряда исторических топонимов. Но волна частичной топонимической реставрации 1990-х годов в исторических российских городах почти полностью проигнорирована иркутскими властями. Прецедент, однако, был создан: предместью Марата возвращено название «Знаменское». Но решение являлось очевидной уступкой инициаторам – деятелям иркутской культуры и было реализовано обдуманно формально, без отражения в улично-адресной и транспортной сети и оповещения жителей [5].

В 1996 году Борис Говорин, возглавлявший одновременно Думу и администрацию города Иркутска, инициировал и провел решение городской Думы «в целях увековечения памяти ныне здравствующих Героев Советского Союза – иркутян», переименовать к празднику русской духовности и культуры «Сияние России» (3–6 октября т. г.) улицы:

- 1 Летчиков в улицу имени Героя России П. Д. Егорова;
- Ново-Ямскую в улицу имени Героя Советского Союза В. П. Лызина;

– 5 Советскую в улицу имени Героя Советского Союза Б. А. Пискунова;

– Приморскую в улицу имени Героя Советского Союза В. М. Безбокова.

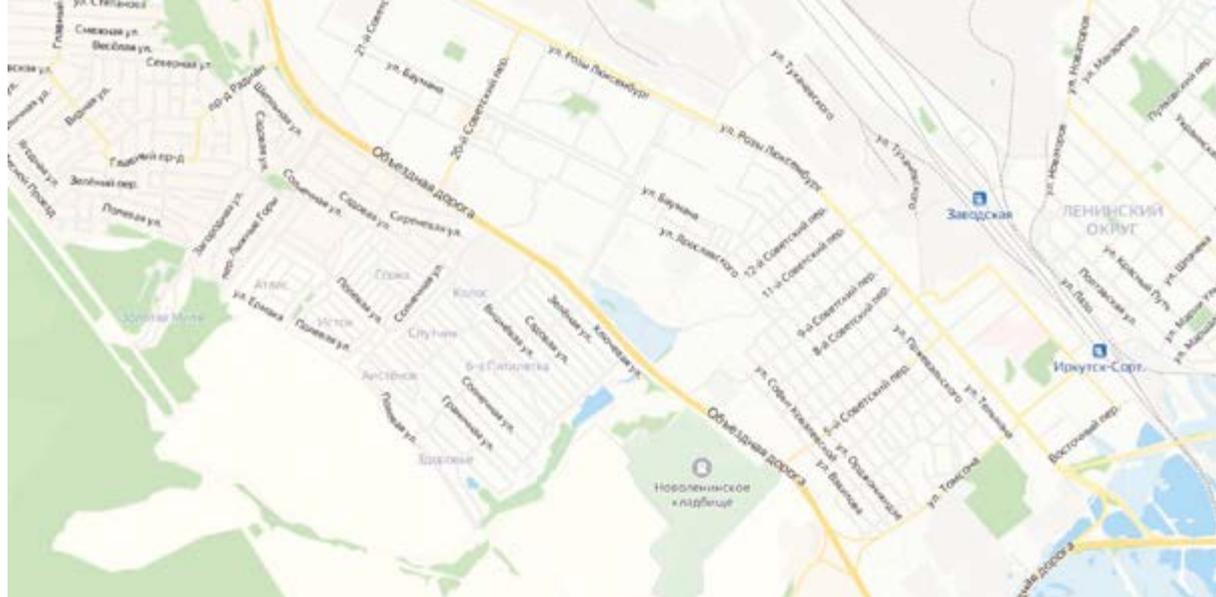
К рассматриваемой проблеме это решение прямо не относится, но имеет значение, поскольку многолетним (и ложным) аргументом в оппонировании городских чиновников топонимической реставрации были якобы крайне значительные расходы по переименованию улиц. Эта риторика применялась для противодействия изменениям до середины 2010-х годов, реальный (и практически бесплатный в реализации) опыт 1996 года никогда не артикулировался. Дальнейшая трансформация местного самоуправления отнесла вопросы наименований/переименований элементов городской инфраструктуры к исключительным полномочиям главы администрации. Об отношении к проблеме мэра Иркутска Владимира Якубовского, сменившего Бориса Говорина, говорит нижеследующее: в качестве заместителя председателя Комиссии по топонимике при администрации города один из авторов этой статьи (А. Гимельштейн) 23.01.2003 года официально обратился к В. В. Якубовскому с письмом, в котором, в частности, отмечалось: «<...> Процесс возвращения улицам исторических наименований требует осторожности и такта. Я полностью поддерживаю сдержанность подходов к этой проблеме мэра города Иркутска. Однако в начале 21 века три центральные иркутские улицы носят имена террористов – убийц. Думаю, что ни одна политическая сила, в том числе левой части политического спектра, не сможет назвать этих людей по-другому. <...> даже партийным идеологам было некомфортно перевозносить деяния террористов – народоульцев. Это привело к тому <...>, что имена самих убийц – <...> Каракозова, Рысакова и Гриневицкого не были «впечатаны» в названия улиц, а организаторы покушений – Желябов, Перовская, Халтурин были удостоены подобной чести.

В случае вашего согласия с вышеизложенным, полагал бы целесообразным, чтобы инициатива в этом вопросе принадлежала мэру, а общественность Иркутска, без сомнения, поддержит главу местного самоуправления в возвращении исторических наименований улиц – Большая Трапезниковская (Желябова), Матрёшинская (Софьи Перовской) и Медведниковская (Халтурина) <...>. Ответа на обращение не последовало.

Следующий избранный мэр Иркутска, Виктор Кондрашов, несколько раз публично объявлял о намерении вернуть ценные исторические топонимы, в частности, улица Адмиралтейская (ныне Сурнова). В поддержку топонимической реставрации выступал Благотворительный фонд «Наследие Иркутских меценатов», возглавляемый женой мэра. Однако пятилетняя каденция Кондрашова была завершена без решений по топонимической реставрации.

После избрания в 2015 году Думой Иркутска мэра Дмитрия Бердникова городская комиссия по топонимике предложила ему рассмотреть возможность возвращения ценных исторических топонимов по достаточно ограниченному списку:

- Большая (Карла Маркса)
- Амурская (Ленина)
- Тихвинская (Сухэ-Батора)
- Баснинская (Свердлова)
- площадь графа Сперанского (сквер Кирова)
- Арсенальская (Дзержинского)
- Адмиралтейская (Сурнова)
- Трапезниковская (Желябова)
- Шелашниковская (Октябрьской революции)
- Луговая (Марата)
- Пестеревская (Урицкого)



Иерусалимская (4-я Советская)
 Преображенская (Тимирязева)
 Благовещенская (Володарского)
 Чудотворская (Бограда)
 Матрёшинская (Софьи Перовской)
 Медведниковская (Халтурина)
 Саломатинская (Карла Либкнехта)
 Успенская (Плеханова)
 Котельниковская (Фурье)
 Ланинская (Депутатская)
 Русиновская (Лебедева-Кумача).

В мае 2016 года в Иркутске начался острый конфликт, связанный с постановлением мэра города, принятом по инициативе городской комиссии по топонимике. Был выпущен пакет решений о возвращении улице Бограда имени Чудотворская, присвоении скверу у здания компании «Востсибуголь» наименования «Тихвинский», площади, расположенной у правительства Иркутской области, – имени графа Сперанского, а также переименовании остановки «Гостиница Ангара» в «Площадь Графа Сперанского».

Носило ли возвращение дореволюционных названий идеологический характер? Являлось ли очередным этапом борьбы «белых» и «красных»? Во всяком случае, когда вышеупомянутый пакет решений был принят, «левой» стороной политического спектра он был воспринят исключительно так. Принятые решения вызвали резкую реакцию КПРФ, которая в то время находилась у власти в регионе. Прошел специальный пленум обкома КПРФ (4 июня 2016), который выдвинул категорическое требование:

- Отменить постановление о переименовании ул. Бограда.
- В дальнейшем все решения о переименовании принимать только по результатам волеизъявления жителей (через референдум или общее собрание).
- Распустить дискредитировавшую себя комиссию по топонимике и создать новую из профессионалов и представителей общественности, с уважением относящихся к мнению граждан.

Мэрия областного центра не поддавалась давлению. Все решения устояли.

Спецификой рассматриваемого конфликта является то, что он имел ограниченный масштаб публичных действий: несколько попыток проведения пикетов и митингов по инициативе движения «Суть времени» не стали событием даже в точках дислокации активистов. Одновременно уровень участия в этом конфликте местных и федеральных цифровых медиа, их деятельностный интерес и выраженная позиция были настолько велики, что сформировали парадокс: медиа назвали «топонимической войной» существо происходящих событий, в то время как правильнее было отнести этот хлесткий термин к дискурсу, сформированному самими цифровыми медиа.

В «медиавойне» приняли участие цифровые ресурсы: ИрСити.ру, ИА «Альтаир», ИА «Ирк.ру», БайкалИнфо, ИА «Красная весна», Иркутск Ньюс, Бабр.ру, ИА «Телеинформ», КП.ру, РГ.ру, Благовестинфо, Ирк.АиФ.ру, ПримаМедиа.ру, РИА «ФедералПресс», Тайга-Инфо, Легитимист.ру, ВСП.ру, КТРФ.ру, МК.ру, Правмир.ру, интернет-журнал «Мои года», интернет-СМИ «Иркутская торговая газета», «Глагол38», Telex.news, ИА «Русская линия», БГ-Иркутск, ряд блогов на платформе «Живой журнал» и др.

Местные и федеральные медиа стали основным пространством конфликта, превратившись не просто в инструмент информирования, но в полноправного субъекта конфликта, усиливающего его развитие [6; 7; 8; 9]. На первый взгляд, это можно отнести к следствиям запретительной практики действующего российского законодательства о референдумах, организации митингов и пикетов. Иркутские исследователи добавляют к этому указание на две основополагающие проблемы:

1. Отсутствие должной образованности населения в этом вопросе; история Иркутска в настоящее время – дисциплина очень ограниченная по распространенности и практически неизвестна самим горожанам.
2. Отсутствие новых и эффективных возможностей продвижения идеи, растолкования основных аспектов, которые не позволяли бы развиваться мифам, сопровождающим вопрос топонимической реставрации [10].

Список некоторых ныне существующих улиц Иркутска:

Улица 9 км Каи
Иркутский (Иркутный) 4-ый переулок
Улица 8 км Александровского тракта
Улица 9 км Якутского тракта
Плодоягодный проезд
улица Угольный склад
улица Шпальная ветка
Улица Металлобаза
Улица Мехгорка
Две улицы Ворошиловская
Две улицы Московская
Две улицы Ключевая
Две улицы Полевая
Две улицы Нестерова
Две улицы Ольховская

Две улицы Северная
Два Сарайных переулка
Два Локомотивных переулка
Три улицы Советская
Три улицы Красноказачья
Три переулка Топкинский
Четыре улицы Карьерная
Четыре улицы Огородная
Пять улиц Железнодорожная
Пять улиц Летчиков (причем есть 2-я, 3, 4, 5, 6)
и проезд Летчиков
Пять переулков Заводской
Шесть переулков Западный
Шесть улиц Линия
Семь улиц Кировская + Главная Кировская
Девятнадцать (в ряде источников – Двадцать один)
Советский переулок
Улица Прирельсовые склады

Информативные и коммуникативные функции медиа наиболее полноценно реализовываются в рамках полноценной общественной дискуссии. В рассматриваемом процессе имело место замещение такой дискуссии «войной» в средствах массовой информации на фоне безмолвствующих (в статистически значимых величинах) горожан.

Медиатексты, совмещающие вербальную часть текста с медийными свойствами того или иного средства массовой информации, выступили, таким образом, идентификаторами, маркерами кризиса городской идентичности, подчеркнув минимальную включенность большинства населения в дискуссию, отстраненность горожан от города как пространства смыслов и исторической памяти.

Литература

1. Анисимов, Н. О. Идентичность и город // Наука. Искусство. Культура. Белгородский государственный университет искусств и культуры. – 2019. – № 3 (23). – С. 170–179
2. Снарский, А. С. Топонимическая реставрация в Иркутске // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (46). – С. 92–94
3. Дулов, А. И. Вернуть Адмиралтейскую // Сибирский энергетик. – 2012. – 5 окт.
4. Ячменев, Е. Почему бы не восстановить памятник // Восточно-Сибирская правда. – 1979. – 29 сент.
5. Сергеев, М., Бутаков, Г. [и др.]. Возвращение Знаменского предместья // Восточно-Сибирская правда. – 1994. – 10 марта
6. Байчик, А. В. Массмедиа. Ценности. Конфликт. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2020. – 248 с
7. Кинаш, Ю. С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2017. – № 4 (26). – С. 118–121
8. Смирнова, О. В., Шкондин, М. В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10. – № 1. – С. 5–21
9. Вартанова, Е. Л., Дунас, Д. В., Гладкова, А. А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 3–32
10. Полюшкевич, О. А., Попова, М. В. Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. – 2018. – № 9. – С. 86–97

References

- Anisimov, N. O. (2019). Identichnost i gorod [Identity and the city]. Nauka. Iskusstvo. Kultura, Belgorodskij gosudarstvennyj universitet iskusstv i kultury, 3(23), 170-179.
- Bajchik, A. V. (2020). Massmedia. Tsennosti. Konflikt [Mass media. Values. Conflict]. SPb.: Izd-vo RKhGA.
- Dulov, A. I. (2012, October 5). Vernut Admiraltejskuyu [Return the Admiralty]. Sibirskij energetik.
- Kinash, Yu. S. (2017). Rol SMI i «novykh media» v sovremennykh politicheskikh konfliktakh [The role of mass media and “new media” in modern political conflicts]. Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta, 4(26), 118-121.
- Polyushkevich, O. A., Popova, M. V. (2018). Vliyanie toponimiki na identichnost zhitelej goroda (po materialam Irkutskaja) [The influence of toponymy on the identity of the city's residents (based on Irkutsk materials)]. Sociodinamika, 9, 86- 97.
- Sergeev, M., Butakov, G. et al. (1994, March 10). Vozvrashchenie Znamenskogo predmestya [The return of the Znamensky suburb]. Vostochno-Sibirskaya pravda.
- Smirnova, O. V., & Shkonadin, M. V. (2021). Issledovaniya media i zhurnalistiki v kontekste konfliktologii: sistemno-teoreticheskie aspekty [Media and journalism studies in the context of Conflictology: system-theoretical aspects]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki, 10(1), 5–21.
- Snarsky, A. S. (2015). Toponymic restoration in Irkutsk. Project Baikal, 12(46), 92–94. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.958>
- Vartanova, E. L., Dunas D. V., & Gladkova, A. A. (2021). Media i konflikty: issledovanie vzaimovliyaniya v aktualnom akademicheskom diskurse [Media and conflicts: The study of mutual influence in the current academic discourse]. Vestn. Mosk. Un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika, 4, 3-32.
- Yachmenyov, E. (1979, September 29). Pochemu by ne vosstanovit pamyatnik [Why not restore the monument]. Vostochno-Sibirskaya pravda.

Рассмотрены кризисные явления в отечественной истории XX и XXI веков и влияние их на развитие промышленной архитектуры. На историческом материале показано формирование промышленной архитектуры Курска, связанной с возведением новых и реконструкцией существующих объектов. Основой для выявления закономерностей развития промышленной архитектуры в кризисных условиях послужили исторические документы и факты. Развитие промышленной архитектуры современного города направлено на решение экономических и градостроительных проблем с учетом научно-технических и экологических требований.

Ключевые слова: промышленная архитектура; инфраструктура; городская среда; кризис./

The article considers the crisis phenomena in the national history of the XX and XXI centuries and their influence on the development of industrial architecture. The formation of the industrial architecture of Kursk associated with the construction of new and reconstruction of existing facilities is shown using the historical material. Historical documents and facts served as a basis for identifying patterns of development of industrial architecture in a crisis. The development of industrial architecture in a modern city is aimed at solving economic and urban planning problems, taking into account the scientific, technical and environmental requirements.

Keywords: industrial architecture; infrastructure; urban environment; crisis.

Архитектура промышленных объектов в условиях кризиса (на примере Курска) / Architecture of industrial objects in times of crisis: Case study of Kursk

текст

Наталья Савочкина
Юго-Западный
государственный
университет

Анастасия Гладских
Юго-Западный
государственный
университет

Анастасия Деменкова
Юго-Западный
государственный
университет /

text

Natalia Savochkina
Southwest State University

Anastasiia Gladskikh
South-Western State
University

Anastasiia Demenkova
South-West State University

Введение

Кризис – крайне неустойчивая ситуация, характеризующаяся чрезвычайным обострением накопленных противоречий или резким переломом существующего положения, способствует нарастанию стремительной динамики хаотичности и неустойчивости. Кризисы, определяющие цикличность развития политико-экономической системы, сопровождаются разрывом внутренних и внешних связей, ростом внутренних противоречий, сокращением объемов производства. Кризис, как точка бифуркации, ведет к качественной перестройке системы: накопленные параметры могут ее полностью разрушить, стать катализатором развития или вывести из глубокой стагнации.

Термин «промышленная архитектура», в отличие от архитектуры гражданских зданий, история которой исчисляется тысячелетиями, появился относительно недавно. Его появление связано с производственной деятельностью. На развитие отечественной индустрии и промышленной архитектуры огромное влияние оказала череда политико-экономических кризисов XX века. Во-первых, мировой кризис, вызванный началом Первой мировой войны, в России усугубился революционными кризисами 1916–1917 годов и последующим кризисом ожесточенного противостояния во время Гражданской войны (1918–1923). Последствием цепочки кризисов начала столетия стала смена политического режима в стране и экономический упадок во всех областях хозяйствования, в том числе глубокая рецессия промышленного производства. Выход из кризиса ознаменовался небывалым подъемом предприятий промышленности по всей стране, сооружением заводов и фабрик легкой и тяжелой промышленности, гидро- и теплоэлектростанций, элеваторов, научных и производственных лабораторий, каналов и предприятий транспортной инфраструктуры, ростом существующих и строительством новых городов в 1923–1940 годах.

В это время складывается новая промышленная типология, идет поиск новых конструкций, материалов, архитектурных форм, разрабатывается планировочная и объемно-пространственная композиция, складывается внешний образ производственных корпусов, вырабатывается структурное зонирование территорий генерального плана в соответствии с характером производства. В данном процессе принимали участие такие архитекто-

ры, как И. Жолтовский, В. Веснин, И. Соболев, Н. Колли, Г. Орлов, Г. Гольц, М. Парусников, С. Андреевский, А. Фисенко, В. Шевцов и др. Продолжаются разработки в области металлических и железобетонных конструкций: стальные сетчатые конструкции В. Шухова, пространственные и большепролетные железобетонные конструкции А. Лолейта, А. Кузнецова и др. Промышленная архитектура, являясь основным градообразующим фактором во многом формирует образы новых городов и населенных пунктов. Внешний вид одноэтажных зданий производственных корпусов, выполненных из кирпича, оживлялся чередующимся ритмом простенков, пилястр и вертикальных окон циркулярной, лучковой и прямоугольной формы. Строгая прямоугольная сетка оконных проемов с бетонными перемычками определяла облик многоэтажных кирпичных зданий, в нее вводились горизонтальные тяги и пилястры. Большинство сооружений завершаются карнизами, выполненными из кирпича. Фасады зданий холодных цехов металлургических и машиностроительных заводов, железобетонной или металлической конструкции, имели легкие навесные фахверковые стены с выявлением каркаса и сплошной стены из легких ограждений асбоцементных листов, горизонтальные окна и широкий ритм подчеркнутых входов, лестничных клеток [1].

Подъем промышленного производства был прерван вторым кризисом, вызванным началом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. С одной стороны, он характеризовался разрушением всех областей хозяйствования на захваченных врагом территориях, а с другой – быстрой эвакуацией и беспрецедентной скоростью развертывания производственных мощностей на новом месте, начиная от строительства корпусов заводов, монтажа оборудования, запуском процесса и выпуском продукции. Мощная производственная база, обеспеченная высококлассными специалистами, появилась в регионах Сибири, Алтая, республиках Средней Азии и Казахстана, что стимулировало развитие и быстрый рост городских поселений в данных регионах.

В послевоенные годы начинается восстановление и сооружение новых промышленных предприятий. 1950–1960-е годы отличаются нарастанием производственного «бума»: вводится в строй более 5,5 тысяч



^ Рис. 2. Генеральный план Курска 1946 года. Цветом обозначена перспектива расширения города (<https://shiva16.livejournal.com/59975.html>)



^ Рис. 1. Первоуральск. Электросталеплавильный комплекс «Железный Озон 32». Архитекторы С. Ильшев, В. Юданов, 2010 (<http://tehne.com/event/novosti/primety-gorodov-2017>)

крупных промышленных предприятий, активизируется развитие промышленной и гражданской архитектуры. В этот период совершенствуется технология организации производства, меняются конструктивная и объемно-планировочная структура промышленных сооружений. Унификация типов секций и стандартизация конструктивных элементов позволяет перейти к их заводскому изготовлению, что обеспечивает возможность индустриального строительства из сборных железобетонных конструкций. Особенностью отечественной промышленности является развитие производственной базы по принципу строительства крупных производственных объектов и промышленных гигантов, сооружение которых дает импульс к развитию городской инфраструктуры и массовому росту городов, а также к урбанизации новых неосвоенных территорий. Развитие промышленности обеспечивает изменение градостроительных подходов. В городах создаются промышленные районы с многоэтажной жилой застройкой, общественными центрами и объектами социальной и транспортной инфраструктуры. Промышленная архитектура комплексно решает ряд функциональных, технологических, социально-экономических, композиционных и художественных задач.

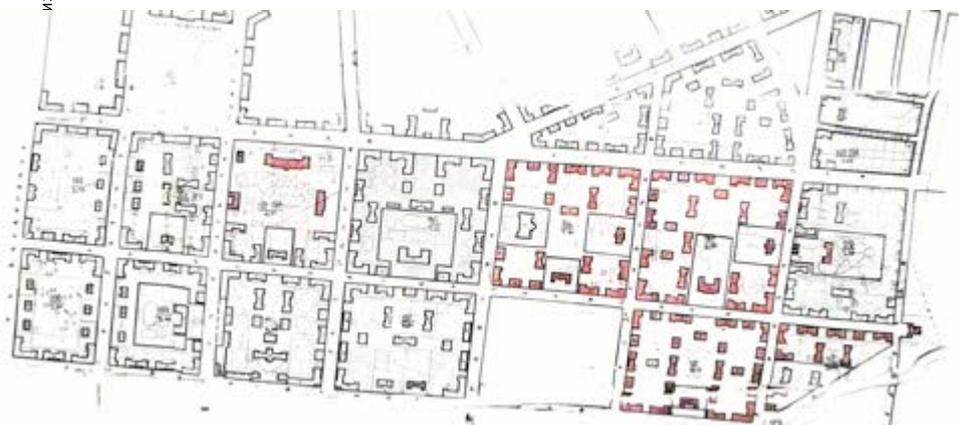
Стагнация экономического развития 1970–1980-х годов завершается кризисом 90-х. Третий крупный политико-экономический кризис, приведший к распаду государства и смене политического устройства, практически подорвал сферу промышленного производства. «Промышленные объекты и территории являются важным градообразующим элементом планировочной ткани города, однако по известным причинам распад единых политико-экономических связей привел к упадку промышленных предприятий в большинстве городов постсоветского пространства» [2, с. 84]. Переход к рыночным отношениям, частной собственности, приватизация государственного имущества, разрыв технологической логистики способствовали остановке и последующему разрушению промышленного производства практически во всех городах ранее единой страны.

После глобального кризиса 2008–2009 годов, затронувшего рыночную экономико-финансовую систему всех стран, в том числе и постсоветских государств, в ряде городов России началось активное восстано-

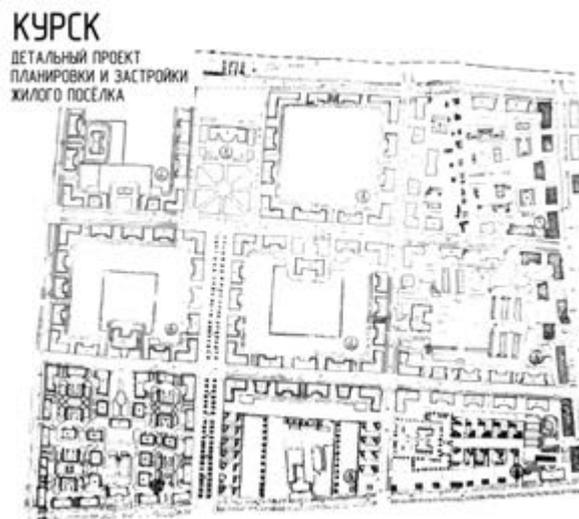
ление и модернизация промышленного производства, реконструкция старых и строительство новых заводских корпусов, а также возведение новых промышленных предприятий. Архитектура промышленных предприятий переживает свой расцвет, вновь обращается внимание не только на технологию и организацию производства, но и на выразительность архитектурно-художественного облика (рис. 1). Решение архитектурно-художественных задач в промышленной архитектуре важно по нескольким причинам. Во-первых, на производстве работают люди, на психическое состояние которых влияет окружающая архитектурная среда, а это, в свою очередь, отражается на уровне их трудоспособности. Во-вторых, высокое качество промышленной архитектуры способствует совершенствованию техники предприятий, рациональной организации трудовой деятельности и улучшению быта жилых массивов, расположенных в этой местности. Кроме того, вид промышленных объектов влияет на архитектурный стиль городских микрорайонов и округов, а зачастую – и всего города [3].

История развития промышленной архитектуры Курска

Кризисные этапы оказали влияние на отечественную историю развития промышленной архитектуры, однако в каждом регионе они находили свое специфическое выражение. Рассмотрим особенности формирования промышленной архитектуры в Курской области. Наиболее интенсивно промышленность края начала развиваться во второй половине XX века. Если до 1917 года в экономическом отношении сохранялась аграрная специализация при наличии относительно небольшого числа предприятий, ориентированных на переработку сельскохозяйственной продукции, то с течением времени произошел серьезный индустриальный прорыв, которому предшествовал первый экономический кризис XX века, вызванный сменой политического строя в стране. В 1920–1930-е годы в регионе стали возводиться новые объекты предприятий тяжелого машиностроения, химического, текстильного и фармацевтического производства. Проводилась реконструкция имеющихся заводов по переработке сельхозпродукции. Начало Второй мировой войны нанесло серьезный урон индустриальному потенциалу области. Военные действия, развора-



а



б

^ Рис 3. Проект детальной планировки 1-го квартала рабочего поселка Курского резинового завода, 1949, (а) (<https://shiva16.livejournal.com/59975.html>) (б) и фрагмент детальной планировки Кировского района, 1950

чивающиеся на территории Курской области, разрушили начавшую формироваться промышленную базу. Послевоенный кризис стимулировал строительство новых и реорганизацию разрушенных промышленных объектов и инфраструктуры. В январе 1946 года был утвержден план развития города на ближайшие 25 лет [3]. Данный документ прогнозировал рост населения до 200 тысяч человек и развитие промышленной составляющей города, включая строительство новых производственных объектов (рис. 2).

В 50-е годы XX века был сделан упор на развитие машиностроительной отрасли промышленности, которой и предстояло стать ведущей. Региональная промышленность имела большой производственный потенциал и развитые межотраслевые связи. На это не в последнюю очередь влияло выгодное географическое положение областного центра, характеризовавшееся близостью к сырьевым базам, наличием транспорта и рабочих кадров.

Пик развития города наступает вместе с индустриализацией, когда возводятся крупнейшие предприятия и жилые кварталы для их работников. В Курске строятся крупные заводы – производственное объединение «Прибор», Курский электроаппаратный завод (КЭАЗ), «Электроагрегат», ГПЗ-20, Курский резиновый завод и многие другие (рис. 3, а, б).

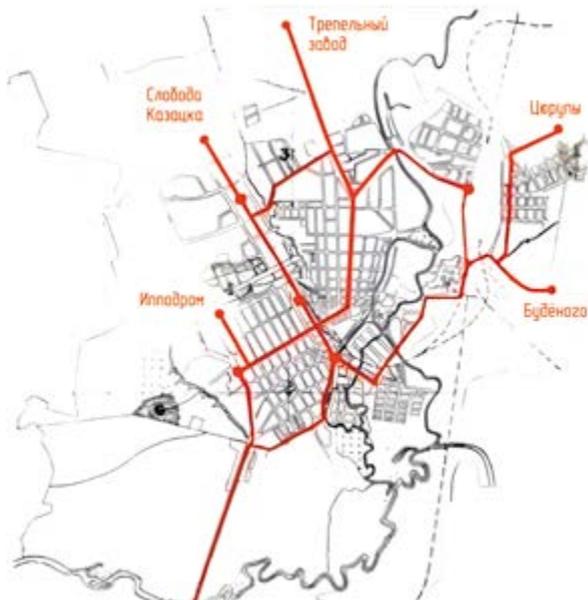
Строительство промышленных объектов разворачивается параллельно со строительством жилых массивов города. Архитектурно-планировочная структура новых промышленных районов опиралась на принципы функционального зонирования территории и пространственного разделения производственной и селитебной застройки. Быстрое промышленное развитие города потребовало разработки нового генерального плана уже в 1957 г. Планом предусматривалось увеличение населения до 350 тысяч человек. Возникла необходимость в проектировании новых промышленных и жилых кварталов, развитии районных и общегородских центров, транспортной и инженерной инфраструктуры. В это время начинается возведение многоэтажных жилых домов.

Через 10 лет, в 1967 году, был утвержден новый генплан, по которому число горожан возросло до 450 тысяч человек (данный показатель был достигнут только к 2020 году). С реализацией этого генплана связано

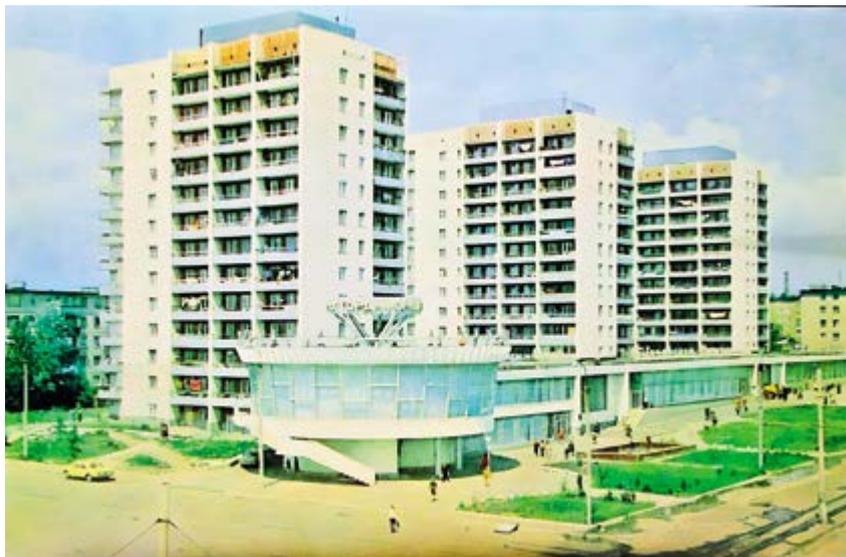
начало переходного этапа от сооружения отдельно стоящих объектов жилой и инженерной инфраструктуры к возведению сгруппированных жилых массивов на невоенных территориях (рис. 4). Генпланом определялись более четкие границы жилых микрорайонов, предусматривалось повышение этажности жилых зданий до 12 этажей. Особое значение было уделено строительству и усовершенствованию уже существующих промышленных районов, а также инженерному обеспечению новых [4]. Продолжается качественный и количественный рост промышленных предприятий металлообрабатывающей, приборостроительной, химической, фармацевтической и строительной промышленности. Новые предприятия химической промышленности имели в основе павильонный тип планировки – совокупность быстровозводимых одноэтажных корпусов-павильонов («Химволокно», «Курскрезинотехника» и др.).

Основной принцип планировки крупных микрорайонов заключался в формировании свободной планировочной схемы. Было предусмотрено разделение улиц на жилые и магистрально-транспортные (рис. 5). На главной магистральной улице располагался центр района с объектами социальной инфраструктуры. Планировочной доминантой, формирующей силуэт крупнопанельной застройки, стали три 12-этажных дома. Строительство отдельных микрорайонов продолжалось более 10 лет. На первый взгляд, растянутый на длительное время процесс мог негативно сказаться на строительстве и формировании структуры микрорайонов, однако этот недостаток дал возможность проектировщикам внедрить наиболее передовые приемы формирования комфортной архитектурной среды. В итоге каждый микрорайон приобрел самобытное, присущее только ему архитектурно-планировочное решение. В условиях массового типового строительства 60–70-х годов жилая архитектура наглядно демонстрировала трансформацию архитектурных приемов [5].

Архитектура промышленных предприятий рассматривается как важнейшая составляющая процесса урбанизации. Вслед за знаменитым архитектором XX века Альбертом Каном можно сказать, что «форма следует за производительностью», способствуя высокой продуктивности производства, сокращению эксплуатационных расходов, созданию гуманной среды, формированию



^ Рис. 5. Транспортные связи Курска, объединившие окраины с центральными районами (<https://shiva16.livejournal.com/59975.html>)



^ Рис. 4. Жилые дома Юго-Западного района Курска. Курскгражданпроект, ГАП М. Теплицкий (<https://shiva16.livejournal.com/20912.html>)

корпоративной идентичности и эстетизации внешнего вида предприятия [6, с. 138]. Поиски новых форм организации производственного пространства, происходившие в 1960–1970-е годы, не смогли остановить кризис и застой в развитии промышленного строительства. Это явление наиболее отчетливо стало проявляться к середине 80-х годов и было связано с началом политического и экономического кризиса в стране. Снижение темпов экономического роста, обусловленное необходимостью модернизации промышленного производства, падение цен на углеводородное сырье в мире привели к масштабному кризису 90-х. В конце 90-х годов были массово закрыты крупные предприятия, комбинаты и комплексы: заводы теле- и радиопромышленности, машиностроительные и станкостроительные заводы. Результатом закрытия промышленных центров и деградации производства стал кризисный этап в развитии отдаленных регионов, большое количество неблагополучных и заброшенных предприятий.

Сегодня состояние промышленной архитектуры Курска и Курской области переживает период становления [7]. Пережив катаклизмы реформирования 90-х, масштабные кризисы 1998 и 2008 годов, ряд промышленных предприятий Курска сохранил и обновил свою производственную базу благодаря государственному стимулированию, инвестиционной политике и налоговому регулированию. Доминирующими отраслями промышленности в регионе по-прежнему остаются энергетическое машиностроение, химическая промышленность, производство резиновых изделий, неметаллических минеральных продуктов, пищевая промышленность, производство неметаллических минеральных продуктов.

В мае 2021 года был разработан и опубликован проект нового генплана Курска с перспективой развития до 2040 года (рис. 6). Проект содержит развернутую аналитическую информацию по истории города, об объектах культурного наследия, природно-климатических условиях и ресурсах, природоохраняемых территориях и зеленых насаждениях, зонировании, транспортной инфраструктуре и инженерных сетях, социально-экономической ситуации, озеленении, экологии и факторах риска, анализ жилого фонда и социальной инфраструктуры. Документ определяет важнейшие объекты, планируемые к разме-

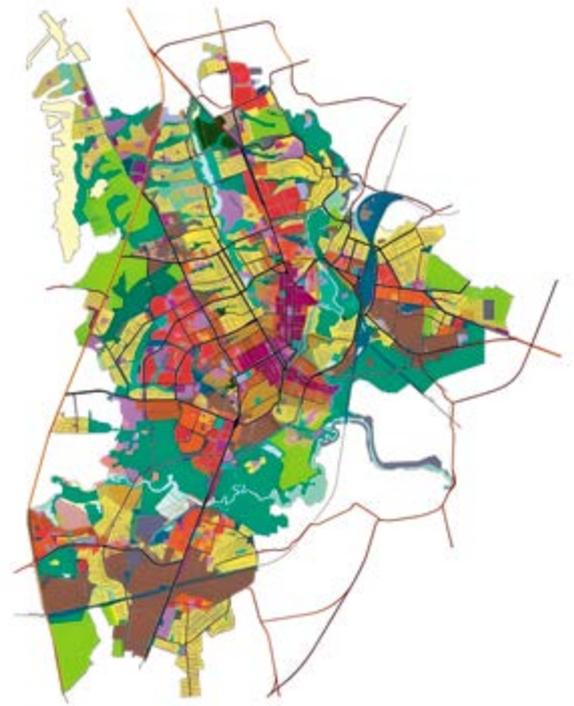
щению на городской территории, экономическую базу развития города, планировочную организацию жилого фонда и систем расселения, планируемые объекты социальной сферы, транспортной и инженерной инфраструктуры [8]. Генплан структурирует развитие городской среды, формирует необходимые зоны и территории инфраструктуры для целевого использования существующих и неосвоенных городских земель. Новый генплан ориентирован на реорганизацию и реновацию ряда промышленных территорий, зачастую изменяя их первоначальное функциональное назначение.

Развитие современной промышленной архитектуры
Характер промышленной архитектуры Курска и типология его промышленных объектов складывались под влиянием плановой программы развития строительного производства. Научно-технические разработки в сфере производств определили развитие новых безотходных промышленных технологий. Эти факторы повлияли на изменение художественного образа, внешнего и внутреннего облика промышленных зданий, приобретающих черты научно-производственных лабораторий. Такие промышленные предприятия не выносятся за черту города, а размещаются в городской застройке, оказывая существенное влияние на организацию планировочной структуры и формируя градостроительный ансамбль (Курский электроаппаратный завод, «Электроагрегат», «Авиаавтоматика» и др.). Таким образом, промышленная архитектура Курска в значительной степени была представлена сооружениями, формировавшими районы города, внутри которых создавался «микрорайон». Тем не менее созданные уникальные сооружения промышленного назначения имеют в себе отражение формирующихся кризисных условий, которые не только способствовали деградации, но и в определенной степени дали толчок для переосмысления и модернизации промышленной застройки Курска.

Таким образом, процесс реорганизации объектов промышленной инфраструктуры Курска связан с определенными преобразованиями индустриального наследия и включением его в обновленную городскую среду и социокультурную жизнь. «Повышение качества общественных пространств способствует формированию



> Рис. 6. Схема зонирования города. Генплан Курска до 2040 года. Гипрогор, архитекторы О. Енина, И. Ратникова [8]



неповторимой, самобытной городской среды, сложности нарратива идентичности и бренда города» [9, с. 60]. Перепрофилирование промышленных объектов и включение их в культурную, общественную и социальную жизнь происходит при соблюдении таких условий, как целостность сохранения объектов промышленной архитектуры; формирование промышленной архитектуры с учетом городской среды; использование исторических промышленных объектов для изучения, привлечения архитектурного потенциала объекта, обеспечение его доступности.

Развитие промышленной архитектуры значительно отличается от задач гражданской архитектуры. Функциональное содержание, технологические процессы и связанные с ним технические и социальные аспекты формирования архитектуры становятся все более и более сложными. Но архитектурный облик промышленного здания с рациональными формами уже ушел в прошлое. Высокоинтеллектуальное производство требует того же уровня корпоративной архитектуры. Превращение промышленных предприятий из отталкивающих серых коробок в многофункциональные и привлекательные здания набирает обороты. Художественно-эстетический облик производственного комплекса складывается из органичного сочетания архитектуры зданий заводских корпусов и сложного включения технологического оборудования: высоких колоннообразных аппаратов, шаровых емкостей, паровых котлов, переплетения трубопроводов и т. д., создающих динамичную пространственную композицию. «Оптимальное комфортное пространство содержит визуальные символы и иконические знаки, обладает ценными историко-культурными и природными критериями, связано с личностными переживаниями: вызывает воспоминания или создает новые впечатления, идентифицирует и превращая его в уникальное место» [10, с. 109].

Возможно, скоро промышленные зоны станут одним из основных индикаторов развития современной архитектуры. В последнее время энергично пропагандируется индустриальная история Курской области, на практике внедряется методология Агентства стратегических инициатив по развитию промышленного туризма. Меняется ассоциативный ряд, в котором регион, расположенный в Центральном Черноземье, связан исключительно

с аграрным земледелием. Акцентируется внимание на том, что Курская область имеет давнюю индустриальную историю, связанную прежде всего с разработками железной руды в уникальном месте – в районе Курской магнитной аномалии. Кроме крупнейшего горно-обогатительного комбината – Михайловского, добывающего руду открытым способом, в список предприятий, по которым будут проводиться зрелищные и познавательные экскурсии вошли Курская АЭС, Курский электроаппаратный завод, «Совтест АТЕ», «Бел-Поль». Готовы присоединиться и предприятия пищевой промышленности [11]. Большой интерес представляет процесс возведения Курской АЭС-2, где прямо на стройплощадке апробируются новые разработки и технологии (рис. 7).

Участие в программе развития промышленности позволяет привлечь дополнительные инвестиции из федерального бюджета для развития промышленного сектора и промышленной архитектуры.

Заключение

Безусловно, экономическо-политические кризисы повлияли на развитие проектирования промышленных зданий, кризисные состояния всегда обнажали проблемы, требующие инновационных подходов с использованием новейших цифровых программ при разработке технологических, инженерно-конструктивных, функционально-планировочных и эстетических решений.

Возведение инженерных зданий и сооружений с учетом экологических требований и с применением экологических технологий сделало возможным размещать, например, предприятия приборостроения практически в любой зоне города, что неминуемо делает их составляющей архитектурной композиции, воспринимаемой со стороны городской застройки. Объекты инженерной инфраструктуры более подвижны в формировании общей городской среды, нежели иные сооружения, поэтому их размещение можно изменять, следуя функциональным и композиционным соображениям. Создание гармоничной городской среды и инфраструктуры не возможно без совершенствования инженерных коммуникаций и промышленных объектов. Конструктивные и выразительные формы промышленных объектов и инженерных коммуникаций могут служить элементами, формирую-



< Рис. 7. Строительство Курской АЭС-2 (<https://www.kommersant.ru/doc/5079615>)

щими архитектурный образ города. В настоящее время промышленная архитектура переживает сложный этап становления, предлагая прекрасные образцы формирования новой эстетики промышленной архитектуры.

Литература

1. Ковалев, А. Я. Архитектура промышленных сооружений // Всеобщая история архитектуры. Т. 12: Архитектура СССР. – Москва : Изд-во лит. по строительству, 1975. – 755 с.
2. Воличенко, О. В., Рычкин Е. Д. Реновации промышленных территорий как фактор преобразования городского ландшафта // Архитектура и строительство России. – 2018. – № 2(226). – С. 84–91
3. Супорткин, Д. С. Вклад региональной промышленности в оборонную индустрию советского союза во второй половине XX века (по материалам Курской области) // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. – 2020. – № 2(287). – С. 144–146
4. Звягинцева, М. М. Архитектурная среда Курска как составляющая культурной памяти // Архитектоника региональной культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конференции, посвященной 55-летию Юго-Западного государственного университета. – Курск, 2019. – С. 13–17
5. Стремоухова, А. В. История развития архитектуры города Курска // Архитектоника региональной культуры: сб. науч. трудов IV Всерос. науч.-практ. конференции с междунар. участием, Курск, 28 октября 2021 года. – Курск : Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та, 2021. – С. 72–74
6. Дмитриева, А. Архитектура «интеллектуальных фабрик» // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 132–139
7. Чернова, Е., Лыцова, Ж. Архитектурный облик промышленного здания // Молодежь и наука: материалы Междунар. науч.-практ. конференции старшекласников, студентов и аспирантов 29 мая 2020 г. – Нижний Тагил, 2020. – С. 291–293
8. Генплан Курска до 2040 года: все, что нужно знать о проекте. – URL: <https://kray.press/texts/articles/genplan-kurska-do-2040-goda-vse-chto-nujno-znat-o-proekte> (дата обращения: 11.12.2022)
9. Воличенко, О. В., Байчубекова, О. В. Модель развития общественного пространств Бишкека // Вестн. Кыргызско-Российского славянского университета. – 2020. – Т. 20. – № 8. – С. 59–64
10. Воличенко, О. В., Звягинцева, О. В. Антагонизм концепций «места» и «не-места» в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – Т. 19, № 74. – С. 103–109. – DOI: 10.51461/pb.74.18

References

Chernova, E., & Lystsova, Zh. (2020, May 29). Arkhitekturnyi oblik promyshlennogo zdaniya [The architectural appearance of an industrial building]. Youth and science: Proceedings of the international scientific-practical conference of high school students, students and

graduate students (pp. 291-293). Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, UrFU named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Nizhny Tagil Institute of Technology (branch). Nizhny Tagil.

Dmitrieva, A. (2020). The architecture of “smart factories”. Project Baikal, 17(650), 132-139. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1690>

Ezhov, Ya. (2021, May 31). Genplan Kurska do 2040 goda: vsyo, chto nuzhno znat' o proekte [Masterplan of Kursk: Everything you need to know about the project]. Krai. Retrieved December 11, 2022, from <https://kray.press/texts/articles/genplan-kurska-do-2040-goda-vse-chto-nujno-znat-o-proekte>

Kovalev, A. Ya. (1975). Arkhitektura promyshlennykh sooruzhenij [Architecture of industrial facilities]. In Vseobshchaya istoriya arkitektury. Vol 12: Arkhitektura SSSR. M.: Izdatelstvo literatury po stroitelstvu.

Stremoukhova, A. (2021, October 28). Istoriya razvitiya arkitektury goroda Kurska [History of the development of the architecture of the city of Kursk]. Architectonics of regional culture: Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation (pp. 72-74). Kursk: Southwest State University Publishing House.

Suportkin, D. S. (2020). Contribution of the regional industry to the defense industry of the Soviet Union in the second half of the XX century (on the materials of the Kursk region). Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University, 2(287), 144-146.

Volichenko, O. V., & Rychkin, E. D. (2018). Renovacii promyshlennykh territorij - kak faktor preobrazovaniya gorodskogo landshafta [Renovation of industrial territories as a factor of transformation of urban landscape]. Architecture and Construction of Russia, 2(226), 84-91.

Volichenko, O. V., & Bajchubekova, B. T. (2020). Model razvitiya obshchestvennykh prostranstv Bishkeka [Bishkek public space development model]. Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta, 20(8), 59-64.

Volichenko, O., & Zvyagintseva, M. (2022). Antagonism of the concepts of “place” and “non-place” in architecture. Project Baikal, 19(74), 103-109. <https://doi.org/10.51461/pb.74.18>

Zvyagintseva, M. M. (2019). Arkhitekturnaya sreda Kurska kak sostavlyayushchaya kulturnoi pamyati [The architectural environment of Kursk as a component of cultural memory]. Architectonics of regional culture: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 55th anniversary of the Southwest State University (pp. 13-17). Kursk: SWSU.

Феномен сквоттинга, играющий значимую роль в жизни города «эпохи перманентного кризиса», будучи своеобразной реакцией на кризис и/или попыткой реализовать утопию, внедрением особой модели общежития либо отражением представлений о жизненных идеалах, а также формой и способом творческого самовыражения и самоорганизации, представляет собой двойственное явление, одновременно являющееся пространством опасности, риска и возможностей саморазвития/самореализации.

Ключевые слова: перманентный кризис; сквот; сквоттеры; города-призраки; город. /

The phenomenon of squatting, which plays an important role in the life of the city in the “era of permanent crisis”, is a kind of response to the crisis and/or an attempt to implement utopia, introduction of a special community model or reflection of the ideas of living ideals, as well as a form and method of creative self-expression and self-organization. It is a dual phenomenon, which is also a space of danger, risk and opportunities for self-development / self-realization.

Keywords: permanent crisis; squat; squatters; ghost cities; city.

Сквоттинг в «эпоху перманентного кризиса» / Squatting in the “era of permanent crisis”

текст

Ольга Железняк

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Olga Zheleznyak

Irkutsk National Research Technical University

Череда ударов, нанесенных экономике пандемией, энергетическим кризисом, событиями на Украине, крахом криптовалютной биржи и пр., по мнению Кристин Лагард, позволяют определить наше время как «эпоху перманентного кризиса». Характерные для современных кризисов особенности (спираль кризиса, самоорганизующаяся система, неопределенность, турбулентность, способность к «дуальности»/двойственности и пр.) дают возможность рассматривать кризис и перманентность его состояния не только с точки зрения рисков и опасностей, но и как пространство возможностей, потенциальных трансформаций и развития.

Порожденное перманентным кризисом изобилие пустующих зданий и брошенных объектов, «города-призраки», интенсификация миграционных процессов, снижение жизненного уровня и пр., наряду с усилившимися протестными настроениями, движением неформалов и контркультур, провоцируют активизацию деятельности сквоттеров. Сквоттинг и сквоты при этом получают активное развитие как своеобразная реакция на кризис и специфическая форма выживания в условиях нестабильности. Феномен сквоттинга в такой ситуации имеет важное значение в жизни города «эпохи перманентного кризиса», что и предопределяет актуальность обращения к теме, к рассмотрению сквоттинга как очага нестабильности, потенциальной угрозы и одновременно пространства развития и самореализации, к представлению сквотов как креативного потенциала города и уникального социального эксперимента.

Кризис: перманентность состояния, пространство опасности и возможностей

Кризис: общие представления и актуальные интерпретации. Кризис понимается как переворот, поворотный пункт, перелом, состояние перехода, при котором сложившиеся средства и методы достижения целей оказываются несовершенными, вследствие чего возникают неконтролируемые ситуации. Кризис проявляет скрытые проблемы, внутренние конфликты и диспропорции и традиционно трактуется как состояние, сопровождающееся ухудшением общего положения страны либо отдельных сфер жизни. Это может обнаруживаться в нарушении

установившихся хозяйственных связей, спаде производства, банкротстве предприятий, росте безработицы, снижении благосостояния населения и пр. Но, кроме того, кризис нередко рассматривается в качестве возможности обновления, потенциала преобразования.

К основным причинам возникновения кризисов специалисты чаще всего относят напряженную социально-политическую обстановку, конкуренцию, низкий уровень финансово-экономического и корпоративного управления, стихийные природные и техногенные явления, рискованные проекты развития финансовых институтов и систем, отрыв развития виртуальной экономики от реальной и др.

Особую остроту приобретают кризисные явления с начала XIX века, когда рыночная экономика достигает относительной зрелости. Первые разрушительные кризисы XIX века возникают изначально в отдельных странах, затем, распространяясь, порождают всеобщий европейский кризис (1847), первый мировой кризис (1857), а в дальнейшем – азиатский кризис 1997–1998 годов и первый кризис «глобального хозяйства» с августа 2008-го. [8]

Со временем представления о природе кризисов претерпевают изменения, становятся менее однозначными. Кроме того, складываются новые взгляды на природу возникновения кризисов и динамику их развития. В частности, речь идет о «спирали кризиса», с отличными от идеологии фазового подхода представлениями, и формирующейся теории турбулентности¹. Спираль кризиса при этом рассматривается как явление самоорганизации, которое означает регулярные или спорадические переходы от порядка к беспорядку и обратно, а также как особую траекторию движения и развития глобальных экономик и единичных субъектов в потоке всевозможных перемен. Турбулентность задает новые правила игры в этих сложных условиях, которые повышают риск деградации и могут создавать разрушения, вследствие очередного передела мира и ресурсов, нарастания конфликта культур, которые отягощаются войнами и локальными конфликтами. [8] Формирующиеся в результате этого процессы развития вместо относительно «программируемой» цикличности этапов кризиса приобретают хаотичную, пульсирующую и/или вихревую динамику.

1. См. работы В. Бурлачкова, Г. Журавлёвой, А. Дагаева, Дж. Каслионе, О. Ивановой, Е. Щетининой, О. Яницкого, Н. Манохиной, О. Доброчеева, Е. Евдоченко, Д. Агаповой, И. Майорова, Е. Щетининой, С. Кучерявенко, Т. Климовой, А. Конновой и др.



< Города-призраки:
Кеннекотт (Аляска, США)
– пустующие здания быв-
шего шахтерского лагеря
(<https://clck.ru/3ZWmkV>)

[14] Помимо характеристик, изначально присущих турбулентности, специалисты выделяют способность к «дуальности», подразумевающей наличие положительного и отрицательного потенциала турбулентности. Соответственно, отдельными экспертами период турбулентности представляется не только как источник глобальной нестабильности и высоких рисков, но и как время для ускоренного развития и саморазвития, дающего шансы на приобретение особого опыта выживания в экстремальных ситуациях [9].

В целом современный кризис, совпав по времени с более масштабным и глубоким цивилизационным кризисом, выступает одновременно «как финансовый, экономический, экологический, демографический, социально-культурный, идеологический и этико-нравственный кризис» [8], приобретая черты турбулентности и непрерывно продолжающегося явления с присущими ему особенностями.

Эпоха перманентного кризиса и развитие идей permacrisis. HarperCollins – британское издательство, выпускающее Словарь английского языка Коллинза (Collins English Dictionary), при определении ключевого слова 2022 года останавливается на термине permacrisis, которое образуется от слияния двух отдельных слов (permanent и crisis) и означает «длительный период нестабильности и отсутствия безопасности».

И этот выбор не случаен. В последнее время наука и практика начинают с большим интересом относиться

к идеям перманентности кризиса. Предыстория такого дискурса уходит корнями в финансовый кризис 2007–2008 годов, в глобальный экономический спад 2019 года (с Brexit, торговой войной Китая и США и кризисом на рынке китайской недвижимости). Немаловажными причинами становления новых представлений о природе и специфике современных кризисов как permacrisis становится рецессия в связи с пандемией COVID-19 и сопровождающими ее ограничениями. События последних лет выливаются в различные кризисы, с которыми приходится справляться (финансовый кризис, кризис ликвидности рынка, мировой энергетический кризис 2021 года, кризис идентичности и др.), превращая нынешний кризис в «кризис современного миропорядка» [12].

Представление перманентного кризиса как сложной системы позволяет исследовать процессы развития современных кризисов, проявляя способность систем к самоорганизации. Раскручиваемая спираль кризиса способствует возникновению хаоса, опасности, неопределенности и непрерывности. Источником высоких рисков и одновременно новым шансом развития в ситуации перманентного кризиса становится экономическая турбулентность. Складывающаяся неустойчивая глобальная среда создает дополнительные риски для сохранения стабильности. Это в целом показывает невозможность существования «абсолютной стабильности» [5].



< Города-призраки:
Кувшинская Салма (Коль-
ский залив) – оставлен-
ная база сторожевых
кораблей (<https://urban3p.ru/object27986/galleryobject27986/gallery>)



^ Слэб-Сити – сквот на территории брошенной военной базы в Колорадо (<https://clck.ru/33Wmm4>)

Чтобы сохранять относительную стабильность, социально-политическая, экономическая, финансовая и культурная системы, как сложно организованные целостности, в состоянии перманентного кризиса должны уметь справляться с вызывающими шоки критическими изменениями. Способность к противодействию внезапным шокам и возможность адаптации субъектов и систем к новым условиям становятся чрезвычайно важными для выживания мира в условиях современных кризисов.

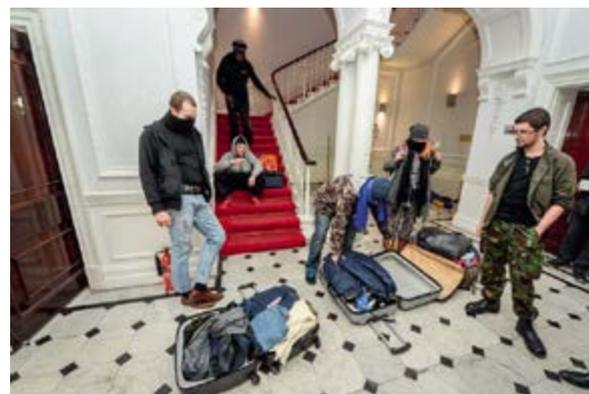
Кризис как пространство «опасности, риска» и «вероятных возможностей». В ситуации перманентного кризиса все большую популярность приобретает интерпретация слова «кризис», существующая в китайском языке, где «кризис» составляется из двух иероглифов, показывающих двойственный смысл слова. Наиболее распространенный перевод первого иероглифа в разных вариантах означает опасность, риск, угрозу; второго – благоприятную возможность, шанс, время возможностей. В альтернативной версии критиков такой интерпретации (В. Мейр), второй элемент/иероглиф означает «критическую точку», в то время как слово «возможность» буквально переводится как «достижение критической точки».

Интерпретация термина «кризис» как опасности и возможности становится излюбленным «мемом» политиков, ораторов-мотиваторов, бизнес-консультантов и пр.

Привлекательность этого выражения Б. Циммер определяет «удобством» его применения в качестве риторического приема, оптимистичностью образа при использовании для продвижения идей [4]. По мнению психологов и социологов даже в «правильном» переводе второго иероглифа до трактовки его как «возможности» не так далеко. Рассматривая кризис в качестве некоей критической точки, обладающей потенциалом для преобразования ситуации, психологи допускают возможность ее изменения в совершенно ином направлении в результате кризиса. Свойственные кризису состояния аномии, когда существующие идеалы уже утрачены обществом, а новые пока не созданы, показывают кризис как «ситуацию возможностей», позволяющую найти новые ценности и идеалы [10]. Интерес к интерпретации кризиса не только как опасности и критической точки, но и как потенциала, благоприятной возможности достижения, вероятно, не случаен в ситуации перманентного кризиса, представляющего собой самоорганизующуюся систему и превратившегося практически в естественное состояние современной жизни. Дуальность турбулентности также подчеркивает целесообразность подобной трактовки. Рассматривать кризис как своеобразное сочетание риска и возможностей, пространство потенциальных трансформаций и развития, делая сложившуюся ситуацию не такой безысходной, предлагают многие современные

> Брошенные объекты и города-призраки: поселок Ясное (в советское время колхоз-миллионер) (<https://urban3p.ru/object27036>)

> Пандемия и санкции как стимул активизации сквоттинга в ситуации перманентного кризиса. Захват недвижимости россиян в Европе (<https://clck.ru/33WmnD>)





исследователи, эксперты, бизнесмены, государственные и политические деятели, что соответствует духу времени и дает инструмент для работы с ситуацией в эпоху перманентного кризиса.

Сквоттинг как реакция на кризис и форма выживания в ситуациях нестабильности

Сквоттинг (сквотирование, сквэ́ттерство), будучи актом самовольного, несанкционированного заселения/захвата пустующих зданий, получает наибольшее распространение во времена кризисов, стихийных бедствий и техногенных катастроф, военных действий и революционных переломов и пр. Впервые о сквоттинге как о феномене городской жизни начинают говорить в XVII веке во времена революции в Англии. Новые импульсы сквоттингу придают кризисы и протестная культура, распространившиеся по всему миру. Среди факторов, способствующих становлению феномена сквоттинга, можно выделить ряд наиболее актуальных, непосредственно связанных с кризисными явлениями.

Пустующие помещения, брошенные объекты и города-призраки как примета кризиса и существенный фактор развития сквоттинга. Возникшие как следствие непрерывных изменений, нестабильности, спада экономической активности, катастроф, войн, геноцида и других факторов брошенные объекты – отдельные здания и так называемые города-призраки – становятся повседневной реальностью эпохи перманентного кризиса.

Большую группу брошенных объектов представляют промышленные города/поселения, оставленные после истощения основных природных ресурсов и выработки месторождений либо после закрытия градообразующих предприятий. Так, Кеннекотт (Аляска), бывший шахтерский лагерь, оказывается полностью заброшенным в связи с закрытием шахт; такая же участь постигает Терлингуа (Техас), остров Хасима (близ Нагасаки), город Колманскоп (Намибия), поселок Иультин (Чукотка) и другие населенные пункты.

Среди причин опустения городов и появления брошенных объектов необходимо отметить военные действия, стихийные бедствия, катастрофы, ведущие к природно-климатическим кризисам и негативному воздей-

ствию на среду. Примерами могут служить город Крако (Италия), остров Росс (Индия), печально известный город-призрак Припять (Украина) и др.

Покинутые военные городки и базы составляют еще одну разновидность брошенных объектов: Кувшинская Салма (Кольском залив) – база сторожевых кораблей – превращается в город-призрак с 2007 года, аналогичным образом складывается судьба Петропавловска-Камчатского-54, поселка ракетчиков Шипунский и др. При этом территории заброшенных военных баз нередко захватываются сквоттерами. Популярным примером является Слэб-Сити на территории военной базы в пустыне Колорадо. Городок состоит из нескольких районов со своими правилами жизни и культурой, с музеем под открытым небом, церковью, библиотекой, искусственным прудом, садом скульптур, полем для гольфа, клубами и двумя сценами. Слэб-Сити приобретает известность как творческое пространство; дополнительную популярность городу придает находящаяся рядом инсталляция «Гора спасения». Слэб-Сити – настоящая Мекка для людей, которые не желают жить «как все», убежище для хиппи, неформалов, подростков, сбежавших от родителей, и др.

Индустриальный бум, вызвавший отток населения, также ведет к перерождению населенных пунктов в города-призраки. Так, например, поселок Ясное (колхоз-миллионер) в Калининградской области сегодня превращается в город-призрак с брошенными зданиями

^ Новые и/или недостроенные сооружения. «Башня Давида» (<https://clck.ru/33Wmo0Q>)



< Олимпийская деревня в Турине – африканский сквот-гетто (<https://clck.ru/33Wmqg>)



^ Христиания – классический сквот, «Свободный город» в Копенгагене (<https://www.christiania.org/>)



^ Сквоты Берлина (<https://knife.media/berlin-off-the-map/>)

и пустующими улицами. Деградации города, «вымыванию» его населения и появлению заброшенных зданий в ряде случаев способствует утрата поселениями своего статуса в связи с перемещением экономической активности на другие территории.

Отдельную группу брошенных объектов составляют новые и/или недостроенные сооружения, также провоцирующие незаконное заселение. За примером можно обратиться к «Башне Давида» в пригороде Каракаса. Приостановленное в результате кризиса строительство превращает небоскреб в жилище сквоттеров под названием «Пиратская утопия», с магазинами, спортзалом, стоматологом и даже собственным салоном красоты. Живя своей жизнью, сквот становится убежищем и формой выживания в условиях кризиса [1]. Еще один пример недостроя, активно осваиваемый незаконными «заселенцами», – Ховринская больница (Москва). Огромное здание, уходящее под землю, обрастает легендами и фольклором, превращаясь то в «Обитель зла», то в «Ворота в параллельный мир», и притягивает к себе «местных жителей» и молодых любителей экстрима.

В целом феномен городов-призраков и брошенные объекты становятся неотъемлемой частью кризисов и приобретают все большие масштабы, например в Испании число пустующих объектов достигает 3,4 млн; в Китае пустует 20% жилого фонда; в Болгарии на 2011 год насчитывается 181 брошенный населенный пункт. В России среди брошенных объектов находятся почти 300 городов и населенных пунктов, более 3600 промышленных комплексов и военных объектов, 1200 недостроенов, около 4000 культурных центров и учреждений, примерно 6500 объектов различного назначения и пр. Все заброшенные здания и сооружения, города-призраки, имеют разные истории, часто связанные с кризисами, и нередко подвергаются несанкционированному захвату сквоттерами [2, 3].

Потеря жилья горожанами, миграции и самозахват/сквоттинг как форма выживания в кризис. Начальная практика несанкционированных захватов, как правило, связывается с последствиями войн и/или восстаний, в результате которых многие люди реально лишаются жилья. XX век задает новые тенден-

ции в развитии сквоттинга, что в том числе связывается с перманентным кризисом. В мировых мегаполисах появляется большое количество сквотов в жилых зданиях, бывших фабриках, заброшенных складах, промзонах, разрушенных церквях, старых казармах и пр. Занимая пустующие/брошенные здания, а иногда и целые кварталы, сквоттеры создают там свои общины, представляя это идеальной формой жизни независимых граждан [11]. Самозахват широко распространяется по миру, нередко сохраняя ценности, пропагандируемые представителями различных субкультур и контркультур.

Ситуация усложняется после кризисов начала XXI века, так как, оставшись без работы и лишившись жилья, многие семьи начинают переселяться в пустующие здания, в то время как их собственное жилье пополняет фонд пустующих помещений. Сквотирование происходит прежде всего в неблагополучных районах города и/или касается «банковской недвижимости», т. е. «плохих активов». В зоне опасности также находятся частные собственники: нередко случаются прецеденты самозахвата арендного жилья, дач, курортной недвижимости и, кроме того, основного жилья владельцев.

Проблема миграции и увеличение потоков мигрантов – еще один аспект, важный при обсуждении особенностей сквоттинга, так как нередко именно мигранты самовольно захватывают пустующие здания. Помимо внутренней миграции, как следствия урбанизации, важную роль играет внешняя миграция. Многие страны приобретают основательную зависимость от процессов миграции, что также влияет на интенсивность сквоттинга. За примером можно обратиться к самовольному захвату зданий Олимпийской деревни в Турине, которая после закрытия Игр постепенно превращается в деревню-призрак. Более серьезные неприятности начинаются, когда сотни африканских беженцев захватывают заброшенные корпуса и деревня перерождается в африканский сквот-гетто.

Пандемия и санкции как стимул активизации сквоттинга в ситуации перманентного кризиса. Пандемия, в значительной мере ограничившая возможности передвижения, ведет к тому, что собственники недвижимости (особенно, зарубежной) получают дополнительный повод для беспокойства. Из-за отсутствия хозяев пустующие



^ Пространство потенциальной угрозы и возможностей: сквот «Metelkova Mesto» в Любляне (<https://clck.ru/33WmqA>)



^ Пространство потенциальной угрозы и возможностей: сквот «Metelkova Mesto» в Любляне (<https://clck.ru/33WmqA>)

дома или квартиры могут подвергнуться сквоттингу. Ситуация усугубляется закрытием границ и невозможностью для владельцев постоянно пользоваться своей зарубежной собственностью.

На фоне «коронакризиса» сквоттинг набирает обороты, став своеобразным трендом времени, и 2020 год получает в Европе название «Год сквоттера». Достаточно много таких случаев происходит в приморских странах, где иностранцы любят приобретать недвижимость для отдыха. Особенно страдают оставшиеся без присмотра дома россиян, ситуация для которых усложняется введением антироссийских санкций. В условиях кризиса, карантина и при падении доходов с такой проблемой сталкиваются не только иностранные владельцы недвижимости, но и местные жители. Часто незаконные захваты совершаются в загородных поселках, так как «оккупанты» уверены, что владельцы не приедут из-за ограничений на передвижение [11].

Сквоты и город: очаг нестабильности, неформальной свободы и пространство развития и самореализации

Феномен сквоттинга, играющий значимую роль в жизни города «эпохи перманентного кризиса», будучи своеобразной реакцией на кризис и/или попыткой реализовать утопию внедрением особой модели общежития либо отражением представлений о жизненных идеалах, а также формой и способом творческого самовыражения и самоорганизации, представляет собой двойственное явление, одновременно являющееся пространством опасности, риска и возможностей саморазвития/самореализации.

Сквоты – «город в городе», пространство потенциальной угрозы и потенциальных возможностей.

Классикой мирового сквоттинга, примером, проявляющим возможности и роль сквоттинга в реальной жизни города, считается опыт существования коммуны/сквота «Христианиа» в Копенгагене, расположенного в захваченных сквоттерами пустующих казармах и на прилегающих полуостровах. К настоящему моменту жители Христианиа получают особый статус города в городе, государства в государстве с целым комплексом привилегий,

превратившись в своеобразный социальный эксперимент организации городской жизни.

Христианиа продвигает концепцию экологичного «зеленого города», который живет во взаимодействии с природой, используя рециркуляцию воды, источники возобновляемой энергии, жилье из земли и торфа, «плавающие дома» и пр. Центром сквота служит Пушер-стрит с основными культурными учреждениями Христианиа. Также на территории находятся кафе и рестораны, рок-клуб Lopper, Ден-Гра-Холе, мануфактуры, кузница и созданные детский дом, общественная баня, магазины и мастерские. Все это формирует в сквоте альтернативную городскую среду, которую с интересом обсуждают дизайнеры, архитекторы и градостроители.

Как источник напряженности и опасностей для города, сквот Христианиа представляет собой очаг инакомыслия и основное место наркоторговли в Копенгагене, что провоцирует конфликты с полицией. Для контроля за наркотиками на Пушер-стрит выделяется зона, очерченная желтой линией, в пределах которой разрешается сбыт легких наркотиков, жестко преследуемый за ее границами.

«Свободный город» фактически становится центром независимой культуры, ключевым элементом которой становится музыка: сквот служит «домом» для панк-сцены всего Копенгагена, театр ставит музыкальные представления; в Христианиа играют много джаза, а также фолк, блюз и хип-хоп; в клубе «Опера» открывается джаз-клуб.

Христианиа вообще активно встраивается в жизнь города и мира, превращаясь в уникальный образец сквоттинга как органичной части города, со всеми его противоречиями, перспективами и возможностями. Сегодня сквот Христианиа предстает одним из символов Копенгагена [6]. Трансформируя расхожий имидж сквотов, и Христианиа в том числе, как погрязших в преступности и неблагополучии территорий, христианииты представляют свой «свободный город» как экологически ориентированное сообщество с процветающим мультикультурализмом и толерантностью, коллективной экономикой и развитой системой самоуправления.



^ Сквот Barrilonia в Приморском районе Барселоны (<https://clck.ru/33Wmom>)



^ «Пушкинская-10» – арт-сквот в Санкт-Петербурге (<https://clck.ru/33WmrZ>)

В Берлине сквоты как независимые центры новых активностей возникают после падения Берлинской стены, когда жители из восточной части города устремляются на запад, высвобождая большое количество зданий. Брошенные дома начинают самовольно заселяться. Образовавшиеся сквоты становятся частью истории Берлина и его культурного наследия. Наиболее известным сквотом Берлина считается «Тахелес».

Еще одним примером, демонстрирующим своеобразную роль сквота в городе, является Metelkova Mesto (в Любляне), автономный культурный центр, расположенный в старых австро-венгерских казармах. Превращенный в центр «независимого культурного производства», художественного творчества и ремесла, в пространство для социальной и политической деятельности, Metelkova предстает настоящим городом в городе, с уникальным визуальным образом, духом свободы, собственным ритмом жизни и творчества.

В целом в период кризисов и обострения социально-политических и экономических проблем сквоты, помимо «артикуляции» идеалов справедливости и свободы, также выполняют миссию общественных и культурных центров. Как правило, культура сквотов и ее влияние выплескивается за границы «отвоєванных» территорий в форме стрит-пати, различных акций, рэв-шествий, граффити-атак и т. д. «Отвоєванные» территории превращаются в своеобразные островки свободы, опасности и возможностей, притягивающие творческих людей и неформалов. Они становятся пространством для таких форм самореализации и самовыражения личности, которым не находится места за их пределами. Позитивная функция сквотов также заключается в том, что их деятельность начинает пополнять бюджеты городов и наиболее успешных сквотов, оживляя деградирующие участки города, что нередко приводит к джентрификации и модернизации районов. Опасная, дестабилизирующая роль сквотов в городе проявляется в беспорядках, связанных с выселением, сносами зданий, демонстрациями и пр., сопровождающихся столкновениями с полицией. Также источником нестабильности нередко становится сам процесс продвижения контркультур. Опасности и возможности, будучи приметамы перманентного кризиса, в то же

время становятся характерными особенностями современных сквотов, живущими в пространстве этих кризисов, и спецификой их роли в существовании города.

Сквоты – жизнь вне системы, утопические идеалы, самоуправление и путь к новой жизни. Жить вне системы, набраться смелости, чтобы сломать привычный сценарий жизни, – такое намерение, спровоцированное не только личностным кризисом либо снижением уровня материального благополучия, но и условной доступностью пустующих помещений, становится стимулом для организации новых форм проживания [7]. Идеологически некоторые сквоты восходят своими корнями к утопиям, в том числе к идеалам Ш. Фурье с его представлением о фалангах как самодостаточных коммунах, пропагандой новых форм кооперации и расселения – фаланстеров; с необходимостью использовать прежде всего «притяжение» людей, «не приемля долга» [13].

Примером сквота, живущего «по-другому», является туринский «Мескаль», расположенный на захваченной территории бывшей психиатрической больницы. Организованный анархистами, сквот отражает попытку построить утопическую модель общности. Для реализации идеалов «свободной жизни» сквоттерами создается довольно комфортная среда со спортивным залом и рингом, скейт-рампой и почти стерильной, качественно укомплектованной кухней. Особую гордость составляют мастерские для работы по дереву, железу и с электроникой, а также музыкальная комната. Внутренний дворик отдан марихуане и гуляющим курам. Здесь постоянно организуются семинары и лекции, устраиваются хард-рок-, хард-кор-панк-фестивали, оказывается помощь беженцам и т. п.

Другой тип сквота – это самоуправляемый общественный центр, реализующий идеалы жизни вне системы, примером чему может служить известный Leoncavallo SPA в Милане. «Леонкавалло» является реальностью, имеющей колоссальное значение для города, особенно для северо-восточных фабричных пригородов. После реставрации занятых сквоттерами сооружений в помещениях размещаются художественно-ремесленные мастерские и типография, организуются концерты, устраиваются «Театральный сарай», «Женский дом»,



^ Парижский арт-сквот «59 Rivoli» (<https://34travel.me/post/squats>)



^ Арт-сквот «AKC Medika» в Загребе (<https://34travel.me/post/squats>)

«Народная школа» и др. В связи с превращением пригородов в жилые районы «Леонкавалло» начинает ориентироваться на молодежные группы и студенческие движения (панков, индастриал, дарк, неопсиходел и пр.) «Леонкавалло» становится «точкой отсчета» для альтернативной музыки Италии и опорой для зарождения движения самоуправляемых социальных центров, консолидирующих молодежь Италии, Франции, Англии и США, а также является промоутером и площадкой для проведения различных культурных, музыкальных и политических мероприятий. Примером сквотированного социального центра в восточном Лондоне является RamART, который предоставляет возможности для воплощения идеалов жизни вне системы. В основу деятельности закладывается культура «сделай сам». Сквотом управляют добровольцы, работающие без финансирования, главный упор делается на принципах консенсуса, толерантности и самоорганизации.

В России «приблизить к рукам» пустующие квартиры и заброшенные дома сквоттеры начинают с конца прошлого века. Немало брошенных зданий и незавершенных объектов, например, в Москве оказываются самовольно захваченными. Особенностью российских сквотов являются краткие сроки их существования, закрытость информации о них и традиция приглашения новых обитателей посредством сарафанного радио.

Сквоты как креативный потенциал города, форма творческого самовыражения и развития. Креативная среда как одна из особенностей жизни сквотов проявляется не только в том, что в сквоты собираются творческие люди, но и в том, что сам образ жизни сквота порождает креативность. Искусство, которое зарождается в сквотах, протестно по своей сути, поэтому арт-сквоты довольно часто становятся своеобразным источником обновления художественного языка. Со временем некоторые из сквотов преобразуются в крупные арт-центры с легальным статусом, в частности, благодаря сквоттерам, возникли Forte Prenestino в Риме, «Пушкинская-10» в Санкт-Петербурге и миланский Leoncavallo.

Одним из стабильных арт-сквотов сегодня является Hospital Ephemeral в Париже, где проживает более 150 художников, в том числе и довольно известных. Еще один Парижский арт-сквот – «59 Rivoli» – превращается в по-

пулярный творческий центр, где регулярно проводятся публичные выставки, перформансы и концерты, пропагандируется более демократичный доступ к искусствам. AKC Medika, автономный культурный центр в Загребе, по сути является классическим сквотом, разместившимся в здании фармацевтической фабрики, заброшенной вследствие кризиса. Центр становится уникальной средой для авангардных художников и музыкантов, активистов и волонтеров. В Киеве рядом с парком Шевченко кипит жизнь известного Squat 17b, представляющего собой креативный хаб, стихийно сформировавшийся из обычного сквота. Будучи местом концентрации неформалов, сквот превращается в «тусовку» архитекторов, художников, музыкантов, режиссеров, актеров, киноманов и просто городских фриков. Творческая энергия места облекается в различные формы (квартирники, кинопросмотры, творческие мастерские, встречи с медийными персонами, воркшопы, мастер-классы по живописи и др.); на территории сквота располагаются музыкальная база, чайная, зона кинопросмотров, «девчачьи посиделки», hair studio, барабанно-гитарный джем, мастерские, территория релакса для кошек и др.; важную роль играет кофейня как пространство коммуникаций и составляющая креативного хаба [7].

Как реакция на кризис 1990-х в России появляются арт-сквоты. Брошенные помещения используют музыканты, художники-радикалы и другие представители альтернативного искусства и культуры. В Москве сквоттинг становится важной частью городской культуры. Город наполняется сквотами: Бункер НБП, «Бауманская» галерея, Фурманный и Хохловский переулки, «Милютинский сквот» и др. Известность приобретает творческий сквот «Детский сад», расположенный в здании настоящего детсада, заброшенного из-за кризиса. Сквот служит художественной мастерской и домом, местом проведения инсталляций и выставок. Еще один знаменитый сквот художников-нонконформистов – «Фурманный» – является самым крупным арт-сквотом в московской истории, через него проходят почти все ныне известные художники. Ощутимое влияние на развитие художественных/творческих процессов конца XX века оказывает арт-сквот «Галерея в Трёхпрудном переулке» – постоянно дей-



^ Сквоты как креативный потенциал города, форма творческого самовыражения и развития. Squat 17b (<https://clck.ru/33WmpB>)

ствующая площадка актуального искусства, фактически на время «подменяющая» Музей современного искусства.

Под крышами арт-сквотов кипит особая жизнь. Многие считают сквоттерское арт-движение и творческие тусовки по образу жизни переродившимися квартирниками советского периода. В едином пространстве здесь размещаются мастерские, жилые помещения, выставочные залы, клубы по интересам, авторские студии, музыкальные салоны, а также экспозиционные площадки, шоурумы и галереи.

Таким образом сегодня, в «эпоху перманентного кризиса», сквоттинг в целом может трактоваться как реакция на кризис и \ или его (кризиса) порождение, особая форма выживания в ситуациях нестабильности и непрерывных трансформаций и как городские реалии, сочетающие в самой своей основе одновременно опасность, риск и возможности развития. Сквоты при этом представляются самоорганизующейся системой, особым способом выстраивания городской жизни и среды как места, где можно жить по собственным правилам и быть достаточно свободным от стереотипов и ограничений общества, приспособиваясь к состоянию перманентных изменений и преобразований города. Кроме того, они нередко служат пространством самореализации и творческого самовыражения, стартапом для дальнейшего развития, раскрытия потенциала и креативных возможностей обитателей сквотов.

Литература

1. «Башня Давида». – URL: <https://bigpicture.ru/bashnya-davida-fotografii-samogo-vysokogo-skvota-v-mire/> (дата обращения: 27.11.2022)
2. Baker, T. Lindsay. *More Ghost Towns of Texas*. – Norman : University of Oklahoma Press, 2003
3. Hall, Sh. *Ghost Towns and Mining Camps of Southern Nevada*. – Charleston : Arcadia Pub., 2010
4. Zimmer, B. *Stop Him Before He Tropes Again* // *Language Log*. – URL: <https://languagelog.ldc.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/004330.html> (дата обращения: 23.12.2022)
5. Бондарев, С. Перманентный кризис: причины и пути выхода из, казалось бы, тупиковых ситуаций в постсоветской России. – URL: <https://bankstoday.net/last-articles/permanentnyj-krizis-prichiny-i-puti-vyhoda-iz-kazalos-by-tupikovyh-situatsij-v-postsovetskoj-rossii> (дата обращения: 09.01.2023)
6. В Копенгагене не пахнет марихуаной. – URL: https://expert.ru/russian_reporter/2013/42/ulitki-szubami/ (дата обращения 17.11.2022)
7. Горбач, И. Место силы: божественный Squat 17b в Киеве. –

URL: <https://34travel.me/post/mesto-sily-bogemnyj-squat-17b-v-kyeve> (дата обращения: 08.06.2022)

8. Журавлёва, Г. П., Манохина, Н. В. Перманентный кризис рыночного хозяйства // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. – 2016. – № 11(393)
9. Ким А. Турбулентность – время быстрого личного развития. – URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/turbulentnost-vremya-bystrogo-lichnogo-razvitiya> // (дата обращения: 02.12.2022)
10. Левыкин Р. Кризис – это возможность? – URL: http://helpmenow.ru/?page_id=181 (дата обращения: 24.12.2022)
11. Окупасы в Испании: главный страх покупателя недвижимости. – URL: <https://prian.ru/pub/okupasy-v-ispanii-glavnyu-strah-pokupatelya-nedvizhimosti.html> (дата обращения: 27.11.2022)
12. Пак, А. В., Фадеева, Е. А. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2021. – Вып. 4-2(74). – С. 58–60
13. Ревзин, Г. Автомат счастья // *Коммерсант Weekend*. – 2022. – № 27
14. Щетинина, Е. Д., Кучерявенко, С. А., Климова, Т. Б., Коннова, А. В. Система факторов и причин возникновения турбулентности как меры хаотичности и неопределенности развития экономики // *Вестн. Белгород. гос. технол. ун-та*. – 2016. – Т. 1, № 7. – С. 203–209

References

- Baker, T. (2003). *Lindsay. More Ghost Towns of Texas*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Bashnya Davida [The Tower of David]. (n.d.). Retrieved November 27, 2022, from <https://bigpicture.ru/bashnya-davida-fotografii-samogo-vysokogo-skvota-v-mire/>
- Bondarev, S. (2020, April 5). *Permanentnyi krizis: prichiny I puti vykhoda iz, kazalos by, tupikovykh situatsii v postsovetskoj Rossii* [Permanent Crisis: Causes and Ways out of Seemingly Deadlocked Situations in Post-Soviet Russia]. *Banks Today*. Retrieved January 9, 2023, from <https://bankstoday.net/last-articles/permanentnyj-krizis-prichiny-i-puti-vyhoda-iz-kazalos-by-tupikovyh-situatsij-v-postsovetskoj-rossii>
- Gorbach, I. (2016, October 14). *Mesto sily: Bogemnyi Squat 17b v Kieve* [The place of power: Bohemian Squat 17b in Kiev]. *34 Travel*. Retrieved June 8, 2022, from <https://34travel.me/post/mesto-sily-bogemnyj-squat-17b-v-kyeve>
- Hall, Sh. (2010). *Ghost Towns and Mining Camps of Southern Nevada*. Charleston: Arcadia Pub.
- Kim, A. (2022, June 14). *Turbulentnost – vremya bystrogo lichnogo razvitiya* [Turbulence – a time of rapid personal development]. *Skolkovo*. Retrieved December 2, 2022, from <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/turbulentnost-vremya-bystrogo-lichnogo-razvitiya>
- Levykin, R. (n.d.). *Krizis – eto vozmozhnost?* [Is crisis an opportunity?]. Retrieved December 24, 2022, from http://helpmenow.ru/?page_id=181
- Moiseev, V. (2013, October 24). *V Kopenagene ne pakhnet marihuani* [In Copenhagen it does not smell of marijuana]. *Expert*. Retrieved November 17, 2022, from https://expert.ru/russian_reporter/2013/42/ulitki-szubami/
- Pak, A. V., & Fadeeva, E. A. (2021). *Socio-economic impact of the COVID-19 pandemic. Economy and Business: Theory and Practice*, 4-2(74), 58-60.
- Revzin, G. (2022). *Avtomat schastyia* [Happiness machine]. *Kommersant Weekend*, 27.
- Shchetinina, E. D., Kucheyavenko, S. A., Klimova, T. B., & Konnova, A. V. (2016). *System of factors and causes of turbulence as a measure of randomness and uncertainty of development of economy. Bulletin of Belgorod State Technological University*, 1(7), 203-209.
- Vatnik, K. (2021, March 6). *Okupasy v Ispanii: Glavnyi strakh pokupatelya nedvizhimosti* [Occupies in Spain: The main fear of the buyer of real estate]. Retrieved November 27, 2022, from <https://prian.ru/pub/okupasy-v-ispanii-glavnyu-strah-pokupatelya-nedvizhimosti.html>
- Zhuravleva, G. P., & Manokhina, N. V. (2016). *The permanent crisis of management market. Bulletin of Chelyabinsk State University*, 11(393).
- Zimmer, B. (2007, March 22). *Stop Him Before He Tropes Again*. *Language Log*. Retrieved December 23, 2022, from <https://languagelog.ldc.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/004330.html>

Как известно, в китайском языке слово «кризис» обозначается двумя иероглифами. Первый – опасность, второй – возможность. Кризис – это еще и окно возможностей.

И настоящее это подтверждает, мы видим, как и во время перманентного кризиса меняется к лучшему состояние городской среды, причем не только столиц, но и региональных центров (94), а также городов малых. Накануне Нового года подвел итоги уже 7-й конкурс «Комфортная среда малых городов и исторических поселений». За пять лет существования конкурса сформировались настоящие мастера в этой сфере проектирования. Особенно приятно видеть реализацию, результат, когда кварталы, парки, улицы ранее всеми забытых малых городов возрождаются, горожане активизируются и вместе с проектировщиками находят новые точки роста.

Набережная Красноярска, получившая на ЗВС-22 золото в своей номинации, подтверждает лучшие урбанистические традиции, сложившиеся за последние годы в этом городе благодаря мастерству архитекторов, и уверенно продолжает амбициозное движение Красноярска к столице, неплохо подогретое Универсиадой-2019.

Цифровизации (105–114) кризисы тоже не мешают, и даже ускоряют ее, неизбежно. Цифра рулит в регионах России, как и на всей планете.

EG

возможность / opportunity

As you know, the word 'crisis' written in Chinese consists of two hieroglyphs. The first one means danger, the second one means opportunity. Crisis is also a window of opportunity.

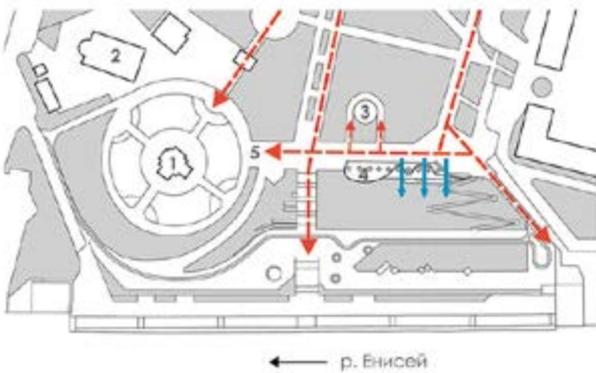
And the present proves it: we can see that even in times of permanent crisis, the urban environment is changing for the better, not only in capitals but also in regional centres (94), as well as in small towns. On New Year's Eve the results of the 7th edition of the Competition "Comfortable Environment in Small Towns and Historic Settlements" were summed up. Over the five years of its existence, the real masters have matured in this sphere of design. It is especially pleasant to see the results, when quarters, parks, streets of previously forgotten small towns are revived, citizens become more active and, together with designers, find new points of growth.

Krasnoyarsk's embankment, which received the Gold Award in its nomination at Zodchesvo in Siberia 22, confirms the best urban traditions developed in recent years in this city thanks to the skills of its architects, and confidently continues Krasnoyarsk's ambitious movement towards metropolitanism well triggered by the Universiade 2019.

Digitalization (105–114) is not hindered by crises either. They even accelerate it, which is inevitable. Digitalization is ruling in the regions of Russia, just like over the rest of the world.

EG

СИТУАЦИОННАЯ СХЕМА СКВЕРА «ЭНТУЗИАСТОВ»



Проект, исследующий понятие пограничного пространства как связующего разные тематико-поведенческие состояния человека и иницирующего его на процесс познания в диалоге с природой. Ключевые слова: архитектурный винтаж; «Забор»; Красноярск; музыка; свет; деревянная архитектура. /

The project considers the notion of 'boundary space' as a link between different thematic-behavioural states of human beings, which initiates the process of learning in dialogue with nature. Keywords: architectural vintage; "Fence"; Krasnoyarsk; music; light; wooden architecture.

Архитектурный винтаж. Забор / Architectural vintage. The fence

текст

Алексей Мякота
 ООО «АДМ» (Архитектура.
 Дизайн. Моделирование)

фото

Алексей Мякота
 (на первом развороте)
Сергей Филинин
 (на втором развороте) /

text

Alexei Myakota
 ООО ADM (Architecture.
 Design. Modeling)

photo

Alexei Myakota
 (on the first spread)
Sergey Filinin
 (on the second spread)

В рамках благоустройства правобережной набережной реки Енисей в районе торгового центра «Красноярье» нашей студией был запроектирован садово-парковый павильон «забор».

Винтажно-стилевой характер архитектуры, предложенный авторским коллективом – определенный отклик на существующее окружение сквера с храмовыми объектами и природно-ландшафтными свойствами набережной, раскрывающейся на реку и ее острова. Определяющим было желание простроить на участке качественно новую среду, привлекающую горожан, в то же время выстроить соответствующий градус их активности в сценарном действии этого места.



«Забор» – некая грань, призрачная стена, состоящая из щелей, проницаемых порталов, интегрируя ваше любопытство, обращается к остаткам детского, познавательного; он вовсе не препятствует – наоборот, побуждает заглянуть по ту его сторону.

Здесь люди, как в музее, медленно двигаются и могут перейти за «границу» на открытую террасу в сторону реки, лечь или присесть, рефлексировав обозреваемые панорамные виды города, островов Енисея или собственное сознание.

Используемое в изготовлении «забора» дерево сохраняет свою тактильную теплоту и природную тактичность, взаимодействуя с окружающим пространством и объектами: природным и упорядоченным формообразованием, в котором деревья окаймляются ритмическим фоном, подчеркивающим их пластическую экспрессию и изящество. Так утверждается экологический контекст, объединяющий естественное и искусственное.

Линия стены «забора», изгибаясь, создает внутреннее пространство диалога, наполненное множеством содержания и возможностей поведения. Прозрачный навес, опускающаяся стена и опоясывающие скамьи, стеллаж буккроссинга и столы с размещенным внутри них оборудованием, доступ к Wi-Fi и точкам подзарядки телефонов наполняют уютное «интерьерное» пространство, выходящее на аллею к храму и детской площадке.

Объект с его световым дизайном, звуковым сопровождением и программным обеспечением отображает сценарии, формирующие различные художественные образы. Световой дизайн выстраивает переключку с исторической частью левобережья и посредством визуальных связей объединяет два берега реки, участвуя в формировании пространственно-содержательной целостности города.

С наступлением темноты «забор» превращается в протяженный экран со всполохами цвета и света, преобразуется в ритмическое сияние, сопровождаемое флейтой-кувиклами, включая нас в хоровод, виртуально наполненный оттенками ярмарочного балагана, а далее, по движению аллеи образов – к патетике органа, восходящей к космизму северного сияния. Все это гармонически сливается в созерцание на фоне колокольного

Правобережная набережная Красноярск в сквере Энтузиастов

Проект и концепция светодизайна: ООО «АДМ»

Автор проекта: главный архитектор Мякота Алексей Дмитриевич

Соавтор: архитектор Грибакина Лидия Владимировна

ГИП: Елизарова Елена Владимировна

Технологическое проектирование и монтаж светодизайна: ООО «Резон»



перезвона, разворачивающего наше сознание вверх, в сторону бликующих на фоне ночного неба ветвистых крон деревьев.

Литература

1. События / Зодчество Восточной Сибири-17. Гран-При. Велопешеходный мост на остров Татышев в районе ул. С. Лазо. Авторы: А. Мякота, Л. Грибакина, Е. Елизарова, А. Рубцов, при участии: А. Якимова, М. Туровина; И. Сокова, Р. Волошко // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 28
2. События / Зодчество в Сибири-22. Золотой диплом. Архитектурный винтаж – «Забор». Рекреационно-инфраструктурный объект на Правобережной набережной г. Красноярска в сквере Энтузиастов. Автор: А. Д. Мякота. Соавторы: Л. В. Грибакина, Е. В. Елизарова // Проект Байкал. – 2022. – № 74. – С. 21
3. Мякота, А. Роль качественной среды кампуса в формировании статуса и престижа деревни Универсиады // Проект Байкал. – 2017. – № 51. – С. 78–79

References

- Events. Zodchestvo of Eastern Siberia 17. Grand Prix. Bicycle-pedestrian bridge on Tatyshv Island near S. Lazo Street. Authors: A. Myakota, L. Gribakina, E. Elizarova, A. Rubtsov, with the participation of: A. Yakimov, M. Turovinina; I. Sokova, R. Voloshko (2017). Project Baikal, 14(52), 28. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52>
- Grigoryeva, E. (2022). XXII Festival “Zodchestvo in Siberia 22”. Golden Diploma. Architectural Vintage – “The Fence”. Recreational and infrastructural object on the Right Bank Embankment in Entuziastov Square, Krasnoyarsk. Author: A. D. Myakota. Co-authors: L. V. Gribakina, E. V. Elizarova. Project Baikal, 19(74), 21. <https://doi.org/10.51461/pb.74.07>
- Myakota, A. (2017). The role of good-quality campus environment in formation of the status and the prestige of the Universiade Village. Project Baikal, 14(51), 78-79. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.51.1125>





ОПОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТЕРРАС



МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ РАМА-СКЕЛЕТ



БРУСЫ СТЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ



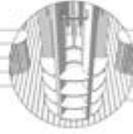
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПИЛОН



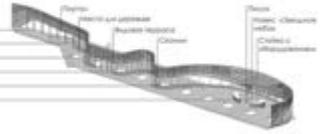
ЗВУКОВОЙ КАЛЕДОСКОП



СТЕЛЛАЖ БУКРОСОИИГА



САДОВО-ПАРКОВЫЙ ПАВИЛЬОН-КАБОП



Исследование в истории архитектуры последовательно опирается на три модели архитектурного объекта – классическую, моноструктурную и полиструктурную. С целью понимания методов и принципов моделирования архитектурного объекта рассматриваются этапы методического осмысления модели художественного объекта выдающимися философами и искусствоведами, обращавшимися к проблемам эстетического миропонимания. Отмечается, что новейшую современную архитектуру, тяготеющую к художественной открытости, смысловой отбитаемости, многозначности и расплывчатости, можно представить также как единство естественного, искусственного и условного.

Ключевые слова: архитектурный объект; теоретическая модель; классическая модель; моноструктурная модель; полиструктурная модель; модель художественного произведения. /

Research in architectural history is consistently based on three models of the architectural object: classical, monostructural and polystructural. In order to understand the methods and principles of modeling the architectural object, the authors consider the stages of methodological understanding of the model of the artistic object by outstanding philosophers and art historians, who addressed the problems of aesthetic worldview. It is noted that the contemporary architecture, gravitating toward artistic openness, semantic streamlining, polysemy and vagueness, can also be presented as the unity of the natural, artificial and conditional.

Keywords: architectural object; theoretical model; classical model; monostructural model; polystructural model; model of artistic work

Теоретическая модель художественного и архитектурного объекта / A theoretical model of the artistic and architectural object

текст

Ольга Воличенко

Юго-Западный государственный университет

Джумамедель Иманкулов

Киргизский государственный технический университет им. И. Раззакова

Анастасия Марченко

Юго-Западный государственный университет /

text

Olga Volichenko

Southwest State University

Jumamedel Imankulov

Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov

Anastasia Marchenko

Southwest State University

Понятие «**теоретическая модель архитектурного объекта**» возникло в 1960–1970-е годы вследствие быстрого распространения научно-методологических идей и методов теории естествознания и философии в архитектурной науке. Использование понятия или термина «теоретическая модель объекта» («идеализированная теоретическая модель объекта») в современной науке является относительно новым явлением. Эвристическая сила данного понятия полностью доказана развитием современной физики, математики и техники. В понятии «теоретическая модель» отражаются, прежде всего, фундаментальные отношения и свойства материальных объектов, существующих в реальности. Хотя понятие «теоретическая модель», ставшее обязательным элементом современного теоретического мышления, сформировалось относительно недавно, его идеи в науке использовались задолго до возникновения этого термина. В какой-то мере содержание понятия «теоретическая модель объекта» в методологическом отношении близко к содержанию понятия «метод идеализации», т. е. в неявном виде теоретическая модель используется в любых дискурсивных рассуждениях и представлениях. Категоризация данного понятия обусловила возможность широкого применения его в теории архитектуры так же, как и в других, более развитых в теоретическом отношении научных дисциплинах – философии, физике, экономике и т. д.

Неявные теоретические представления о природе архитектурного объекта зафиксированы в различных историко-архитектурных источниках. Их трудно назвать теоретическими моделями в современном понимании, однако в них нашли отражение наиболее характерные классические свойства и качества архитектурного объекта, универсальная структура которых продолжает оставаться актуальной. Развитие архитектуры можно представить в виде следующих теоретических моделей архитектурного объекта:

а) **витрувианская (классическая) модель**, выраженная в аксиоматической формуле: «польза – прочность – красота». Прекрасное априори рассматривалось как условие утилитарности и добротности. Данная формула воплотилась в архитектурном порядке – универсальной

композиционной системе, обладающей четкими правилами и канонами, представляющими собой соотношение несущих и несомых элементов;

б) **моноструктурная модель** сложилась в начале XX века как драматическое противостояние «функционально-пространственной» школы (**архитектурный объект равен пространству**: выявлялись как геометрические закономерности членения пространства, так и схемы их пространственной организации) и «формальной» (**архитектурный объект равен форме**: определялись рациональные основы восприятия и художественно-композиционные закономерности построения архитектурных форм). В архитектурной науке преобладают в основном два подхода к трактовке архитектурного объекта – пространственный и телесный. «Приверженцы первого подхода утверждали, что именно эмоциональное переживание пространства составляет сущность эстетического восприятия архитектурного объекта. Вторые возражали, что пространство есть только пассивная среда, замкнутая телесными кубическими массами, и, следовательно, именно оформление этих масс, характер их тектоники является сутью архитектурного объекта» [1, с. 204].

Впрочем, и для той, и для другой концепции был характерен подчеркнуто конструктивный, технологичный подход (**архитектурный объект равен машине**). Впитывая новаторские идеи и приемы художественных течений изобразительного искусства (футуризма, кубизма, супрематизма), а также вдохновляясь достижениями науки и технического прогресса (разработками в области строительных материалов, конструкций и технологий), подчиняясь принципам рационализма и функционализма, совершенствовалась организация внутреннего пространства; в проектирование и строительное производство широко внедрялись стандартные и унифицированные элементы, на основе которых создавались типовые, быстро возводимые проекты.

в) **полиструктурная модель**, (архитектурный объект – это своеобразный конгломерат, объединяющий множество разнородных свойств и качеств объекта – функция, конструкции, материалы, композиция и т. п.). Структурную сущность архитектурного объекта, независимо от места его расположения, времени создания



^ Рис. 2. Куэнка (Испания). Стеклопавильон. Архитектор М. Ринальди (<https://www.freepng.es/png-c5qsh3/>)

и типологической принадлежности можно представить в виде иерархической пирамиды, состоящий из пространственно-геометрических, телесно-знаковых, функционально-процессуальных, темпорально-временных и ценностно-образных аспектов. «Истинное понимание архитектурного объекта достигается не точной классификацией и описанием отдельных форм и типов» [1, с. 205], а рассмотрением и анализом всех составляющих его противоположных парных понятий и их отношений в совокупности.

Основу построения таких моделей обуславливает наличие определенного количества простейших структур и элементов, входящих в качестве неизменных атрибутов во все типы архитектуры. Стоит отметить, что данные элементы вводятся в те или иные модели интуитивно, без предварительного объяснения – как самоочевидная истина профессионального сознания. В этом проявляется их произвольность и конкретно – историческая обусловленность теми или иными обстоятельствами появления.

Естественно, все без исключения теоретические модели претендуют на целостный охват сущности архитектурного объекта. Для того, чтобы разобраться в этом сложном вопросе, предварительно остановимся на общих методах построения теоретической модели художественного произведения и лишь затем перейдем к изложению предлагаемой концепции архитектурного объекта. Для этого имеются достаточно веские основания: теоретическое осмысление художественных произведений в рамках эстетической науки насчитывает более чем двухтысячелетнюю историю. В течение этого промежутка времени было создано множество концепции, моделей, конструктивных систем и структур, определяющих сущность и содержание произведений искусства. Несмотря на их явные различия, во всех теоретических представлениях однозначно подчеркивался **примат идеального над материальным в художественном произведении**. А некоторые субъективные идеалисты откровенно настаивают на моноценности идеального компонента в искусстве.

Философские размышления о природе красоты, особенностях, смысле, цели, а также о методах и формах художественного творчества встречаются у Платона,

Аристотеля, Плотина, Марка Аврелия Августина, Николая Кузанского, Джовани Пико делла Мирандола и многих других. Начиная с конца XVIII столетия немецкие философы обращаются к эстетической проблематике, акцентируя внимание на выявлении сущностного бытия художественного произведения. Представитель немецкого идеализма и романтизма Фридрих Вильгельм Шеллинг трактовал модель художественного произведения как «единство субъективного и объективного, идеального и реального, бесконечного и конечного, сознательного и бессознательного» [2, с. 115–116].

Поэт и мыслитель Фридрих Шиллер различал две стороны произведения искусства – материальную (формальное сходство с изображением; при этом материал растворяется в форме воспроизводимого) и идеальную (идеализированный объект, превратившийся в чистую форму в воображении поэта), раскрывая диалектику объективного и субъективного в художественном изображении [3, с. 221]. Иммануил Кант художественное

v Рис. 1. Храм Ники Аптерос. Архитектор Калликрат (https://tonkosti.ru/Храм_Ники_Аптерос)



> Рис. 3. Дрезден.
Цвингер. Архитекторы
М. Д. Пёппельманн,
Г. Земпер ([https://
tonkosti.ru/Цвингер](https://tonkosti.ru/Цвингер))



произведение рассматривал как единство трех элементов – неразрывного целого, сверхприродного и природного. Георг Вильгельм Гегель полагал, что художественное произведение существует как реальное, но внешне проявляется в форме вещи. Создание и бытие произведения искусства, по Гегелю, представляло собой «инобытие духа» иначе говоря, шествие духа от божественного или индивидуального сознания (художника) к реальности. Это момент, или остановка-мгновения духа в форме вещи и затем дальнейшее движение духа в сознании реципиента и в ментальности общества, что объясняет динамичную диалектическую суть художественного произведения [4, т. 1, с. 45].

Еще один представитель немецкого романтизма, философ Николай Гартман предложил структурно-слоистую конструкцию художественного произведения в виде четырех качественно различных пластов: неорганического и органического (материя), душевного и духовного (идея), представляющего подвижное (иерархическое) единство художественной формы и содержания. Концепция польского философа Романа Ингардена родственна идеям Н. Гартмана. Модели художественного произведения, разработанной Р. Ингарденом, присущее единство реального и идеального, эстетические и метафизические свойства, наличие главенствующей идеи, структурная многослойность и многофазовость.

В современной философии и эстетике поиски теоретической модели художественного произведения продолжались в разработках М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Дюффрена, Б. С. Мейлаха, М. М. Бахтина, Р. Редекера, В. Татаркевича и др. Оригинальную идею теоретической модели художественного произведения предложил немецкий философ Мартин Хайдеггер. Он считал, что для «выявления внутреннего строя художественного произведения необходимо проникнуться пониманием того, что художественное произведение является порождением борьбы (спора) между двумя стихиями – «землей» и «миром» (небом) [5, с. 102]. При этом земля проявляется в нескольких ипостасях: во-первых, «земля» как энергия (первоначальная спонтанная сила – энергия), во-вторых, «земля» как вздымание (самозатворение земли под тяжестью сил мира), в-третьих,

«земля» устремляется вверх и к себе по линиям невидимой кривизны сил мира [5, с. 103]. Возврат земли к себе через вздымание и рождает произведение; именно оно (вздымание) всякий раз снимает напряжение сил, и они успокаиваются. Другими словами, земля и мир отвечают друг другу вздыманием вещи. Противопоставленные силы открываются, обрисовываясь на поверхности, например, храмового строения (минимальное выражение – тектоника архитектурной формы) (рис. 1). Это обрисовывание М. Хайдеггер называет «разрывом» (излом, сгиб двух сил). «Земля» (не только природа, первоматерия), основание-почва (фундамент), на котором держится все, не только «затворенность и тайна», но и особая поверхность произведения [5, с. 107].

Эту идею, опираясь на открытия современной физики, развил в своей концепции динамической складчатости мира французский философ Жиль Делёз. Идея «складки» Ж. Делёза развивает постулаты теории самоорганизующейся динамической материи. Момент самоорганизации возникает при переходе потенциальной энергии становления (события) в материю (складку) (рис. 2).

«Складка» – это поэтика разрыва. Разрывы возникают в игре мировых энергий, а «складка» застывает как след разрыва, прорыва энергий, возникающих при столкновении различных космических сил» [6, с. 180–181]. Существуют самые разнообразные складки: они застывают в виде произведений различных архитектурных стилей – древнегреческих, римских, романских, готических, классических и т. д.; барокко непрерывно производит складки... Основная черта барокко – это направленная к бесконечности складка, потому что барокко – это «борьба различных мироощущений и мировоззрений, методов познания и способов художественного творчества, фанатического мистицизма и полного религиозного индифферентизма» [6] (рис. 3).

Краткий экскурс в философско-эстетические исследования позволяет сделать вывод, что, несмотря на различную трактовку внутренней теоретической сути художественного произведения, оно на протяжении веков всегда трактовалось как двойственное (бинарное). И этим оно отличается от вещей реальности, которые всегда одномерны. Традиционной эстетике присущ



< Рис. 4.
Цинциннати (Огайо).
Аронофф центр дизайна
и искусств. Архитектор
П. Эйзенман ([https://
eisenmanarchitects.com/
Aronoff-Center-for-Design-
and-Art-1996](https://eisenmanarchitects.com/Aronoff-Center-for-Design-and-Art-1996))

бинаризм: достаточно вспомнить пары эстетических категорий (прекрасное – безобразное, возвышенное – низменное, поэтическое – прозаическое и др.) или пары понятий, определяющие средства гармонизации (ритм – метр, динамика – статика, симметрия – асимметрия и др.).

Всякое художественное произведение можно рассматривать «как поле столкновения трех противоборствующих сил: авторского намерения, понимания реципиента и семантических структур текста» [7, с. 176]. Неабсолютность и неоднозначность понимания сути вещей, процессов и явлений, выявляющая внутренние противоречия языка художественного произведения, демонстрирует метод деконструкции, теоретически обоснованный французским философом Жаком Деррида. Ключевая идея Ж. Деррида «о принципиальной неопределенности любого смысла» [6, с. 139] воспроизводит общую **направленность современного искусства на смысловую обтекаемость, запутанность, расплывчатость и недоговоренность**, ставшую лейтмотивом новой художественности. Обнаружение ускользающих как от автора, так и от воспринимающего реципиента «остаточных смыслов» становится главной целью метода Деррида. Деконструкция направлена прежде всего на разбор и разложение структуры аналога; именно поэтому она всегда опиралась и отталкивалась от непрекаемого авторитета прототипа и в силу этих причин, как говорит американский филолог Р. Сальдивар, проведенный демонтаж можно вновь переосмыслить и пересмотреть (рис. 4).

Фундаментальный принцип бинарных оппозиций в рамках деконструктивистской критики был разрушен Ж. Делёзом, доказывающим «присутствие в любой оппозиции многочисленных различий, которые по отношению друг к другу ведут себя настолько хаотично, что исключают возможность оппозиционной четкости» [8, с. 356]. Жиль Делёз развивает концепцию бесформенного хаоса, постулируя неупорядоченность и хаотичность, а также отсутствие критериев, способных определить величину различий между тем или иным явлением.

Деконструкция разрушила классическую дихотомию бинарных оппозиций. «Цель – отказ от свойственной тра-

диционной архитектуре и модернизму четкости правил образных построений, от власти установленных законов работы с формой» [6, с. 132]. Сложившийся деконструктивист, по мнению американского теоретика архитектуры Марка Уигли, обладает даром открывать необычное в обыденном, общеизвестном контексте. «Понятие внутреннего и наружного коренным образом нарушается <...>. Геометрия оказывается гораздо более сложной. Ощущение замкнутости, защищенности пропадает. Состояния стабильности и покоя больше не существует <...>. Тревога, рожденная деконструктивистской архитектурой, не является результатом индивидуальной реакции на нее. Здесь нарушается ряд глубоко укоренившихся в культуре представлений, лежащих в основе восприятия архитектуры, – гармонии, устойчивости, цельности» [9, с. 11].

Какова же особенность архитектурного объекта в этом отношении?

Во-первых, архитектурный объект в теоретическом отношении существует как бы между реальной вещью и художественным произведением; он и то и другое, и в то же время архитектура существует сама по себе. Выдвинутые ранее три теоретические модели архитектуры (витрувианская, моноструктурная и полиструктурная) устраивали, каждая в свое время, и практиков, и теоретиков. Сегодня они потеряли свою эвристическую силу, т. е. они уже не помогают открывать новое. Современная архитектурная наука стремится переосмыслить теоретическую модель архитектурного объекта. Теоретик архитектуры А. Г. Раппапорт, размышляя о сущности архитектурного объекта, представил его в виде «тройственной модели, включающей: морфологию (способ построения и представления здания), символику (значение, смысл и ценность, приписываемые морфологической форме) и феноменологию (личностные смыслы, возникающие в индивидуальном сознании)» [10, с. 26].

Еще в конце XX в. американский архитектор Питер Эйзенман задавался вопросом, «что сегодня может стать моделью архитектуры, когда сама сущность архитектуры и все, что было эффективным в ее классической модели – представление о рациональной ценности упорядоченной структуры, наличие образцов для подражания,



> Рис. 5. Париж. Арт-музей Louis Vuitton Foundation. Архитектор Ф. Гери, 2014 (<https://www.elledecoration.ru/heroes/architects/frenk-geri-otkryvayadekonstrukciyu-id6858198/>)

методологические принципы начала (Божественного порядка) и конца (цели), – все подвергнуто сомнению?» Альтернативная модель архитектуры не может отвечать прежним требованиям классической модели. Он предлагает модель реализации архитектуры в виде свободного дискурса, что означает – свободу значений, свободный игровой выбор и существование вне времени. Порывая связи с классическим, Эйзенман объявляет отказ от представления начала (любого центрирующего истока) и конца (всякой целенаправленности творческого акта) [6, с. 138] (рис. 6).

По нашему мнению, модель **архитектурного объекта** можно представить в виде **трехчастной структуры** как совокупности **естественного, искусственного и условного**, каждое из которых требует специального исследования с учетом философских, эстетических и собственно архитектурных гипотез. В первую очередь актуально осмысление категории искусственности. Искусственно создаваемое пространство архитектуры, являясь творением человека, «ничего не изображает, оно просто есть, оно просто мир. Этот мир транслирует идеи и идеологии, о чем-то повествует, является картиной чего-то. Отсюда можно сделать вывод о том, что архитектура становится картиной мира человека» [11]. Искусственное пространство архитектуры, являясь в то же время культурным пространством, сочетает в себе предметное городское пространство, окружающее пространство и общественное пространство. «Главным в этом процессе сложения новой разновидности искусственного пространства городского интерьера является формирование новых пространственно-планировочных концепций» [12, с. 157]. Как отмечал еще в XV веке Л. Б. Альберти «архитектура – это искусство, без которого никак нельзя обойтись, оно приносит пользу, соединенную с наслаждением и достоинством» [13, с. 5–6].

Кардинальной переоценки требует также категория «естественности» в архитектуре. Образ Природы, тотально проникающий в современную архитектуру, по сути, используется пока только в качестве прототипа внешнего облика архитектурного объекта. Как отмечал профессор архитектуры П. Капустин, «идея Природы позволила избавиться от типовых образцов проектирования». Однако

хотя творчество обречено на бесконечный дискурс с природным, в постижении естественного как составляющего архитектурного объекта все еще используются интуитивные методы, а не рациональные знания. По словам П. Капустина, «мы до сих пор толчемся около Природы, не смея порвать пуповину, без чего не представляется возможным осуществить рывок к творчеству нового» [14].

В настоящее время более проблематичным стало значение «условности» в архитектуре. Новое качество архитектурной условности выражает художественную волю мастера в творческом преобразовании картины мира, дискутирующей с эстетикой реализма. Условный язык, создаваемый архитектором на базе трансформации традиций, инноваций, метафор и эзотерических символов, мыслится как один из способов раскрытия проблематики архитектуры. Как отмечает М. П. Назарова, «архитектурный объект, постигаемый как художественный образ, дает возможность по-новому выразить настоящее» [15, с. 112]. Архитектура, добавляет Э. Бэллентайн, «одновременно выражает определенный исторический этап мысли, жест автора и личностный смысл ее жильцов» [16]. Мысль и форма – поясняет С. И. Фрейлих – «не просто соединяются, они преодолевают друг друга. Мысль становится формой, форма – мыслью. Это равновесие, это единство всегда условно потому, что реальность произведения искусства перестает быть реальностью исторической и бытовой. Придавая ей форму, художник меняет ее, чтобы осмыслить. Условность освобождает художника от необходимости копировать предмет, делает способным обнажить суть, скрытую за оболочкой предмета. Условность необходима, чтобы выразить безусловную объективность содержания или, по крайней мере, безусловное ее чувство» [17].

Заключение. Архитектура является «самым трудным, самым недоступным искусством, язык которой понятен и привлекателен только для очень немногих. Эта трудность архитектуры проистекает из присущего ей своеобразного противоречия. Дело в том, что архитектура есть, с одной стороны, самое материальное, а с другой – самое абстрактное искусство. Будучи вполне конкретной частью природы, служа самым реальным и утилитарным



< Рис. 6. Будапешт. Концептуальное предложение «Дом венгерской музыки» в парке Лигет. Архитектор П. Эйзенман (<https://pragmatika.media/ru/eisenman-architects/>)

целям, архитектура вместе с тем выражается знаками, числами и абстрактными отношениями. Именно способность изображения и отличает художественную архитектуру как искусство от простого строительства» [18, с. 198]. Как говорил древнеримский философ Плотин, «если бы дом не имел своим источником разум архитектора, он не приобрел бы свои прекрасные формы» [19, с. 303]. Произведение художественной архитектуры всегда изображает то, чем оно «должно быть», раскрывает свой смысл, свое практическое и идейное (образное) назначение. Таким образом, архитектурный объект превращается в своеобразный языковой знак, а эстетическое переживание восприятия данного объекта можно трактовать как акт его прочтения при помощи специфического языка архитектуры.

Литература

- Омуралиев, Д. Д., Воличенко, О. В. Структурная модель архитектурного объекта // Вестник КГУСТА. – 2009. – Вып. 1 (23). – Т. 3. – С. 204–209
- Омуралиев, Д. Д., Воличенко, О. В. Сопоставление теории понимания произведений искусства и архитектуры // Вестник КГУСТА. – 2009. – Вып. 1 (23). – Т. 2. – С. 114–120
- Басин, Е. Я. Искусство и коммуникация. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. – 270 с.
- Гегель, Г. В. Ф. Эстетика / Пер. Б. Г. Столпнер [и др.]. В 4-х т. – Москва : Искусство, 1968–1973. – Т. 1. – 330 с.
- Подорога, В. А. Выражение и смысл / Ландшафтные миры философии : Киркегор. Ницше. Хайдеггер. Пруст. Кафка. – Москва : Изд. фирма «Ad Marginem», 1995. – 427 с. : ил.
- Добрицына, И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
- Цурганова, Е. А. Американский деконструктивизм: за и против // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2006. – № 1. – С. 170–186
- Делёз, Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. – 384 с.
- Johnson, P., Wigley M. Deconstructivist Architecture. – N.Y.: Museum of Modern Art, 1988. – P. 11
- Раппапорт, А. Г. К пониманию архитектурной формы. – Москва : НИИТИАГ, 2002. – 60 с.
- Ревзин, Г. И. Очерки по философии архитектурной формы. – Москва : ОГИ, 2002. – 138 с.
- Файзыев, В. Р. Пространство архитектуры, пространство монументального искусства // Вестник Киргизско-Российского славянского университета. – 2018. – Т. 18. – № 8. – С. 156–159
- Альберти, Л. Б. Десять книг о зодчестве. – Москва : Всес. Акад. Архитектуры, 1935–1937. – 392 с.
- Капустин, П. Квазиестественное // Башня и лабиринт. – URL: https://papardes.blogspot.com/2013/10/blog-post_17.html (дата обращения: 06.08.2022).
- Назарова, М. П. Социокультурные смыслы архитектурных объектов // Вести Волгоградского университета. – Сер. 7. – 2012. – № 1 (16). – С. 111–114
- Эллентайн, Э. Архитектура. Очень краткое введение. – Москва : Издательство «АСТ», 2009. – 192 с.
- Фрейлих, С. И. Теория кино. От Эйзенштейна до Тарковского. – Москва, 2009. – 410 с.
- Омуралиев, Д. Д., Воличенко, О. В. Образ и формообразование в архитектуре // Вестник КГУСТА. – 2009. – Вып. 1 (23). – Т. 3. – С. 198–203
- Татаркевич, В. Античная эстетика / пер. с польск. А. П. Ермилова. – Москва : Искусство, 1977. – 328 с.

References

- Alberti, L. B. (1935-1937). Desyat knig o zodchestve [Ten books on architecture]. Moscow: Vses. Akad. Arhitektury.
- Ballantyne, E. (2009). Arhitektura. Ochen kratkoe vvedenie [Architecture. A very short introduction]. Moscow: AST.
- Basin, E. YA. (2015). Iskusstvo i kommunikaciya [Art and communication]. Saint Petersburg: Aletejya.
- Deleuze, G. (1998) Razlichie i povtorenie [Difference and repetition] (N. B. Mankovskaya, & E. P. Yurovskaya, Trans.). Saint Petersburg: Petropolis.
- Dobritsyna, I. A. (2004). Ot postmodernisma k nelinejnoj arhitektуре: Arhitektura v kontekste sovremennoj filosofii i nauki [From Postmodernism to Nonlinear Architecture: Architecture in the Context of Modern Philosophy and Science]. Moscow: Progress-Tradiiciya.
- Fajzyev, V. R. (2018). Prostranstvo arhitektury, prostranstvo monumentalnogo iskusstva [The Space of Architecture, the Space of Monumental Art]. Vestnik Kirgizsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta, 18(8), 156-159.
- Freilikh, S. I. (2009). Teoriya kino. From Ejzenshtejna to Tarkovskogo [Film Theory. From Eisenstein to Tarkovsky]. Moscow.

Gegel, G. W. F. (1968-1973). Estetika [Aesthetics] (B. G. Stolpner et al., Trans.). In 4 vols (Vol. 1). Moscow: Iskusstvo.

Johnson, P., & Wigley, M. (1988). Deconstructivist Architecture. N.Y.: Museum of Modern Art.

Kapustin, P. (2013, October 17). Kvaziestestvennoe [Quasi-natural]. Bashnya i labirint. Retrieved August 6, 2022, from https://papardes.blogspot.com/2013/10/blog-post_17.html

Nazarova, M. P. (2012). Sociokul'turnye smysly arhitekturnykh ob'ektov [Sociocultural meanings of architectural objects]. Vesti Volgogradskogo universiteta. Ser. 7, 1(16), 111-114.

Omuraliev, D. D., & Volichenko, O. V. (2009a). Obraz i formoobrazovanie v arhitekture [Image and form making in architecture]. Vestnik KGUSTA, Issue 1(23), Vol. 3, 198-203.

Omuraliev, D. D., & Volichenko, O. V. (2009b). Sopostavlenie teorii ponimaniya proizvedenij iskusstva i arhitektury [The Comparison of the Theory of Understanding of Art and Architecture]. Vestnik KGUSTA, Issue 1(23), Vol. 2, 114-120.

Omuraliev, D. D., & Volichenko, O. V. (2009c). Strukturnaya model arhitekturnogo ob'ekta [Structural model of an architectural object]. Vestnik KGUSTA, Issue 1(23), Vol. 3, 204-209.

Podoroga, V. A. (1995). Vyrazhenie i smysl [Expression and Meaning]. In The Landscape Worlds of Philosophy: Kierkegaard. Nietzsche. Heidegger. Proust. Kafka. Moscow: Ad Marginem.

Rappaport, A. G. (2002). K ponimaniyu arhitekturnoj formy [To understanding of architectural form]. Moscow: NIITIAG.

Revzin, G. I. (2002). Ocherki po filosofii arhitekturnoj formy [Essays on Philosophy of Architectural Form]. Moscow: OGI.

Tatarkevich, V. (1977). Antichnaya estetika [Antique aesthetics] (A. P. Ermilov, Trans.). Moscow: Iskusstvo.

Tsurganova, E. A. (2006). Amerikanskij dekonstruktivizm: za i protiv [American deconstructivism: pros and cons]. Chelovek: obraz, sushchnost. Gumanitarnye aspekty, 1, 170-186.



^ Рис. 7. Сидней. Общественный центр The Exchange. Архитектор Кенго Кума (<https://www.interior.ru/architecture/8544-kengo-kuma-postroil-svoe-pervoe-zdanie-v-avstralii.html>)

В данной статье представлены результаты системного анализа внедрения BIM технологии в архитектурно-строительную индустрию в национальном масштабе. Выявлены и структурированы факторы, оказывающие влияние на этот процесс. Анализ данных факторов проведен на основе пяти примеров. Для выявления и сопоставления разницы в процессах в качестве примеров рассматривались внедрение в развитых и развивающихся странах – США, Сингапуре, Великобритании, Казахстане и России. Во всех случаях рассмотрены первые программы внедрения и их результаты. Приведена комплексная оценка опыта внедрения каждой из стран с учетом выявленных факторов. Методика анализа, представленная в статье, предлагается для использования и усовершенствования в новых исследованиях внедрения BIM в национальном масштабе для оценки зарубежного и локального опыта.

Ключевые слова: архитектурное проектирование; информационное моделирование зданий; BIM; опыт внедрения в национальном масштабе; методика оценки; факторы оценки.

This article presents the results of a systematic analysis of nationwide implementation of BIM technology in the architecture and construction industry. The factors influencing this process are identified and structured. The analysis of these factors is based on five examples. To identify and compare differences in the processes, the authors considered the implementation in developed and developing countries – the USA, Singapore, the UK, Kazakhstan and Russia. In all cases, the first implementation programmes and their results were examined. The article provides a comprehensive assessment of each country's implementation experience, taking into account the identified factors. The analysis methodology presented in the article is proposed for use and improvement in new studies of nationwide implementation of BIM to evaluate foreign and local experiences.

Keywords: architectural design; building information modelling; BIM; nationwide implementation experience; assessment methodology; assessment factors.

Анализ национального опыта внедрения BIM / Analysis of the national experience in BIM implementation

Введение

С конца XX – начала XXI века в архитектуре и строительстве одной из основных тенденций является стремление к гармоничной рационализации в проектировании, строительстве и эксплуатации зданий и сооружений. Обобщенно это направление известно под термином «устойчивая архитектура». Устойчивая архитектура не только привлекла внимание к новейшим технологическим решениям, но и стала одним из важных шагов к переосмыслению всей строительной отрасли в целом, в том числе ее низкой эффективности по сравнению с другими отраслями.

Прежде всего это коснулось развитых стран с технологичным, высококонкурентным строительным рынком. Так, наряду с другими данными, сопоставление продуктивности труда за последние 60–70 лет, проведенное McKinsey Global Institute показало, что современный уровень строительства в США оказался по продуктивности труда на уровне 1950-х, в то время как в производстве и сельском хозяйстве аналогичный показатель вырос в 8 и 16 раз соответственно (рис. 1). Вопрос повышения продуктивности и эффективности процессов в строительстве стал объектом внимания национального масштаба, а поиск и внедрение решений позволяющих решить проблему – одной из задач государственного и даже международного уровня. В качестве одного из наиболее популярных

решений выдвинулось использование технологии Building Information Modeling (далее BIM).

Многочисленные исследования, проведенные на данный момент, позволяют судить о составляющих успешного внедрения BIM на уровне компании [3–5]. Можно отметить также статьи, в которых рассматривается внедрение на государственном уровне [6–9]. Однако в них выявлено лишь часть факторов и связей влияющих на процесс внедрения.

В данной статье выявлены критически важные факторы при внедрении BIM на государственном уровне. Раскрывается роль данных факторов и методика оценки процесса внедрения по каждому. С использованием предложенного подхода раскрывается процесс внедрения на примере лидеров во внедрении BIM – США, Великобритании и Сингапура, а также при внедрении в России и Казахстане. При этом раскрываются существенные различия в результативности внедрения, возникшие проблемы и их причины. В каждом из примеров рассматривается первый этап внедрения в рамках программ и периодов, указанных в табл. 1.

Таблица 1. Общие сведения об изученных программах

Страна	Название программы	Период осуществления
США	3D-4D-BIM Program	2003–2007
Сингапур	BIM Roadmap	2010–2015
Великобритания	The UK Government Construction Strategy	2011–2016
Россия	План поэтапного внедрения технологий информационного моделирования в области промышленного и гражданского строительства	2014–2019
Казахстан	План мероприятий по внедрению BIM-технологий при проектировании объектов строительства	2017–2022

текст

Владимир Яскевич
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева

Болат Куспангалиев
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева

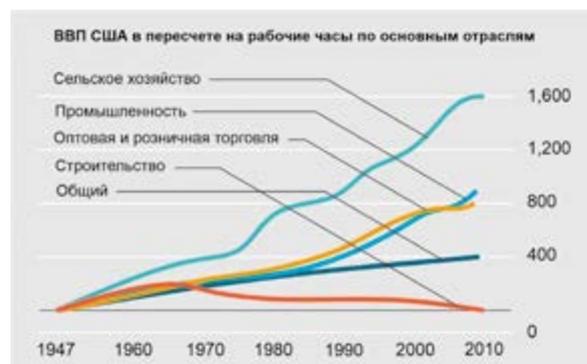
Антон Ходжииков
Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева /

text

Vladimir Yaskovich
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev

Bolat Kuspangaliyev
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev

Anton Khodzhiikov
Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev



< Рис. 1. Продуктивность труда в строительстве по отношению к другим отраслям в США с 1947 по 2010 год. По материалам McKinsey Global Institute [1]

> Рис. 2. Иерархическая структура факторов, определяющих внедрение BIM на национальном уровне



Структура и оценка факторов внедрения BIM в национальном масштабе

Основной целью исследования является формирование системного подхода к анализу опыта внедрения BIM в национальном масштабе. По видению авторов, это поможет сформулировать, при каких условиях возможно наиболее эффективное внедрение BIM на уровне государства, и помочь странам, планирующим осуществить этот процесс, сделать это наиболее эффективно. Для этого на основе анализа существующих исследований были выявлены факторы, влияющие на процесс и результат внедрения. Было выделено три группы факторов, как показано на рис. 2.

Предлагаемая структура имеет иерархический характер: факторы, располагающиеся ниже, имеют более обширный и масштабный характер, а также оказывают большее влияние на располагающиеся выше. Каждый из факторов, в свою очередь, содержит описание определенных показателей, которые позволяют судить о его уровне. Далее приведено описание факторов и параметров их оценки, а также соответствующая информация по рассматриваемым примерам (табл. 2–4).

Условия внедрения – самая масштабная группа, которая содержит факторы, описывающие среду внедрения. Эти условия определяют реакцию индустрии на усилия государства по внедрению BIM, что очень важно для результативности принимаемых мер (табл. 2).

Социально-экономические условия. Для оценки предлагается три наиболее общих показателя – индекс демократии (выявляет уровень диалога между государством, индустрией, наукой, заказчиками и др.), индекс корруп-

ции (указывает на результативность вложений в государственные программы, их эффективность, доверие к ним), ВВП на душу населения (раскрывает уровень экономики страны с учетом численности населения).

Характеристики рынка. Были выбраны такие характеристики как ВВП строительной индустрии (иллюстрирует размер строительного рынка, средняя стоимость квадратного метра (может быть соотнесена с технологичностью и производительностью строительства), рентабельность строительной отрасли (отражает уровень конкуренции и отношение индустрии к рискам) [10].

Состояние технологии. Самыми наглядными характеристиками являются уровень использования BIM в процентах от общей практики, наличие практической базы (значительных проектов, осуществленных с применением BIM), уровень зрелости BIM [8]. Эти параметры указывают на то, что технология пригодна для решения существующих в стране практических задач в имеющихся условиях рынка, пользуется определенным спросом и доверием. Также рассматривается степень изученности технологии (как давно изучается, характер и популярность исследований) и, соответственно, мера поддержки внедрения научным сообществом.

Организационные факторы демонстрируют, каким образом осуществлялись подготовка, планирование и реализация внедрения (табл. 3).

Предварительный анализ. Данный пункт раскрывает анализ текущего состояния индустрии и технологии, обзор мирового опыта, проведенные в рамках подготовки внедрения, а также концепцию внедрения, в первую очередь постановку целей и задач.

Организационная структура, принципы и условия работы над внедрением. Организационная структура определяет распределение ответственности и обязанностей, формирует материальные, информационные, легитимные и другие возможности. Состав рабочих групп обуславливает вовлечение участников индустрии, а принципы работы определяют их взаимоотношения между собой и индустрией в целом.

Финансирование. Важно, какими ресурсами обладает организация, ответственная за внедрение, откуда она получает финансирование, каким образом его распределяет, имеет ли непосредственный интерес к тем выгодам,

Таблица 2. Условия внедрения BIM

Факторы		Страны				
		США	Сингапур	Великобритания	Россия	Казахстан
Социально-экономические условия	Индекс демократии	77,5 (15 в мире)	66,6 (39 в мире)	79,2 (12 место в мире)	3,39 (132 в мире)	3,06 (141 в мире)
	Индекс коррупции	7,5 (18 в мире)	9,3 (1 в мире)	7,8 (16 место)	27 (136 в мире)	31 (122 в мире)
	ВВП на душу населения	51 500 USD	78 300 USD	42 000 USD	26 000 USD	9 200 USD
Состояние индустрии	ВВП строительной индустрии	525 млрд USD	12 млрд USD	180 млрд USD	93 млрд USD	10,4 млрд USD
	Средняя стоимость м ²	1 620 usd	11 400 usd	3 900 usd	1500 usd	1000 usd
	Рентабельность строительной отрасли	3 %	Низкие доходы, высокая конкуренция	2,5 %	2,4 %	17,3 %
Состояние технологии	Уровень использования BIM	Отдельные компании	Менее 10 %	13 %	Отдельные компании	Отдельные проектные компании
	Значимые постройки с использованием BIM (примеры)	Концертный зал Уолта Диснея (Фрэнк Гэрри)	Marina Bay Sands, здание Музея науки и искусства	Аэропорт Heathrow, мост Swansea Sail, стадион Wembley	Олимпийские объекты (2014 г.)	Нет. Только отдельные проекты локального значения
	Уровень изучения технологии	Изучается с 1960-х гг. Публикации в основном теоретического характера	Ограниченное количество публикаций в основном теоретического характера	Изучается с 1970-х гг. Работы как теоретического, так и практического характера	Изучается с 1980-х гг. Растущий научный интерес	На начальной стадии. Отдельные исследования теоретического характера

Примечание. Приведенные данные относятся к началу процесса внедрения в соответствующем государстве.

Таблица 3. Организационные факторы

Факторы		Страны				
		США	Сингапур	Великобритания	Россия	Казахстан
Предварительный анализ	Анализ между-народного опыта внедрения	Первый опыт внедрения на государственном уровне	Анализ американского опыта	Анализ и интерпретация американского опыта	Анализ международного опыта	Анализ международного опыта
	Исследование локального рынка	Исследования эффективности строительной отрасли	Анализ существующего опыта использования BIM стране	Анализ строительной индустрии и государственных расходов в этой сфере	Ограниченное представление	Ограниченное. В основном – нормативно-правовые аспекты
	Постановка целей и задач	Достижение целей устойчивой архитектуры, в частности сокращение энергопотребления новых государственных объектов на 30 %	Автоматизация экспертизы (CORENET), уровень использования BIM – 80 %, сокращение числа низкоквалифицированных строителей, технологическое лидерство	Снижение стоимости строительных работ, производимых за государственный счет на 20 %	Снижение издержек и рисков в строительстве, повышение производительности и качества	В основном создание нормативно-правового поля для применения BIM
Организационная структура, принципы и условия работы над внедрением (в период реализации программы)	Основные задействованные организации	Управление общих служб США (GSA), Служба общественных зданий (PBS)	Строительное управление Сингапура (BCA), Консультативная группа по BIM	Отдел строительного сектора Министерства по инновациям и навыкам бизнеса (BIS), Инфраструктура Великобритании (IUK), Правительственный совет по строительству (GCB)	Минстрой РФ, Росстандарт, Минэкономразвития России, Минфин России, Минюст России, ФАС России, ФАУ «Главгосэкспертиза России» и др.	АО «КазНИИСА», РГП «Госэкспертиза», ПА «KAZGOR», ТОО «НИИ «Алматыгенплан» и др., ведущую роль имели частные организации
	Возможности рабочей группы	В рамках работы GSA. 193 проекта (12,4 млрд USD)	Вся строительная отрасль	40 % строительного рынка (более 70 млрд USD)	Ограниченные связи с размытой ответственностью и бюрократизацией	Очень ограниченные
	Охват различных участников отрасли	Ограниченный, в рамках проектов GSA. International Alliance for Interoperability, Autodesk, BIME, Stanford University, и др.	Все крупные компании и профессиональные ассоциации, Singapore Institute of Architects, Institute of Engineers Singapore, Association of Consulting Engineers Singapore, BIM Academy of the built environment	Группа подрядчиков Великобритании (Build UK), Ассоциация строительных товаров (CPA), Альянс технологий BIM и др.	Отдельные частные и общественные организации («Конкуратор», buildingSMART на базе НАИКС)	Участники рабочей группы и отдельные представители индустрии (BI Group)
	Взаимодействие с индустрией	Ограниченное, в основном в рамках работы GSA	Активное, двустороннее, на базе интернет-ресурсов, мероприятий, сообществ	Активное, двустороннее, на базе интернет-ресурсов, мероприятий, сообществ	Затрудненное, в рамках официальных процедур. Основная инициатива – со стороны индустрии	Ограниченное, в виду пассивного отношения индустрии, недоверия к целесообразности внедрения
Финансирование	Отдельное финансирование программы	Стимулирование в размере 5 млрд USD	BIM Fund, 250 млн USD (в составе Фонда повышения производительности и потенциала строительства)	730 млн USD, в рамках рассматриваемой программы	Финансирование в рамках дорожной карты по внедрению BIM	650 тыс. USD (2017–2019)
	Финансирование участников	В рамках бюджета GSA (12 млрд USD)	В рамках бюджета BCA	Бюджет, выделяемый на строительство и обслуживание гос. объектов	В рамках финансирования программы по цифровизации в строительстве	В рамках бюджета участников рабочей группы
	Занятость ответственных исполнителей	Оптимизация собственных расходов GSA на строительство и обслуживание	Формирование привлекательной инвестиционной среды	Оптимизация расходов на строительство и обслуживание	Развитие индустрии	Косвенная. Участники рабочей группы практически не имеют отношения к финансированию гос. проектов

Таблица 4. Показательные факторы

Факторы		Страны				
		США	Сингапур	Великобритания	Россия	Казахстан
Государственная политика и мандаты	Условия мандата и дата внедрения	Все объекты (GSA и Армия США) с 2006 г., свыше 5 млн USD (в штате Висконсин) с 2009 г.	Все объекты (более 460 кв. м) с 2014 г.	Все проекты с государственным финансированием, BIM Level 2, с 2016 г.	В рамках рассматриваемого этапа не было утверждено	В технологически сложных объектах с государственным финансированием (с 2022 г.), на настоящий момент нет примеров применения
	Руководства по внедрению	GSA BIM Guide	Singapore BIM Guide	UK BIM Framework	Независимые порталы, компании, вендоры программного обеспечения (Isicad.ru, «Конкуратор», Renga Software, Autodesk и др.)	Только международный опыт
Информационная, организационная и материальная поддержка	Обучение специалистов	В рамках проектов GSA	Академия BCA	Целевая группа ((BIM) Task Group)		Нет. Только независимая подготовка в отдельных компаниях
	Формирование спроса	В рамках проектов GSA	За счет мандата	Целевая группа ((BIM) Task Group)		Нет. Только инициатива отдельных компаний
	Компенсация расходов на внедрение	Нет	Частичная, при достижении необходимых показателей	Нет		Нет
	Стандарты BIM	US National BIM Standard	Codes of Practice for BIM e-Submission	серия ISO 19650	ГОСТ Р 58439.1 и 2 (отменены вскоре после внедрения)	Серия рекомендательных нормативно-технических документов
Отраслевые стандарты и лучшие практики	Выделение лучших практик и их изученность	Наиболее удачный опыт исследуется и ложится в основу обновлений стандартов и руководств	BIMсправочник по Сингапуру		Усилиями независимых компаний и объединений (Isicad.ru, «Конкуратор», Renga Software, Autodesk и др.)	Нет. Только в частном порядке в отдельных компаниях
	Использование в строительстве знаковых объектов	Херст-тауэр (2003–2006), Комкаст-центр (2005–2008), Башня Банка Америки (2004–2009)	The Jewel в аэропорту Чанги (2014–2019), комплекс Asia Square (2009–2013), Комплекс Interlace (2007–2013), Gardens by the Bay (2007–2012)	Олимпийские стадионы и Международный центр телерадиовещания, Crossrail и др.	«Лахта-центр», Центр художественной гимнастики в «Лужниках», стадионы для Чемпионата мира по футболу (2018 г.)	Нет
	Пилотные проекты	Пилотные проекты	Более 100 проектов GSA, включая новое строительство, реконструкцию, реставрацию и эксплуатацию	Отдельные проекты по формированию лучших практик в инженерных дисциплинах	30 пилотных проектов (11 – с использованием BIM)	В рамках рассматриваемого этапа не было реализовано
Количественные показатели (на период завершения программ)	Уровень применения BIM	17 %	Более 80 %	54 %	22 % (исследования компании Кокуратор)	21 % (по данным опроса союза проектировщиков)
	Уровень зрелости BIM	Level 1	Level 2	level 2	Level 1	Level 1
	Уровень производительности	В рамках проектов GSA вырос более чем на 50 %. В целом по отрасли значительного повышения не было	В целом по отрасли значительного повышения не было	Сэкономлено около 5 млрд USD. В целом по отрасли значительного повышения не было	В целом по отрасли значительного повышения не было	Существенного увеличения производительности не наблюдается

которые может дать успешное внедрение. Кроме того, имеет значение существование специальных фондов, направленных на решение наиболее острых вопросов внедрения [11].

Показательные факторы идентифицируют определенные ключевые меры по внедрению BIM в стране. Хотя эти факторы самые иллюстративные, стоит учитывать, что их эффективность напрямую зависит от предыдущих этапов (табл. 4).

Государственная политика и мандаты. Важнейшим стимулом при внедрении является формированием требований по применению BIM со стороны государства к проектным, строительным и иным организациям [8]. Такие требования могут распространяться как на государственный сектор, так и на все проекты гражданского строительства. Однако исполнение требований, утвержденных в законодательном порядке, может стать сложным испытанием для отрасли, и задачей государства становится поддержать ее участников таким образом, чтобы они с этим испытанием справились.

Информационная, организационная и материальная поддержка. Данная поддержка должна решать наиболее болезненные для применяющих новую технологию вопросы: формирование спроса на использование технологии, компенсация расходов на внедрение, обучение квалифицированных специалистов, помощь в организации «правильного» внедрения [12].

Отраслевые стандарты и лучшие практики. Важную роль при применении BIM играют стандарты. Их содержание и реализация определяют возможную степень автоматизации процессов и, соответственно, эффективность всей технологии. Разработка стандартов должна учитывать наиболее успешную локальную и международную практику (т. е. быть основанной на конкретных, в том числе локальных, примерах), быть динамичной и отвечать на изменения в самой технологии и смежных процессах [13].

Пилотные проекты. Одним из наиболее эффективных приемов формирования показательных примеров являются пилотные проекты, которые необходимы как для того, чтобы сформировать устойчивую и правильную практику применения технологии, так и для формирования общественного мнения о ее продуктивности, создания привлекательного имиджа. Большое влияние в данном случае оказывает и количество объектов, и их значимость. Важно имеет доступность сведений о пилотных проектах, возможность изучить полученный при их проведении опыт [9].

Количественные показатели. Конкретные измеримые результаты внедрения – уровень зрелости BIM в стране, процент применяющих BIM от общего количества организаций, рост продуктивности и эффективности работ в строительной отрасли, сокращение расходов и времени на строительство и эксплуатацию – являются самыми обобщенными и объективными индикаторами того, как прошел (проходит) процесс внедрения.

Итоговая оценка по каждому фактору следующая. Учитывая их разнородность и отсутствие четких количественных градаций по некоторым из них, оценка проводилась относительно наиболее успешных из рассмотренных примеров по трехуровневой шкале: высокий, средний, низкий (уровень). Общие результаты представлены в табл. 4.

Общая оценка внедрения в рассмотренных примерах

В табл. 5 представлены краткие выводы по проведенному анализу, а также оценка внедрения по предложенным факторам.

США. Поскольку США были пионерами во внедрении BIM в национальном масштабе, им пришлось столкнуться с рядом проблем, в частности с низким начальным

уровнем распространения технологии, дефицитом опыта, сложностями в установлении новых схем во взаимодействии участников и др. Процесс внедрения во многом замкнулся в рамках GSA, работа которого охватывала ограниченную часть строительного рынка, в частности не было организовано активной поддержки внедрения в масштабах всей страны. Та же достаточно ограниченным было внедрение государственных мандатов по использованию BIM. Тем не менее, в силу благоприятных социально-экономических условий и успешного опыта применения BIM в пилотных проектах, существенной поддержки научно-образовательных институтов и, главное, очень высокого уровня развития строительной индустрии и науки, удалось достигнуть удовлетворительных результатов. Высокий уровень результатов, достигнутых непосредственно в рамках работы GSA, стал стимулом для дальнейшего развития технологии и после окончания программы. Когда данные результаты получили широкое распространение, уровень применения BIM в стране резко вырос.

Сингапур. Сингапур уже опирался на пример США и имел значительный опыт осуществления проектов с BIM, однако подавляющее большинство проектных работ на начало внедрения выполнялось в 2D, исследований в области BIM до 2010 года практически не проводилось. Внедрение также проходило недостаточно комплексно. Так, сначала было обеспечено вовлечение лишь архитектурной части, затем инженерной и т. д., весь процесс в большой мере проходил в привязке к возможностям системы автоматической экспертизы CORENET. Тем не менее благодаря сложившимся условиям, четким задачам, инструментам и очень высокой степени поддержки государства, с одной стороны, и достаточно жесткими мандатами (которые в отличие от США распространялись не только на государственный сектор, но на индустрию в целом) – с другой, внедрение BIM прошло с впечатляющими результатами.

Великобритания. Одним из показательных примеров внедрения можно считать опыт Великобритании. Кроме высокого уровня социально-экономических условий и развития индустрии, в стране был высокий уровень научно-исследовательской среды в области BIM, благодаря чему в преддверии внедрения был проведен детальный анализ как зарубежного опыта, так и местных условий и проблем, сформулированы четкие измеримые цели и задачи, обеспечены прозрачные процессы, привлечены участники из всех сфер строительной отрасли. BIM внедрялся комплексно – параллельно с реформированием других процессов, таких как, например, государственные закупки, экспертиза и т. д. Несмотря на отсутствие специальных фондов, которые могли бы оказывать материальную поддержку, активно осуществлялась информационная поддержка, активное участие приняли образовательные учреждения: было сформировано большое количество программ по подготовке необходимых специалистов. Мандат на использование BIM охватил все объекты с участием государственного финансирования (40 % всей индустрии) и большой спектр участников. Разработанные в Британии стандарты легли в основу мировых практик, а примеры пилотных и показательных проектов широко известны среди специалистов. В итоге, несмотря на то что цели по экономии бюджета не были достигнуты в полном объеме, качественные показатели внедрения оказались очень высокими.

Россия. Программа внедрения BIM в РФ, с одной стороны, включала в себя широкий круг представителей государственного сектора, что предполагало комплексный подход, с другой, как представляется, – несколько увязла в формальных процедурах и обсуждениях. Конструктивного, прозрачного, взаимовыгодного диалога

Таблица 5. Оценка внедрения BIM на национальном уровне

Страна	Условия внедрения			Организационные факторы			Показательные факторы				
	Социально-экономические условия	Состояние индустрии	Состояние технологии	Предварительный анализ	Организационная структура, принципы и условия работы над внедрением	Финансирование	Государственная политика и мандаты	Информационная, организационная и материальная поддержка внедрения	Отраслевые стандарты и лучшие практики	Пилотные проекты	Количественные показатели
США	В	В	С	С	Н	С	Н	Н	В	В	С
Сингапур	В	В	С	В	С	В	В	В	В	С	В
Великобритания	В	В	В	В	В	С	С	С	В	В	В
Россия	С	С	В	С	Н	С	Н	С	С	С	С
Казахстан	Н	Н	С	С	Н	С	Н	С	С	Н	Н

Примечание. Уровень: В – высокий, С – средний, Н – низкий.

государства с индустрией достигнуто не было. Во многом свою роль сыграла сама строительная отрасль, ее активные представители – архитекторы, инженеры, менеджеры их сообщества, крупные компании. Достаточно высокий уровень научно-технологического развития и высокая конкуренция подтолкнули их к действию. Необходимые меры по стандартизации, выработке лучших практик также более активно предпринимались частными компаниями и объединениями, научными коллективами, фактически вне рамок рассматриваемой программы, что в конечном счете дало весомые, но несколько разобщенные, точечные результаты. Реализация пилотных проектов, утверждение стандартов, введение мандата произошли после завершения первоначальной программы.

Казахстан. В Казахстане также, как и в России, при подготовке к внедрению в недостаточной степени была учтена существующая ситуация, проблемы индустрии и страны в целом. Организационная структура и принципы работы были в большей степени замкнутыми, в виду того что основная ответственность была переложена на частные организации, обладающие ограниченным влиянием и ресурсами, лишь косвенно заинтересованные в результативности реализации программы. Не было достигнуто эффективного масштабного взаимодействия ни с государственным аппаратом, ни с архитектурно-строительной отраслью. Хотя, в отличие от России, нормативно регулирующие документы были разработаны достаточно оперативно, они носили рекомендательный характер и не оказали серьезного влияния. Кроме того, не получилось организовать и значительной базы удачных практик. Экспертиза проектной документации в формате информационной модели фактически сформировалась уже после официальных сроков завершения программы. Подробная информация о реализованных пилотных проектах не публиковалась. Хотя число организаций, использующих BIM, увеличилось и уровень осведомленности вырос,

в целом результаты можно считать низкими в сравнении с опытом развитых стран.

Стоит отметить, что в виду ограниченности ресурсов отдельные данные по национальным программам не удалось достоверно установить. Это не позволило применить более точные количественные методы оценки, тем не менее по мнению авторов представленная качественная оценка объективна. Так же исследование ограничивалось первичными программами внедрения и небольшим списком наиболее интересных для авторов стран. Границы исследования могут быть расширены в дальнейших работах.

Также необходимо отметить, что, хотя основной целью при внедрении BIM было повышение продуктивности строительной отрасли, видимых результатов в этом направлении не наблюдается ни в одном из примеров. Это представляется не столько следствием недостатков самой технологии или ее внедрения, сколько необходимостью увеличения ее зрелости и распространения на стадию эксплуатации и производства строительной продукции для появления ощутимых результатов в отношении продуктивности.

Заключение

Несмотря на то что технология BIM достигла высокой степени зрелости и в мировой практике представлено много успешных примеров внедрения, многие страны еще либо не осуществили внедрение BIM на национальном уровне, либо не достигли во внедрении высоких результатов, что является одним из ограничивающих факторов развития технологии. Для таких стран одним из важных элементов внедрения является анализ и использование существующего опыта. При этом представляется важным, чтобы такой анализ проходил структурно – по определенным факторам и параметрам для возможности эффективного сопоставления и интерпретации.

Выделенный в данном исследовании перечень факторов позволяет комплексно оценить процесс внедре-

ния BIM в национальном масштабе с учетом как общих условий, так и специфических факторов. Такой анализ позволяет объективно сопоставить результаты внедрения с условиями, оценить программы по внедрению и заложенные в них принципы. Результаты подобного исследования могут служить основанием для принятия решений по внедрению BIM на национальном уровне в развивающихся странах и прогнозировать возможные результаты.

Наиболее эффективным внедрение будет, если все приведенные факторы будут находиться на высоком уровне. Если по тем или иным причинам одни факторы отстают, необходимо прилагать особые усилия по компенсации этих недостатков.

Внедрение BIM становится новым стандартом строительной индустрии. Мы надеемся, что эта технология поможет преодолеть кризис в архитектуре и строительстве – перейти барьер в эффективности, отделяющий эту индустрию от остальных во всем мире.

Литература

- McKinsey Global Institute, Reinventing construction through a productivity revolution (Report) – February 27, 2017 – 168 с. – URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/operations/our%20insights/reinventing> (дата обращения: 21.01.2023)
- Liu, S., Xie, B., Tivendale, L., Liu, C. Critical Barriers to BIM Implementation in the AEC Industry // International Journal of Marketing Studies. – 2015. – Vol. 7. – P. 162
- Ozorhon, B., Karahan, U. Critical Success Factors of Building Information Modeling Implementation // Journal of Management in Engineering. – 2017. – Vol. 33. – N 3
- Antwi-Afari, M. F., Li, H., Pärn, E. A., Edwards, D. J. Critical success factors for implementing building information modelling (BIM): A longitudinal review // Automation in Construction. – 201. – Vol. 91. – P. 100–110
- Tsai, M.-H., Mom, M., Hsieh, S.-H. Developing critical success factors for the assessment of BIM technology adoption: Part I. Methodology and survey // Journal of the Chinese Institute of Engineers, Transactions of the Chinese Institute of Engineers, Series. – 2014. – Vol. 37. – N 7. – P. 845–858
- Edirisinghe, R., London, K. Comparative Analysis of International and National Level BIM Standardization Efforts and BIM adoption. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/w78-2015-paper-015.pdf> (дата обращения: 21.01.2023)
- Kaneta, T., Furusaka, S., Tamura, A., Deng, N. Overview of BIM Implementation in Singapore and Japan // Journal of Civil Engineering and Architecture. – 2016. – Vol. 10. – P. 1305–1312
- Jiang, R., Wu, C., Lei, X., Shemery, A., Hampson, K. D., Wu, P. Government efforts and roadmaps for building information modeling implementation: lessons from Singapore, the UK and the US // Engineering, Construction and Architectural Management. – 2022. – Vol. 29, N 2. – P. 782–818.
- Mustaffa, N. E., Salleh, R. M., Ariffin, H. L. Experiences of Building Information Modelling (BIM) adoption in various countries // International Conference on Research and Innovation in Information Systems, ICRIIS. – 2017 – P. 140–160
- Ofori, G. Indicators for measuring construction industry development in developing countries // Building Research and Information. – 2001. – Vol. 29, N 1. – P. 40–50
- Government Construction Board: Definition; Guidance; Organisation. – URL: https://www.designingbuildings.co.uk/wiki/Government_Construction_Board (дата обращения: 15.05.2022)
- Ibrahim, F. S., Shariff, N. D., Esa, M., Rahman R. A. The barriers factors and driving forces for bim implementation in Malaysian AEC Companies // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. – 2019. – Vol. 11, N 8. – P. 275–281
- National BIM Standard – United States, Submitted by: McGraw-Hill Construction. – URL: http://mddb.apec.org/Documents/2013/SCSC/WKSP5/13_scsc_wksp5_007.pdf (дата обращения: 19.01.2023)

References

- Antwi-Afari, M. F., Li, H., Pärn, E. A., & Edwards, D. J. (2018). Critical success factors for implementing building information modelling (BIM): A longitudinal review. *Automation in Construction*, 91, 100-110.
- Edirisinghe, R., & London, K. (2015). Comparative Analysis of International and National Level BIM Standardization Efforts and BIM adoption. *CIB W78 Conference* (pp. 149-158).
- Government Construction Board (2022, April 8). Retrieved May 15, 2022, from https://www.designingbuildings.co.uk/wiki/Government_Construction_Board
- Ibrahim, F. S., Shariff, N. D., Esa, M., & Rahman, R. A. (2019). The barriers factors and driving forces for BIM implementation in Malaysian AEC Companies. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*, 11(8), 275-281.
- Jiang, R., Wu, C., Lei, X., Shemery, A., Hampson, K. D., & Wu, P. (2022). Government efforts and roadmaps for building information modeling implementation: lessons from Singapore, the UK and the US. *Engineering, Construction and Architectural Management*, 29(2), 782-818.
- Kaneta, T., Furusaka, S., Tamura, A., & Deng, N. (2016). Overview of BIM Implementation in Singapore and Japan. *Journal of Civil Engineering and Architecture*, 10, 1305-1312. DOI: 10.17265/1934-7359/2016.12.001
- Liu, S., Xie, B., Tivendale, L., & Liu, C. (2015). Critical Barriers to BIM Implementation in the AEC Industry. *International Journal of Marketing Studies*, 7, 162.
- McGraw-Hill Construction (n.d.). National BIM Standard – United States. Retrieved January 19, 2023, from http://mddb.apec.org/Documents/2013/SCSC/WKSP5/13_scsc_wksp5_007.pdf
- McKinsey Global Institute. (2017, February 27). Reinventing construction through a productivity revolution (Report). Retrieved January 20, 2023, from <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/business%20functions/operations/our%20insights/reinventing%20construction%20through%20a%20productivity%20revolution/mgi-reinventing-construction-a-route-to-higher-productivity-full-report.pdf>
- Mustaffa, N. E., Salleh, R. M., & Ariffin, H. L. B. T. (2017). Experiences of Building Information Modelling (BIM) adoption in various countries. *International Conference on Research and Innovation in Information Systems, ICRIIS* (pp. 140-160).
- Ofori, G. (2001). Indicators for measuring construction industry development in developing countries. *Building Research and Information*, 29(1), 40-50.
- Ozorhon, B., & Karahan, U. (2017). Critical Success Factors of Building Information Modeling Implementation. *Journal of Management in Engineering*, 33(3).
- Tsai, M.-H., Mom, M., & Hsieh, S.-H. (2014). Developing critical success factors for the assessment of BIM technology adoption: Part I. Methodology and survey. *Journal of the Chinese Institute of Engineers, Transactions of the Chinese Institute of Engineers, Series*, 37(7), 845-858.

Статья посвящена проблеме цифровой каталогизации памятников архитектуры. Рассматриваются наиболее распространенные способы хранения информации об объектах архитектурного наследия, выявляются их достоинства и недостатки. Формулируется перечень инструментов и программного обеспечения, необходимых для создания цифрового каталога объектов памятников истории и культуры. На примере города Хабаровска очерчивается круг существующих в этой области проблем и предлагается алгоритм их решения.

Ключевые слова: цифровая каталогизация; памятники архитектуры; Хабаровск. /

The article is devoted to the problem of digital cataloging of architectural monuments. The most common ways of storing information about architectural heritage objects are considered, their advantages and disadvantages are identified. The authors compile a list of tools and software necessary to create a digital catalog of historical and cultural monuments. On the example of the city of Khabarovsk, the range of problems existing in this area is outlined and an algorithm for their solution is proposed.

Keywords: digital cataloging; architectural monuments; Khabarovsk.

Цифровая каталогизация памятников архитектуры: на примере Хабаровска / Digital cataloging of architectural monuments: Case study of Khabarovsk

текст

Михаил Базилевич

Тихоокеанский государственный университет

Иван Плесовских

Тихоокеанский государственный университет /

text

Mikhail Bazilevich

Pacific National University

Ivan Plesovskikh

Pacific National University

Введение

Сохранение архитектурного наследия является важной частью национальной культуры, обладающей огромным художественным и социально-этическим потенциалом. Задача по обеспечению сохранности и популяризации объектов историко-культурного наследия стоит не только перед страной в целом, но и перед каждым субъектом Российской Федерации. Рост городов и увеличение численности их населения необратимо меняют сложившийся архитектурный ландшафт: исчезают или перестраиваются как отдельные здания, так и целые исторические кварталы. В этой связи очень важно успеть сохранить историческую память о наследии ушедших поколений.

Архитектура Хабаровска самобытна и разнообразна. В разные годы над ее созданием трудилось немало профессиональных зодчих. На начальном этапе это были выпускники архитектурных и инженерных школ Санкт-Петербурга, Москвы, а в советский период – и других городов Центральной России. В 1972 году открытие набора на архитектурную специальность в Хабаровском государственном техническом институте знаменовало новый этап развития города. Центр Хабаровска сформирован зданиями, относящимися к разным историческим периодам, каждый из которых оставил свой след в его историческом образе. Причудливые здания рубежа XIX–XX в., построенные в формах русского стиля и модерна, гармонично сочетаются с постройками И. А. Голосова и современными многоэтажками. В то же время в связи с изменением социально-экономических условий и развитием малого бизнеса фасады многих исторических зданий подвергаются значительным преобразованиям. В результате отдельные здания остро нуждаются в реставрации или реконструкции. На этом фоне важной архитектурной и культурологической задачей является сохранение и систематизация сведений о наиболее значимых с архитектурной и исторической точек зрения объектах.

В рамках публикации рассматриваются проблема каталогизации данных об объектах историко-культурного и архитектурного наследия Хабаровска и перспективы создания новой системы хранения данных за счет применения систем информационного моделирования.

Источниковая база

Систематизированное изучение и каталогизация объектов архитектурного наследия Хабаровска неразрывно связаны с деятельностью краевого государственного бюджетного учреждения «Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры» [1, 2] и Хабаровского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры [3]. Результатом их многолетней работы являются постановка на государственную охрану более 580 объектов культурного наследия, реставрация ряда исторических зданий, а также мероприятия по сохранению и популяризации архитектурного наследия региона. В базы данных этих организаций входит не только текстовая и графическая информация об объектах культурного наследия, но и фиксация их параметров и архитектурной индивидуальности. Учитывая сложность и разнообразие объемно-планировочных решений и фасадных композиций исторических зданий, очевидна необходимость поиска новых методов хранения и дальнейшего использования такого рода информации.

Научно-исследовательская работа по изучению архитектурного наследия Дальнего Востока и города Хабаровска, в частности, осуществляется, в основном, силами специалистов хабаровской архитектурной школы с 1990-х годов. За это время собран обширный архивный и графический материал, касающийся строительства сооружений различной типологии и деятельности региональных зодчих, нашедший отражение в монографиях, диссертациях, научных публикациях и грантах [4–11].

Формированию основ геометрической комбинаторики посвящены работы А. Лооса [12], Ле Корбюзье [13].

Несмотря на наличие достаточного широкого круга работ, посвященных данной проблематике, вопрос информационной каталогизации объектов историко-архитектурного наследия Хабаровска остается открытым.

Варианты каталогизации

Наиболее распространенными способами хранения информации об объектах архитектурного наследия являются паспорта объектов, исторические справки, а также различные архивные материалы, которые могут

включать в себя фотографии, сканы и иные графические изображения планов, фасадов, разрезов, узлов и других элементов зданий. С появлением современных средств хранения информации, таких как электронные архивы, стало возможным автоматизировать ряд операций, в частности, тех, что связаны с поиском уже имеющихся в архиве данных. В качестве атрибутов для поиска могут быть использованы различные показатели – годы строительства, автор, архитектурный стиль и т. п. Но все они характеризуют объект в общем. При этом остается нерешенной задача выявления специфики отдельных элементов фасадов и их взаимодействия.

При хранении общих сведений о фасадах исторических зданий роль отдельных деталей остается невыявленной. Общее описание особенностей построения таких фасадов не может обеспечить адресную ссылку на информацию об их отдельных элементах. Большое количество задач в процессе проектно-реставрационной или исследовательской деятельности в большинстве случаев требует более детального рассмотрения отдельных фрагментов или элементов фасадов, а в некоторых случаях возникает необходимость поиска аналогов. В этой связи возникает необходимость сохранения информации о фасадах и их элементах в структурированной форме.

По мнению авторов, новым направлением каталогизации, ранее не применявшимся исследователями хабаровской архитектуры, является использование систем информационного моделирования. В процессе реализации такого метода в первую очередь следует определить с объектом исследования и выявить элементы, характерные для архитектуры определенного исторического этапа. Дублирование этих элементов в пределах одного фасада, а также тенденции в применении на других зданиях свидетельствуют о комбинаторной сущности принципа организации фасадных плоскостей. Таким образом прослеживается, что именно комбинаторика занимается выбором и расположением элементов в соответствии с определенными закономерностями. Также необходимо выявить место и роль каждого из типов элементов, что позволит структурировать фасады и выявить закономерности их организации.

Исходя из многообразия элементов фасадов зданий, необходимо унифицировать и структурировать их графическое представление, сохранив общий вид и пропорции, разработать общую цифровую модель фасада здания и разбить ее на элементы.

Наиболее эффективный способ сохранения модели архитектурных элементов – в отдельных файлах с расширением IFC. Формат данных с открытой спецификацией IFC представляет собой открытый международный формат для информационной модели данных объектов строительства (BIM), предназначенных для обмена и совместного использования в программных приложениях, применяемых участниками отрасли строительства и эксплуатации зданий и сооружений. Эти модели должны содержать определенную атрибутивную информацию по элементу, включая буквенно-цифровой код классификации, разработанный специально для данных целей. На всех элементах общей цифровой модели прописана ссылка для доступа к отдельным моделям элементов в формате IFC. Создание таких цифровых моделей будет способствовать более наглядному и глубокому пониманию взаимосвязи фрагментов и элементов фасадов и позволит подойти к более обобщенному структурированию фасада. Помимо этого, станет возможно визуально выявлять единицы, несущие одинаковую смысловую нагрузку и характер. Эти модели также будут нести прикладной характер, их можно скачивать и применять в своих проектах.

В дальнейшем представление отдельно взятого элемента в виде комбинаторной единицы фасада позволит рассматривать его в качестве поискового атрибута при каталогизации фасадов исторических зданий города Хабаровска.

Инструменты

Для реализации цифрового каталога необходимо наполнение; для этих целей существует множество программ, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Рассмотрим технологию на примере программного обеспечения, позволяющего реализовать решение цифрового каталога с применением технологии информационного моделирования.

За основу технологии взята программа, которая позволяет работать не только с 2D-документацией, но и с 3D. Под 2D-документацией понимаются плоскостные чертежи, состоящие из линий, окружностей и других геометрических фигур, при помощи которых можно создать чертежи. Эти фигуры могут иметь различную толщину, цвет и вид. Помимо геометрических фигур, 2D подразумевает штриховки. Штриховки также имеют свое назначение в оформлении чертежей. Штриховки могут быть сплошными, градиентными, векторными, символьными и штриховкой-рисунком. На основе этих типов штриховок можно создавать области переднего и заднего плана разрезов и сечений. Третья составляющая 2D-документации – это размерные линии. Размерные линии бывают параллельные, радиальные и угловые. Всю эту документацию можно создавать не только в рассматриваемой среде, но и импортировать из других программ.

3D подразумевает создание пространственных форм, имеющих общую композицию и смысловую нагрузку. Важным критерием 3D в архитектуре является то, что каждый созданный элемент имеет определенные координаты в пространстве и точные размеры. В архитектуре элемент, не имеющий размеров, не представляет ценности, поскольку созданный в цифровой среде объект не сможет реализоваться в натуре. Отсюда можно сделать вывод, что 3D и 2D неотъемлемы друг от друга.

На российском рынке представлены различные вендоры, предлагающие проектировщику инструменты для решения определенных задач. Так, к примеру расчетная программа прекрасно анализирует нагрузки на конструкции, но сделать в ней ландшафтный дизайн не представляется возможным. Также есть программы для 3D-графики; их основная задача – делать красивую картинку или видео, но сделать чертежи она не может. Поэтому для архитектора значительно сужается перечень программ для реализации своих проектов. Рассмотрим три основных вендора, которые более всего подходят для архитектора с точки зрения максимально продуктивного использования продукта.

Первым рассмотрим программный комплекс от «Autodesk Revit». Это достаточно мощный инструмент в руках опытного пользователя. Второй вариант представлен отечественными разработчиками. Компания «Аскон» предлагает для архитекторов программу «Renga»; это перспективная программа, покрывающая основные задачи архитектора. Третий вариант с программным комплексом «ArchiCAD», предложенный компанией «Graphisoft», также является мощным инструментом для архитекторов.

Для решения задачи цифровой каталогизации проектов памятников архитектуры за основу взято программное обеспечение ArchiCAD. Программа имеет встроенный механизм BIMx для представления объекта с наибольшим функционалом, требуемым для проектов, разработанных с применением BIM (технологии информационного моделирования).

Заключение

Систематизация фасадов архитектурных объектов Хабаровска с целью создания их информационного описания, которое позволит каталогизировать исследуемые элементы и на основании системы кодирования осуществлять их автоматизированный поиск по отдельным критериям, является востребованным направлением научно-исследовательской и практической деятельности в области охраны объектов историко-культурного наследия.

Кодирование комбинаторных единиц фасадов позволит извлекать хранящуюся информацию из архива по идентификационным атрибутам, что позволит осуществлять гибкий поиск объектов. Подобная система каталогизации, хранения и получения информации о фасадных решениях может помочь при решении ряда задач в процессе научно-исследовательской деятельности и проектно-реставрационной работы архитекторов.

Литература

1. Краевое государственное бюджетное учреждение «Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры» // Официальный сайт. – URL: <https://nasledie27.ru/novosti-npc/> (дата обращения: 12.01.2023)
2. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры Хабаровского края). – Хабаровск : Российский Медиа Альянс, 2006 – 208 с.
3. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры // Официальный сайт. – URL: <http://voopik.ru/region/27> (дата обращения: 12.01.2023)
4. Крадин, Н. П. Архитекторы Хабаровска. – Хабаровск : Магеллан, 1998. – 140 с.
5. Крадин, Н. П. Охраняется государством. – Хабаровск : Частная коллекция, 1999. – 192 с. : илл.
6. Баклыкская, Л. Е. Восток и запад в дальневосточной архитектуре : монография. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2015. – 165 с.
8. Артемьева, А. А. Модерн в архитектуре дальневосточных городов : дис. ... кандидата искусствоведения. – Хабаровск, 2007. – 177 с.
9. Иванова, А. П. Архитектура торговых комплексов Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. : на примере фирм «Кунст и Альберс», «И. Я. Чурин и Ко» : дис. ... кандидата архитектуры. – Новосибирск, 2006. – 247 с.
10. Крадин, Н. П. Русская архитектура Дальнего Востока XVII – начала XX вв. : дисс. в виде научного доклада ... доктора архитектуры. – Москва, 2003. – 79 с.
11. Баклыкский, П. В., Баклыкская, Л. Е. – Памятники архитектуры в городской среде и опыт их сохранения в городе Хабаровске // Урбанистика. – 2021. – № 1. – С. 18–33. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34993
12. Лоос, А. Орнамент и преступление // Мастера архитектуры об архитектуре : избр. отрывки из писем, статей, выступлений, трактатов. – Москва, 1972. – С. 143–148
13. Le Corbusier. Le Modulor I. Éditions de l'Architecture d'Aujourd'hui, Collection ASCORAL, Boulogne-sur-Seine, 1950. – 239 p.

References

- All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (n.d.). Retrieved January 12, 2023, from <http://voopik.ru/region/27>
- Artemyeva, A. A. (2007). Modern v arkhitekture dalnevostochnykh gorodov [Modern in the architecture of the Far Eastern cities]. [Diss. of the degree of candidate of art]. Khabarovsk.
- Baklyskaya, L. E. (2015). Vostok i zapad v dalnevostochnoi arkhitekture: Monografiya [East and West in the Far Eastern architecture: Monograph]. Khabarovsk: Publishing House of PNU.
- Baklyski P. V., & Baklyskaya, L. E. (2021). Pamyatniki arkhitektury v gorodskoi srede i opyt ikh sokhraneniya v gorode Khabarovske [Monuments of architecture in the urban environment and the experience of their conservation in the city of Khabarovsk]. Urbanistics, 1, 18-33. DOI: 10.7256/2310-8673.2021.1.34993. Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34993
- Ivanova, A. P. (2006). Arkhitektura torgovykh kompleksov Dalnego Vostoka vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: na primere firm “Kunst and Albers”, “I.Ya. Churin and Co” [Architecture of trade complexes of the Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries: On the example of the firms “Kunst and Albers”, “I.Ya. Churin and Co”]. [Diss. for the degree of candidate of architecture]. Novosibirsk.
- Kradin, N. P. (1998). Arkhitektory Khabarovska [Architects of Khabarovsk]. Khabarovsk: Magellan.
- Kradin, N. P. (1999). Okhranyaetsya gosudarstvom [Protected by the state]. Khabarovsk: Private collection.
- Kradin, N. P. (2003). Russkaya arkhitektura Dalnego Vostoka XVII – nachala XX vv. [Russian architecture of the Far East of the XVII – early XX centuries]. [Diss. in the form of a scientific report for the degree of Doctor of Architecture]. Moscow.
- Le Corbusier. (1950). Le Modulor I. Éditions de l'Architecture d'Aujourd'hui, Collection ASCORAL, Boulogne-sur-Seine.
- Loos, A. (1972). Ornament and crime. In Masters of architecture about architecture: Selected excerpts from letters, articles, speeches, treatises (pp. 143-148). Moscow.
- Obyekty kulturnogo naslediya (pamyatniki istorii i kultury Khabarovskogo kraja) [Objects of cultural heritage (monuments of history and culture of Khabarovsk Krai)]. (2006). Khabarovsk: Russian Media Alliance.
- Regional State Budgetary Institution “Khabarovsk Regional Center for the Protection of Historical and Cultural Monuments”. (n.d.). Retrieved January 12, 2023, from <https://nasledie27.ru/novosti-npc/>

Излюбленная мировой архитектурой форма – арка рассмотрена с точки зрения ее феноменологии, генезиса, смыслов. Утверждается тезис о неоднозначности арочной конструкции, ее изначальной критичности, что позволяет считать арку архитектурным символом кризиса. Популярность арки намекает на склонность архитектуры к сигнификации кризисных состояний, к «игре» с ними, к приданию всякому кризису... выразительной формы. Ключевые слова: арка в архитектуре; феноменология арки; руина; стрельчатая арка; триумфальная арка./

The arch, a favourite form of world architecture, is analysed in terms of its phenomenology, genesis and meanings. There is a thesis about the ambiguity of the arched structure, its initial criticality, which allows us to consider the arch as an architectural symbol of crisis. The popularity of the arch implies that architecture tends to signify states of crisis, to “play” with them, to give any crisis... an expressive form.

Keywords: arch in architecture; arch phenomenology; ruin; pointed arch; triumphal arch.



^ Рис. 1. Арка самодостаточна, даже когда у нее нет видимой функции и очевидной уместности

Арка. Кризис и его форма / The arch. Crisis and its form

Эмпирика арки

Арочным конструкциям в истории архитектуры принадлежат, пожалуй, самые яркие страницы. Арка соединяет стены, колонны, пилоны, берега... Арка всегда красива; ее полет вдохновенен, ее «приземления» на опоры всякий раз убедительны и сильны. Между тем основная интрига арки проходит мимо акцентированного на внешнем, но рассеянного в целом внимания зрителя: она являет собою едва ли не молниеотвод, это разыгранное архитектурными средствами сопровождение сослуживших службу сил... в преисподнюю. Эта утилизаторская составляющая арок все же воспринимается, хотя и бессознательно: именно она, вероятно, и вызывает столь умиротворяющее, почти седативное впечатление от арок и аркад – впечатление, которое никогда не дают стоечно-балочные конструкции.

Арка побеждает колоннаду еще и тем, что ее ритм труднее остановить; ее продолжение грезится невольным и неотменным. Бег аркад – «дыхание локомотива», в то время как расстановка колонн и дление архитрава всегда дискретны как акт, потенциально конечны; всякий новый шаг им дается с видимым и сложно организованным трудом. Арка же «снимает в себе» затраченный на нее труд. Аркада разворачивается, кажется, от своих собственных сил, от инерции однажды инициированного движения. Она привлекательна своей победоносной гордостью, адресованной городу и миру, но обращенной к себе самой, внутрь, к тающим в ней напряжениям и трениям, которые всегда ощутимы и которые вызывают вместе с восторгом от случившегося согласования камней, еще и ужас всегда возможной, ничем не запрещенной и внезапной их рассогласованности...

Эсхатология арки

Последняя возможность – возможность катастрофического – составляет одну из нераскрытых и даже еще толком не названных сторон архитектурной выразительности, а вместе с тем и страсти к архитектуре, тяги к ней чутких и травмированных воображением натур. Отчасти эту тягу, эту страсть успокаивает созерцание руин – безопасных сублиматов контролируемо случившейся катастрофы. Организация руин, их превращенная композиция

и препарированная тектоника оттого и стали одним из излюбленных архитектурных жанров, что позволяют снять фрустрацию, освободиться от этого сладко-жуткого искушения узреть (или уж спровоцировать самому!) крушение столь совершенных, столь надежных конструкций. В отличие от головокругительного ужаса стояния на краю пропасти, разделенного пополам с иррациональным желанием в пропасть прыгнуть, архитектурный способ разрешения страха тем, чтобы отдалиться ему, имеет игровой и вполне безопасный характер. И арка – фаворит этой игры: мало какая руина, живописная или построенная, обходится без нее.

Кризис – всякий раз есть вызов: этимология слова отсылает к суду, приговору, решению; к поворотному пункту. Кризис – переворот, пора переходного состояния, перелом; это состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными. Но те или иные средства все же применяются (что неостановимо), в результате чего возникают ситуации непредсказуемые и – увы – не всегда желаемые. Арка (как и свод, купол; по одной из интерпретаций они есть совокупность арок) – самая рискованная архитектурная форма. Арочные конструкции всякий раз существуют на грани, держатся на искусстве баланса, но сама грань зримо проявляется в совсем уж кризисных формах готических арок.

Разумеется, полноценная арка – циркулярная. Названная Альберти «сломанной» стрельчатая арка – уже руина в себе, уже генетически кодифицированная склонность ко всякого рода средневековым ужасам, к готическим темным делам. «Стреляющая» в небо арка плоховато понимает свою эфемерность и зависимость от Неба; ее высокомерие превышает норму ровно на «стрелу подъема». Небоскребство «колючих арок» окупает готический собор как форму сборки натуралистически-экстативных притязаний католицизма, но цена остается распределена по «точкам»: pointed arch существует под проклятием взятой на себя «возгонки интенций – недоброй направленности ввысь. И когда случается крах, винить уже некого. Руины стрельчатых арок – совсем уж безнадежные руины, что показал Каспар Давид Фридрих и что продемонстрировали чудом уцелевшие

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет / text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University



> Рис. 2. Аркада Гостиного двора. Великий Новгород

голые псевдоарки нижнего яруса WTC Минору Ямасаки 11 сентября 2001 года, торчащие из холмов пыли, в которую превратились здания.

Онтология арки

Полукруг циркульной арки неслучайно легко дорисовывается воображением до полного круга, уходящего в латентное инфернальное: арка философична, она манифестирует картину мира, она, как и свод, как купол, онтологична. Колоннада не онтологична; повторим: ей присущи свойства человеческого ремесла, этого упорного умения ставить и ставить вертикали колонн и перекрывать их горизонтальными элементами... Арка же вырастает «сама», несмотря на очевидность кладки и умышленность замкового камня. Возможно, поэтому колоннада – самый искусственный из архитектурных мотивов, а аркада – самый «природный».

в Рис. 3. К. Д. Фридрих. Монастырское кладбище в снегу. 1819



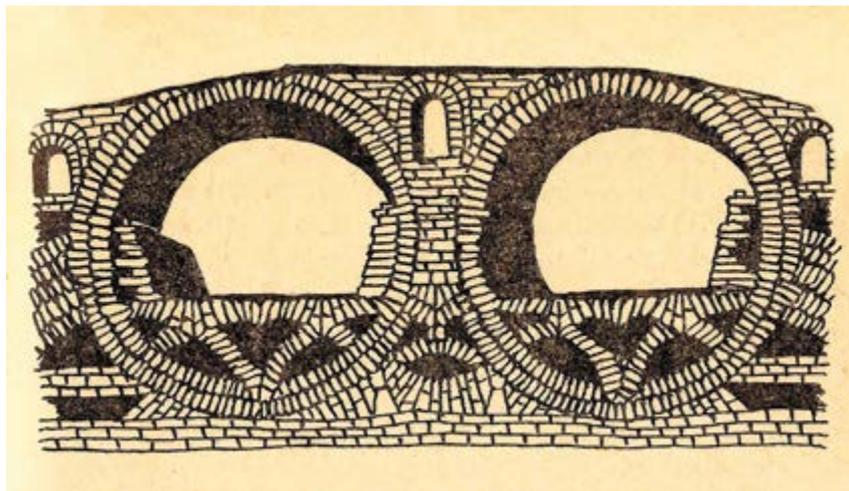
Сказанное ставит непростые вопросы, обращенные к тайне происхождения Архитектуры. Архитектура не могла, видимо, начаться с арки; все «природное» в ней имеет более поздний, рефлексированный генезис. Отсюда возражения Витрувию и его подражателям: объяснение зарождения Архитектуры посредством метафоры естественности, выводящее ее из подражания природе, несостоятельны. Архитектура начиналась не с пещеры, не из леса, не с пресловутой «хижины», якобы наследующей гнездам и логовам, но с менгира – с сугубо искусственной стойки, бросающей вызов Природе. Парадоксы сопровождали архитектуру на всем ее пути: искусство, потребное для возведения арок, превышает умение уложить блок на стойки, и, наверное, поэтому оно начинает театрализировать [1] уже не столько свои достижения, сколько возникающее посредством них ощущение «новой естественности». И теперь образы утопической Аркадии вряд ли смогут обойтись без мотива сколь-либо протяженных аркад...

Видимый, верхний мир арки – ее дневное бытие, ее явленность, не замыкающаяся в пределах, доступных зрению. Фантазм самоподдерживающегося полного круга (прим. 1) (равно как и фантазм стекающих под землю сил распора) делает арку не просто символической формой, но магической конструкцией, веками культивируемой архитекторами в ее тонко артикулированной недосказанности. Недосказанность, тайна долго хранились как высшая ценность; фантазмы держались в горизонте мифа, но не явленной формы. Поэтому большой круг (на фасаде) никогда не являлся собственно архитектурной формой; он выглядит грубым и наивным жестом «разоблачения», нечестным приемом, вроде выставленной в общественной витрине порнографии. Таковы до сих пор круги Леду в его домах-концептах, таков «подшипник» Мельникова в гараже Госплана, таковы уже ничем не желающие стать гигантские круглые окна-дыры Л. Кана [2]. Архитектура, высказав свои сокровенные тайны, здесь умерла.

Но сама Архитектура все еще жива – в самых древних арках, в их неизбывном напряжении, разомкнутом, не сведенном.



^ Рис. 4. Руина WTC. Нью-Йорк, сентябрь, 2001



^ Рис. 5. Структура моста Фабриция. Рим, 69 г. до н. э.

Генетика арки

Происхождение арки туманно. Она появилась у шумеров в кирпиче-сырце, стала собой, т. е. каменной, в Риме, прежде всего в акведуках, обеспечивая пересечение ими ущелий и рек; но принцип смог стать тотальным. Арка позволяет облегчить кладку, превращает стену в аркаду, в удачно перфорированную массу. А масса при этом еще и особым образом структурируется, и структура ее хороша! Архитектура приобретает с нею удивительный и неизвестный ей ранее динамизм. Вдохновленная арочными скачками архитектура помчалась по всему свету, кажется, забыв, что она недвижимость (прим. 2).

Нет, разумеется, арка благородна если не по происхождению, то по благоприобретенному достоинству. Архетип Арки – Мост через Пропасть, пусть бы пропастью был и стандартный пролет между опорами. В пафосности арка намного превосходила колонну. Арку не назовешь тонкой или легкой (хотя такие примеры известны), она в норме тяжелее колонны (точнее, стоечно-балочной единицы: двух колонн и балки на них – портала). Ее упругая прочность предполагает как здоровую массу, так и безупречность исполнения. В арке ценна ее видимая собранность, органично и неспешно перерастающая в целостность. Благодаря этому арка стала



< Рис. 6. Триумфальная арка-нимфей. Волюбилис, Марокко. Фото М. Атаянц

> Рис. 8. Оспedale дельи Инноченти. Архитектор Ф. Брунеллески. Флоренция, 1445. Масса слов, сказанная в пользу «пружинающей ордерной аркады», не делает «аркаду по колоннам» органичной формой даже и в наши дни (равно как, например, архетип Пантеона не делает органичным контакт Ротонды и Портика)



формой-в-себе, относительно свободной от материалов и технологий изготовления. Бетонная арка, отлитая на заводе, симулякры арок из металлов, пластиков или хоть из ардритской гмази (С. Лем), равно как и ее современное технологическое осуществление – строительная 3D-печать, эти бастарды древнего архетипа и невротической индустрии – все еще сохраняют следы отмеченного достоинства, хотя иной раз и очень слабые. Такого не скажешь о колонне: в силу непреодолимой зависимости от классических форм и образцов ее халтурные симулякры получаются гораздо более плебейскими, гротескными. Если уж колонна, то будьте любезны – по канону (тому или другому), иначе – смех! Арка же демократична и всеядна.



> Рис. 7. Одна из арок Porta Маджоре. Рим

Разные диапазоны допустимой вариативности затрудняют контакт арки и колонны. Соединения арки и ряда колонн не выглядят убедительно даже в Ренессансе (чего стоят металлические стяжки «пяток!»); даже фигурный, профилированный камень плоховато примиряет неизбывный драматизм арочного архетипа с нежностью точеных стволов (с тектоникой и распором дело обстоит куда проще). Прием «аркада на колоннах», тем более на колоннах облепченных, – всякий раз есть игра с несколькими неизвестными, без гарантий (а арка древняя, каменная аркада как раз давали гарантию, и с избытком!). Риск тут художественный; не тектонический даже, а скорее мифологический (в лосевском смысле): легко соединяя формы, мы тем самым сталкиваем разноприродные «мифы предметов». Но грохот от битвы этих глыб в забытых мирах архитектурных значений едва доносится до нас нынешних, теряющих чуткость к великому и вечному (как, впрочем, теряющих и умение собирать арку из тесаных камней по кружалам).

Социология арки

Триумфальная арка – апофеоз социальной, военной и политической карьеры арочной формы (прим. 3), но одновременно и самый большой ее архитектурный провал. В сооружении по имени «триумфальная арка» (прим. 4) триумф явно не у арки: она зажата с боков мощными пилонами (по сути, зданиями с внутренними помещениями) и нагружена сверху умышленно гипертрофированным аттиком с помпезными картушами. Арка тут кружит свои формы едва ли не вынужденно, как тонкая линейка, втиснутая в распор между шкафами (прим. 5). Триумфальная арка (от Арки Тита до параноидальной грезы Гитлера и Шпеера на главной оси Берлина, реконструируемого после несостоявшейся мировой победы) – это портал, забывший обо всех поводах для своего существования, кроме собственного торжества. Рост размеров этих сооружений в истории неслучаен и, судя по всему, обратно пропорционален осмысленности повода (прим. 6). Столь самодовольному portalу почти безразлично, что там делается под его устоями, и только отсутствие балок должного пролета оправдывает мучения циркульной арки и само ее присутствие тут. Однако циркульная арка



< Рис. 9. Арка Гави – древнеримская триумфальная арка. Верона

(а точнее – уже цилиндрический свод) там наличествует всегда: такова традиция, причиной устойчивости которой, быть может, служит ничем не заменимое, неубиваемое достоинство арки, сообщаемое, как и ее Имя, громаде всего сооружения. Арка умеет заставить себя уважать.

Примечания

1. Крайне редко дорисовываемого, как в конструкциях моста Фабриция в Риме. Но и там дневное и инфернальное всегда разделены или урезом вод Тибра, или его почти обнажающимся дном. Знаменательно: поиск по картинке разреза моста Фабриция в Google дает изображения... старых карт двух полушарий Земли и другие не менее «онтологические» и антикварные образы.
2. Греция обошлась без арки, равно как и без греческого слова «архитектор» (используемого, в частности, Аристотелем совсем в ином контексте), что не помешало ей создать великую традицию. Но как только арка появилась (в Риме), Arch и Architect становятся созвучны, изменяя традицию и, очевидно, самый смысл деятельности: теперь архитектор, буквально говоря, есть создатель арок. Наша этимология, разумеется, вольная, но, как и все вольные этимологии, плодотворная.
3. Если верить Роберту Вентури, то и коммерческой: он с коллегами в знаменитых «Уроках Лас-Вегаса» сравнивает триумфальные арки Рима с билбордами – рекламными щитами на дорогах нынешних империй денег.
4. В. Л. Глазычев пишет, что появилась римская триумфальная арка «<...> не без влияния походов на Восток, где в самом центре Анатолийского полуострова легионы Помпея наткнулись на руины Хаттуса, давно исчезнувшей к тому времени столицы хеттского царства» [3, с. 94]. Знаменательно: руина еще в молодые годы архитектурной истории участвовала в процессах формообразования и даже в формировании прототипа на века вперед.
5. Впрочем, Филарете (Антонио Аверлино) именно так и представлял себе происхождение арки. Но Филарете был редкостно нечуток к форме, его в архитектуре интересовали лишь расчеты и авторитет в глазах заказчика.
6. Триумфальная арка – прекрасное доказательство того, что в архитектуре размер как таковой ничего не решает: Gateway Arch в Сент-Луисе остается самой нелепой из арок, возведенных человеком, не достоящая даже, несмотря на рекордные величины (высота и пролет – 192 м) и претенциозное название («Ворота на Запад»), до полноценного портала. И почему под ней вас быстрее посещает мрачный призрак Приюитт-Айгоу, бывшего здесь неподалеку – нежели гений географических экспансий? Тот факт, что это сооружение по проекту Ээро Сааринена – парафраз неосуществленной арки Адальберто Либера для EUR, лишь усугубляет нелепость.

Литература

1. Капустин П. В., Лесневская, Р. В. Стратегии театрализации в городском интерьере // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 52–58
2. Капустин, П. В. Окно Кана // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 142–145
3. Глазычев, В. Л. Архитектура. Энциклопедия. – Москва : Дизайн. Информация. Картография : Астрель : АСТ, 2002. – 677 с.

References

- Glazychev, V. L. (2002). Architecture. Encyclopedia. Moscow: Design. Information. Cartography: Astrel: AST.
- Kapustin, P. (2019). Kahn's Window. Project Baikal, 16(59), 142-145. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1450>
- Kapustin P., & Lesnevskaya, R. (2018). Strategies of theatricalization in the urban interiors. Project Baikal, 15(56), 52-58. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1321>



< Рис. 10. Арка Главного штаба. Санкт-Петербург. Фото М. Атаянц

Во второй статье цикла, посвященного проектам И. И. Леонидова для Южного берега Крыма, рассматривается проект планировки Ялты и сооружения культурно-спортивного назначения на холме Дарсан и в прилегающем парке. Делается попытка реконструкции основных сооружений на основе чертежей и эскизов архитектора.

Ключевые слова: И. И. Леонидов; южный берег Крыма; Ялта; графическая реконструкция; поздний конструктивизм. /

In the second part of this series devoted to Leonidov's projects for the southern coast of the Crimea, the author considers the design for Yalta and the cultural and sports facilities on the Darsan hill and the adjacent park. An attempt is made to reconstruct the main buildings on the basis of the architect's drawings and sketches.

Keywords: I. I. Leonidov; the southern coast of the Crimea; Yalta; graphic reconstruction; late constructivism.

Леонидов в Крыму. Часть 2 / Leonidov in the Crimea. Part 2

текст

Петр Завадовский
Московский архитектурный институт (Государственная академия) /
text

Petr Zavadovsky
Moscow Architectural
Institute (State Academy)

Статья является продолжением исследования крымского эпизода творческой биографии И. И. Леонидова, начатого в публикации в журнале Проект Байкал № 19 (71) [1]. В ней были изложены аргументы в пользу авторства группы Леонидова в отношении известных на сегодняшний день материалов проекта.

Леонидовский «проект планировки» трудно считать полноценным генеральным планом. Это максимум эскиз-идея. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать именно это, сегодня непривычное, определение «проект планировки».

В мастерской М. Я. Гинзбурга, еще с 1932 года занимавшейся южным берегом Крыма, проект планировки Ялты был поручен архитекторам Н. П. Макотинскому и И. Ф. Милинису. И. И. Леонидов был привлечен к работе позже для детальной проработки наиболее ответственных элементов проекта. Н. П. Макотинский так формулирует задачи, стоявшие перед авторами проекта: «Одной из основных задач планировки являлось упорядочение крайне хаотично расположенных санаториев, домов отдыха, жилых зданий, земель сельскохозяйственного назначения и промышленных сооружений. <...> При распределении территорий в районах Ялта-Мисхор-Алупка, согласно проекту их реконструкции, отправным принципом служило четкое зонирование и концентрация одинаковых по назначению территорий. Планировочная схема предусматривает создание композиционного центра, в который включается городской парк и прибрежная полоса курортных отелей, соединяемого средствами вертикальной связи с холмами Дарсан и другими частями городского парка. В отношении этой главной композиционной оси реки Учан-Су и Дереккой расположены радиально. Являясь двумя второстепенными осями, они нанизывают на себя отдельные, различно трактуемые, но уравновешенные элементы города» [2, с. 41].

Как следует из этого описания, проектировщики руководствовались «прогрессивными» для своего времени принципами – функционального зонирования и характерным для авангарда радикализмом в отношении существующей городской ткани. В итоге проект предусматривал замену подавляющей части существовавшей капитальной застройки города. Оценить масштаб

предусмотренного проектом сноса позволяет сравнение плана планировки с планом Ялты 1943 года. Выпущенный немецкими оккупационными властями, этот план наиболее точно фиксирует застройку города, близкую к периоду создания проекта. Здания, оставшиеся нетронутыми, можно перечислить по пальцам. Среди них удается идентифицировать крупнейший на тот момент отель Ялты «Вилла Елена», виллу Лещинской (сегодня музей Леси Украинки) и здание налоговой службы в порту Ялты.

Поскольку в сферу ответственности И. И. Леонидова входила архитектурно-композиционная проработка проекта, именно этот его аспект оказался в центре нашего внимания. Смежные разделы проекта, судя по всему, не сохранились.

К настоящему времени выявлены следующие материалы проекта:

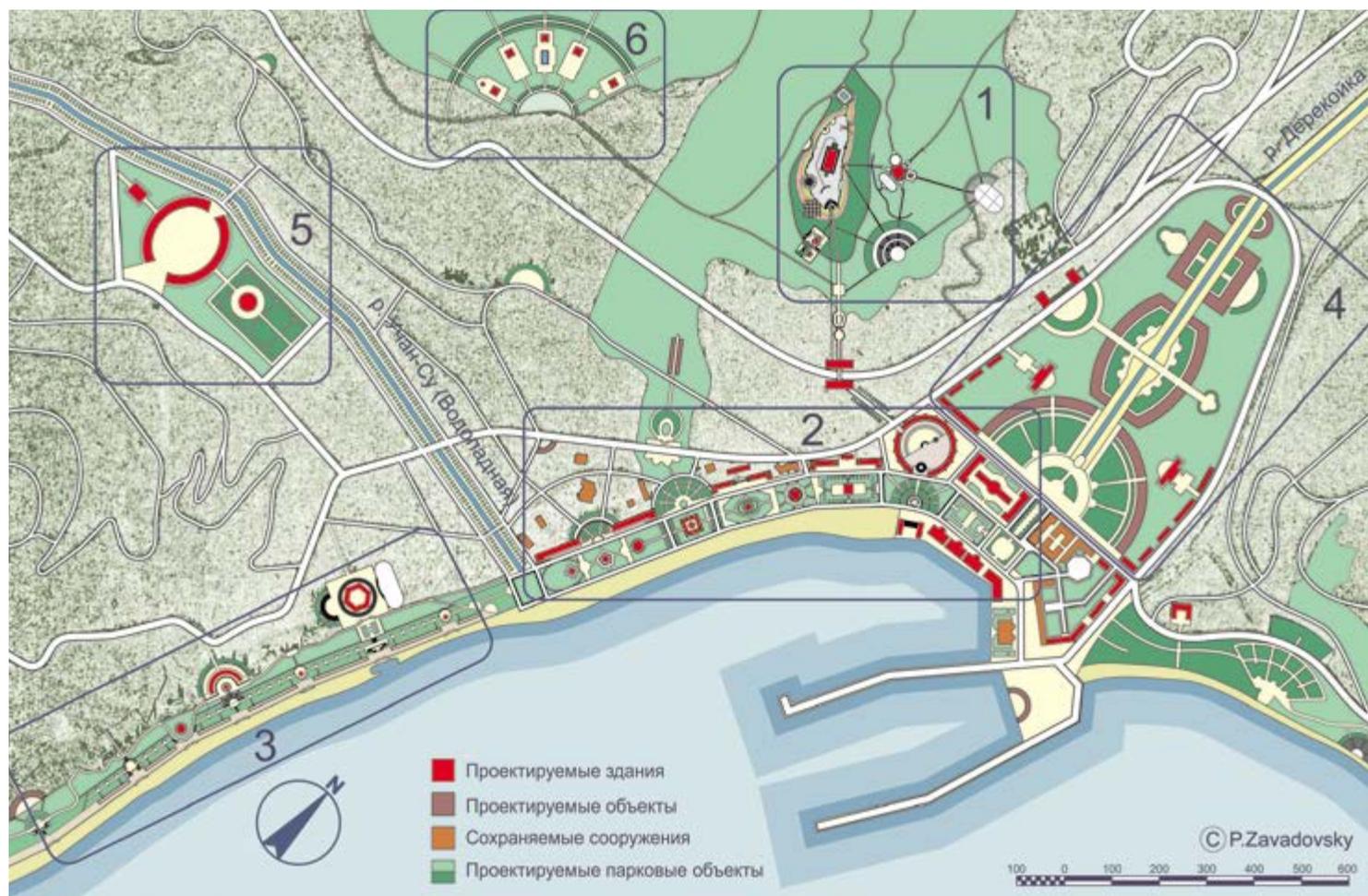
1. Репродукция «планировки района Ялты» из журнала «Архитектура СССР» № 8 за 1938 год [2, с. 44].
 2. Панорама центральной набережной Ялты и холма Дарсан; чертеж-роспись по ореховой фанере, ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р IV 1155.
 3. План с элементами аксонометрии холма Дарсан и прилегающей территории, вариант 1; фоторепродукция [3, с. 142].
 4. План с элементами аксонометрии холма Дарсан и прилегающей территории, вариант 2; чертеж-роспись по ореховой фанере, ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р V 1158.
 5. Перспективный вид Чукурларского пляжа в сторону Ялты; фоторепродукция [3, с. 137].
 6. Калька с эскизами фрагментов планов прибрежного благоустройства и комплекса сооружений у р. Учан-Су (ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р Ia-15939).
 7. Калька с эскизом планировки Чукурлара, ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р Ia 11568/ 2.
 8. Журнальное фото макета Чукурлара [2, с. 45].
 9. Статья М. П. Макотинского «Генеральный проект планировки района Ялта-Мисхор-Алупка» [2, с. 40–45].
- Репродукция «планировки района Ялты» в журнале 1938 года [2, с. 44] до последнего времени не связывалась с именем Леонидова. Однако совмещение известных эскизов и чертежей Леонидова с журнальной иллю-

страцией, увеличенной и обработанной в фотошопе, показывает достаточную степень их совпадения для уверенности в их общем авторстве. Эта иллюстрация вместе с текстом М. П. Макотинского позволяет надежно атрибутировать ряд ранее неидентифицированных материалов. Все это делает осмысленной попытку реконструкции проекта И. И. Леонидова с надеждой на определенную степень достоверности.

Поскольку в нашем распоряжении имеется только черно-белое, сильно уменьшенное и искаженное, изображение исходно большого цветного планшета, возникает проблема его интерпретации в тех случаях, когда возможна идентификация элементов изображения как зданий. Они обозначены красным цветом для новых сооружений и оранжевым – для сохраняемых старых. Аналогично для элементов озеленения: при возможности их идентификации они обозначены оттенками зеленого. Некоторые пятна на изображении могут оказаться в рав-

ной степени как зданиями, так и ландшафтными объектами. В таких случаях используется фиолетово-коричневый цвет. Помимо этого, на плане обозначены основные композиционные комплексы в виде шести фрагментов, выделенных рамками. Объектом первоочередного внимания авторов проекта была застройка и благоустройство прибрежной полосы от Ливадии до Массандры. Слева направо – это Чукурлар (фрагмент 3), центральная набережная Ялты (когда-то Александровская, сегодня – им. Ленина) и примыкающая к ней справа застройка и парк, симметрично расположенные по сторонам спрямленного русла реки Дереккой (фрагмент 4).

На удаленной от берега гористой территории проработаны три фрагмента: культурно-спортивный комплекс на пространстве холмов Дарсана и прилегающего парка (фрагмент 1) и два осевых ансамбля, функциональное назначение которых нам неизвестно (фрагменты 5 и 6) (рис. 1).



^ Проект планировки Ялты. 1936–1937. Прорисовка с реконструкцией. Архитекторы И. И. Леонидов, М. П. Макотинский, И. Ф. Милинис при участии М. Г. Чалого
1 (1). Культурно-спортивный комплекс на холме Дарсан
1 (2). Застройка и благоустройство набережной им. В. И. Ленина (бывш. Александровской)

1 (3). Чукурларский пляж
1 (4). Застройка и благоустройство вдоль р. Дереккой
1(4-5). Ансамбли неизвестного назначения

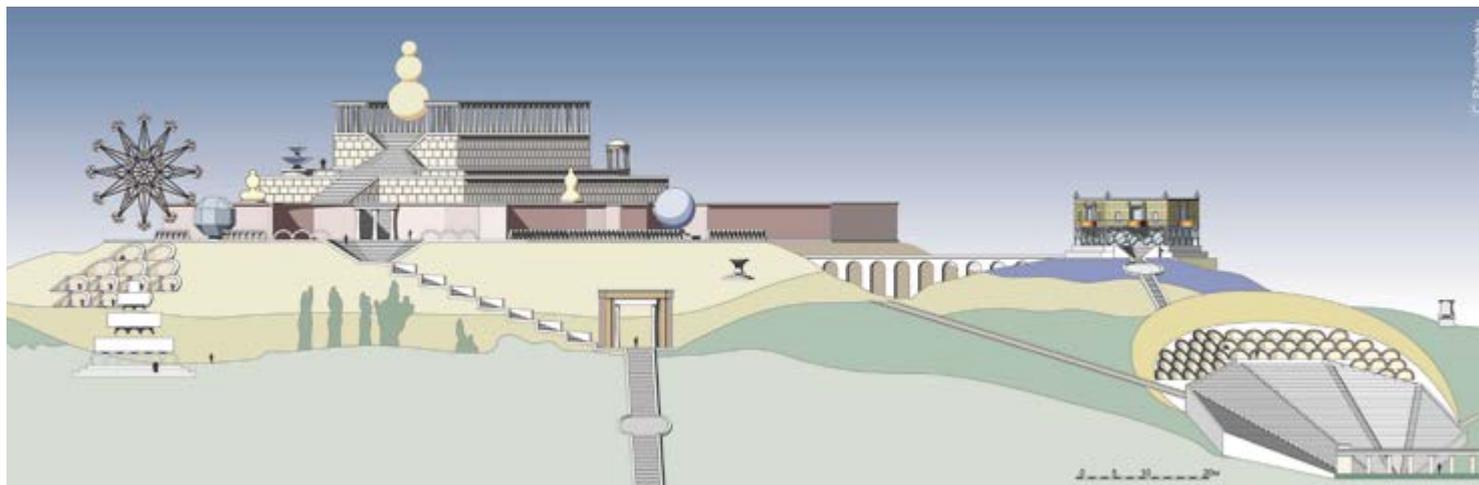


Рис. 2. Культурно-рекреационный комплекс на холме Дарсан. 1936–1937. Панорамный вид с моря. Реконструкция. Архитектор И. И. Леонидов

Далее вышеперечисленные фрагменты будут последовательно рассмотрены и проанализированы, начиная с «фрагмента 1» (в рамках настоящей статьи).

1. Культурно-рекреационный комплекс на холме Дарсан (фрагмент 1)

Господствующий над Ялтой двугорбый холм Дарсан – естественная композиционная доминанта города. Сегодня значение Дарсана снижено бездумным многоэтажным строительством по соседству: его вершина, обезображенная бетонным остовом «объекта незавершенного строительства» времени принадлежности местности Украине, все еще ждет достойного архитектурного оформления. В проекте Леонидова ансамбль на Дарсане и в окружающем его парке является определяющим для образа города. Он изображен как на панораме (ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р IV 1155), так и на плане-аксонометрии (ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р IV 1158). Оба изображения различаются в деталях; план-аксонометрия проработан тщательнее панорамы. Тем не менее, для попытки реконструкции архитектуры ансамбля на эскизном уровне имеющейся информации достаточно.

К исходным материалам следует добавить краткое описание ансамбля в статье М. П. Макотинского: «Большое место в архитектурном образе Ялты занимает находящийся на главной композиционной оси Дарсан. Холм этот покрывается цветниками и с восточной стороны частично окаймляется подпорной стенкой, оформленной фресками. На его вершине устраивается своеобразная площадка «Акрополь» с центральным курортным и краеведческим музеем, а также сооружениями малых архитектурных форм. В седловине между главным и восточным холмами Дарсана организуется большой зеленый театр. На восточном холме запроектировано здание для кино и ресторана. Оба холма соединяются между собой ажурным, легким мостиком» [2, с. 5].

Таким образом, ансамбль составляют три элемента: сам «акрополь» на главной вершине Дарсана, «здание для кино и ресторана» на малой вершине Дарсана, отделенной от «акрополя» складкой рельефа, через которую переброшен, в описании Макотинского, «ажурный мостик», изображенный Леонидовым как арочный виадук антично-римского вида. Третьим элементом ансамбля

является «зеленый театр» – большой ландшафтный театр. Далее к северо-востоку расположен стадион со своим небольшим амфитеатром. Кроме основных сооружений на плане заметны несколько меньших объектов загадочного назначения и экстравагантного облика (рис. 2; 3).

1.1. «Своеобразный акрополь»

Вершина холма в проекте Леонидова превращена в плато, сформированное подпорными стенами. Высота и форма плато сходны с афинским Акрополем. Это сходство подчеркивается архитектурой и размещением главных сооружений Дарсана – здания «центрального курортного и краеведческого музея» и главного входа на Дарсан, расположенного аналогично афинским Пропилям, но решенного по-своему: в отличие от афинских Пропилей, лестница на Дарсан имеет амфитеатральную форму, вписанную в полукольцо подпорных стен.

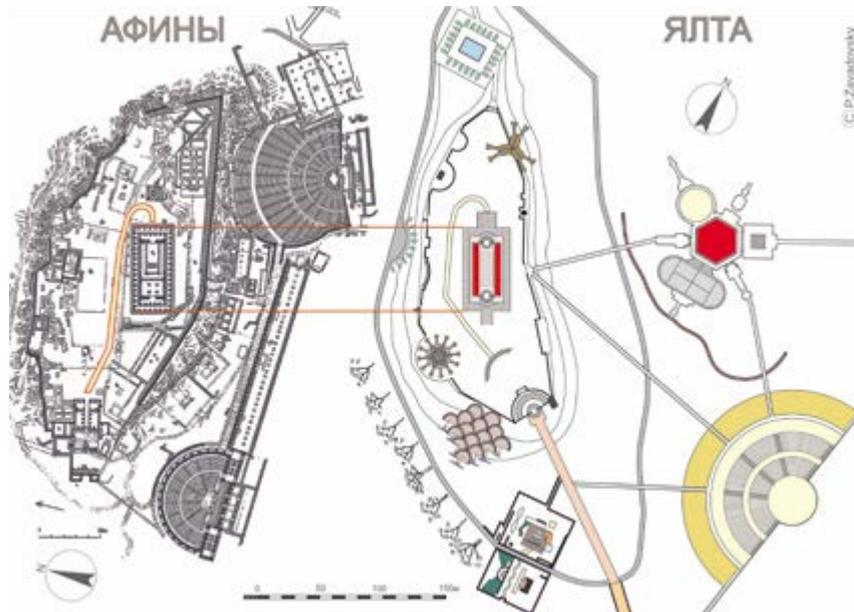
Обращает на себя внимание странная дорога, ведущая от «пропилей» вдоль западного фасада музея и затем поворачивающая на 180 градусов к его заднему торцу. Это решение, поначалу трудно объяснимое, становится понятным при прямом сравнении чертежа Леонидова с планом афинского Акрополя. Обходящая здание музея и ведущая к его заднему фасаду дорога находит прямое соответствие с археологически выявленной дорогой ко входу в Парфенон, расположенному на противоположном Пропилям фасаде храма. В Афинах – это финальная часть «священного пути» Панафинейских процессий. Свидетельством неслучайности замеченного нами сходства является то, что Леонидов в трассировке дороги на Дарсане скрупулезно повторяет характерные изломы афинского первообраза. Планы афинского Акрополя и комплекса на Дарсане, приведенные к единому масштабу, показывают, что размеры пятна застройки музея практически совпадают с габаритами колоннады Парфенона. Таким образом, здание музея в проекте Леонидова является аналогом Парфенона как по своей композиционной роли, так и по размерам. Из афинского Акрополя Леонидов заимствует и большие амфитеатры. В Афинах это театр Диониса и Одеон Герода Аттика. В леонидовском «акрополе» Ялты это зеленый театр,

«исполняющий обязанности» театра Диониса, и амфитеатральные «пропилеи» входа на Дарсан.

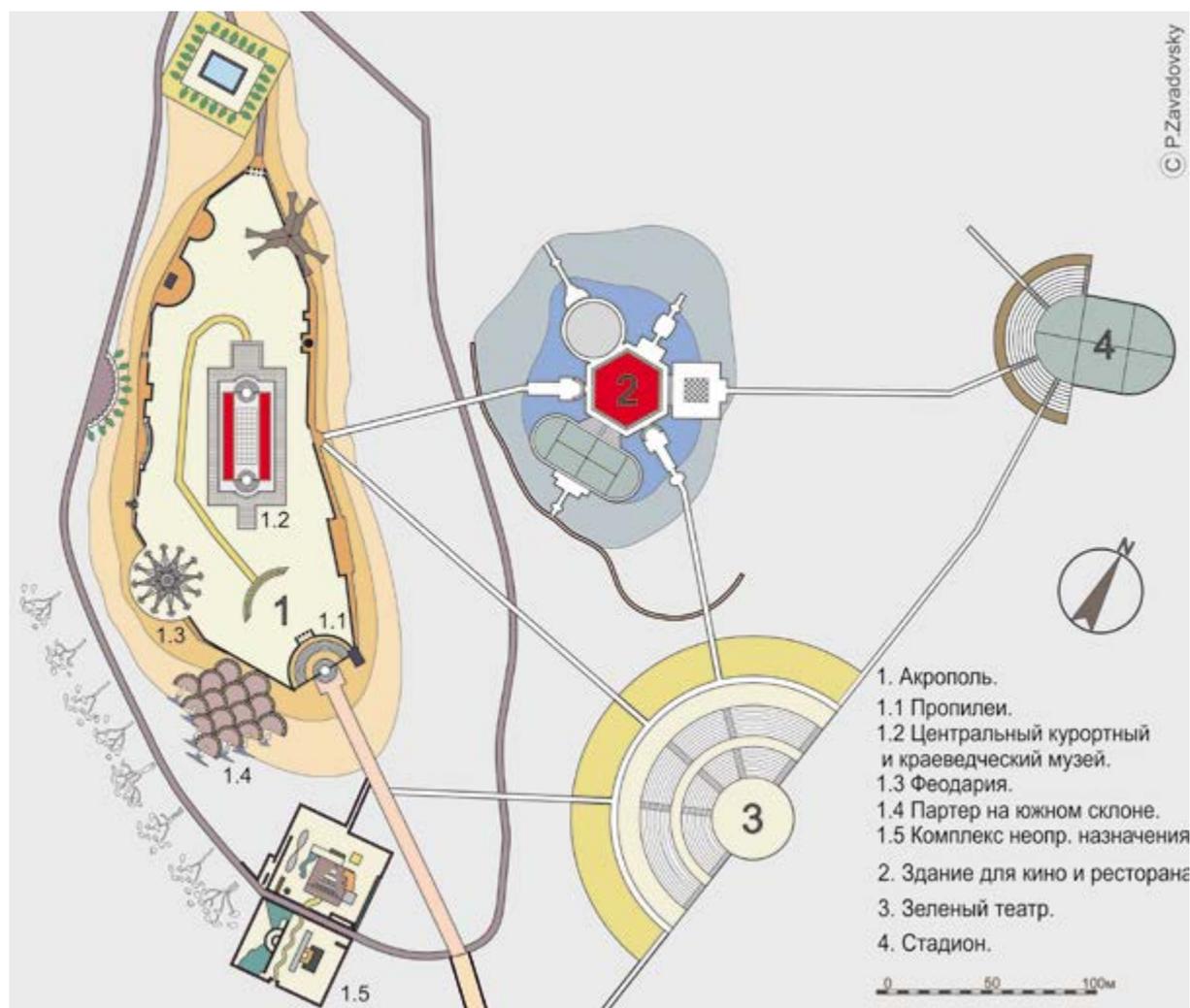
Таким образом, «своеобразный акрополь», как его назвал М. П. Макотинский, при ближайшем рассмотрении оказывается вполне узнаваемым, а в ряде деталей почти буквальным отображением афинского первообраза (рис. 4).

Это далеко не первый случай обращения Леонидова к археологическим прототипам. Так, примером открытого проявления археологических пристрастий Леонидова (в этом случае – египетских) является проект «колхозного клуба с залом на 800 мест» 1935 года [4, с. 115].

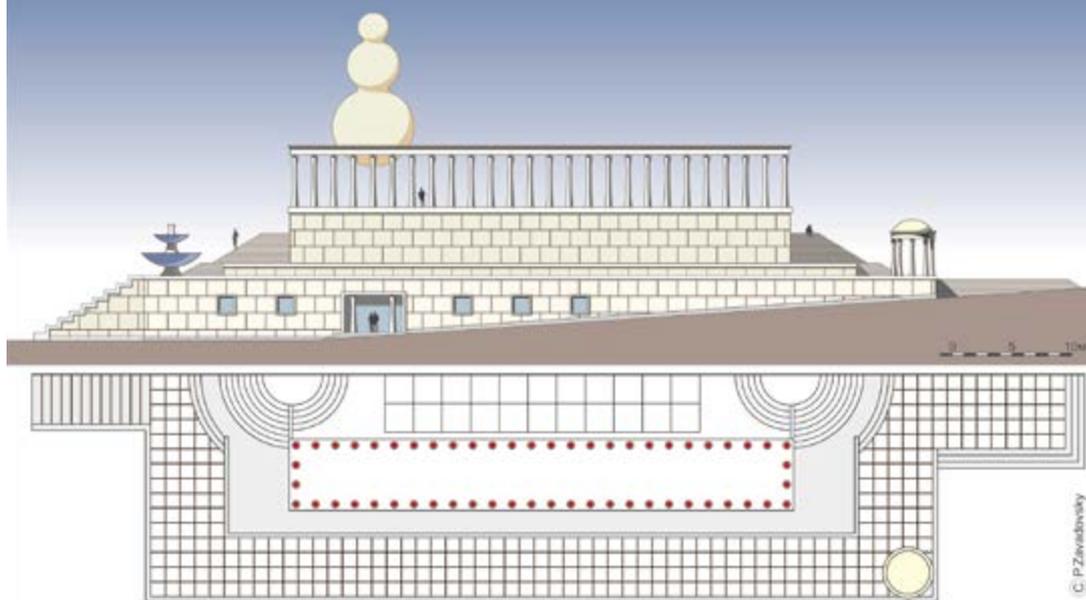
В обращении к историческим прототипам можно увидеть стремление отреагировать на требование «освоения наследия», официально сформулированное в 1932 году по результатам конкурса на Дворец Советов. С другой стороны, стоит учесть и значение афинского Акрополя для Ле Корбюзье и его приверженцев (в их числе и Леонидова) как непреходящего образца архитектур-



^ Рис. 4. Сопоставление «акрополя» Ялты на холме Дарсан с афинским Акрополем
 4 (1). Сходство очертаний плато акрополей
 4 (2). Совпадение габаритных размеров здания краеведческого музея и Парфенона
 4 (3). Аналогия дорог от пропилей к заднему фасаду обоих зданий
 4 (4). Существенная композиционная роль амфитеатров



^ Рис. 3. Культурно-рекреационный комплекс на холме Дарсан. 1936–1937. Генеральный план; прорисовка. Архитектор И. И. Леонидов



> Рис. 6. Центральный курортный и краеведческий музей на холме Дарсан. Вид с северо-востока; план. Реконструкция. 1936–1937. Архитектор И. И. Леонидов

ного совершенства [5, с. 120]. Таким образом, открытый омаж афинскому Акрополю позволял удовлетворить вояниям времени без существенного конфликта с предпочтениями архитектора-авангардиста.

Аналогия с вышеупомянутым проектом «колхозного клуба с залом на 800 мест» позволяет прояснить дальнейшие детали леонидовского Дарсана. Здание клуба также поставлено Леонидовым, на этот раз прямоугольном, искусственном плато, в которое также врезан амфитеатр и организован торжественный вход-пропилеи. В обоих случаях на плато господствует призматический объем – клуба и музея. В проекте клуба подпорные стены плато декорированы росписями. О фресках, украшающих ялтинский акрополь, пишет и М. П. Макотинский. По чертежам Леонидова трудно понять, где они могли

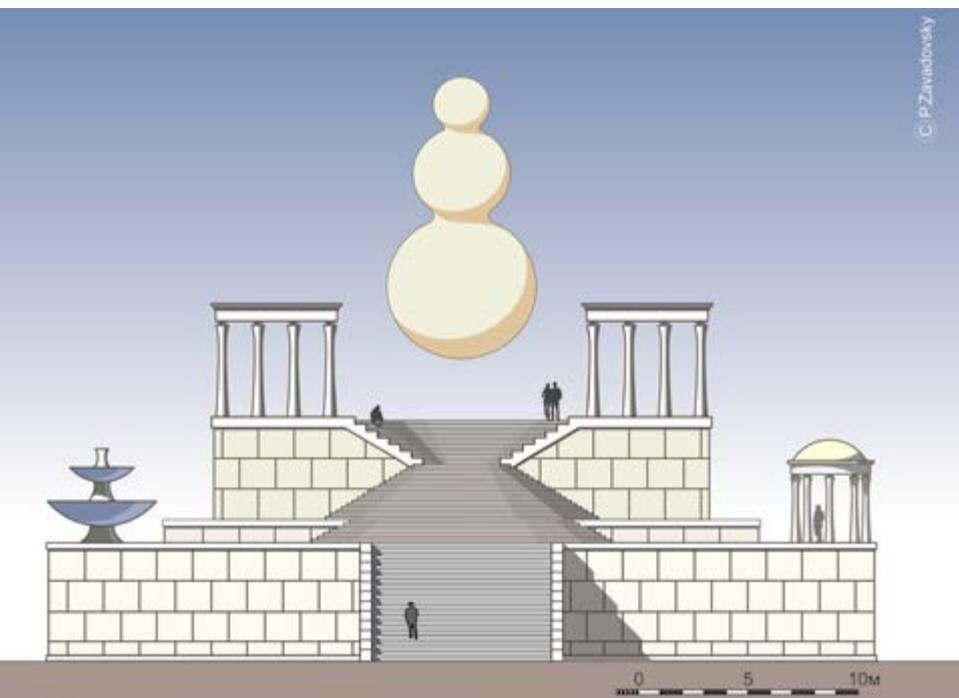
быть расположены. Но аналогия с проектом «клуба» дает основания предполагать, что фрески располагались на южной и восточной стенах плато акрополя. В этих стенах, как и в террасе «колхозного клуба», Леонидов устраивает полукруглые и прямоугольные ниши и размещает в них объекты не всегда ясной (из-за эскизной манеры изображения) формы. Но среди них вполне читается шар (вероятно, глобус) и угадывается многогранник.

1.2. «Центральный курортный и краеведческий музей»

Здание музея занимает центральное положение на плато ялтинского «акрополя». Здание представляет собой поставленную на ступенчатый стилобат прямоугольную призму, завершённую двумя рядами открытых колоннад. Торцевые фасады музея решены как излюбленные Леонидовым каскады лестниц – попеременно прямых, конусообразных и амфитеатральных, ведущих с подножия стилобата на обрамленную колоннадами торжественную площадку на кровле музея. В итоге здание музея имеет вид колонного храма, поставленного на высокий постамент из трех разновысоких ступеней. Как следует из вышеприведенного сопоставления проекта Леонидова с афинским Акрополем, габариты стилобата музея в плане близки размерам Парфенона (порядка 30 × 70 м). Рисунки швов облицовки и гиперболическая форма колонн в колоннадах сближают архитектуру музея со стилобатом конкурсного проекта НКТП 1934 года [4, с. 114]. Боковые фасады здания, где должны бы находиться входы и окна, на панораме Леонидова даны в сильном сокращении. Поэтому на реконструкции бокового фасада они показаны максимально нейтрально.

Несколько слов следует сказать о «малых формах», которыми щедро оснащено здание музея. На нижней ступени стилобата ясно читается характерный леонидовский фонтан из двух чаш, стоящих на гиперболических ножках. В противоположном углу здания (на панораме справа) виден еще один объект, интерпретированный в реконструкции как ротонда. И, наконец, на верхней площадке Леонидов помещает экстравагантную фигуру, составленную из трех последовательно уменьшающихся кверху шаров. Возможно, этот гигантский «снеговик» является условным обозначением предполагавшейся

v Рис. 5. Центральный курортный и краеведческий музей на холме Дарсан; вид с юго-востока. 1936–1937. Реконструкция. Архитектор И. И. Леонидов



монументальной скульптуры. С другой стороны, фигура может быть трактована и более современно – как пневматическая арт-инсталляция. Чтобы не отходить от исходного изображения Леонидова, реконструкция следует второму варианту (рис. 5 и 6).

1.3. Прочие сооружения ялтинского «акрополя»

Помимо зданий, назначение которых нам известно или более-менее понятно, существует ряд композиционно-важных элементов ансамбля, предназначение которых остается загадкой.

1.3.1.1. Первым и самым заметным в их ряду является гигантская звездобразная конструкция слева от здания музея, аналогичная формам «фонтана-кристалла», проектировавшегося Леонидовым для установки на лестнице в Кисловодске и известного по сохранившимся фотоснимкам макета. Ядро конструкции фонтана в виде додекаэдра служило основой для каркасной конструкции, превращавшей додекаэдр в шарообразную многолучевую звезду, которую струи воды, бившей из форсунок на концах лучей, превращали в шар. Поскольку работа в Крыму предшествует времени проектирования фонтана, именно в крымских проектах следует видеть зарождение этой идеи. Многократное и настойчивое воспроизведение этого концепта в разных проектах Леонидова, вплоть до послевоенных эскизов, свидетельствует о его особом значении для архитектора. Прямой источник этой формы можно найти в литографии «Феодария» из сборника «Die Kunstformen der Natur» Э. Г. Геккеля, который был в библиотеке Леонидова. Звезда на ялтинском «акрополе» имеет диаметр порядка 35 метров, и представить фонтан таких размеров трудно. Среди возможных вариантов ее практического использования приходит на ум световая инсталляция (рис. 7).

1.3.2. На южном склоне Дарсана, слева от «пропилей» «акрополя» заметен рисунок из полукрулец, складывающихся в чешуйчатый орнамент. М. П. Макотинский упоминает о «цветниках, частично покрывающих холм», и это одно из возможных объяснений фрагмента. Однако ряд мелких деталей противоречит его плоскостному характеру: характер рисунка позволяет предположить здесь ряды излюбленных Леонидовым полукруглых ниш, врезанных в склон. Исходный утилитарный смысл такого решения определить трудно, хотя в качестве террасированного парка оно выглядит свежим и эффектным (рис. 8).

1.3.3. К юго-востоку от предыдущего фрагмента Леонидов помещает прямоугольный участок с оградой, внутри которой изображен комплекс неизвестного назначения. Изображение внутри прямоугольника, сочетающее черты плана и фасада, напоминает пуристский натюрморт раннего Корбюзье или Фернана Леже. Подобные композиции нередки в творчестве Леонидова: достаточно вспомнить генпланы участков коттеджей в поселке «Ключики» (1935). Другие примеры сохранились в материалах из т. н. «фонда Гордеева». Среди геометрических фигур можно идентифицировать извивающуюся дорожку, фасадно показанные деревья, возможно, амфитеатр. Главным элементом композиции является большой квадрат, являющийся пятым планом центрального сооружения, фасад которого изображен внутри квадрата. Сооружение представляет собой уменьшающиеся кверху чередующиеся уровни аркад и прямоугольных объемов. Вариант того же фасада присутствует и на леонидовской панораме (рис. 9).

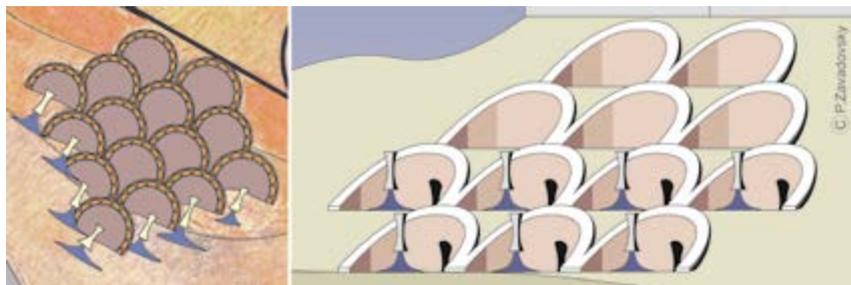
1.3.4. В завершение – два объекта на дальнем конце «акрополя». Первый из них – трехлучевое ветвящееся сооружение диаметром в плане ок. 40 м, показанное только на плане и отсутствующее на панораме. Второй объект – прямоугольный пруд, обсаженный деревьями, на плане изображенными фасадно, стволами к пруду. Это



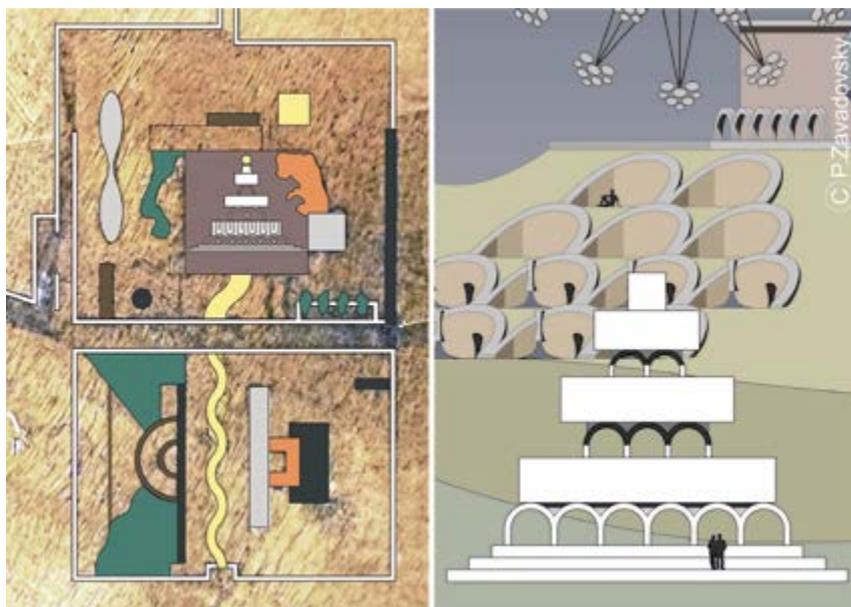
^ Рис. 7. «Феодария» на холме Дарсан. Архитектор И. И. Леонидов
7 (1). Фрагмент плана И. И. Леонидова
7 (2). Модель фонтана для лестницы санатория им. Серго Орджоникидзе в Кисловодске. Ок. 1937. Архитектор И. И. Леонидов
7 (3). «Феодария». Фрагмент литографии Э. Г. Геккеля



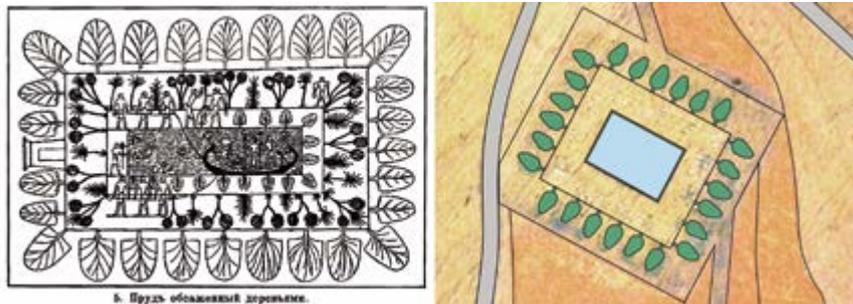
^ Рис. 11. «Здание для кино и ресторана». Дарсан, Ялта. 1936–1937. Исходные изображения. Архитектор И. И. Леонидов
11 (1). Генеральный план. Фрагмент плана Дарсана
11 (2). Фасад, фрагмент панорамы Ялты
11 (3). Аксонометрия здания. Фрагмент п. 1



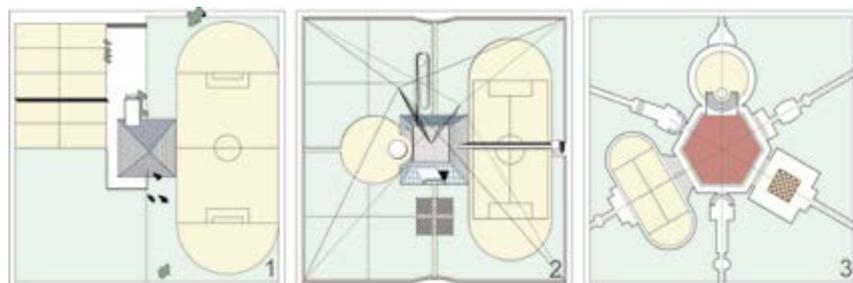
^ Рис. 8. Оформление южного склона холма Дарсан. Архитектор И. И. Леонидов. План (прорисовка) и фасад (реконструкция)



^ Рис. 9. Комплекс сооружений у подножия холма Дарсан. План и фасад (фрагмент панорамы). Архитектор И. И. Леонидов. Прорисовка



< Рис. 10. Слева – фрагмент росписи из гробницы Рехмире в Фивах, ок. 1500 до Р. Х.. Иллюстрация из 22-го тома Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Справа – фрагмент плана «акрополя» на холме Дарсан. Прорисовка по оригиналу И. И. Леонидова

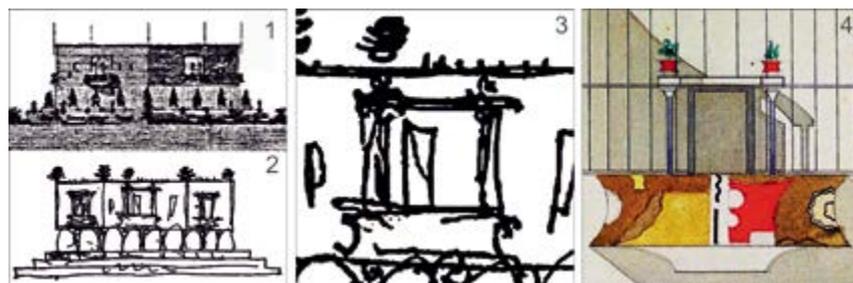


< Рис. 12. Эволюция центрического клубного здания в творчестве И. И. Леонидова

12 (1). «Спортивный сектор» в конкурсном проекте Дворца Культуры Пролетарского района. 1930

12 (2). Центральное сооружение в конкурсном проекте на реконструкцию площади Крестьянской заставы. 1932

12 (3). «Здание для кино и ресторана». Дарсан, Ялта. 1936–1937. Чертежи автора статьи



^ Рис. 13. Аналоги «здания для кино и ресторана» в творчестве И. И. Леонидова

13 (1). Проект колхозного клуба с залом на 180 мест. Архитектор И. И. Леонидов. 1935

13 (2). И. И. Леонидов. Эскиз середины 1930-х, ГНИИМА им. А. Ф. Щусева, инв. № 0Ф-5475

13 (3). Фрагмент эскиза – центральная лоджия второго этажа

13 (4). Фрагмент фасада дома в пос. Ключики. 1935. Лоджия второго этажа

прямое воспроизведение одного из наиболее известных фрагментов египетских росписей – сада с прудом из гробницы Рехмире (ок. 1500 год до н. э.), который Леонидов мог видеть, среди прочего, в энциклопедии Брокгауза и Эфрона [7] (рис. 10).

1.4. «Здание для кино и ресторана»

В проекте «планировки Ялты» малая вершина Дарсана была отведена, по определению М. П. Макотинского, под «здание для кино и ресторана». Сама функциональная программа «кино и ресторана» на курорте отвечает привычному понятию «курзала» – курортного культурно-развлекательного центра. Однако Н. П. Макотинский в своей статье называет «курзалом» другое сооружение, которое мы рассмотрим позднее. Здание обобщенно изображено на панораме Ялты (ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р IV 1155) и более проработанно, в виде аксонометрии – на плане Дарсана (ГНИИМА им. А. В. Щусева, инв. № Р IV 1158) (рис. 11).

Изображенное на леонидовских «досках» сооружение представляет интерес как само по себе, так и в контексте всего творчества Леонидова. Оно развивает одну из важных эволюционных линий, проходящую от ранних проектов до послевоенных эскизов архитектора, побуждая нас приглядеться к нему внимательнее.

1.4.1. Генеральный план

Шестиугольная призма здания стоит в центре ландшафтной композиции, организованной по шести осям, на которых попеременно расположены три

площадки разных форм и три ведущие к зданию дороги (рис. 12; 13). Одна из площадок является спортивным полем привычной овальной формы. Центр другой, квадратной, площадки занимает квадрат, расчерченный в клетку. Третья площадка имеет форму круга. Предназначение последних двух площадок становится понятным при сравнении ялтинской композиции Леонидова с центральным сооружением в конкурсном проекте площади Крестьянской заставы 1932 года. Здесь мы видим усеченную пирамиду, четыре стороны которой окружают:

1) овальный стадион, причем обращенная к нему грань пирамиды превращена в трапециевидную в плане трибуну;

2) круглая площадка с обращенным к ней амфитеатром, врезанным в объем пирамиды;

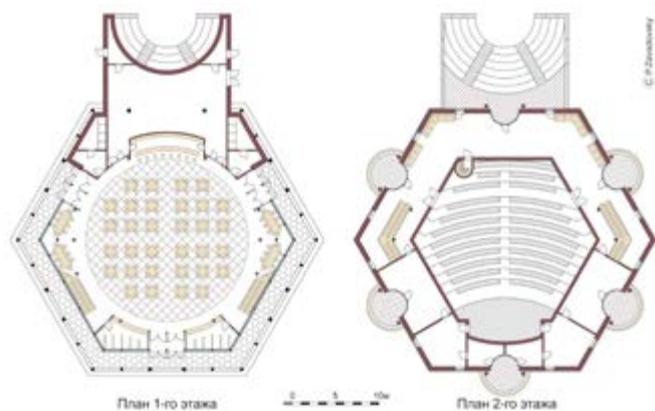
3) квадратная площадка, расчерченная по четыре шахматные доски, разделенные проходами по осям площадки. К ней обращено большое табло;

4) вытянутый овальный пандус, ведущий с уровня земли на срезанную верхушку пирамиды (рис. 12б).

На генплане «кино и ресторана» мы видим три из этих площадок, за исключением пандуса. Оси площадок, расположенные под углом 120 градусов, соответствуют фасадам шестиугольного здания. При этом овальное спортивное поле снабжено трапециевидной трибуной, а середина квадратной площадки расчерчена в мелкую клеточку, предполагающая шахматную доску.

На леонидовской аксонометрии круглая площадка расположена сзади, и ее нижняя часть заслонена объемом здания. Но, учитывая аналогию с проектом «площади Крестьянской заставы», не будет слишком рискованным предположить, что там должен быть небольшой амфитеатр, который и показан на реконструкции плана (рис. 12в).

Исходным пунктом этой эволюционной линии творчества Леонидова является конкурсный проект Дворца культуры Пролетарского района в Москве. А конкретно, чертеж «спортивного сектора»: в центре квадратного участка стоит стеклянная пирамида, у ее подножия – спортивное поле, а обращенная к полю грань пирамиды решена как трибуна (рис. 12а).



^ Рис. 15. «Здание для кино и ресторана».
Планы 1–2 этажей. Архитектор И. И. Леонидов. Реконструкция

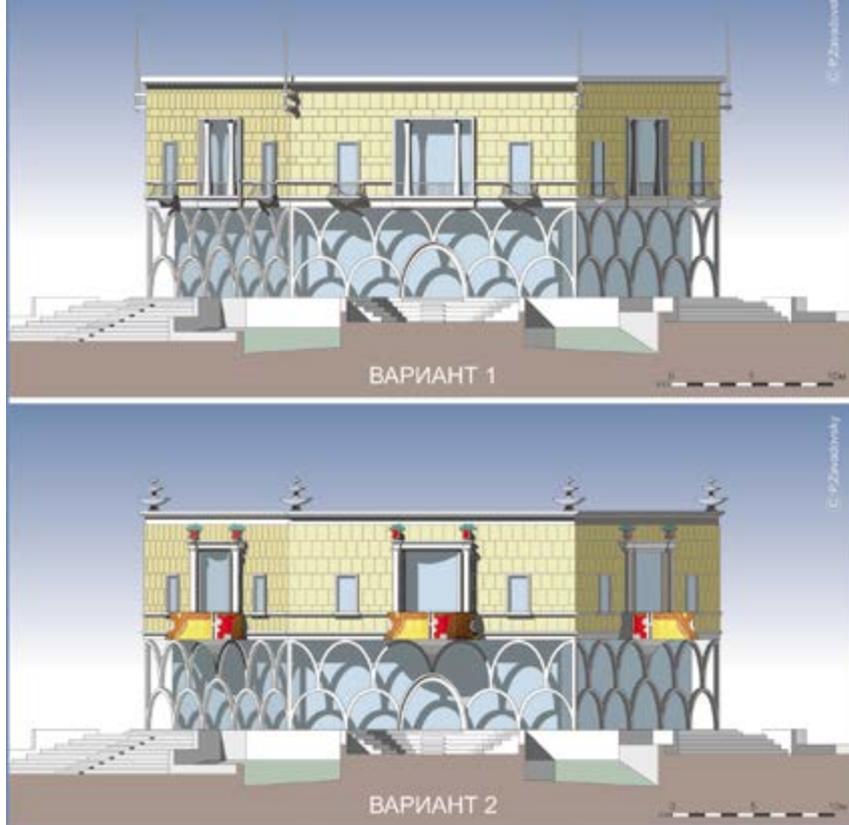
1.4.2. Фасад

На аксонометрии Леонидова мы видим шестиугольное здание с массивной, почти глухой верхней частью, стоящей на системе арочных опор первого этажа. В целом отвечающее схеме «дома на столбах», это решение развивает корбузианскую стилистику в направлении «модернистского барокко» подобно тому, как позже это делал Оскар Нимейер, экспериментируя с различной формой опор. Несмотря на эскизность чертежа Леонидова, эта система опор прорисована достаточно аккуратно: два уровня параболических арок образуют чешуйчатый паттерн, знакомый нам по оформлению южного склона «акрополя». Центральная арка нижнего ряда на каждом фасаде увеличена, образуя портал входа. Из чертежа нельзя понять, остеклена ли эта конструкция или образует открытую галерею вокруг здания. Но второй вариант в крымском климате представляется более предпочтительным.

Менее понятна архитектура верхнего глухого объема, но в ряде белых штрихов по оси видимых граней можно увидеть крупный элемент (наличник или лоджия) с двумя меньшими по бокам (окна?).

Здесь могут оказаться полезны более проработанные примеры леонидовских клубов-многогранников. Например, в проекте колхозного клуба с залом на 180 мест 1935-го года, при всем недостаточном качестве сохранившегося изображения фасада, мы видим центральную лоджию с балконом и темными пятнами по бокам – похоже, окнами. Также характерны угловые консольные флагштоки, аналогичные нарисованным в проекте «колхозного клуба с залом на 800 мест» того же года. В наиболее детально проработанном проекте из этого ряда – клубном корпусе «Комбината Известия» М. Я. Гинзбурга, созданном под очевидным влиянием И. И. Леонидова, мы видим двухколонные лоджии по осям граней с нишами по бокам [8, с. 59].

В этом контексте большой интерес представляет эскиз И. И. Леонидова из записной книжки середины 1930-х годов (к сожалению, точнее датировать его невозможно) (ГНИИМА им. А. Ф. Щусева, инв. № 0Ф-5475). При всей эскизности это изображение по размеру и архитектуре наиболее близко к ялтинскому сооружению: общие,



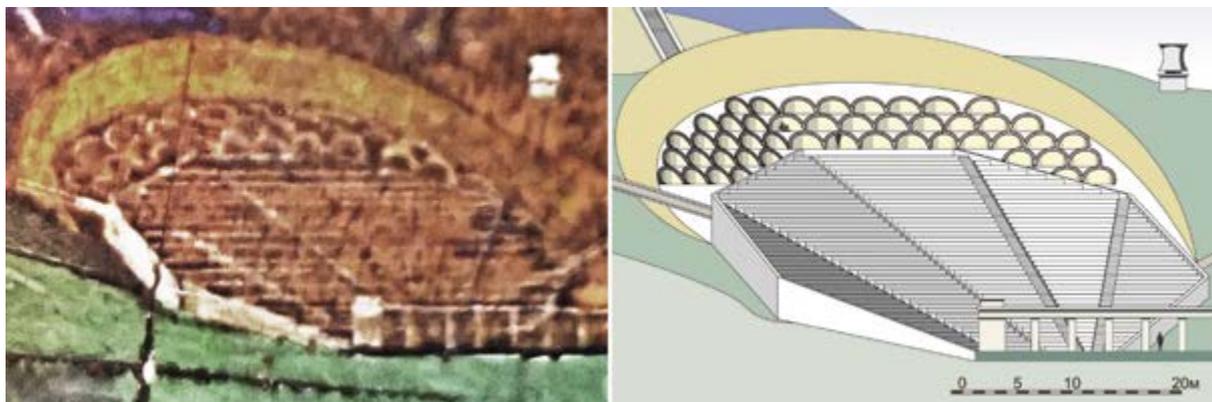
скорее, горизонтальные пропорции, арочный (правда, несколько проще, чем в Ялте) низ и более глухой, с центральной лоджией и проемами по бокам, верх. Рисунок лоджии находит прямую аналогию в лоджии второго этажа фасада дома в пос. Ключики 1935 года. Полукруглый балкон с глухим гиперболическим ограждением, покрытый абстрактной росписью, несет двухколонную композицию с прямым сандриком, увенчанным цветочными кашпо по осям колонн. Углы здания на этом эскизе акцентированы своеобразными антефиксами в виде фонтанчиков из трех чаш, придавая целому экстравагантность, выходящую за рамки даже леонидовских стандартов (рис. 13).

Разумеется, при всей близости к его архитектуре, полной уверенности, что данный эскиз относится к объекту в Ялте, быть не может. Тем не менее, мы рискнули с его помощью реконструировать возможный фасад «здания для кино и ресторана» на Дарсане. Основываясь на вышеизложенных соображениях, были выполнены два варианта фасада. Первый – более конвенциональный и сдержанный, с лоджиями без балконов и флагштоками по углам. Второй, следуя экстравагантному эскизу, – с расписными параболическими балконами и угловыми акцентами в виде фонтанов (рис. 14).

И. И. Леонидов, увлеченный визионерскими концепциями, редко доводил свои проекты до детальной проработки внутренних планировок. В этом отношении его работы для Ялты мало отличаются от крайне обобщенно решенных проектов 1926–1931 годов. Однако в случае «здания для кино и ресторана» у нас есть возможность понять его внутреннюю структуру благодаря двум упомянутым выше прецедентам: проекту «колхозного клуба с залом на 180 человек» И. И. Леонидова и клубного корпуса в конкурсном проекте «Комбината Известия» М. Я. Гинзбурга. Обильно остекленный первый этаж (или 1–2 этажи у Гинзбурга) занимает обширный входной вестибюль и помещения для клубной работы. Центр верхней глухой части занимает зрительный зал, окруженный фойе и также клубными комнатами (художественными). Как было показано выше, с северо-западной стороны к «зданию кино и ресторана», возможно, должен

^ Рис. 14. «Здание для кино и ресторана».
Архитектор И. И. Леонидов. Фасад, варианты реконструкции

> Рис. 16. Зеленый театр в Ялте. Архитектор И. И. Леонидов. Фрагмент панорамы. Оригинал и реконструкция



примыкать открытый амфитеатр, что отличает ялтинское «здание» от прочих сооружений этого типа.

Первый этаж «здания для кино и ресторана», очевидно, представляет собой ресторанный зал, к которому примыкает пищеблок, размещенный в субструкциях амфитеатра. Расположенные по внешнему периметру ресторанный зала лестницы ведут на второй этаж, в фойе кинозала, из которого также можно попасть и на верхние ряды открытого амфитеатра. Сцена кинозала окружена рядом клубных помещений. Таким образом, были получены предполагаемые планы леонидовского сооружения, степень достоверности которых аналогична показанным выше фасадам (рис. 15).

Сегодня на малой вершине Дарсана размещается впечатляющий мемориал «Холм Славы», открытый в 1967 году в память павших в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Авторы: скульптор Ю. Г. Орехов, архитекторы В. А. Петербуржцев, А. В. Степанов, А. А. Попов.

1.5. Зеленый театр

В завершение разговора о леонидовском Дарсане необходимо коснуться Зеленого театра, третьего крупного элемента этого рекреационного комплекса. Изображения Зеленого театра на леонидовских «досках» плана Дарсана и панорамы Ялты существенно различаются. На плане мы видим традиционный полукруглый театр греческого типа. На панораме амфитеатр многоугольный, а его верхняя часть разрисована полукольцами, складывающимися в чешуйчатый узор, знакомый нам по оформлению южного склона холма «акрополя». Трактовка этого мотива как серии полукруглых ниш, врезанных в склон, еще более уместна в случае театра, где ниши становятся театральными ложами. Так они и изображены в предложенной реконструкции.

Литература

1. Завадовский, П. К. Иван Леонидов в Крыму. 1936–1938. Часть 1 // Проект Байкал. – 2022. – № 19 (71). – С. 165–169
2. Макотинский, М. П. Генеральный проект планировки района Ялта-Мисхор-Алупка // Архитектура СССР. – 1938. – № 8. – С. 40–45
3. Gozak, A., Leonidov, A. Ivan Leonidov : The compl. works. – London : Academy Editions, 1988. – 216 с.
4. Завадовский, П. К. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 16 (62). – С. 112–119
5. Lucan, J. Le Corbusier, Une Encyclopedie. – Paris : CGP, 1988. – P. 20–24
6. Геккель, Э. Г. Красота форм в природе. – Санкт-Петербург : Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1896. – Таб. 61
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – Санкт-Петербург : Типо-литография Е. А. Эфрона, 1894. – Т. 22. – С. 516
8. Завадовский, П. К. М. Я. Гинзбург: стилистика 1935–1945 гг. // Проект Байкал. – 2021. – № 18 (68). – С. 56–65

References

- Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (1894) (V. 22, p. 516). St. Petersburg: Tipo-litografiya E. A. Efrona.
- Gozak, A., & Leonidov, A. (1988). Ivan Leonidov: The compl. works. London: Academy Editions.
- Heckel, E. G. (1896). The beauty of forms in nature. St. Petersburg: Knigoizdatelskoe Tovarishchestvo "Prosveshcheniye".
- Lucan, J. (1988). Le Corbusier, Une Encyclopedie. Paris: CGP.
- Makotinsky, M. P. (1938). Generalnyi proekt planirovki raiona Yalta-Miskhor-Alupka [Master plan for the Yalta-Miskhor-Alupka area]. Soviet Architecture, 8, 40–45.
- Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the "Narkomtyazhprom" style. Project Baikal, 16(62), 112–119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>
- Zavadovsky, P. (2021). M. Ya. Ginzburg: Stylistics (1935–1945). Project Baikal, 18(68), 56–65. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1803>
- Zavadovsky, P. (2022). Ivan Leonidov in the Crimea. 1936–1938. Part 1. Project Baikal, 19 (71), 165–169.

Статья посвящена малоизученным аспектам русской загородной культуры. В научный оборот вводятся новые материалы из фондов РГИА. На основе проектов загородных построек для пригородов Петербурга рассматриваются различные направления развития дачной архитектуры.

Ключевые слова: русская дачная культура; дачная архитектура; национальный стиль. /

The article is devoted to little-studied aspects of the Russian countryside culture. New materials from the archives of the Russian State Historical Archive are introduced into the scholarly discourse. The author considers different trends in dacha architecture on the basis of projects for the suburbs of St. Petersburg.

Keywords: Russian dacha culture; dacha architecture; national style.



< Рис. 1. Эскиз дома для рыбаков. Мыза Знаменская. Архитектор К. Симонис. 1842 [8]

Русская дача от Петербурга до Харбина: стилистика и семантика / Russian dacha from Petersburg to Harbin: Stylistics and semantics

Введение

Статья написана в рамках международного русско-венгерского проекта «Архитектурный образ Родины». Дачный уклад (и шире – русская загородная культура) рассматривается как апроприация «высокой» аристократической культуры прослойкой формирующейся буржуазии и ее дальнейшая, нисходящая, адаптация мещанским и разночинным сословиями.

Степень изученности темы. Загородная жизнь привилегированных слоев Российской империи подробно исследована благодаря подвижнической деятельности участников Общества изучения русской усадьбы, повторно (после 1920) основанного в 1992 году и регулярно выпускающего сборники материалов под редакцией М. В. Нащокиной. Четверть века назад, в 1998 году, вышел тематический номер журнала «Проект Россия» «Частный дом» с обзорами истории загородного строительства в Российской империи, СССР и РФ. Впервые дачи было предложено рассматривать как уникальный феномен русской культуры. Тексты Е. И. Кириченко и М. В. Нащокиной о пригородах Москвы и Петербурга сформировали основу «русского дачного» дискурса, на котором базируется новое поколение историков. Подмосковные пригороды и поселки второй половины XIX – начала XX века описаны в монографии А. В. Белова [1] и кандидатской диссертации Д. В. Тарканова (Москва, 2007). Не менее старательно изучены петербургские дачные локации (Красное село, Царское село, Павловск, Каменный остров, Сестрорецк и проч.). Укажем на кандидатские диссертации О. И. Черных, где рассматривается дачное строительство Петербургской губернии XVIII – начала XX века (СПб., 1993), и О. Ю. Малиновой, посвященную социально-культурным факторам формирования дачного пространства вокруг Петербурга (СПб., 2006).

Из зарубежных работ, открывающих широкому кругу читателей русскую дачную культуру, наиболее известна монография С. Ловелла «Летняя публика. История дачи, 1710–2000» [2]. Дальневосточные дачные кластеры (Садгород под Владивостоком и Солнечный остров напротив Харбина) рассматривались в работах С. С. Лешоко, посвященных влиянию концепта города-сада на градо-

строительные практики Тихоокеанской России. В сложившемся за первую четверть XXI века «дачном нарративе», объединяющем академические исследования и краеведческие студии, намечены основные этапы развития русской дачной культуры – 1837–1860-е, 1870–1890-е, 1890–1910-е годы, связанные со строительством железных дорог, ростом урбанизации, демократическими реформами и становлением буржуазии как самостоятельного субъекта.

Подробно изучено влияние санитарно-гигиенической пропаганды на развитие дачного пространства; рассмотрена типология дач, от загородных вил до крестьянских изб, сдающихся в наем; установлены и описаны основные массивы памятников дачной архитектуры, сконцентрированные в столичных пригородах, изучены превращения дачного пояса в субурбии и проч. Опираясь на работы коллег, малоизвестные архивные и библиотечные материалы, а также на собственные натурные обследования петербургских дачных локаций, мы продолжаем развивать темы, намеченные в предыдущих текстах, посвященных конструированию архитектурного образа Родины и поискам национального стиля [3].

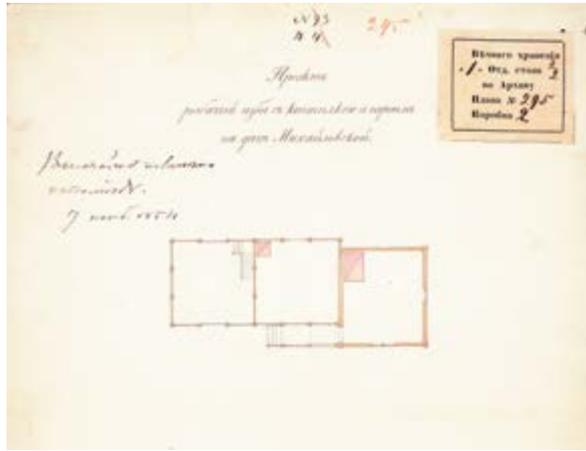
Основная цель статьи – введение в научный оборот ряда проектов, выявленных в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Судя по отсутствию отметок о копировании на контрольных листах архивных дел, эти образцы архитектурной графики середины – второй половины XIX века публикуются впервые. Анализируя проекты дач и служебных построек, мы ищем ответы на вопросы:

- как соотносится архитектура дворянских усадеб и мелкобуржуазных дач,
- как формировалась «дачная» версия национального стиля,
- как связаны между собой дачная и железнодорожная архитектура.

Во второй части статьи (базирующейся на отсылках к русской классической литературе середины XIX – начала XX века) сделана попытка расширить семантику дачной жизни, рассматривая ее, во-первых, как пространство эмансипации и, во-вторых, как переходное, транзитное пространство между «высокой» дворянской культурой,

текст
Алина Иванова
Тихоокеанский государственный университет /
text
Alina Ivanova
Pacific National University

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ и РЯИК № 21-512-23004 /
Acknowledgements: The research was supported by RFBR and FRLIC, grant No. 21-512-23004



> Рис. 2. Проект «рыбачьей избы». Михайловская дача. Архитектор А. Резанов [8]



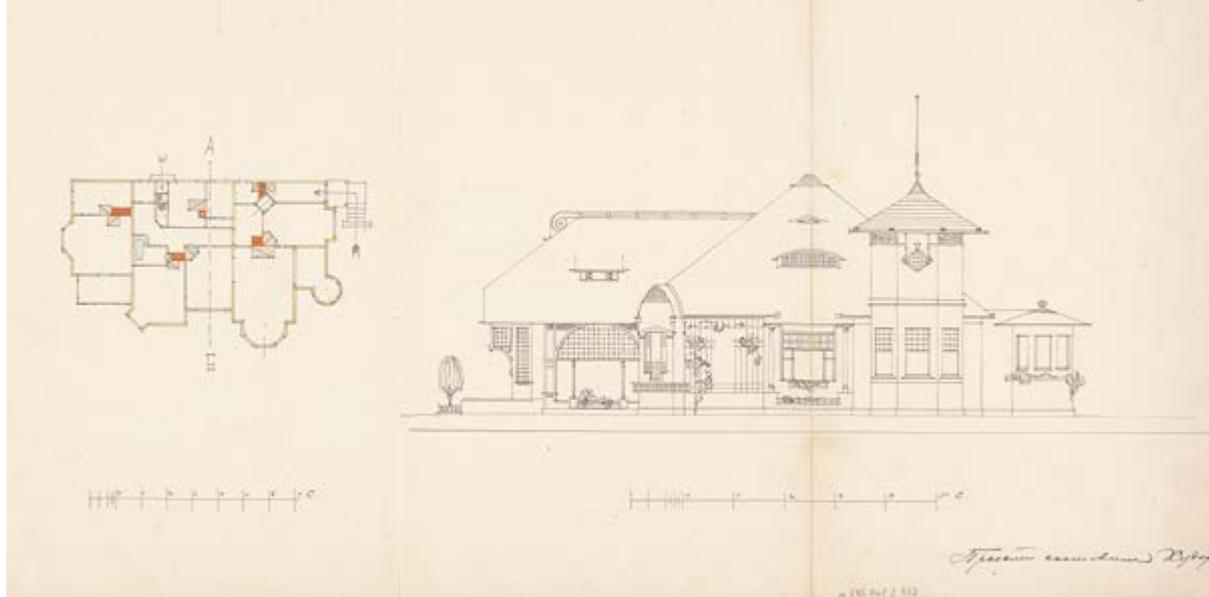
агрессивной урбанизацией и архаичным крестьянским укладом (причем со всех сторон дачи испытывали негативное давление и обструкцию). В заключительной части дан краткий обзор развития дачной культуры на юге Приморья и в окрестностях Харбина.

Формирование образа русской дачи
Красное Село – летняя воинская столица Российской империи. Традиция летней жизни за городом была инспирирована милитаризованностью высокой русской культуры. Гвардейские полки с начала мая проводили лагерные сборы, первый летний военный лагерь был разбит в Красном Селе в 1765 году, в 30 верстах от Санкт-Петербурга. Красное Село к середине XIX века стало считаться летней воинской столицей Российской империи, так как императорский двор обязательно выезжал туда на лето вслед за военными. В 1850 году по приказу Николая Первого в Красном Селе был построен Летний деревянный театр (реконструированный в 1904 году А. И. фон Гогеном), там проходили скачки, описанные Л. Н. Толстым в «Анне Карениной» (1873–1876). Первоначальные трибуны в 1892 году были перестроены по проекту военного инженера В. А. Коляновского в русском стиле. На парадных портретах русские императоры Александр III (художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, 1896) и Николай II (художник И. Е. Репин, 1896) изображены на фоне бревенчатых стен офицерского собрания лейб-гвардии Преображенского полка в Большом лагере под Красным Селом. Во многом из-за необходимости и летом находиться в непосредственной близости к императору сформировался дачный петербургский образ жизни, хотя с точки зрения климата это вряд ли способствовало укреплению здоровья. Летний красносельский уклад был жестко разделен по гендерному принципу. Офицеры жили в казармах, светские дамы проводили лето в окрестных дачах. Выскажем предположение, что от этой практики идет «феминность» русской дачи, ее трактовка как «женского» пространства (в отличие от «мужского» петербургского дома).

Дачная архитектура формировалась по нескольким направлениям, наиболее интересным для нас является национально ориентированное.

Михайловская дача – опыт конструирования «русского». Заказчиками и вдохновителями русского стиля являлись члены императорской фамилии и лично российские императоры. Перед тем, как «уйти в народ», национальный стиль проходил адаптацию на царских дачах. В ландшафтных парках, окружавших летние резиденции членов императорской фамилии, помимо романтических «средневековых» руин, «турецких» бань и «китайских» беседок, в середине XIX века начинают появляться живописные «фольклорные» постройки, не имеющие прямых европейских аналогов. В качестве примера укажем на «Проектный чертеж рыбацкой избы с копильней и сараем на Михайловской даче» А. И. Резанова (1854), хранящийся в РГИА [4]. До Резанова над проектами для дачи великого князя работали А. И. Штакеншнейдер, И. И. Шарлемань, Г. Э. Боссе в привычном для двора роскошном историзме. Резанов, занимаясь перепланировкой парка, размещает свою скромную постройку на самом берегу Финского залива. Интересно сравнить резановскую рыбацкую избу с более ранним (1841) проектом избы рыбака для соседней Знаменской мызы [5] (где тот же Штакеншнейдер перестраивал старый дворец для великого князя Николая Николаевича). Эта трапециевидная в плане постройка объединяет три традиционных сруба под скатными крышами, украшенными пропиленной резьбой (рис. 1).

Проект Резанова менее радикален, это не изба, а скорее элегантный садовый павильон с асимметричным фасадом, поставленный на аккуратный цоколь из серого «дикого» камня (рис. 2). Для создания выразительного образа утилитарного сооружения используется и национальный декор (резные полотенца и стойки фронтона, сквозной подзор крыш, наличники с ягодами, балясинки со звездами, крыльцо с «гульбищем»), и – более понятные и привычные высокому заказчику – приемы европейского романтизма: крестообразный фахверк, мезонин, кружевной фриз над воротами копильни, тритончик-акротерий вместо ожидаемого петушка на коньке фронтона. «Русскость» объекта подчеркивается стаффажем (баба в сарафане с коромыслом в паре с мужиком в армяке, картузе, лаковых сапогах и с багром на плече). В плане рыбацкая изба состоит из трех квадрат-



< Рис. 3. Эскиз дачи художника Ф. Ф. фон Постельса на Каменном острове. 1907–1917 [5]

ных клеток с двумя печками и крыльцом, вынесенным на главный фасад. Одухотворенность этого небольшого эскиза позволяет рассматривать его не только в качестве примера безупречно-профессиональной графики, но и как попытку придворного архитектора уловить органичную связь народной архитектуры с пейзажем. Блеклое осеннее небо, рыжая глина размытой проселочной дороги, невзрачные кусты по обочинам на эскизе А. И. Резанова превосходят хрестоматийный русский пейзаж Ф. Васильева и И. Левитана.

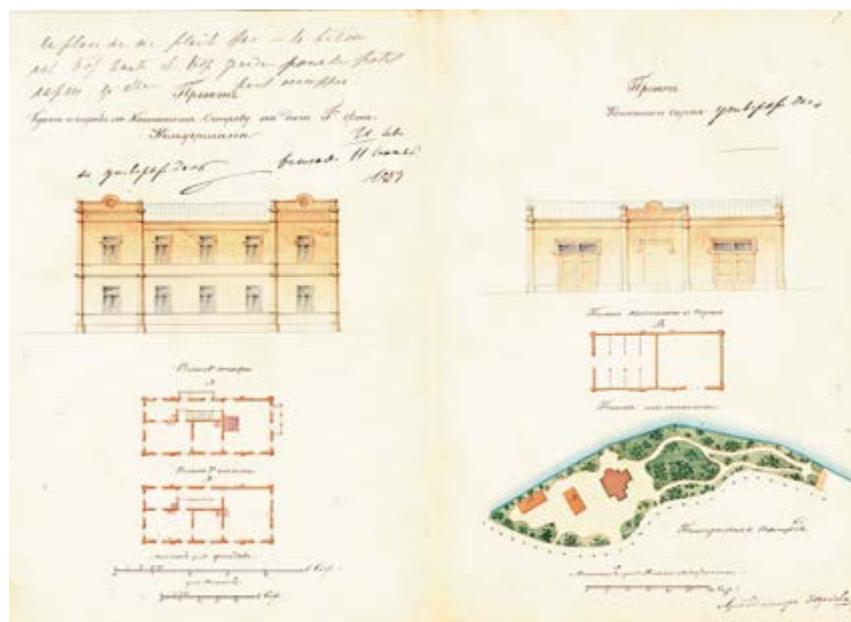
Острова – маленькая Европа. Утилитарное отношение к русскому стилю, в котором оформлялись подсобные постройки, сохранялось и на буржуазных дачах Каменного острова, при этом сами дачи выглядели примерно так, как показано на рис. 3. Аристократические владельцы сдавали участки под дачи, и в РГИА есть десятки дел с перепиской об условиях найма; среди бесконечных «входящих» и «исходящих» документов попадаются проекты дач.

Рассмотрим характерное дело 1857 года о «разрешении коллежскому секретарю Г. фон Кельдерману постройки новых служб взамен сгоревших на его даче на Каменном острове и продажи дачи» [6]. К прошению прилагался небольшой, раскрашенный акварелью проект архитектора Юркевича (рис. 4). Судя по генплану, криволинейный участок прилегал с северо-запада к Театральной площади – главному общественному пространству Каменного острова (рис. 5). Более респектабельной локации сложно было найти. Двухэтажный служебный корпус и одноэтажная конюшня решены в солидно-неопределенном – «европейско-историческом» стиле. На обеих постройках главными выразительными элементами являются одинаковые аттики с полукруглыми завершениями. Грани секций симметричных фасадов зафиксированы гранеными полуколоннами «тюдоровского» вида, цоколи и карнизы четко выражены, по горизонтали фасад служебного корпуса расчленяет межэтажный пояс.

Кирпичная кладка на проекте не выявлена, но характерный цвет не оставляет сомнения в материале построек. На фоне этих чопорных и скучноватых сооружений, которые явно должны были понравиться коллежскому секретарю Г. фон Кельдерману, неожиданно радует глаз

яркая, пестро раскрашенная кухня (рис. 6) в условно русском стиле с очень сильным немецким акцентом. Крестообразные накладные детали первого яруса можно трактовать и как геометризованные соляные символы, и как намек на фахверк. Жесткая классицистская схема фасада с выступающими ризалитами не имеет ничего общего с национальной русской традицией. Даже резьба, украшающая ломаные очертания крыш, развернута вверх, а не вниз, как на русских избах. Коньки фронтонов завершают не петушки/лошадки, а замысловатые акротерии. Сложный резной декор балконного ограждения с аркатурным поясом также совершенно не характерен для русского стиля. Даже расшивка досками верхней части фасада – вертикальная, а не горизонтальная, как у нас. Да и ампельные растения, живописно драпирующие балконы и окна, не типичны для наших широт. Именно такая – максимально вестернизированная – версия русского стиля была условно приемлема для оформления самых низкоранговых построек Каменного остро-

> Рис. 4. Проект служебного корпуса и конюшни. Дача коллежского секретаря Г. фон Кельдермана на Каменном острове. Архитектор Юркевич. 1857–1872 [4]

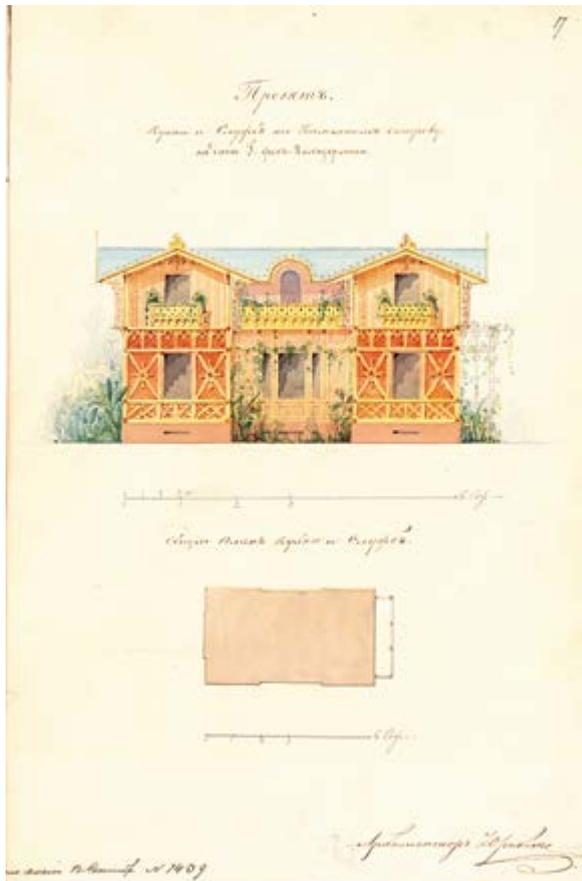




> Рис. 5. Театр на Каменном острове. Архитектор С. Л. Шустов. 1827 г. [9]

ва, большинство обитателей которого имели в фамилии частицу фон и являлись лютеранами.

В начале XX века Каменный остров стал застраиваться дачами в духе ар-нуво со сложными планировочными решениями и многосоставными, разновысотными объемно-пространственными композициями. В качестве примера приведем элегантный чертеж из «дела конторы герцогов Макленбургских-Стрелицких об отдаче в аренду участка земли под номером 46 художнику Ф. Ф. фон

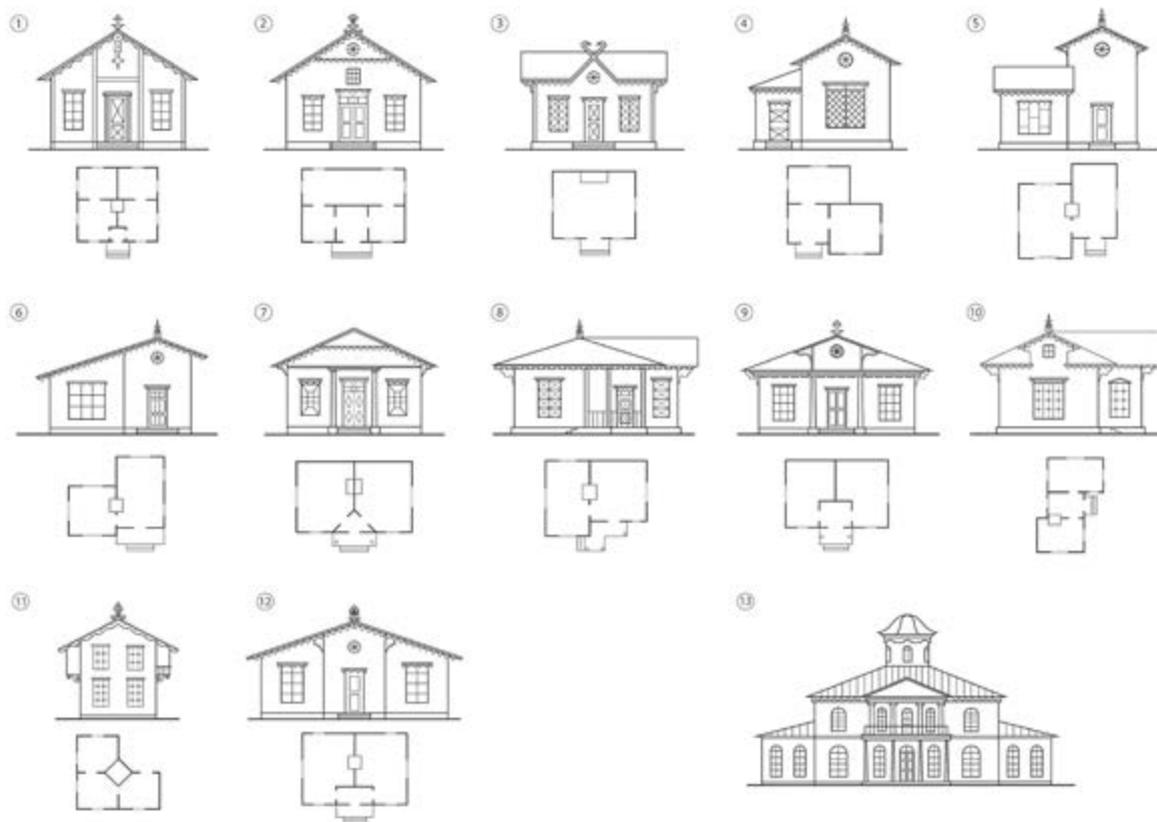


> Рис. 6. Проект кухни. Дача коллежского секретаря Г. фон Кельдермана на Каменном острове. Архитектор Юркевич. 1857–1872 [4]

Постельсу» [7]. Это очень комфортабельная дача: на плане видна ванная, во всех помещениях есть печи, комнаты имеют хорошие пропорции и по возможности увеличенное (за счет разнообразных эркеров) освещение. Внутренние пространства дачи зонированы на приватные, общественные и служебные. Несколько смущает обилие проходных комнат, да и в целом планировка нарочито усложнена. Фасад также демонстрирует претензию на художественность – эффектные контрасты (огромный шатер и стройная башенка, гладкая поверхность стен и пятна декора), разнообразие оконных проемов, сложный периметр фасада с выступающими и западающими частями – все это говорит об уверенном владении приемами нового стиля. Это не прямые цитаты из финского, германского, итальянского или венского модерна, а свободная импровизация на условно европейскую тему, без какого-либо намека на русскую традицию (рис. 3).

Между тем проблема конструирования и продвижения национального стиля имела государственное значение, фронтменом движения выступал академик В. В. Сулов, чья книга «Русское зодчество», изданная в 1911 году, подвела итог многолетним исследованиям «родной старины». Тем не менее национальный стиль так и не получил – за буквально единичными исключениями – распространения в городской архитектуре с жилой функцией. Зато в массовой дачной застройке «фольклорное» направление заявляет о праве на существование еще с 1850-х годов; мотивы русской архитектуры, популяризируемые одноименными альбомами (1874–1880), становятся востребованы в демократических дачных кластерах.

Павловск: от палладианских вилл к резным теремкам. Для анализа генезиса загородной архитектуры Павловска рассмотрим несколько проектов из фондов РГИА. В деле о «перестройке дачи и ветхих строений на участке графа Д. Н. Шереметьева в г. Павловске архитектором И. Д. Корсини» (1839–1846 гг.) [8] есть собственноручный рисунок заказчика, где, несмотря на крайнюю примитивность изображения, отчетливо читаются знаковые детали из лексикона классицизма: фронтон с «сухариками» и графским гербом по центру, ионический портик с балконом, парадный вход, ведущий



< Рис. 7. Варианты домов для Павловска [7]. Реконструкция М. П. Килиной

на крыльцо, и пергола (навес) с указанием «в сад». Новая постройка предназначалась для сдачи в наем в теплый период (дача), тем не менее на маленьком (10 × 15 см) эскизе Корсини (который был придворным архитектором графа Шереметьева в 1837–1853 гг.) нарисовал настоящую палладианскую виллу с гиерордером, объединяющим два этажа (в нижнем ярусе тонкие колонны расставлены с широким шагом, ионические колонны второго яруса гораздо толще, это странное, атектоническое решение намекает на неформальный характер постройки), с треугольным фронтоном и бельведером, увенчанным граненым куполом несколько ориентальных очертаний. На отгибающемся листочке есть второй вариант фасада – с парными французскими окнами (1845 г.) и примечанием о необходимости покрытия балкона, так как «через него грязь и самый большой вред дому». Иероним Доменикович также советовал побелить стены «сырой известью и алебастром», «усыпать двор песком», а для дорожек использовать песок и щебень.

Если принять за отправную точку рассуждения тезисы исследователей «архитектуры как коммуникации» (В. С. Вахштайн, В. Г. Басс), о том, что «старомодные художественные конвенции репрезентируют какие-то сущности за ними», можно предположить, какие сигналы посылались обществу через русские вариации английского палладианста. Ведь что, собственно, репрезентирует классическая вилла? Господскую культуру рабовладельцев, плантаторов и лендлордов. Схожая структура экономик, основанных на рабском (крепостном) труде в крупных латифундиях, влекла за собой воспроизводство классической ордерной архитектуры, со всей семантической нагрузкой. Если рассматривать дачи как пространство эмансипации общностей, раннее лишенных субъектности, не удивительно, что именно там выработывался новый архитектурный язык. Отказ от ордерной (господской) архитектуры и обращение к противоположной (крестьянской) строительной традиции зафиксированы в многочисленных сборниках типовых чертежей дач.

Интересно проследить, как образ дачи трансформируется от палладианской виллы, беленной «сырой известью и алебастром», в деревянный резной теремок.

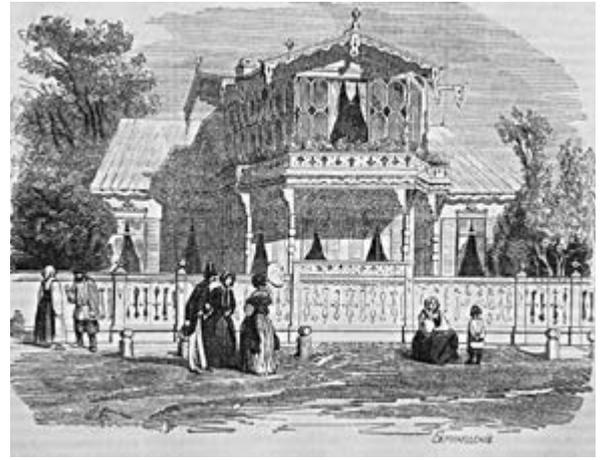
Множество дел, связанных с Павловском, хранится в 350-м («железнодорожном») фонде РГИА. Именно строительство железных дорог и организация пригородного сообщения стали определяющими факторами появления и развития демократичных дачных кластеров. С Павловским курзалом, расположенным в Павловском парке, связано русское наименование железнодорожных станций (вокзал). Ветка Царскосельской железной дороги соединила Павловск с Санкт-Петербургом в 1837 году, и уже в 1838–1840-х годах туда хлынули дачники.

Значительный интерес представляет проект 1860 года, подписанный инженером Бурдой и озаглавленный «Планы и фасады домов, находящихся в Павловском парке близ ж/д» [9]. На ватмане большого формата представлены чертежи 12 вариантов деревянных домиков в русском стиле на одну и две семьи (рис. 7). Десять из них одноэтажные, на 5-м варианте к основному объему пристроена двухэтажная башенка, 11-й вариант – двухэтажный, с большим балконом на всю длину фасада. Планировки разнообразны: изба, разделенная на четыре секции (вариант 1); изба, разделенная продольной стеной на большое помещение и три маленьких комнатки (2); простая клеть с сенями (3); ассиметричные композиции с комбинацией двух или трех помещений (4–6); небанальное решение с треугольными сенями, ведущими на две половины (7) и с ромбовидным тамбуром, объединяющим три комнаты (11); вариант с гульбищем (8); с шлюзом посередине (10); две избы, разделенные пополам без особых затей (варианты 9, 12). В зависимости от размера дома, на каждом плане обозначены одна-две печи. Большинство фасадов симметричны (варианты 1–3, 7, 9, 10, 12), входная группа расположена на оси симметрии, зафиксированной фронтонами с резными завершениями различных типов (на вариантах 2 и 12 нарисованы настоящие, классические акротерии), два окна расположены по бокам. Несколько домов имеют мезонины (варианты 9, 10), и все приподняты на цоколях, что позволяет развивать входные группы с крыльцами и навесами на резных столбиках. Все окна большие, прямоугольные с частыми ромбовидными или более сложными геометризованными переплетами, двери украшены разнообразным геометрическим декором



> Рис. 8. Дача Гамбса.
Черная речка. Не позднее
1847 года [9]

> Рис. 9. Дача Яковлева.
Архитектор Г. Боссе.
Черная речка. Не позднее
1847 года [9]



– ромбами, плетенкой и т. д. Все проемы (в том числе слуховые окна) имеют живописное оформление, все кровли – резные подзоры. Изящная графика подчеркивает сказочный характер этих нарядных, жизнерадостных построек. Вероятно, такие дачки снимали на лето разночинные герои «Идиота» и сам князь Мышкин. Большая часть романа Ф. М. Достоевского (1867–1869) происходит в Павловске, сцена неудачной коммуникации представителей разных социальных слоев на концерте в Павловском вокзале является ключевой в романе. Большой, раскрашенный акварельной отмывкой с золотом, проект паркового фасада курзала (архитектор И. Потапов (?), 1860) [10] напоминает скорее жанровую сцену, так как многочисленный штаффаж (дамы в зеленых, розовых и голубых кринолинах, гвардейцы с эполетами на плечах, музыканты на веранде и экспрессивный силуэт дирижера по центру композиции) перетягивает внимание от фасада, акцентируя общественную функцию объекта, допускающего смешение сословий.

Черная речка. Пригородная культура начала формироваться в середине XIX века с появлением среднего класса (интеллигенция и мелкая буржуазия), не имевшего загородных поместий, но достаточно обеспеченного для съема летнего жилья в близкорасположенном «посаде» (урбанизированном аграрном поселении переходного типа). Для реконструкции формирования «ближнего дачного пояса» воспользуемся обзорами из еженедельного журнала «Иллюстрация», издававшегося в Петербурге с 1845 по 1849 год (находится в открытом доступе в зале периодики Российской публичной исторической библиотеки). В № 116 «Иллюстрации» [11] есть подробные описания («физиологические очерки») нового модного тренда: «...едва проглянет весеннее солнце, и травка начнет пробиваться, а по Каменно-Островскому проспекту возы с мебелью и домашним скарбом потянутся вереницей. В несколько дней везде полно делается через край». В рассказе о «наиболее любимом петербургскими жителями пригородном месте» – Черной речке – популярность локации («летняя населенность этих мест точно удивительная») объясняется «соседством с островами и близостью к городу».

На островах (Крестовском и Каменном) строили дачи титулованные особы, состоятельные иностранцы и потомки остзейского дворянства, там была развитая культурная жизнь (рис. 5), да и в целом – соседство с respectable локацией повышало символический социальный статус временных обитателей чернореченских дач («собственно, так называемая аристократия на Черной речке никогда и не проживала»), а близость к городу была критически важна, так как пригородные поезда еще не ходили и чиновники вынуждены были все лето добираться с дачи на работу извозчиками и дилижансами. Журналист «Иллюстрации» проницательно замечает влияние, которое указало появление нового – дачного – уклада, на экономическое поведение автохтонных селян, которые сначала сдавали дачникам помещения в своих непритязательных жилищах, а затем, «когда избы мужицкие стали тесны для городских жителей», стали строить на своих участках теремки под аренду: «...чем дальше, тем лучше – Черная речка стала городком и наконец вошла в городскую черту». «Став мещанами, крестьяне совершенно бросили хлебопашество», быстро поняв преимущества жизни рантье, ведь основной доход теперь приносила аренда дач.

В 1847 году на Черную речку переезжало «до 240 и более семей», в то время как на самой Черной речке было «только 40 домов» и еще столько же в прилегающих переулках. «Пойдите мимо этих полувоздушных домов – в редком из них нет двух-трех семей, да в флигелях, также отдельно сдаваемых по одному и по два семейства». Привлекает внимание эпитет «полувоздушные»: так хроникер попытался зафиксировать появление новой архитектуры – с террасами, верандами и обширными балконами, где протекала дачная жизнь. Популярность локации спровоцировала строительный бум: «ежегодно являются то новая дача, то этаж или пристройка». Журналист расхваливает местные красоты: «роскошные деревья сада на одном берегу, тогда как на другом тянутся чистые домики и спускаются к воде затейливыми лестницами к пристаням, к которым привязаны лодочки» и с энтузиазмом отзываясь о новеньких дачах Гамбса (рис. 8) и Яковлева (рис. 9). Последняя описывается с максимальной комплементарностью: «...это самая

> Рис. 10. А. А. Роллер. Эскиз декорации «Двор села Предиславина» к опере А. Н. Верстовского «Аскольдова могила». Большой (Каменный) театр, Санкт-Петербург. 1841. Экспозиция Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва



красивая дача на огромном радиусе кругом, она прелестна. В июльский вечер, освещенная извне лампами, а снаружи еще не потухшей зарей, – она обворожительна. Вот, по мнению нашему, единственно приличный, оригинальный, милый характер для построек этого рода. Во сколько тысяч раз он предпочтительнее вил, палацо, даже котежей; чтоб такую избу выстроить, в ее идеях, контурах и резных украшениях – нужны талант, вкус, изобретательность. Эта маленькая дача – свидетельство большого таланта г-на Боссе». Несмотря на уверения журналиста, что деревянный резной терем лучше «котежа», в 1847 году тот же Боссе закончил дачу княгини Е. П. Салтыковой на Черной речке в стиле «петербургский тюдор». Статья была проиллюстрирована гравюрами «по рисункам г-на Гюю», благодаря которым мы видим чернореченские дачи глазами современников. Нарастающая потребность разночинного общества в коммуникации реализовывалась через архитектуру.

Семантика русской дачной жизни

Семантика включает множество сложно коррелирующих между собой пластов: это и концепт «назад к природе», инспирированный идеологами Просвещения от Жан-Жака Руссо до Генри Торо, и – в начале XX века – попытка адаптировать под отечественные реалии модной идеи гигиенистов и Э. Говарда, и формирование в окрестностях столиц ближнего «курортного» пояса, но для авторов статьи дача – это прежде всего пространство свободы, где русский обыватель ускользнувший из-под жесткого государственного надзора, обустроивает свой приватный мир. Взаимоотношение города и дачи можно рассматривать как дихотомию: государственное/частное, регламентированное/эмансипированное, мужское/женское. Русский, и в первую очередь петербургский, уклад был жестко мускулистый, пронизанный милитаристской культурой, не предусматривающей пространства женской эмансипации.

В первой трети XIX века «романтическими локациями», допускаемыми негласным общественным договором, стали курорты (кавказские и европейские): романы «на водах» являются основной фабулой «Героя нашего времени» Лермонтова и «Вешних вод» Тургенева, Пушкин

собирался писать «Роман на Кавказских водах» и т. д. Курорты в русской культуре золотого века служили своеобразными экстерриториальными пространствами свободного поиска партнера, но, так как и Баден-Баден, и Пятигорск (Кисловодск) находились далеко от русских столиц, эту не формальную, а само собой подразумеваемую функцию взяли на себя пригородные дачные поселки. Вероятно, впервые дача, как локация завязки романтических отношений, появляется в русской литературе в пушкинском отрывке «Гости съезжались на дачу» (1828), где герои беседуют на балконе, любясь светлым небом петербургской белой ночи. Балконы, веранды, террасы, бельведеры станут обязательным атрибутом дачной архитектуры. Они рассматривались как просцениумы, позволяющие свободно предьявлять постороннему, случайному взгляду частную жизнь и красоту хозяйки. Есть нечто общее между «полувоздушными» петербургскими дачами 1840–1850-х годов и театральными декорациями к «народным» операм, идущим в то время на сцене Большого (Каменного) петербургского театра (рис. 10). Дачная архитектура середины – второй половины XIX века стилистически была близка к курортной (Биарриц, Аркашон, Ривьера) – те же театрализованность и романтичность, нарядность, обилие пропиленного декора, острые силуэты, асимметричные объемно-пространственные композиции, группирующиеся вокруг башенных объемов с шатровыми завершениями.

Формирующаяся с конца 1840-х годов дачная жизнь предполагала расширение «пространства возможности». В отличие от охотничьих домиков – европейского типа временного загородного жилья с ярко выраженной гендерной окраской (мужская территория), дача с середины XIX века рассматривалась как «феминная» локация, так как мужчины всю неделю работали в городе, приезжая к семье по выходным (так называемые дачные мужья), и женщины пользовались относительной свободой. В отличие от зимних бальных сезонов, имевших ту же, матриониальную функцию, дачная жизнь предполагала большую проницаемость сословных перегородок благодаря наличию общественных пространств и множеству совершенно новых сценариев времяпровождения. Прогулки и пикники, купания, катание на лодках и ры-

балки, художественная самодеятельность – театральные представления и концерты, этюды и пленэры, крикет и теннис, обязательные гуляния на железнодорожной платформе в ожидании пригородных поездов, спонтанное хождение в гости (а не посещение с визитом) и проч. расширяло и упрощало вероятность романтических коммуникаций.

Лишенное (в отличие от жизни в усадьбе) экономической составляющей и совершенно праздное – на первый взгляд – дачное времяпрепровождение было наполнено активным (в виду короткого летнего сезона) поиском возможного партнера для совместного жизнеустройства. Это придавало дачной жизни интенсивную эмоциональную насыщенность; дачные романы являются важным сюжетом русской классической литературы (от Гончарова и Тургенева до Бунина и Набокова). Дачи как локации нерегламентированных романтических отношений появляются в главных русских романах второй половины XIX века – «Идиот» и «Анна Каренина», что свидетельствует о важнейшей роли загородной, дачной жизни в русском культурном поле.

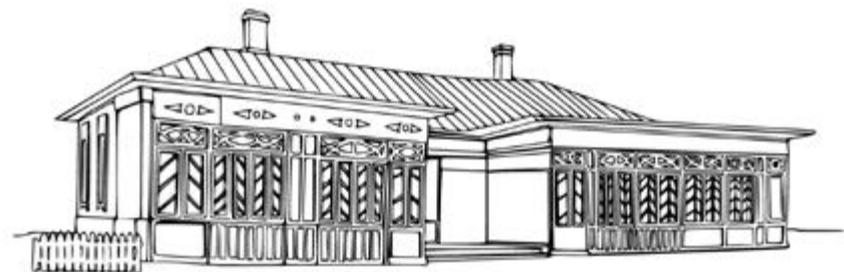
Дачи можно рассматривать как оппозиционное к городу пространство конструирования частной жизни. Эта главная, романтическая составляющая дачного уклада воспроизводилась по инерции в Советском Союзе до конца 1930-х годов. Действие важнейшей советской повести «Тимур и его команда» А. П. Гайдара (1940) разворачивается в дачном поселке и включает два параллельных романа – взрослый и детский. В послевоенном Советском Союзе дачи из пространства отдыха были переформатированы в «пространства выживания», и экономическая функция совершенно вытеснила романтическую. Дачи превратились в атомизированные подсобные хозяйства, что привело к исчезновению развитой типологии дачных общественных пространств, деградировавших до агитплощадки. Однако рудименты русской загородной культуры (мезонины, веранды, террасы) удержались в советской дачной архитектуре и регулярно воспроизводились в некапитальной низкоплотной жилой застройке садовых товариществ до начала 1980-х годов.

От Петербурга – до Харбина: трансляция дачной культуры. Сама идея бескорыстного любования приро-

дой и самооценности (без экономической составляющей) загородной жизни, восходящая к парковой философии Ренессанса и Просвещения, на первый взгляд, иномодно земледельческой, аграрной России, где природа (и прежде всего земля) традиционно рассматривается как источник пропитания/ренты. Опыт создания регулярных поселений в зеленой зоне начинается в Лефортово, и дачный уклад был во многом сформирован иностранцами-экспатами, воспроизводящими европейские традиции загородной жизни. В качестве примера можно указать на хорошо изученную застройку Каменного острова и менее известный в научном сообществе опыт организации загородной дачной жизни экспатами Владивостока, привлеченными в русское Приморье режимом портофранко. Энергичные и экономически состоятельные анклавные экспаты воспроизводили на северном побережье Японского моря европейские (американские) нормы комфорта и благоустройства, формируя в том числе основы приморской курортной архитектуры.

Практически все загородные локации, основанные иностранцами по берегам Амурского залива, разрушены, последняя историческая дача Садгорода погибла в 2018 году, но многочисленные хроники и мемуары современников зафиксировали размах и качество дачной жизни в окрестностях Владивостока в начале XX века. Не менее интересна тема русских дачных кластеров существовавших в окрестностях Харбина до 1930-х годов. Самый известный из них был разбит на Солнечном острове, напротив Харбина, и застраивался дачами служащих Китайско-Восточной железной дороги. Железные дороги (Уссурийская и Амурская ветки Транссиба) были кровеносной системой Тихоокеанской России, железнодорожные инженеры, получившие петербургское образование, были ее интеллектуальной элитой, они задавали параметры жизни с европейским уровнем комфорта

Судя по многочисленным фотографиям и открыткам, на берегу Сунгари кипела насыщенная жизнь, однако сегодня на острове сохранилось около десятка дач (искаженных реконструкцией), объединенных в комплекс «Русская деревня», с гигантскими матрешками и прочими привычными атрибутами хейлунцзянских «исторических» туристических локаций. По стилистике дачи на Солнечном острове имели отчасти «железнодорожный» характер, напоминая привычные дальневосточникам строения на маленьких станциях/полустанках (рис. 11). Центром харбинской летней загородной жизни служило бойкое заведение, известное как театр миниатюр «Пляж» – театр, клуб, кабаре, ресторан и концертный зал одновременно. «Пляж» был построен на берегу Сунгари харбинским коммерсантом еврейского происхождения Катцем в 1926 году и 70 лет хранил память о золотом веке эмигрантского Харбина, пока не сгорел в 1997 году. Этот парковый павильон, напоминающий трехпалубный прогулочный пароход, пришвартованный у пристани и окруженный по периметру палубами-галереями, часто фигурирует в воспоминаниях современников как культовое тусовочное место эмигрантской богемы, где собирались экспаты всех мастей – русские, поляки, венгры, датчане, итальянцы. Интересно, что копия театра миниатюр была построена в огромном архитектурно-ландшафтном парке «Усадьба Волга» (40 км от Харбина), воспроизводящем русский загородный уклад начала XX века и привлекаяшем до 2020 года десятки миллионов южных китайцев, жаждущих увидеть «настоящую Россию». В «Усадьбе Волга», построенном в 2010-х годах, была воссоздана атмосфера эмигрантского Солнечного острова – с деревянными павильонами затейливой архитектуры, с пристанями, мостками, лодочными прогулками, фейерверками и проч. В самом Харбине, в рамках реновации Солнечного острова, также



в Рис. 11. Дачи на Солнечном острове. Харбин, 1920-е годы. Реконструкции по фотографиям Е. В. Глатоленковой

планируется реконструировать театр по архивным фотографиям. Следует еще раз отметить важнейшую роль, которую играли в русской дачной культуре общественные пространства.

Дачный уклад настолько вошел в русскую культурную матрицу, что воссоздавался на самых дальних рубежах отечества – под Ашхабадом и Ташкентом, в окрестностях Верного и Дальнего, под стенами Порт-Артура. На картах новых русских – туркестанских и тихоокеанских – городов начала XX века, хранящихся в фондах РГВИА и РГИА, зафиксированы многочисленные дачи. Именно там русские инженеры, офицеры, коммерсанты и чиновники, заброшенные государственной службой в инокультурные, часто враждебные и чуждые ландшафты, конструировали себе идеальный русский мир, воспроизводя заветный образ далекой Родины.

В заключении статьи сформулируем ее основные тезисы и зафиксируем выводы.

Параметры уклада летней загородной жизни изначально задавались императорским двором. По примеру высшего света, буржуазия и средний слой также стали перенимать дачные практики.

Дача, в отличие от города, – пространство эмансипации с меньшей степенью социальной условности. Поэтому в дачных поселках появлялись разнообразные общественные пространства, и сама дачная архитектура в первую очередь демонстрировала «открытость», готовность к установке коммуникаций, в отличие от петербургской фасадной архитектуры («спящие громады пустынных улиц»), исключая спонтанное общение.

Ключевые характеристики дачной культуры – временность и переходность. Дачные поселки являлись переходной формой – от господской аристократической усадебной жизни (формат передающегося по наследству «дворянского гнезда») к арендованному сезонному жилью «на природе», от жестко стратифицированной классовой иерархии с непроницаемыми сословными перегородками к буржуазному и разночинному обществу.

Архитектурный образ дачи во второй половине XIX века развивался по двум направлениям – романтичному, эксплуатирующему лексикон европейской курортной архитектуры, и фольклорному, апеллирующему к мотивам русской архитектуры. Объединение этих традиций давало множество переходных вариантов от избы к шале. В конце XIX – начале XX века появляется «дачный модерн» – оригинальная версия деревянной архитектуры, вдохновленная выставочной культурой «бель эпок».

На формирование дальневосточной дачной архитектуры, являющейся экстерриториальной – не городской и не деревенской, не регламентированной, но и не вернакулярной, оказала влияние более «магистральная» и ресурсообеспеченная архитектура железнодорожных станций и полустанков, в свою очередь эксплуатировавшая весь спектр романтизированных архитектурных образов – от итальянской виллы (ст. Одинцово, архитектор Кекушев) до резного терема (ст. Хабаровск). Железнодорожные станции были порталами в дачные поселки, они являлись главными общественными пространствами дачных сообществ и часто служили источниками вдохновения и подражания.

Многими поколениями русских дача ощущается как «самодельный рай», конструируемый исходя из доступного бюджета. Дачный мир позволяет воплотить заветный образ родины.

Литература

1. Белов, А. В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века : город и процессы урбанизации сельских окраин. – Москва : Папирус ПРО, 2005. – 179 с.
2. Lovell, S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. – London : Cornell University Press, 2003. – 260 p.

3. Иванова, А., Глатоленкова, Е., Базилевич, М., Чанади, Г. Архитектурный образ Родины: Санкт-Петербург и Будапешт // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 169–178

4. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 295. Проектный чертеж рыбацкой избы с копильней и сараем на Михайловской даче. Планы, фасады, разрез. Архитектор А. И. Резанов. Подлинник. Тушь, акварель, бумага. 30/42. 1854 г.

5. РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 101. Дом для рыбаков. План и фасад. Мыза Знаменская. Архитектор К. Симонис. 1842 г.

6. РГИА. Ф. 548 (Контора двора Вел. Кн. Елены Павловны). Оп. 1. Д. 1297 «Дело о разрешении коллежскому секретарю Кельдерману постройки новых служб взамен сгоревших на его даче на Каменном острове и продажи дачи. План участка Кельдермана, проект постройки служебных помещений, фасады и поэтажные планы. Архитектор Юркевич. Подл. Тушь, акв., бум. 45 × 32, 1857–1872 гг.»

7. РГИА. Ф. 556 (Контора принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альгенбургской и проч.). Оп. 1. Д. 537 «Дело конторы герцогов Макленбургских-Стрелицких об отдаче в аренду участка земли под номером 46 художнику Ф. фон Постельсу. Фасады, разрезы. Поэтажные планы местности. Подлинник, тушь, акв., бум. 34 × 123. 1907–1917 гг.»

8. РГИА. Ф. 1088 (фонд графов Шереметьевых). Оп. 12. Д. 141 «Дело о ремонте и перестройке дачи и служебных построек в г. Павловске (бумаги архитектора Корсини). 1839–1849 гг.»

9. РГИА. Ф. 350. Оп. 26. Д. 39. План и фасады домов, находящихся в Павловском парке близ ж/д. 1860 г. Ватман, чертеж. Инженер Бурда.

10. РГИА. Ф. 350. Оп. 26. Д. 50. Проект здания курзала в Павловске. План, фасад. Ватман. 1860 г.

11. Иллюстрация: еженедельное издание всего полезного и изящного. – Санкт-Петербург: Типография книжного магазина П. Крашенинникова и комп., 1847. – Т. 5, № 116. – С. 29–33

References

Belov, A. V. (2005). Moskva, moskovskie prigorody, prigorodnye poseleniya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka : gorod i protsessy urbanizatsii selskikh okrain [Moscow, Moscow suburbs, suburban settlements in the second half of the XIX – early XX centuries: City and urbanization processes of rural suburbs]. Moscow: Papyrus PRO.

Illustration: A weekly edition of everything useful and elegant. (1847). 5(116), 29-33. St. Petersburg: Printing house of the P. Krashenninikov & Co Bookshop.

Ivanova, A., Glatolenkova, E., Bazilevich, M., & Čanađi, G. (2021). Architectural image of the Motherland: Saint Petersburg and Budapest. Project Baikal, 18(70), 169-178. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1909>

Lovell, S. (2003). Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000. London: Cornell University Press.

RSNA (Russian State Historical Archive). F. 350. Inv. 26. File 39. Plan and facades of houses in Pavlovsky Park near the railway station. (1860). Whatman drawing. Engineer Burda.

RSNA. F. 350. Inv. 26. File 50. Project of the building of the Kursaal in Pavlovsk. Plan, facade. Whatman. (1860).

RSNA. F. 485. Inv. 3. File 101. House for fishermen. Plan and facade. Znamenskaya Manor. Architect K. Simonis. (1842).

RSNA. F. 515. Inv. 71. File 295. Design drawing of a fisherman's hut with a smokehouse and a shed at Mikhailovskaya dacha. Plans, facades, section. Architect A.I. Rezanov. Original work. Ink, watercolor, paper. 30/42. (1854).

RSNA. F. 548 (Office of the Court of the Grand Princess Elena Pavlovna). Inv. 1. File 1297 "The Case of the Collegiate Secretary Keldermann permission to build new services to replace those that burned down on his dacha on Kamenny Island and sale of the dacha. Plan of Keldermann's property, the project of service facilities, facades and floor plans. Architect Yurkievich. Original work. Ink, watercolor, paper. 45 × 32, 1857-1872".

RSNA. F. 556 (Office of Princess Elena Georgievna of Saxe-Algenburg, etc.). Inv. 1. File 537 "The Case of the Office of the Dukes of Mecklenburg-Strelitz on the lease of land number 46 to the artist F. von Postels. Facades, sections. Floor plans of the area. Original work. Ink, watercolor, paper. 34 × 123. 1907-1917".

RSNA. F. 1088 (fund of Counts Sheremetevs). Inv. 12. File 141 "The Case of repair and rebuilding of the dacha and outbuildings in Pavlovsk (papers of the architect Corsini). 1839-1849".



< Рис. 1. А. А. Оль. Государственный музей истории Санкт-Петербурга (<https://archivogram.top/34429822>)

Строительство рабочих клубов (домов, дворцов культуры) являлось важным компонентом культурной политики молодого советского государства. Ленинградский архитектор А. А. Оль спроектировал для Иркутска подобный объект в конструктивистском стиле – клуб «Союззолото», впоследствии – Дом культуры завода им. В. В. Куйбышева. На базе архивных материалов рассматривается проблема адаптации конкурсного объекта к реальной местности.

Ключевые слова: советская архитектура; конструктивизм; Иркутск; рабочий клуб; Дом культуры; А. А. Оль./

Construction of workers' clubs (Houses and Palaces of Culture) was an important component of the cultural policy of the young Soviet state. Architect A. A. Ol from Leningrad designed the SoyuzZoloto Club, a facility in the constructivist style for Irkutsk, which later became the House of Culture for the V. V. Kuibyshev Plant. On the basis of archival materials, the article examines the problem of adapting a competition design to the real terrain.

Keywords: Soviet architecture; constructivism; Irkutsk; workers' club; House of Culture; A. A. Ol.

Архитектор А. А. Оль (1883–1958) и клуб «Союззолото» / Architect A. A. Ol (1883–1958) and the SoyuzZoloto Club

текст

Василий Лисицин

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Vasily Lisitsin

Irkutsk National Research Technical University

В период первых пятилеток в стране динамично шло промышленное и жилищное строительство. В 1930-е годы в городах и промышленных центрах наблюдался активный прирост населения, обусловленный, прежде всего, индустриальным развитием, которое и повлекло за собой внутреннюю миграцию из деревень и поселков [1, с. 70]. Для организации досуга и повышения культурного уровня был востребован новый тип общественного здания: клуб, Дом культуры или Дворец культуры, где в едином объеме соединились и столовая, и библиотека, и помещения для досуга.

История клубов, Домов (Дворцов) культуры, изб-читален берет свое начало в конце XIX века; назывались они по-другому – народные дома. Власти считали, что подобные учреждения могут поспособствовать уменьшению криминализации среди населения путем устройства досуга. Обычно в народных домах размещались библиотека с читальней, театрально-лекционный зал, воскресная школа, чайная, книготорговая лавка. Народные дома создавались на средства земств, органов городского самоуправления, обществ грамотности и отдельных лиц. Первые народные дома были открыты во второй половине 1880-х годов крупными промышленниками. В конце XIX в. прогрессивно настроенная интеллигенция организовала в крупных городах народные дома с просветительскими целями: в Петербурге – Лиговский народный дом, в Москве – Введенский народный дом, в Харькове и Киеве – народные дома обществ грамотности и др. Большое культурное воздействие оказывали театральные коллективы народных домов, например, народный театр Лиговского народного дома, которым руководили П. П. Гайдебуров и Н. Ф. Скарская. При этом театральные репертуар был ограничен «благонамеренными» пьесами, а комплектование библиотек, вследствие цензуры, было затруднительным [2]. В 1913 в России (в границах СССР) насчитывалось всего 237 клубов и народных домов, большинство которых находилось под постоянным надзором полиции.

Кроме России, подобные заведения открывались в городах Европы. В Болгарии самые распространенные общественные клубные учреждения с национальной спецификой – Читалиште – берет начало с 1856 года.

Аналогичные народные дома с национально-своеобразными разновидностями известны также в других европейских странах, как, например, Maison du peuple во Франции, Maison du Peuple в Брюсселе, построенный архитектором Виктором Орта в стиле модерн для бельгийской рабочей партии. Несмотря на ограниченный и неровный участок, Орта удалось построить великолепное здание, в основном выполненное из чугуна и вмещавшее максимум функций: офисы, конференц-зал, магазины, кафе, библиотеку и пр. Строительство велось с 1896 по 1898 годы; здание начало эксплуатацию в 1899 году и разрушено, несмотря на протесты, в 1965 году [3].

После Октябрьской революции 1917 года клубы стали важнейшей составляющей в конструировании культурного досуга советского человека. Первый нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал: «Громадное значение имеет клубная работа. Клуб должен быть кусочком социализма, местом и обучения, и отдыха, и распространения среди окружающих основных начал нового социалистического понимания жизни и социалистического строительства» [4]. Цели и задачи рабочего клуба как «центра союзной культуры» определены в сборнике ВЦСПС за 1926 год: «политическое воспитание рабочих масс», «удовлетворение культурно-бытовых запросов рабочих», «физическое оздоровление». Для достижения этого отмечалось, что «клуб ведет массовую и кружковую работу <...>» [5, с. 7].

Советские архитекторы, работавшие над проектами клубов, хорошо понимали их идеологические и культурные особенности, и это отражается в проектных документах. Так, в пояснительной записке арх. И. Леонидова к конкурсному проекту Дворца культуры Пролетарского района Москвы подчеркивалось: «<...> дворец культуры – это методический центр, имеющий по СССР свои ячейки и связанный со всевозможными институтами, академиями, музеями, библиотеками и другими родственными учреждениями. Дворец культуры – это штаб культурной Революции, который на основе массовой самостоятельности рабочих на основе всестороннего развертывания широкой рабочей инициативы организует всю систему политического просвещения, всю систему культурного воспитания своего района» [5, с. 85].



< Рис. 2. Дом культуры завода им. Куйбышева. ЦГАЛИ

Большая советская энциклопедия дает следующее обобщающее определение подобных заведений: «Клубные учреждения – в социалистических странах, массовые культурно-просветительные учреждения, организующие досуг трудящихся и способствующие их коммунистическому воспитанию, самообразованию, развитию творческих способностей. К Клубным учреждениям в СССР относятся Дворцы и дома культуры, клубы, избы-читальни и т. п.». Очевиден рост численности клубных учреждений в стране: в 1922 – 12,2 тыс.; в 1940 – 118 тыс.; в 1970 – свыше 134 тыс. (в том числе 2,3 тыс. клубов, работающих на общественных началах). По ведомственной принадлежности клубные учреждения в СССР подразделялись на государственные, профсоюзные, колхозные и др. [6].

Массовое строительство клубных заведений получило развитие в 1920–1930-е годы. К концу 1925 года постепенно начал складываться новый тип зданий клубов и домов культуры, в основном за счет конкурсного проектирования, т. к. вначале эти учреждения приспосабливали к другим типам построек, например, широко использовались здания церквей, особняков, дворцов, а также обычных конторских зданий. Проекты публиковались в газетах, журналах и специализированных сборниках. В печати велись жаркие дискуссии о том, каким быть советскому клубу. Итоги дискуссии были подведены Всесоюзным клубным совещанием в апреле 1930 года. Постановление Президиума ВЦСПС «О работе клубов» от 19 августа 1932 года поставило точку в этих спорах.

Только в одной Москве в довоенное время были построены десятки крупных рабочих клубов (Домов культуры). Каждая фабрика или завод планировали и строили для своих рабочих подобные заведения. Самые известные из них: ДК им. С. М. Зуева (арх. И. Голосов, 1929); ДК им. И. В. Русакова (арх. К. Мельников, 1929); ДК завода «Каучук» (арх. К. Мельников, 1929); ДК завода им. А. И. Лихачева (арх. бр. Веснины, 1931); ДК завода «Серп и молот» (арх. И. Милинис, 1933). Все они выполнены в конструктивистском стиле. Подобные типы сооружений в этот период проектировали и строили по всему Советскому Союзу архитекторы Бархины, И. Фомин, В. Гельфрейх, А. Белогрудов, А. Гегелло, А. Дмитриев,

М. Гинзбург, А. Крячков, И. Леонидов, Н. Троцкий, П. Голосов, А. Оль и др.

Иркутск не был исключением: в связи с индустриализацией, увеличением численности горожан и культурной политикой возникла необходимость в создании новых общественных сооружений. В основном крупные промышленные и общественные сооружения Иркутска в этот период проектировали архитекторы из Москвы и Ленинграда. Например, для строительства здания чаепрессовочной фабрики привлекалась проектная документация, разработанная ведомственной московской проектной организацией при Госплане [7, с. 4]. Затем для контроля из Москвы был специально командирован начальник строительства и главный инженер этой организации.

Одним из иркутских культурных объектов рассматриваемого периода является здание Дома культуры завода им. В. В. Куйбышева 1934 года постройки (первоначальное название – Клуб «Союззолото»), в настоящее время имеющее адрес: ул. К. Маркса, 53. Проект разрабатывал ленинградский архитектор А. А. Оль (1883–1958) [8, л. 2, 3]. Это здание построено в стиле конструктивизма, что вполне закономерно – развертывание строительства в Восточно-Сибирском крае совпало с господством в советской архитектуре этого стиля, который по своим особенностям в полной мере подходил под индустриальный тип.

Конструктивизм – авангардное течение (стиль) первой трети XX века, затронувшее многие виды искусства. Его идейный вдохновитель, основатель движения ОСА (Общество современных архитекторов) и журнала «СА» («Современная архитектура») М. Гинзбург считал, что «<...> конструктивизм – есть рабочий метод, который отыскивает самый верный и правильный путь к новой форме, максимально отвечающей новому социальному содержанию <...>» [9, с. 145].

В итоговой резолюции по докладам идеологической секции ОСА на Первой конференции Общества современных архитекторов в Москве было продекларировано, что не элементы украшения составляют суть конструктивистских зданий, и даны следующие признаки конструктивизма: система построения объекта и расчленение



> Рис. 4. Дом Советов,
г. Улан-Удэ. ЦГАЛИ

функций; максимальное качество всех частей сооружения, исходя из их социального и технического назначения; использование всех особенностей элементов архитектуры: плоскости, объема, пространственного соотношения, масштаба, фактуры, цвета и пр. Отвергались некомпетентность специалистов в вопросах «социально-художественного качества архитектуры», украшательство, эклектизм, абстрактность и оторванность от реальности, дилетантизм и пр. Декларировалось, что советская архитектура должна вырастать из специфики «нового социального типа» и прогрессивных технических методов строительства [10, с. 78]. Практически всеми новыми принципами подхода к архитектуре обладало здание Клуба «Союззолото» в Иркутске.



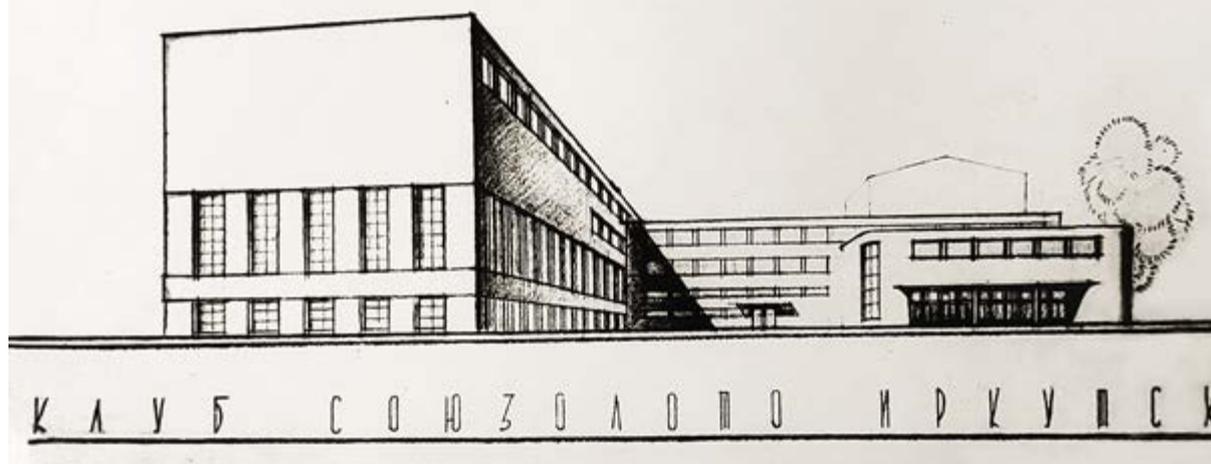
> Рис. 3. Дом-коммуна.
Санкт-Петербург,
ул. Рубинштейна, 7. ЦГАЛИ

Прежде чем перейти к рассмотрению этого проекта, стоит упомянуть биографию его автора. Андрей Андреевич Оль родился в Санкт-Петербурге 25 июня 1883 года в семье купца второй гильдии Иоганна Андреаса Оля. Дед архитектора – уроженец Пруссии, каретный мастер Иоханнес Оль переехал в Петербург в середине 1830-х годов. Бабушка Луиза Бландина происходила из семьи финских шведов, ювелиров Фальстрёмов. В детстве Андрей Оль любил столярничать в мастерской своего дяди, краснодеревщика Отто Давида Оля. Мать А. А. Оля, Мария Ивановна, была дочерью художника и фотографа И. А. Гоха. Оль дружил со своим двоюродным братом И. А. Шарлеманем, ставшим впоследствии художником, одним из основателей Тбилисской академии художеств. По всей видимости эти обстоятельства сыграли существенную роль в формировании личности будущего архитектора [11, с. 5].

После окончания в Петербурге реального училища в 1901 году Андрей Оль поступает в Институт гражданских инженеров имени императора Николая I (ИГИ), в котором его наставниками были крупнейшие петербургские зодчие В. А. Косяков и А. И. фон Гоген. Во время перерыва обучения из-за политических событий революции 1905 года А. Оль получает архитектурную профессиональную практику в мастерской видного представителя северного модерна Ф. И. Лидваля, работая в качестве проектировщика и наблюдателя за производством строительных работ на некоторых объектах мастера. Кроме этого, А. Оль превосходно владел рисунком и акварелью, участвовал в выставках, а также проектировал мебель и малые архитектурные формы [11, с. 5].

В многолетней архитектурной практике А. Олю пришлось поработать практически во всех архитектурных стилях своей эпохи, которые диктовали время и смена социальных формаций – от эклектики ретроспективизма через авангард конструктивизма к помпезности советской неоклассики.

Кроме архитектуры, А. Оль более сорока лет занимался педагогической деятельностью, где прошел все этапы профессионального роста. Он преподавал архитектурное черчение, ордера и формы в 1912–1916 годах на политических курсах Общества народных университетов.



< < Рис. 6. Перспектива клуба «Союзолото». ЦГАЛИ

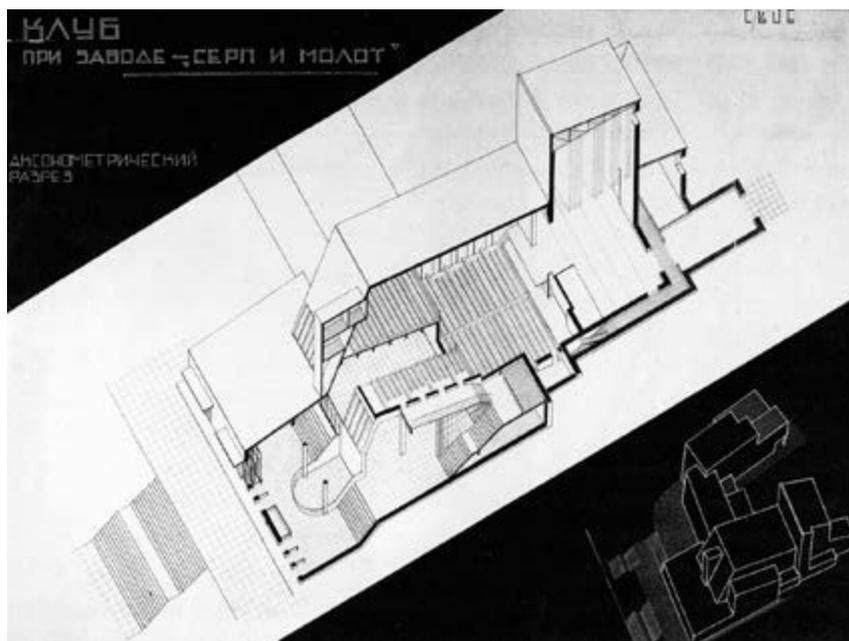
С 1921 года работал в ЛИИКСе¹ (бывшем ИГИ, нынешний СпбГАСУ²), где вел архитектурное черчение, архитектурные обмеры, историю архитектуры, акварель и архитектурное проектирование. Заведовал кафедрой архитектурного проектирования. Получил звание профессора и степень доктора архитектуры. Вершиной карьерного роста А. А. Оля стало избрание его членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР. Кроме того, руководил мастерской № 4 Ленпроекта, много сил уделял общественной работе, имел высокие правительственные награды [11, с. 13, 14].

Он проектировал и строил как жилые, так и общественные здания, промышленные предприятия, а также целые кварталы и микрорайоны с полной инфраструктурой. С конца 1920-х до начала 1930-х годов А. А. Оля увлекался конструктивизмом. В частности, он в соавторстве строит в Ленинграде дом-коммуна по ул. Рубинштейна, 7, в народе прозванную как «Слеза социализма». Для того времени это был прогрессивный тип жилого дома с общественным бытом. Здание выдержано в лаконичном ключе, без лишних деталей, но с интересным решением в верхнем этаже, где одна половина дома по продольной линии имела высотность в 5 этажей, а другая – в четыре, причем меньшая по высоте половина служит террасой для большей. Время показало бесперспективность данного типа жилья, и впоследствии здание было реконструировано с добавлением отдельных санузлов. Интересную характеристику дому дала проживавшая там поэтесса О. Ф. Берггольц: «Его официальное название – "Дом-коммуна инженеров и писателей". А потом появилось шуточное, но довольно популярное в Ленинграде прозвище – "Слеза социализма". Нас же, его инициаторов и жильцов, повсеместно величали "слезинцами". Мы, группа молодых (очень молодых!) инженеров и писателей, на паях выстроили его в самом начале 30-х гг. в порядке категорической борьбы со "старым бытом" <...> Мы вселились в наш дом с энтузиазмом <...> и даже архи непривлекательный внешний вид "под Корбюзье" с массой высоких крохотных клеток-балкончиков не смущал нас: крайняя убогость его архитектуры казалась нам какой-то особой строгостью, соответствующей времени. <...> Звукопроницаемость же в доме была такой иде-

альной, что если внизу, на третьем этаже <...> играли в блочки или читали стихи, у меня на пятом уже было все слышно вплоть до плохих рифм. Это слишком тесное вынужденное общение друг с другом в невероятно маленьких комнатках-конурках очень раздражало и утомляло» [12, с. 69–71].

А. Оля участвовал и побеждал в конкурсах на проектирование общественных зданий. Например, в 1930 году в конкурсе на проектирование Дворца культуры Пролетарского района г. Москвы руководил бригадой студентов ЛИИКС. В авангардном стиле А. А. Оля создал проект Дома Советов в г. Улан-Удэ в 1928 году [13, л. 3].

Зодчий проектировал и клубные здания: клуб в Ленинградском торговом порту в 1925 году и конкурсный проект клуба при заводе «Серп и молот» в Москве в 1929 году, который был создан с привязкой к местности [11, с. 115].



в Рис. 5. Разрез. Аксиометрия. Конкурсный проект клуба при заводе «Серп и Молот», Москва [11]

> Рис. 9. Здание
заводоуправления (после
реконструкции).
Фото В. Лисицина, 2022



3. Центральный госу-
дарственный архив
литературы и искусства
Санкт-Петербурга.

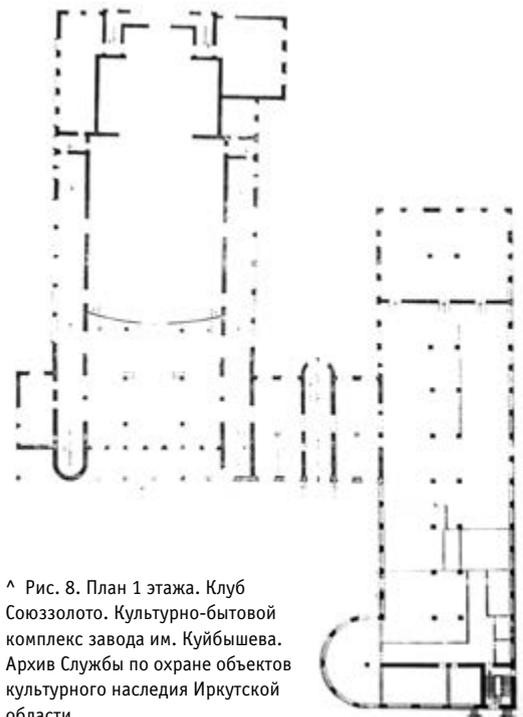
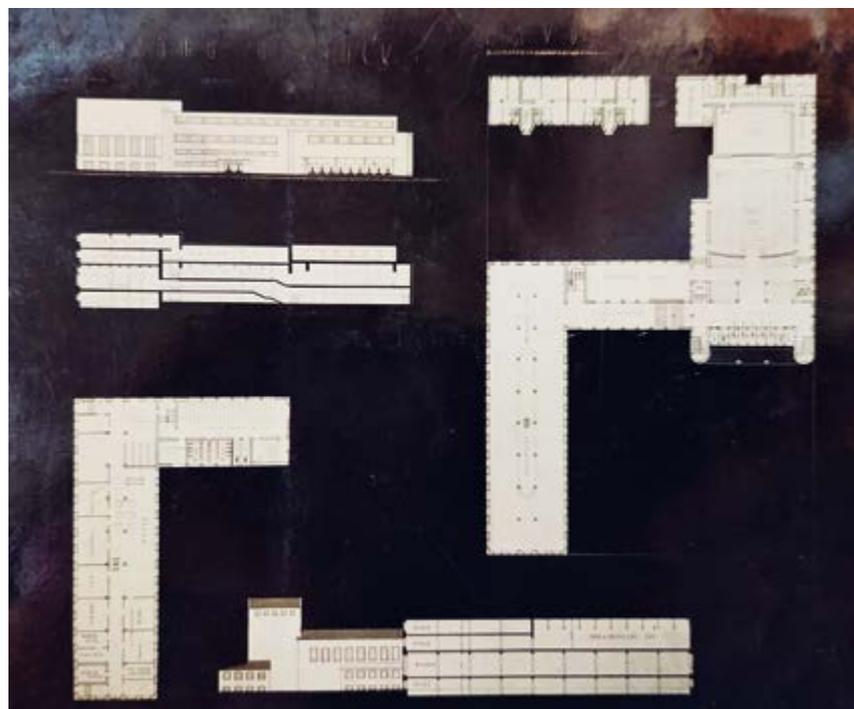
Конструктивистский проект клуба «Союззолото» (впоследствии – Дом культуры завода им. В. В. Куйбышева) был выполнен А. Олем на рубеже 1920–1930-х годов. Механический завод сформировался на базе обозных мастерских, которые появились на берегу Ангары в 1907 году, затем под ведомством «Союззолото» находился в 1927–1930 годы. В 1930 году механическому заводу присвоили имя В. В. Куйбышева, и клуб становится Домом культуры завода им. В. В. Куйбышева [14].

В «Летописи» Ю. Колмакова отмечено: «14 марта. На Вшивой горке, Сенной площади (угол улиц Мяснорядской и К. Маркса) началось строительство Дома культуры механического завода по проекту архитектора А. А. Оля. На его возведение отпущено "Союззолотом"

270 тысяч руб., профсоюзом металлистов 300 тысяч руб. <...> 16 марта. Управляющему конторой по строительству объектов "Союззолото" инженеру Б. Тетевину были поручены правлением следующие работы: <...> возведение Дома культуры, включавшего в себя клуб, столовую и ясли <...>» [15, с. 538]. Но Б. Тетевин не был автором проекта этого клуба. В результате объявленного конкурса на проектирование клуба победил А. А. Оля.

Примечателен факт несоответствия планов конкурсного проекта архитектора Оля и действующего здания Дома культуры. В именном фонде А. Оля в ЦГАЛИ³ (Санкт-Петербург) сохранились фотографии чертежей проекта: перспектива, планы этажей и фасады здания Клуба «Союззолото». На листе с изображением перспективы

v Рис. 7. Планы
этажей и фасады
клуба «Союззолото».
Конкурсный проект.
Архитектор А. А. Оля.
ЦГАЛИ



^ Рис. 8. План 1 этажа. Клуб
Союззолото. Культурно-бытовой
комплекс завода им. Куйбышева.
Архив Службы по охране объектов
культурного наследия Иркутской
области



^ Рис. 10. Дом культуры завода им. Куйбышева (после реконструкции). Фото В. Лисицина, 2022

объекта написано, что это конкурсный вариант Клуба «Союззолота» [8, л. 2]. При их сравнении с планами из архива Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области очевидно несовпадение по планировке и по фасадам. Но сопоставление с копией проекта плана 1 этажа (документ хранился в администрации завода и был предоставлен автору этой статьи) показывает полное соответствие с построенным зданием Клуба.

В архиве находится план бокового фасада за подписью А. Оля, который также соответствует построенному объекту, за исключением бокового парапета главного объема, где располагается театральный зал. На проекте парапета нет, присутствует традиционная двускатная крыша. На существующем объекте парапет возведен, что является характерной имитационной особенностью для создания ощущения плоской крыши в зданиях, построенных в стиле конструктивизма. Возможно, А. Оля после победы в конкурсе доработал проект и уже переделанные чертежи переслал для строительства клуба в Иркутск. В ведомственной строительной конторе под руководством инженера Б. Тетевина⁴ эти чертежи были откорректированы: добавлены конструктивные узлы, уточнена спецификация элементов здания и спроектированы элементы коммуникации; объект увязан с рельефом местности, в т. ч. с системой дорожно-пешеходной сети и направлением главного входа на центральную улицу Карла Маркса. Это очевидно по набору сохраненных чертежей за 1932–1933 годы. Например, на одном из листов в штампе написано: «Примечание: Восстановлено по некомплектным проектным чертежам 1932–33 г.».

Клуб представлял собой новый тип многофункционального общественного здания и включал в себя: а) театральный зал, б) спортзал, в) библиотеку, г) столовую, д) фабрику-кухню, е) кружковые классы и др. помещения. Ч-образная в плане (три больших объема врезаются в друг друга под прямым углом), тщательно продуманная функциональная схема клуба связывала многочисленные помещения, размещенные в двух- и трехэтажных объемах, что позволило создать сложную, но достаточно компактную объемно-пространственную композицию, органично



встроенную в пространство земельного участка, осложненное соседством дорожно-пешеходного узла в центральной части города. Здание находится на перекрестке улиц Карла Маркса и Франк-Каменецкого (название улиц в настоящее время). Значительный объем (юго-восточный фасад) с главным входом расположен с большим отступом от красных линий ул. Карла Маркса, в результате чего образовалась площадка внушительных размеров для организации торжественного входа, на которой размещены цветники и деревья. От главного входа к дороге спускаются ступени. Юго-западный фасад здания расположен на красной линии ул. Франк-Каменецкого.

Функциональное зонирование и конструктивное решение этой постройки в полной мере соответствует «павильонному» методу композиции, присущему конструктивизму. Здание делится на отдельные по назначению корпуса, которые соединяются друг с другом при помощи коридоров и переходов в соответствии с требованиями общего функционального зонирования.

В проекте здания клуба «Союззолото» (Дом культуры завода им. В. В. Куйбышева) полностью соблюдены базовые принципы конструктивизма:

^ Рис. 11. Несоответствие планировочной структуры конкурсного проекта А.А. Оля с существующим объектом. Скриншот Google maps. 2022

4. Б. Тетевин также являлся автором проекта здания Управления завода им. В. В. Куйбышева.

> Рис. 12. Дом культуры завода им. Куйбышева. Отделка фасада рустованным камнем 1957 г. / The constructivist project / Клуб завода им. Куйбышева (<http://theconstructivistproject.com/ru/object/2018/klub-zavoda-imeni-kujbysheva>)



1) членение здания на локальные функционально-пространственные единицы;

2) решение объемно-пространственной задачи, исходя из свойств строительных материалов и конструкций;

3) определение композиционного соотношения пространственных объемов, их ритм и пропорции;

4) подчинение частей объекта конкретной функции.

Следует отметить, что некоторые элементы внешнего декоративного оформления (пилястры, карнизы, рустовка на фасаде здания) абсолютно несвойственны конструктивизму. В момент сдачи в эксплуатацию здания в 1934 году подобный декор отсутствовал. Его не было в первоначальном проекте А. А. Оля. Возможно, они появились позже, в период, когда архитекторы были вынуждены взять курс на «освоение классики», либо возникли при плановом ремонте фасадов в послевоенное время – в 1953 году, в период советской неоклассики. На фотографии 1957 года видно, что фасад Дома культуры «одет» в рустованный камень.

Ситуация с проектированием «удаленно» была не единичной. Иркутские инженеры-архитекторы являлись в своем роде соавторами «столичных» проектов, которые, как правило, не были привязаны к реальной местности. Их создатели не были знакомы с возможностями местной базы стройиндустрии и не могли выполнить рабочие чертежи с привязкой к реальному участку застройки и с подробным описанием используемых материалов и технологии строительства. В иркутских газетах 1930-х годов представлены критические материалы об отсутствии проектной документации на возводимые объекты у таких крупных застройщиков, как «Союззолото», чаепрессовочная фабрика, слюдяной трест и др. Газета «Власть труда» писала по этому поводу: «Союззолотом представлено 24% проектов от общего, утверждено – одна пятая часть! Дворец культуры (Клуб завода им. Куйбышева) строится без проекта, по каким-то наспех составленным эскизам!» [16, с. 4]. В статье «Строительству «Союззолото» угрожает опасность», опубликованной в газете «Власть труда» (№ 146 за 1930) указывается: «Нет проектов строительства. Недостаточно транспорта для доставки строительных материалов. До сих пор нет проектов: прокатного цеха, механического завода, компрессорной

и ряда других объектов. Проект уже строящегося Дома Культуры до конца не разработан и еще не утвержден» [17]. То, что на местах происходила переделка проектов столичных архитекторов, свидетельствует критическая статья Д. Арановича «О клубе профсоюза текстильщиков «Красные текстильщики», построенном по проекту инж. А. Розанова в 1928 г.»: «В высшей степени поучительна "предыстория" постройки ряда наших клубов... заказчик ограничивается составлением бюрократических формальных условий конкурса, с результатами самого конкурса не считается и в итоге поручает строить «своему» ведомственному архитектору, который и синтезирует все представленные проекты» [5, с. 31].

В сложный период индустриализации, когда требовалось за короткий срок возвести большое количество объектов, в т. ч. индустриального типа, остро стояла проблема с чертежами, особенно при географической удаленности авторов проектов. Местным архитекторам и инженерам-конструкторам приходилось в срочном порядке додумывать и адаптировать чертежи, чертить недостающие элементы конструкций или коммуникаций, иначе стройка замедлялась или вообще останавливалась, а сроки сдачи объекта в эксплуатацию должны были быть выполнены.

В конечном итоге клуб «Союззолото» (Дом культуры завода им. В. В. Куйбышева) был построен, органично вписан в окружающий ландшафт, в полной мере отвечает принципам функционального зонирования в духе своего времени с лаконичной отделкой фасадов. Дом культуры завода им. В. В. Куйбышева был сдан к 7 ноября 1934 года. Строительство продолжалось чуть больше четырех лет.

Судьба здания изменилась после реорганизации завода им. В. В. Куйбышева в 1992 году. Здание закрыли для посетителей под предлогом обрушения перекрытий и сдали в аренду на 40 лет. После чего функция объекта трансформировалась с культурно-досуговой на торговую. Через десять лет – 5 февраля 2002 года около 19.00 произошел сокрушительный пожар; 15 пожарных расчетов более 12 часов боролись с огнем. К сожалению, большая часть здания сгорела, а то что осталось, по заявлению экспертов, восстановлению не подлежало. В настоящее

время бывшее здание клуба подверглось полной реконструкции, в т. ч. у части фасадов, например, появилась застекленная мансарда на уровне 4 этажа, изменена входная группа и пр. И все же, даже в таком измененном варианте, угадываются черты былого великолепия конструктивистского образа.

Наряду со зданием Дома культуры здание Управления завода им. В. В. Куйбышева является еще одним ярким примером конструктивистской архитектуры. Эти два здания стоит рассматривать в комплексе, они существуют как единый ансамбль, поэтому уместно сказать несколько слов и о здании заводоуправления. Г-образное в плане здание расположено напротив Дома культуры, на углу ул. Октябрьской революции и К. Маркса. Несущая конструктивная схема связей железобетонных балок и стоек, а также широкие окна и сплошное вертикальное остекление до уровня третьего этажа указывают на стиль конструктивизма. Прямоугольные объемы разной высоты врезаются перпендикулярно друг в друга, соединяясь в угловой цилиндрический объем, где расположены центральный вход и лестничная клетка. Объемы максимально функциональны, благодаря чему перемещение людских потоков строго дифференцировано. Здание заводоуправления создает в совокупности с Домом культуры им. В. В. Куйбышева некое торжественное оформление въезда на территорию завода.

Реалии нашего времени таковы, что вместо Домов культуры появляются торгово-развлекательные центры. Но памятники конструктивизма пока еще стоят, являясь немymi свидетелями былых великих перемен. И многие современные архитекторы до сих пор черпают вдохновение и привносят в свои произведения забытые черты лаконичных форм конструктивизма.

Литература

- Лисицина Я., Лисицин В. Здесь дом дадут хороший нам... (1930-е) // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 70–75
- Народные дома / Большая Советская энциклопедия // Наука. Искусство. Величие. – URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/fc/slovar-205-12.htm#zag-62478> (дата обращения: 19.12.2022)
- Народный дом. Брюссель. Maison du Peuple, Brussels // Wikipedia l'encyclopedie. – URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Maison_du_Peuple_\(Bruxelles\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Maison_du_Peuple_(Bruxelles)) (дата обращения: 19.12.2022)
- Клубные учреждения / Большая Советская энциклопедия // Наука. Искусство. Величие. – URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/5698/klubnye-uchrezhdeniya.htm> (дата обращения 19.12.2022)
- Из истории советской архитектуры 1926–1932 гг. : документы и материалы : рабочие клубы и дворцы культуры, Москва / [АН СССР и др. ; сост. В. Э. Хазанова] ; отв. ред. К. Н. Афанасьев. – Москва : Наука, 1984. – 139 с. : ил.
- Клубные учреждения // Большая Советская энциклопедия // Наука. Искусство. Величие. – URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/5698/klubnye-uchrezhdeniya.htm> (дата обращения: 19.12.2022)
- Строительство чаепрессовки начнется в ближайшее время // Власть труда. – 1930. – № 134
- ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга). Ф. 515. Оп. 1. Д. 13
- Гинзбург, М. Я. Конструктивизм в архитектуре // СА. – 1928. – № 3
- Резолюция по докладом идеологической секции ОСА // СА. – 1928. – № 3
- Архитектор Андрей Андреевич Оль. 1883–1958. / сост. Л. Кирикова, Г. Васильева, К. Житорчук. – Санкт-Петербург : Изд-во ГМИ СПб., 2008. – 180 с.
- Берггольц О. Ф. Дневные звезды. – Ленинград : Сов. писатель, 1959. – 164 с.
- ЦГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 58
- Иркутский завод тяжелого машиностроения / История завода. – URL: <http://iztm.ru/about/istoriya/> (дата обращения: 19.12.2022)
- Иркутская летопись, 1661–1940 гг. / сост. автор предисловия и примечаний Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2004. – 848 с.
- На совещании по строительству. Союз строителей, Союз хозяйственников // Власть труда. – 1930. – № 118
- Строительству «Союззолото» угрожает опасность // Власть труда. – 1930. – № 146
- The constructivist project/Клуб завода им. Куйбышева. – URL: <http://theconstructivistproject.com/ru/object/2018/klub-zavoda-imeni-kujbysheva> (дата обращения: 19.12.2022)

References

- Afanasyev, K. N. (1984). Iz istorii sovetskoj arkhitektury 1926-1932 gg.: dokumenty i materialy: rabochie kluby i dvortsy kultury [From the history of Soviet architecture in 1926-1932. Documents and materials: Workers' clubs and palaces of culture]. Moscow: Nauka.
- Berggoltz, O. F. (1959). Dnevnye zvezdy [The Daytime Stars]. Leningrad: Soviet writer.
- Ginzburg, M. Ya. (1928). Konstruktivizm v arkhitekture [Constructivism in architecture]. SA, 3.
- Irkutsk Heavy Machinery Plant. History. (n.d.). Retrieved December 19, 2022, from <http://iztm.ru/about/istoriya/>
- Kirikova, L., Vasilyeva, G., & Zhitorchuk, K. (Comps.). (2008). Architect Andrey Andreyevich Ol. 1883-1958. Saint-Petersburg: Publishing House of Saint-Petersburg State Museum of Fine Arts.
- Klubnye uchrezhdeniya [Club-type institutions]. (n.d.). In Large Soviet Encyclopedia. Science. Art. Greatness. Retrieved December 19, 2022, from <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/5698/klubnye-uchrezhdeniya.htm>
- Klub zavoda imeni Kuibysheva [Kuibyshev Plant Club]. (n.d.). The constructivist project. Retrieved December 19, 2022, from <http://theconstructivistproject.com/ru/object/2018/klub-zavoda-imeni-kujbysheva>
- Kolmakov, Yu. P. (Comp.). (2004). Irkutskaya letopis, 1661-1940 [Irkutsk chronicle, 1661-1940]. Irkutsk: Ottisk.
- Lisitsina, Ya. & Lisitsin, V. (2021). Here we'll be given a good house... (the 1930s). Project Baikal, 18(68), 70-75. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1805>
- Maison du Peuple (Bruxelles) (2022, December 15). In Wikipedia. Retrieved December 19, 2022, from [https://fr.wikipedia.org/wiki/Maison_du_Peuple_\(Bruxelles\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Maison_du_Peuple_(Bruxelles))
- Narodnye doma [People's Houses]. (n.d.). In Large Soviet Encyclopedia. Science. Art. Greatness. Retrieved December 19, 2022, from <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/fc/slovar-205-12.htm#zag-62478>
- Na soveshchani po stroitelstvu. Soyuz stroitelei, Soyuz khozyaistvennikov [At the construction meeting. Union of Builders, Union of Economists]. (1930). Vlast truda, 118.
- Rezolyutsiya po dokladam ideologicheskoi sekcii OSA [Resolution on the reports of the ideological section OSA] (1928). SA, 3.
- Stroitelstvo chaepressovki nachnetsya v blizhaishee vremya [Construction of the Tea-Pressing Plant will start soon]. (1930). Vlast truda, 134.
- Stroitelstvu "Soyuzoloto" ugrozhaet opasnost [Soyuzoloto's construction is in danger]. (1930). Vlast truda, 146.
- TsGALI (Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg). F. 515. Inv. 1. File 13.
- TsGALI. F. 515. Inv. 1. File 58.

Статья посвящена архитектурному наследию Леонида Ламекина, 100 лет со дня рождения которого исполнилось в 2022 году. В статье дается обзор и анализ особенностей творческой деятельности архитектора Л. А. Ламекина в иркутский период его творчества, где он прожил 13 лет. Характеризуются наиболее заметные здания и комплексы, построенные архитектором в Иркутске. Архитектурный ансамбль, созданный архитектором в центральной части города, стал самым запоминающимся произведением мастера.

Ключевые слова: архитектура Иркутска; планировка Иркутска; неоклассицизм; сталинская архитектура; градостроительная реконструкция; ленинградская школа архитектуры; градостроительные ансамбли; жилая архитектура Иркутска. /

The article is devoted to the architectural heritage of Leonid Lamekin to commemorate his 100th anniversary in 2022. The article reviews and analyses the peculiarities of L. A. Lamekin's creative work during the 13 years spent by the architect in Irkutsk. The most noticeable buildings and complexes constructed by the architect in Irkutsk are characterized. The architectural ensemble created by the architect in the central part of the city became the most remarkable work of the master.

Keywords: Irkutsk architecture; layout of Irkutsk; Neoclassicism; Stalinist architecture; urban reconstruction; Leningrad school of architecture; urban ensembles; Irkutsk residential architecture.

Архитектор Л. А. Ламекин (1922–1994) / Architect L. A. Lamekin (1922–1994)

текст

Андрей Ляпин

Иркутский национальный
исследовательский
технический университет /

text

Andrei Lyapin

Irkutsk National Research
Technical University

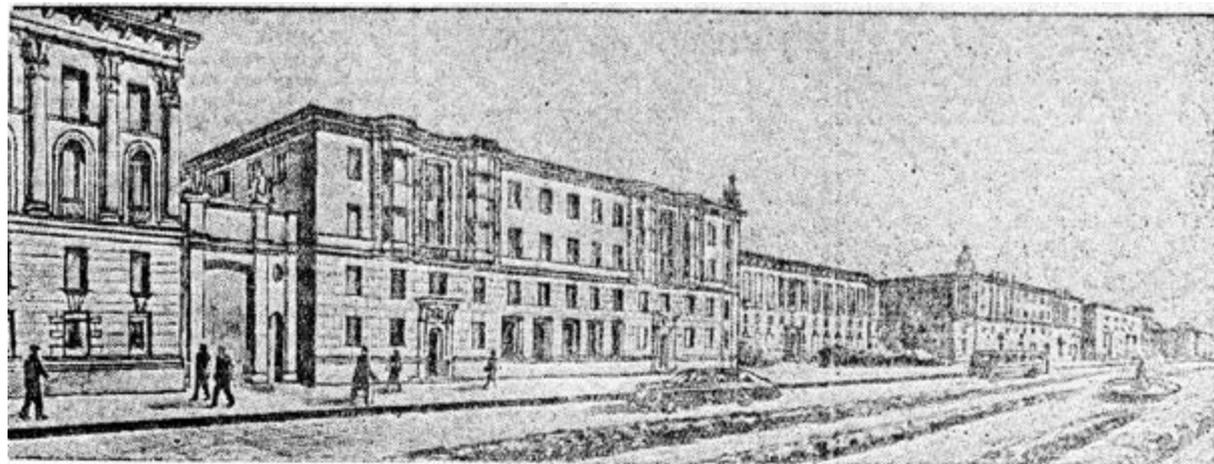
Леонид Авраамович Ламекин родился 10 октября 1922 года в селе Климовичи (Белоруссия). В Иркутск Леонид Ламекин приехал ранней осенью 1948 года. В мае этого года он защитил дипломный проект в Ленинградском инженерно-строительном институте, и в первые дни осени того же года поезд доставил молодого архитектора в город на Ангаре. По словам приемного сына архитектора, историка Андрея Комиссарова, Леонид Ламекин ярко запомнил первое впечатление об Иркутске – глубокое синее небо, желтая листва по берегам, широкая, сильная, красивая река с прозрачной водой и стадо коров, медленно переходящее на левый берег реки по большому городскому мосту. Тихая, неспешная городская жизнь, покой и «сонная» провинциальная атмосфера. Архитектор прибыл поездом, и остановка на мосту при переезде в Кировский район из-за стада коров позволила ему рассмотреть панораму Иркутска со стороны Ангары в деталях. Выглядело и красиво, и интересно. Андрей Комиссаров называл своего отчима отцом и, рассказывая о выборе отцом места своей будущей работы, отмечал, что Леонид Ламекин выбрал Иркутск потому, что здесь у него были близкие друзья-однополчане, которые после войны вернулись в родной для них город. А у самого архитектора за плечами тоже была вся война – от июня

1941 до демобилизации на территории Германии в апреле 1946 года.

В Иркутске в это время разворачивалось большое строительство. После принятия в 1947 году правительственного решения о строительстве Иркутской ГЭС и интенсивном развитии Иркутско-Черемховского промышленного района осуществлялось обновление центра города, активно застраивались окраины. Политика градостроительного развития Иркутска, разработанная в 1938–1947 годах главным архитектором города Андреем Семеновичем Бутенко и нацеленная на создание крупных и впечатляющих архитектурных ансамблей, продолжалась и после 1947 года преемником Бутенко архитектором Владимиром Николаевичем Волковым.

Молодой архитектор сразу оказался причастен к крупным проектам. Почти одновременно он начал работать над проектом Центрального парка под руководством архитектора Сергея Андреевича Гусарова, Центрального стадиона под руководством Бориса Михайловича Кербеля и над доработкой проекта «Дома Советов» под руководством Константина Ивановича Гурьева.

Через год, в 1949, приобретя под руководством старших архитекторов необходимый опыт, Леонид Ламекин получает самостоятельный проект – реконструкцию





< Фото Татьяны Баженовой

и надстройку Областной клинической больницы на набережной Ангары – бывшей Кузнецовской больницы, построенной известным иркутским архитектором XIX века Александром Разгильдеевым.

Еще через год, в 1950-м, Леонид Авраамович начинает проектировать один из самых значительных объектов в его творчестве – комплекс двух жилых зданий и общежития Института иностранных языков по улице Ленина. Эти здания были частью более крупной градостроительной реконструкции важнейшего в композиционном отношении перекрестка улиц Карла Маркса и Ленина. Здесь предусматривалась установка крупного идеологического и архитектурного ориентира – памятника В. И. Ленину, выполненного для Иркутска известным советским скульптором Николаем Томским. В работе по реконструкции прилегающей территории участвовала архитектор-техник Зинаида Даниловна Бутенко. По ее проекту сделана планировка нового сквера возле памятника. 23 сентября 1952 года состоялось торжественное открытие памятника Ленину, а в декабре этого же года был введен в эксплуатацию первый дом архитектурного комплекса по проекту Леонида Ламекина – дом по ул. Ленина, 15 на противоположной стороне улицы.

В апреле 1952 года в газете «Восточно-Сибирская правда» был опубликован проектный рисунок Леонида Ламекина, показывающий общий вид будущего ансамбля. Исходя из главного элемента ансамбля – памятника В. И. Ленину, архитектор сознательно планировал на противоположной стороне улицы спокойный уличный фон, который издали, из сквера вокруг памятника, формировал ровный и одновременно возвышенный образ городской архитектурной среды. Архитектор создавал единую линию карниза в этой части улицы Ленина, заполняя своим комплексом зданий промежуток между существующим Театром юного зрителя (бывшая гостиница «Центральная»; архитектор А. И. Кузнецов, 1907) и гостиницей «Дом горняка» (архитектор Б. М. Кербель, 1936). Архитектурная композиция самого комплекса зданий создана в полном соответствии с традицией европейской архитектурной классики. Два крупных четырехэтажных жилых дома (№ 15 и № 19) занимают фланги архитектурного комплекса, в центре которого, с большим отступом



< Фото Татьяны Баженовой

от линии улицы, поставлено здание общежития (ныне жилой дом, ул. Ленина, 17). Большой отступ от красной линии улицы формирует парадный двор-курдонёр, главная ось которого замкнута на главный вход в общежитие, подчеркнутый лестницей и большим порталом вокруг дверного проема. Центральная ось общежития и всего архитектурного комплекса в объеме здания усиливается крупной нишей над входным порталом здания с сильно выдвинутыми вперед пилястрами, идущими на высоту двух этажей – третьего и четвертого. Линия балконов создает спокойный метрический ритм, подчеркивая расположение зданий комплекса на одной из главных магистралей центра Иркутска. Три здания комплекса поставлены довольно близко друг к другу, и в направлении двора между зданиями устроена декоративная арочная перемычка, украшенная вазоном и декоративными элементами. Фасады дома № 15 и бывшего общежития органично украшены лепным декором. Проектное решение предусматривало также создание небольших башенок на углах домов 15 и 19, обращенных к двору-курдонёру. Обращает на себя внимание лепной сюжетный барельеф, встроенный в западный фасад здания № 15, изображающий вид всего будущего ансамбля. Дом № 15 и общежитие института были возведены в соответствии с замыслом автора уже к 1953 году. Строительство дома № 19 задержалось на несколько лет, и потому, когда здание достраивали во второй половине 1950-х годов в соответствии с правительственным постановлением о борьбе с излишествами в проектировании и строительстве от 4 ноября 1955 г., дом построили без задуманного декоративного оформления.

Известный историк и теоретик архитектуры Сибири Борис Оглы в своей монографии о планировке и архитектуре Иркутска, говоря о реконструкции улицы Ленина, проведенной архитекторами Бутенко, Волковым и Ламекиным, отмечает, что, благодаря неоклассической стилистике, «...» большинство созданных здесь зданий не выпадали из характера сложившейся застройки и завершали отдельные отрезки улиц, занятые до этого деревянными домами» [1, с. 77].

В 1952 году Леонид Ламекин проектирует здание двухэтажного швейного ателье по улице Франк-Каменецкого. Здание введено в строй в 1954 году.

В те же годы произошли изменения и в личной жизни Леонида Авраамовича: он женился на иркутянке Екатерине Андреевне Карякиной, сын которой от первого брака Андрей стал его приемным сыном и заботливо им воспитывался. Через несколько лет в их семье произошло пополнение – появился сын Леонида Ламекина Виктор.

В 1954–1955 годах Леонид Ламекин выполняет проект реконструкции Дома офицеров по улице Карла Маркса. Масштабное расширение здания включало создание зрительного зала, большого фойе перед зрительным залом, кафе и первую в Иркутске бильярдную. Монументальные исторические уличные фасады старого здания, построенного архитектором Владиславом Кудельским в XIX веке, он оставил без изменений, перенеся все создаваемые дополнения на дворовый фасад и в интерьеры. Со слов сына Андрея, история с реконструкцией Дома офицеров для Леонида Авраамовича имела продолжение в том, что он подружился с сыном маршала Родиона Малиновского Эдуардом Родионовичем, а после завершения проекта купил у него красный трофейный автомобиль «Мерседес-Бенц», подаренный Эдуарду отцом. Сам Леонид Авраамович прав на вожделение так и не получил, но на этой заметной машине катались все его друзья.

Все знавшие его люди отмечают, что архитектор Ламекин отличался работоспособностью и быстротой выполнения проектов; он будто уже сразу знал, как следует

выполнять проект. Через проектную группу Управления при главном архитекторе города к Леониду Авраамовичу с предложением выполнять для них как мелкие, так и крупные проекты обращались многочисленные производственные и торговые организации. Известны проекты интерьеров, которые Леонид Ламекин сделал для магазинов торговых предприятий «РыбТрест» и «Готовая одежда». Вид интерьера магазина «Готовая одежда» был опубликован в 1956 году в небольшой книжке «Строящийся Иркутск», написанной Г. А. Вендрихом и М. И. Рябцовским [2, с. 65]. Само здание магазина проектировал другой архитектор – Сергей Михайлович Заславский.

Следует рассказать о том, что в начальный период своей работы, до правительственного постановления 1955 года, он сам всегда следовал принципам неоклассицизма в архитектуре, уверенно и искусно применяя приемы классической архитектуры в своем творчестве. Это касалось и градостроительных вопросов композиции проектируемых им зданий, и пропорционирования объемов, и декоративного оформления фасадов. В эти годы архитектор применяет обильный классический декор, лепнину и сюжетные барельефы на фасадах своих построек.

В объектах, построенных до 1955 года, Леонид Ламекин в полной мере стремился воплотить принцип синтеза искусств, характерный для неоклассицизма. Он украшал фасады возводимых зданий барельефами, подчеркивающими назначение и местоположение создаваемых построек. Для обогащения пластики фасадов Леонид Авраамович использовал крупные объемные вазоны и даты сооружения зданий, помещенные в выразительные и заметные картуши. В архиве тогдашнего главного архитектора Иркутской области Бориса Михайловича Кербеля, работавшего вместе с Ламекиным над проектом Центрального стадиона в Иркутске, сохранился эскизный рисунок восточной входной части стадиона Леонида Ламекина. На быстро отрисованной перспективе высоких входных пилонов в уровне первого этажа с обеих сторон от входа размещены барельефы спортсменов: слева фигура хоккеиста, а справа – футболиста. Как вспоминал Андрей Комиссаров, будучи еще совсем ребенком, он наблюдал, как Леонид Авраамович сначала рисует, а потом собственноручно формирует из гипса эти фигуры, как и сюжетные барельефы с Амурскими воротами на жилом доме по улице Ленина. Рассказ заканчивается тем, что пришли рабочие и унесли созданные барельефы для установки на фасадах зданий. Сегодня известен только один сохранившийся барельеф Леонида Ламекина – на западном фасаде жилого дома по улице Ленина.

В конце 1950-х годов Леонид Ламекин проектирует один из корпусов Центрального рынка Иркутска [3, с. 331].

В 1957 году завершается большая работа, начатая архитектором сразу после его приезда в Иркутск. Речь идет о доработке проекта Дома Советов на центральной площади имени Кирова (ныне Дом Правительства Иркутской области). За 10 лет работы авторский коллектив под руководством архитектора Константина Гурьева практически полностью переделал первоначальный проект новосибирских архитекторов А. Д. Крячкова и В. С. Масленникова, созданный в рамках конкурса 1936 года. В этом авторском коллективе Леонид Ламекин отвечал за детализацию и проектирование интерьеров. Здание введено в эксплуатацию в 1960 году.

Сотрудничество с архитектором Константином Ивановичем Гурьевым продолжилось и в работе над другим значительным объектом. Под руководством Гурьева коллектив архитекторов в составе Л. А. Ламекина, Е. И. Барбышева и В. П. Шматкова выполнил проект



> Архитекторы – авторы проекта Центрального стадиона в Иркутске – обсуждают архитектурное решение главного входа. Слева направо: Сергей Андреевич Гусаров, Леонид Авраамович Ламекин и Борис Михайлович Кербель. Декабрь 1948



< Жилой комплекс на улице Декабристов Событий.
Фото 1950–1960-х годов

Дома политического просвещения по улице Российской. Здание было принято в эксплуатацию в 1958 году.

Проект другого значительного объекта государственного строительства Леонид Авраамович выполнил в середине 1950-х самостоятельно, без соавторов. Это было здание Районного комитета ВКП (б) Свердловского района на улице Чайковского. Здание вошло в строй в феврале 1959 года.

В 1955 году Леонид Ламекин начинает проектирование еще одного градостроительного ансамбля – большого жилого комплекса на улице Декабристов Событий. Этот комплекс жилых домов на большой ровной площадке между улицами Декабристов Событий и Красноказахской, непосредственно перед подъемом на гору с восточной стороны перед улицей Советской, был более крупным и масштабным, чем выполненный Ламекиным архитектурный ансамбль на ул. Ленина.

В уже упоминавшейся книге «Строящийся Иркутск» приведено общее изображение всего жилого комплекса на ул. Декабристов Событий – перспективный рисунок объектов «с птичьего полета». Показаны все 5 корпусов комплекса вокруг большого сквера-площади, видны пропорции объемов и пространств. Два самых крупных корпуса располагались по красной линии улицы Декабристов Событий и одновременно формировали пространство сквера, изменяя направление архитектурных объемов в глубь улицы за счет Г-образных планов. Корпуса имели переменную этажность: основная часть была четырехэтажная, но крупные ризалиты напротив центра сквера сильно выступали вперед и имели 5 этажей. Оба больших угловых корпуса имели по 96 квартир. Дворовые корпуса, как и входивший в единый ансамбль жилой дом № 8а по улице Красноказахской, были существенно меньше. К сожалению, изображение, представленное в книге, очень низкого типографического качества. Тем не менее, оно позволяет увидеть и некоторые детали, известные нам по комплексу на ул. Ленина, арочные перемычки с вазонами между корпусами, рельефные тяги между вторым и третьим этажами, более крупные и широкие арочные окна магазинов на первых этажах ризалитов [2, с. 113].

В связи с тем, что строительство зданий завершалось уже после упомянутого постановления 1955 года, декора-



< Дом политпросвещения.
Фото А. Г. Васильева. 1964

тивное оформление фасадов, как здания Свердловского райкома, так и домов всего комплекса площади Декабристов, большей частью было сокращено и предельно упрощено.

В конце 1959 года Леонид Авраамович принял решение продолжить свое архитектурное образование в аспирантуре. На следующий год он поступил в аспирантуру в Москве. После завершения учебы в аспирантуре Леонид Ламекин возвратился в родной для него Ленинград и работал в Ленинградском зональном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования руководителем одного из его подразделений. Леонид Авраамович Ламекин ушел из жизни 2 декабря 1994 года и похоронен в Санкт-Петербурге.

Литература

1. Оглы, Б. И. Иркутск. О планировке и архитектуре города. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. – 112 с. :ил.
2. Вендрих, Г. А., Рябцовский, М. И. Строящийся Иркутск. – Иркутск : Иркутское книжное издание, 1956. – 135 с.
3. Колмаков, Ю. П. Иркутская летопись. 1941–1991 гг. / сост., предисл. и примеч. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская»; «Оттиск», 2010. – 720 с.

References

- Kolmakov, Yu. P. (Ed.). (2010). *Irkutskaya letopis. 1941-1991 gg.* [Irkutsk's chronicle. 1941-1991]. Irkutsk: Zemlya Irkutskaya, Ottisk.
- Ogly, B. I. (1982). *Irkutsk. O planirovke i arhitekture goroda* [Irkutsk. About planning and architecture of the city]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Vendrih, G. A., & Ryabtsovskiy M. I. (1956). *Stroyashchiysya Irkutsk* [Irkutsk under construction]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo.

Со временем идентификация авторов даже знаменитых объектов утрачивается и подвергается забвению в профессиональной среде. С этим забвением постепенно утрачивается и сама история. Цель статьи – восстановление памяти об известном иркутском педагоге, но менее известном архитекторе. В статье применен метод эмпирических исследований и метод исключения. Исследование основано на архивных материалах Иркутской региональной организации Союза архитекторов России. Для фотофиксации объектов было проведено предварительное изучение архивных материалов. Восстановлены отдельные биографические факты и страницы творческой жизни Ю. Ф. Дмитриевского.

Ключевые слова: архитектор; основатель специальности «Архитектура»; преподаватель; Иркутский политехнический институт; ветеран Великой Отечественной войны; Союз архитекторов СССР./

Over time, the recognition of authors of even famous objects is lost in professional circles. With this oblivion, history is gradually lost too. This article aims at restoring the memory of a famous Irkutsk professor, who was less famous as an architect though. The article applies the method of empirical research and the method of exclusion. The research is based on the archival materials of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia. A preliminary study of archival materials was carried out to photograph the objects. Some biographical facts and pages of Yu. F. Dmitrievsky's creative life were reconstructed.

Keywords: architect; founder of the specialty "Architecture"; professor; Irkutsk Polytechnic Institute; veteran of the Great Patriotic War; Union of Architects of the USSR.

Архитектор и преподаватель Ю. Ф. Дмитриевский (1924–1991) / Architect and professor Yu. F. Dmitrievsky (1924–1991)

текст и фото объектов

Инна Дружинина

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text and photos of structures

Inna Druzhinina

Irkutsk National Research Technical University

Дмитриевский Юрий Федорович (1924–1991) – архитектор, преподаватель, кандидат архитектуры, инициатор создания и один из основателей специальности «Архитектура» [1] в Иркутском политехническом институте, первый заведующий кафедрой архитектурного проектирования, член Союза архитекторов СССР, ветеран Великой Отечественной войны (рис. 1).

Юрий Федорович родился 9 мая 1924 года в селе Абаканское Красноярского края в семье служащего. После его рождения семья жила в г. Минусинске, а с 1930 года на острове Сахалин. В 1936 году служба отца завершилась, и вся семья переехала в Новосибирск. Юрию ис-

полнилось 17 лет, когда началась Великая Отечественная война. В 1942 году он окончил школу, а уже с июля этого года по призыву районного комитета ВЛКСМ работал токарем на заводе 153 им. В. П. Чкалова [2]. Дождавшись совершеннолетия, осенью 1942 года, как многие соотечественники, ушел в армию и сражался на Волховском и Ленинградском фронтах до июля 1944 года. После ранения под Нарвой и лечения в Ленинграде с 1944 года 3 года работал там же токарем в тресте «Ленмостострой». В 1946 году вернулся в Новосибирск, а уже в следующем году поступил в Новосибирский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева на учебу по специальности «Архитектура» [3]. Это была 6-летняя программа обучения. По окончании вуза в 1953 году приехал в Иркутск и был принят на работу в проектный институт «Востсибгипрошахт» архитектором [2]. Со временем стал руководителем группы проектировщиков. В 1957 году Юрий Федорович перешел на преподавательскую работу в Иркутский горно-металлургический институт (позже переименованный в политехнический институт) старшим преподавателем по специальности «Промышленное и гражданское строительство» [3], где до начала 1960-х продолжал заниматься архитектурной практикой. В 1962 году вступил в члены КПСС [4]. Заочно окончил аспирантуру и в 1970 году защитил кандидатскую диссертацию. Позже ему присвоили ученое звание кандидата архитектуры [4]. С 1970 года возглавлял секцию архитектуры при кафедре строительных конструкций. В 1972 году стал членом Иркутского отделения СА СССР.

Ю. Ф. Дмитриевский известен иркутским архитекторам еще и как один из основателей, инициатор специальности «Архитектура», открытой в Иркутском политехническом институте в 1973 году. В том же году он возглавил кафедру архитектуры. В 1975 году им создана новая, выпускающая специалистов-архитекторов, кафедра архитектурного проектирования, которой он руководил до 1979 года. К созданию специальности «Архитектура» побудила острая нехватка квалифицированных специалистов-архитекторов: ведь страна переживала период активной индустриализации Сибири и, как следствие, бурный рост объемов массового строительства жилья, объектов соцкультбыта.



> Рис. 1. Дмитриевский Юрий Федорович. Фото из архива ИРО ОТПОО «Союз архитекторов России»



^ Рис. 2. Иркутск. Жилой дом с магазином по ул. Киевская, 4. 2022



^ Рис. 3. Черемховский горнотехнический колледж. 2022

В этой деятельности проявились лучшие организаторские способности Юрия Федоровича. Пригодился его опыт практика-архитектора, руководителя, отчетливо понимающего насущные проблемы, цели и задачи и, благодаря его прозорливости, пути их решения. Его усилиями были привлечены к преподаванию по вновь созданной архитектурной специальности в ИПИ архитекторы-практики высокого уровня, съехавшиеся со всей огромной страны. Благодаря будущим достижениям их учеников вырос авторитет сначала специальности, затем кафедры, что и легло в основу формирования иркутской архитектурной школы [5].

Юрий Федорович занимался научной работой и уделял пристальное внимание специфике строительства зданий в природно-климатических условиях Восточной Сибири. Им опубликованы статьи: «Учет природных факторов при корригировании микроклиматической застройки» (1965), «Графическая оценка климата для градостроительства» (1966), «Солнечная радиация и застройка» (1967), «Приближенное определение термического состояния в застройке» (1968), «Влияние рельефа и вертикальной планировки на температуру приземного воздуха» (1969), «Оптимизация термического режима застройки при проектировании городов Восточной Сибири» (1973) и другие. Зачастую он был новатором в региональных исследованиях по этим направлениям.

До перехода на преподавательскую работу Юрий Федорович успел проявить себя как архитектор-практик. Среди его реализованных авторских проектов значатся: индивидуальный жилой дом с магазином по ул. Киевская, 4 (рис. 2) в Иркутске (строительство; 1956); проект планировки Касьяновского МТС (1957); индивидуальные жилые дома (5 зданий) по ул. Некрасова в г. Черемхово (1957); проект планировки кварталов 1–2 и 3–4 Первомайского района г. Черемхово (1959); проект стадиона на 25 тыс. зрителей с использованием подтрибунного пространства для тренерского зала и вспомогательных служб в Иркутске (в соавторстве с Б. М. Кербелем; 1960); здание Горного техникума в г. Черемхово (1963–1969) [3]. Из рекомендации архитектора-преподавателя М. Я. Аизихиной при вступлении Юрия Федоровича в Союз архитекторов СССР, сохранившейся в архиве Иркутской организации СА, выяснилось,

что в середине 1950-х им выполнен целый ряд проектов планировки и застройки поселков для шахтеров Черновских копей в Забайкалье, большая часть которых была реализована [6].

Предположительно к числу работ Дмитриевского, учитывая их стилистику и образ, относятся два жилых дома по ул. 3-я Красноармейская (ныне Лапина) и ул. Тимирязева в Иркутске, возведенных в 1954 и 1955 годах соответственно. Достоверность этого требует документального подтверждения. В его личном деле указано, что совместно с архитектором Полосовым ими выполнен проект центральной площади Первомайского района в г. Черемхово.

Город Черемхово в творчестве Дмитриевского сыграл особую роль. Здесь Юрием Федоровичем был привязан знаковый для того периода жизни страны типовой проект Дворца культуры с переработкой конструктивных решений под сейсмические условия площадки и корректировкой планировок [3]. Если опираться на время проектирования (1955–1956) и строительства, то предположительно – это здание ДК имени Горького 1958 года постройки, расположенного по ул. Дударского, 25. Другие здания были построены либо раньше (до 1953 – ДК разреза «Черемховский» по ул. Ленина, 25), либо значительно позже (1984 – ДК «Горняк» по ул. Ференца Патаки, 1).

Еще один значимый объект Юрия Федоровича – здание Горного техникума. Оно размещено на главной магистрали города – улице Ленина, 26 и было открыто для студентов в 1970 году. В 1993 году он преобразован в Черемховский горнотехнический колледж. Современный облик (рис. 3) здание приобрело во время реконструкции в конце 1990–2000 уже без участия автора.

Для города шахтеров Юрий Федорович выполнил и построил по индивидуальному проекту на основе одной разработанной секции пять 4-этажных жилых зданий [3]. Два из них расположены по ул. Некрасова, 2 и 4 (рис. 4; 5). Оба дома в первом этаже имеют помещения для обслуживания населения. Три верхних этажа – квартиры. Наибольший интерес представляет дом по ул. Некрасова, 2. Дом угловой конфигурации. Топографическое его расположение на повышенных

> Рис. 6. Черемхово.
Лестница по
ул. Некрасова. 2022

отметках выгодно с точки зрения его восприятия снизу, с улицы Парковой, ведущей от центральной улицы Ленина к скверу «Слава Героям». Фасады дополняют эркеры, выполненные на всю высоту здания. На крыше над угловым эркером размещена конструкция с орденом Победы и надписью «Слава Победе», что дополнительно фиксирует на них внимание при взгляде со стороны сквера. Вдоль главного фасада, выходящего на улицу Некрасова, было предусмотрено (очевидно, что изначально именно автором проекта) благоустройство этих территорий, с пластическими элементами, спускающимися по рельефу к распадку в направлении улицы Парковая. Парадная лестница с ограждением (рис. 6) завершает общее оформление фрагмента городского пространства в соответствии с тематикой Победы и общей стилистики домов конца 1950-х.

Базируясь на документах Архива Иркутской организации СА и используя метод исключения, можно прийти к косвенному доказательству того, что жилые дома по ул. Чапаева, 11 и 15 в Черемхово построены также по проектам Дмитриевского.

Говоря о заслугах Юрия Федоровича, нельзя не вспомнить его друга и соратника, жену – Дмитриевскую Валентину Карповну. На протяжении почти двадцати лет в Иркутском политехническом институте она занималась педагогической деятельностью – преподавала будущим архитекторам профессиональный английский язык. Автор этих строк тепло и с благодарностью вспоминает Валентину Карповну. Семья воспитала двух сыновей. Младший, Валерий, стал архитектором и некоторое время работал в городе Братске, затем продолжил деятельность в Иркутске.

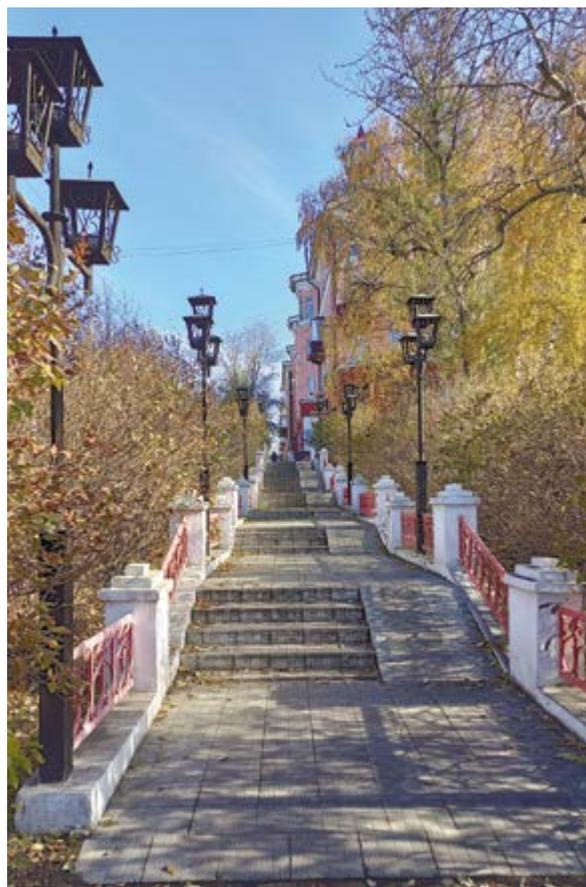
Вспоминая незаурядную личность Ю. Ф. Дмитриевского, нельзя не упомянуть его боевые заслуги и достижения в трудовой деятельности. Он награжден Орденом Красной Звезды (1959), медалями «За оборону Ленинграда» (1944), «За победу над Германией» (1945), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «50 лет Советской Армии» (1967), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970).

Литература

1. Дружинина, И. Е., Астраханцева, В. В. Архитектурное образование в Иркутске // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 130–139
2. Архив Иркутской региональной организации Общероссийской творческой профессиональной общественной организации «Союз архитекторов России». Личное дело Дмитриевского Ю. Ф. Автобиография (на 2 с.)
3. Архив ИРО ОТПОО «Союз архитекторов России». Союз архитекторов СССР. Ордена Ленина Союз архитекторов СССР. Личный листок члена Союза Дмитриевского Ю. Ф.
4. Архив ИРО ОТПОО «Союз архитекторов России». Союз архитекторов СССР. Личная карточка члена СА Дмитриевского Ю. Ф.
5. Дружинина, И. Е., Астраханцева, В. В. Архитектурное образование в Иркутске // 60 лет. Институт архитектуры, строительства и дизайна ИРНТУ. Образование в лицах: сборник научно-публицистических произведений / отв. ред. И. Е. Дружинина [и др.]. – Т. 2. – Иркутск: изд-во ИРНТУ, 2020. – С.18–30

в Рис. 4. Черемхово.
Жилой дом по
ул. Некрасова, 2.
Вид с улицы Некрасова.
2022

в Рис. 5. Черемхово.
Жилой дом по
ул. Некрасова, 4. 2022



6. Архив ИРО ОТПОО «Союз архитекторов России». Рекомендация Ашихминой М. Я. т. Дмитриевскому Ю. Ф. для вступления в члены Союза архитекторов СССР (на 2 с.)

References

- Archive of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia. (n.d.). Personal file of Dmitrievsky Yu.F. Autobiography on 2 pages.
- Archive of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia. (n.d.). Recommendation for membership in the Union of Architects of the USSR given to Dmitrievsky Yu. F. by Ashikhmina M. Ya. (on 2 pages).
- Archive of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia. (n.d.). Union of Architects of the USSR. Order of Lenin Union of Architects of the USSR. Personal card of a member of the Union Dmitrievsky Yu. F.
- Archive of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia. (n.d.). Union of Architects of the USSR. Personal card of a member of the Union Dmitrievsky Yu. F.
- Druzhinina, I., & Astrakhantseva, V. (2020a). Architectural education in Irkutsk. In I. E. Druzhinina et al. (Eds.), 60 years. Institute of Architecture, Construction and Design INRTU. Education in faces: A collection of scientific and journalistic works (Vol. 2, pp. 18–30). Irkutsk: INRTU Publishing House.
- Druzhinina, I., & Astrakhantseva, V. (2020b). Architectural education in Irkutsk. Project Baikal, 17(64), 130–139. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1649>



Характеризуются памятники градостроительства и архитектуры средневековой столицы Армении Ани в оценках русских путешественников, писателей и художников конца XVIII – начала XX века. Их увлеченность этим наследием стимулировала профессиональный научный интерес к городищу Ани, которое с конца XIX века становится лабораторией русской медиевистики, археологических и архитектурных исследований. Обзор посвященных Ани литературных и художественных произведений выявляет их ценность в качестве документальных источников, передающих особенности и состояние памятников архитектуры, значительно пострадавших на протяжении XX века.

Ключевые слова: армянская архитектура; город Ани; путешествия художников и писателей; русская культура XVIII – начала XX века; литературные и художественные образы./

The monuments of urban development and architecture of Ani, the medieval capital of Armenia, are presented through the eyes of Russian travellers, writers and artists of the late 18th and early 20th centuries. Their enthusiasm for this heritage stimulated professional scientific interest in the site of Ani, which became a laboratory of Russian medieval studies, archaeological and architectural research in the late 19th century. A review of literary and artistic works devoted to Ani reveals their value as documentary sources that describe the features and condition of the monuments of architecture significantly damaged during the XX century.

Keywords: Armenian architecture; city of Ani; travels of artists and writers; 18th - early 20th century Russian culture; literary and artistic images.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ) / Acknowledgements: The study has been realized by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00354, in the Moscow State University of Civil Engineering (MGSEU), National Research University/

Русские путешественники об архитектурном наследии Ани / Russian travellers on the architectural heritage of Ani

«Чувства, возбуждаемые при виде этого пустынного города, крайне меланхоличны <...> Бесформенные холмы Вавилона подобны скелету; а опустевший, но все еще стоящий город похож на бездыханный труп, который еще сохраняет видимость жизни», – так характеризует городище Ани в своем отчете 1837 года о путешествии по Кавказу офицер британской армии Ричард Уилбрэхам¹. В Средние века являвшийся одним из ярчайших городов Востока, Ани в пору своего первого расцвета, с 961 по 1045 годы, был местом коронации царей – шахиншахов главной линии Багратидской династии, а с перемещением туда в конце X века кафедры католико-Армянской церкви город приобретает полноценный смысл армянской столицы. Последующие периоды завоеваний страны византийцами и мусульманами с конца XII века сменились новой эпохой христианских правителей, поначалу вассальных по отношению к грузинским Багратидам. С середины X века Ани оставался ведущим центром развития архитектурного творчества до тех пор, пока природные стихии и новые завоевания тюркских кочевых племен не привели к деградации жизни и быстрой миграции его жителей. К XV веку Ани был практически пуст (рис. 1).

Четырехсотлетнему блестящему развитию города пришло на смену столь же длительное забвение. Затем, уже в среде европейцев, поступательно приходило осознание неоспоримой ценности его культурного наследия, чему способствовала не только необходимость освоения важной страницы всеобщей истории архитектуры, но и европейский романтизм, повлекший распространение археологических исследований на Восток. Ввиду геополитических изменений, с установлением владычества Российской империи на Южный Кавказ, особенно по итогам Русско-персидской войны 1828 года, ей открылся доступ к древностям Армении и новое, сухопутное направление к святыням Палестины – через Месопотамию и Сирию. От Ани империю разделяла лишь река Ахурян, а после расширения российских пределов по ее правую сторону и образования Карсской области (1878) явилась возможным изучать городище Ани, кульминацией чего явилась работа Анийской экспедиции Императорской археологической комиссии (1892–1893; 1904–1917). Так

начинался столетний период изучения архитектуры Ани, который, несмотря на последующую оккупацию Карсской области Турцией и политические ограничения исследований на востоке этой страны, характеризуется последовательным накоплением знаний и плодотворным анализом развития монументального зодчества.

Однако речь пойдет о том, как древний город приобрел значимость в русской среде задолго до овладения Россией его территории в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а затем и в последующие 40 лет, когда соседние с Ани города Александрополь (Гюмри) и Карс становятся не только форпостами русской армии на южном Кавказе, но и трансляторами ценностей русской культуры, в том числе архитектуры на пространстве Армении и Ближнего Востока [2; 3]. Оценкам Ани русских путешественников уделил внимание русский востоковед Н. Я. Марр в первой главе своей монографии об этом городе, сжато охарактеризовав их.

Европейские путешественники с XVIII века последовательно открывали для себя древнюю Армению и ее главный средневековый город Ани, по словам Н. Я. Марра, – крупнейшую жемчужину в «археологическом венце Кавказа» [4, с. 55]. Эта традиция была унаследована русскими художниками и литераторами.

Первое свидетельство обращения отечественных путешественников к анийскому наследию – акварельный рисунок из альбома выпускника Академии художеств Михаила Матвеевича Иванова (1748–1823), хранящийся в Русском музее (рис. 2) [5, рис. 9]. В 1783 году Иванов

текст

Армен Казарян

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет / text

Armen Kazaryan

National Research Moscow State University of Civil Engineering

1. Перевод мой – А. К. Оригинальный текст: «The feelings excited by the sight of this desert city are very melancholy <...> The shapeless mounds of Babylon are like the skeleton; but the deserted yet still standing city resembles the corpse whose breath has fled, but which still retains the semblance of life» [1, p. 79–80].

в Рис. 1. Ани. Панорама с видом на Вышгород (слева) и кафедральный собор (по центру). Фото А. Казаряна. 2013



> Рис. 3. Монастырь Оромос. Церкви Сурб Минас и Сурб Геворг. X – начало XI века. Фото А. Казаряна. 2013



был в Эривани. Очевидно, непосредственно до или после этого он заезжал на территорию Ани или, по крайней мере, пересек пограничную с Османской империей реку Ахурян и посетил монастырь Оромос, который лежал на пути прибывающих из Александрополя. Обращая внимание на акварель М. Иванова, Н. Я. Марр отмечает ее «фантастический» вид «из Гошаванка (Хошаванка – А. К.), усыпальницы армянских царей, на Ани или, как сказано в подлиннике того времени, «на город святой Анны»» [5, с. 2].

На самом деле нарисованная панорама с двумя монастырскими церквями обращена не в сторону Ани, а в обратную. Тем не менее, для многих этот монастырь, часто именовавшийся именно Хошаванком, ассоциируется с частью Ани, а его монументальная триумфальная арка – с воротами в городские предместья. Именно церкви Оромоса изображены на картине Иванова, по которой мы можем судить о степени его сохранности в конце XVIII века. Монастырь сильно пострадал во второй половине XX века от действий вандалов в зоне ответственности турецких пограничников. Однако основные постройки, изображенные на акварели М. Иванова, – две

в Рис. 2. Михаил Иванов. Ани. Бумага, акварель. Русский музей. Около 1783. По фотографии из Архива Института истории материальной культуры РАН



церкви, Сурб Минас (Ованнес) второй четверти X века и Сурб Геворг рубежа X – XI веков, сохраняются, несмотря на значительные утраты куполов и внешней кладки стен (рис. 3). На акварели запечатлены и мемориальные памятники – хачкары, стелы, более низкие надгробия, среди которых наверняка представлена и могила царя Ашота I Милостивого Багратуни – основателя Ани. От всех них сейчас не осталось и следа. С точки зрения образной характеристики очевидна драматизация сюжета, придание пейзажу мистического ощущения. Впрочем, и позже близким впечатлением поделился путешественник Е. Л. Марков, подъезжая к Ани со стороны Оромоса: «Еще издали видны разбросанные на огромное пространство среди голой степи остатки стен с башнями, остовы церквей и высоко поднятые на горе развалины цитадели. Чем-то давно умершим, немymi пустынями Палестины и Сирии, дышит этот глубоко-исторический пейзаж» [6, с. 26].

Н. Я. Марр, характеризуя первые попытки отечественного научного освоения наследия Ани, пришедшиеся на 1940-е годы, резонно выделяет школу Дерптского университета, куда сходились лучшие представители армянского студенчества. Кроме чисто научных интересов, «на возникновение в Дерпте научного интереса к Ани повлияло то умственное возрождение русских армян, которое пошло особенно сильным темпом по отвоеванию, в сороковых годах XIX века, прав литературного языка новоармянским <...>» [5, с. 2]. Безусловно, исследование Ани профессором этого университета натуралистом Абигом носило профессиональный характер, но в частных письмах он «высказывался в той христианско-романтической формулировке, дальше которой и по сей день не пошла идеология защитников армянского дела» [5, с. 3].

Абих противопоставляет продолжающий жить город Рим с руинами Ани. Тогда же, вслед за европейской отсылкой к Вавилону, последовало наше метафорическое сравнение Ани с Пальмирой. Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), известный русский писатель и церковный деятель, посетивший Грузию и Армению с сентября 1846 по июль 1947 года, передал полное эмоциональных метафор описание своих ощущений



< Рис. 4. Ани. Вид на Вышгород (акрополь) от церкви Ахчкаберда (Девичьей крепости) конца XII в.
Фото А. Казаряна. 2019

от посещения городища: «<...> еще за пять верст от Ани, исполинские врата уже отверзали пустынный вход к ее чудным останкам. Армянская Пальмира красовалась вдали, сонмом своих храмов и мечетей, минаретов и бойниц, как будто люди еще ее не покинули на жертву времени» [1, с. 102–103; 7, с. 259]². Так в середине позапрошлого столетия складывался романтический образ великого замершего городища, и этот устойчивый образ способствовал чувственному, проникновенному интересу к художественным сокровищам древней армянской столицы. Трагическое восприятие утраченной христианской цивилизации переживается Н. Муравьевым при первом же описании города: «Вышгород обличает мертвенность Ани; с палат царских началась страшная жатва смерти <...> Напрасно стоят повсюду храмы: нет в них более молитвы! Если есть еще пустынные церкви на окрестных горах, или вне ограды, на пространстве поля, бывшего некогда городом: то это лишь памятники минувшей славы; нет более Ани!» [7, с. 261–262].

В череде живописных описаний этого автора встречаем упоминание Ани как города тысячи одной церкви, которое было широко распространено в армянской среде: «Пронзительный холод обвеял нас под сумрачным их навесом: Арпачай сердито кипел по камням, не охотно открывая влажную стезю свою к очарованной столице. Гений тысячи одной ночи представил бы этот бешенный поток, у подножия Ани, заколдованным стражем сего таинственного города тысячи одной церкви: в наименовании его уже действует воображение восточное, ибо оно умеет, одною яркою чертою, резко обрисовать предмет» [7, с. 273] (рис. 4).

Но далее изложение напоминает содержание экскурсии, которую автор проводит, передвигаясь от места к месту, от памятника к памятнику, постоянно перемежая краткие, но меткие описания с воспоминаниями из средневековых хроник. Следует признать, что представления некоторых памятников выглядят точными и весьма информативными. Так, изложено описание росписи, ныне не сохранившейся и известной нам по паре фотографий начала XX века: «Несколько выше, на пустынной площади, возвышается другая круглая церковь замечательной архитектуры, которая отчасти напомнила мне

Иерусалимскую мечеть Омара: по двенадцати аркад в каждом из ее двух ярусов, и еще сохранилась внутри стенная живопись. Там где был престол, написан Спаситель, окруженный Архангелами, в других углублениях четыре Евангелиста и лики святых; надписи все Армянские и одна на вратах свидетельствует, что церковь была сооружена в патриаршество Петра, при Иоанне Сумбате, сыне Царя Гагика» [7, с. 278–279]. Бесспорно, речь идет о церкви Спасителя, построенной Аблгарипом

2. Армянской Пальмирой называет Ани и писатель А. П. Андреев [7].



< Рис. 5. Ани. Церковь Сурб Пркич (Спасителя). Вид с запада. 1035.
Фото А. Казаряна. 2012

> Рис. 6. Ани. Западная сторона Смбатовых городских стен. X–XIII века. Фото А. Казаряна. 2015



Пахлавуни в 1035 году в нескольких сотнях метров к востоку от Анийского собора (рис. 5).

В этой книге также отражено мнение о начале, или о самой массовой эмиграции из Ани после взятия его предводителем турок-сельджуков, а также сказано о традиции, бытовавшей в XIX веке в среде армянской диаспоры Восточной Европы, которая утверждала об анийском происхождении своих предков: «Не много лет спустя, сильный Султан Сельджукидов, Кизил-Арслан,

вошел в 1064 году, в пределы Армении и осадил Ани. После долгой осады и кровопролитного приступа, он овладел городом и все в нем предал огню и мечу; не было пощады никакому возрасту и полу, кровью жителей окрасились воды Арпачая; духовенство наиболее подверглось истязаниям и святыня храмов была расхищена; большая часть жителей уведена в плен и многие из них бежали в Польшу и Крым. Феодосия, Нахичевань и Ростов населились в последствии выходцами из Ани» [7, с. 167–168].

Среди публикаций русских путешественников следует особо выделить сочинение путешественника, этнографа и писателя Евгения Львовича Маркова (1835–1903) «Русская Армения», VIII раздел которого почти целиком посвящен Ани [6, с. 21–40]. «Вообще, развалины Ани убеждают несомненно, что в дни процветания этого города архитектурное искусство у армян стояло уже на очень высокой степени, отличаясь благородной простотой линии, тонким восточным вкусом своих украшений и математическою отчетливостью и правильностью работы», – пишет Марков [6, с. 40].

Армянский историк Лео (А. Г. Бабаханян; 1860–1932) высоко оценил это произведение. Сравнивая его с рассказом Александра Петровича Андреева «На развалинах армянской Пальмиры» [8], он отмечает, что последний написан в унисон великорусским националистическим настроениям конца XIX века [9, с. 62–64]. Эти два произведения рубежа XIX – XX веков, времени особой популярности анийского маршрута в среде русских путешественников, выстроены в форме диалогов с попутчиками и лицами, встреченными в Ани. Рассказ Андреева отличается живостью языка и свободой мыслей, отражающих оценку прибывавших на Кавказ к местному населению и русскому чиновничеству. Услуги гида в Ани предлагает обладающий значительными знаниями по истории Ани фотограф, имени которого писатель не называет. Им мог быть, скорее всего, уроженец Константинополя, актер Арам Вруйр или его учитель по фотографическому ремеслу Ованнес Кюркчян (что менее вероятно ввиду солидного возраста последнего). Обсуждения истории, связанных с ней и последними событиями настроений занимает большую часть повествования, почти не остав-



> Рис. 7. Ани. Кафедральный собор. Архитектор Трдат. Конец X в. Фото А. Казаряна. 2015



< Рис. 8. Ани. Руина минарета в центре города. Фото А. Казаряна. 2022

ля места описания построек. Гораздо значительнее обращения к архитектуре у Е. Л. Маркова.

Именно ему принадлежит первое сравнение фортификаций Ани с константинопольскими: «Стены Ани были двойные, и хорошо сохранившийся во многих местах огромный обхват их, своею высотой, длиною и множеством башен несколько напоминает мне стены древней Византии в Константинополе. Эта непрерывная каменная ограда отрезала столицу Армении со стороны степи, единственно доступной для нападения» [6, с. 27]. У него же встречаем редкую по точности оценку архитектуры этой ограды: «Круглые башни Ани огромной высоты и сложены, как и стены, из превосходного тесанного камня серо-желтого цвета; на многих из них видны кресты колоссальной величины, образованные черными камнями, вставленными среди желтого фона. Иные расписаны этими же черными камнями в виде шахматной доски и разных других узоров; кое-где виднеются плиты с старинными надписями, большая каменная доска с изображением льва. Вообще заметно, что эта древняя твердыня была не только боевою оградой, наскоро сложенной для защиты от врага, а самобытным созданием архитектурного вкуса того времени, предназначенным для украшения и славы города столько же, сколько для его безопасности, – делом чьей-нибудь любви и сердечной заботы» [6, с. 27] (рис. 6). Сравнение структуры и фортификаций Ани с Константинополем в последние годы инициировано фактически заново. В попытке опереться на мысли предшественников в этом вопросе, я опростачив не обратил внимание на мнение путешественника Е. Л. Маркова и, тем самым, в одной из статей зависил значение собственного вклада [10].

Е. Л. Марков великолепно ориентируется в сложном, изрезанном ущельями рельефе, в который вписаны основные строения и части городской структуры: «Бешеный Арпачай вьется как змея в этих каменных оковах своих, делая на каждом шаге резкие и глубокие завороты между скал. На самом последнем завороте его, там, где с ним сливается впадающая в него река Аладжа, на далеко выдавшемся обрывистом горном мысе, спадающем крутыми ступенями в пучины реки, вырезается характерная островерхая башня древнего женского монастыря

во имя св. Григория-Просветителя, почти недоступного ни с воды, ни с сухой земли. А еще правее и еще выше его, на конической горе, венчающей все обширное поле развалин старой армянской столицы, высятся полуразрушенные крепостные башни, храмы и здания бывшего акрополя Ани» [6, с. 33–34].

В характеристике кафедрального собора (985–1001) сказывается не только наблюдательность, но и эрудиция автора, его знакомство с воззрениями историков искусства на архитектуру этого произведения зодчего Трдата, с общей расположенностью рассмотрения армянского стиля вместе с грузинским и в рамках византийского. «Главный собор Ани – <...> чудное архитектурное создание, соединившее в себе все характерные черты и всю своеобразную красоту древней армяно-грузинской архитектуры, в основе которой лежит, конечно, византийский стиль, с сильною, однако, примесью готики. <...> Сложен он, как и все храмы Ани, из прекрасно вытесанных камней темно-желтого туфа и, словно драгоценною парчею, одет кругом по фасаду и боковым стенам, по всем арочкам, карнизам, поясам и колоннам, кругом дверей, кругом каждого окошка, узких и длинных как щели крепостной бойницы, – разнообразнейшею восточною резьбою; плиты с крестами и надписями, с фигурами львов, орлов и разных других птиц, в рамках удивительных узоров, врезаны в эти стены, среди этих арок и столбиков, и, прочитанные учеными людьми, дают богатый материал не только для истории храма, но и для характеристики религиозных обычаев средневековых армян», – сообщает Е. Л. Марков [6, с. 29], а затем обращает наше внимание на особенности интерьера: «Внутри собора – высокие круглые своды на стройных колоннах, связанных целыми букетами; расположен храм правильным крестом, как греческие базилики. Но громадный купол, осенявший его, давно провалился, и синее небо смотрит теперь в темную внутренность храма сквозь широкий пролом, уже успевший обрасти по краям дикими травами. Да и стены великолепного храма тоже дали глубокие трещины в разных местах, доходящие чуть не до самой земли. Груды камней и плит с превосходною резьбою, некоторые даже с раскрашенными фигурами святых, свалены в углах храма; это – находки армянского

> Рис. Ани. Вид с городища на пещерный город в долине Цахкоцадзора.
Фото А. Казаряна. 2013



археолога, г. Марра, приготавливающего обстоятельное исследование древних памятников Ани, извлеченных из развалин разных зданий его» [6, с. 31] (рис. 7).

Следует добавить, что оценочная характеристика Анийского собора с указанием в нем «примеси» готики во времена Маркова не была новой. Рожденное в недрах западной традиции, сравнение этого произведения зодчего Трдата с европейскими соборами поддерживалось в конце XIX в. в очерках английского путешественника Х. Ф. Б. Линча [11, с. 473–500], а в начале XX века одним из основоположников исследований армянской архитектуры венским профессором Йозефом Стржиговским [12, р. 744–747, 805–809]. Тем не менее в рассказе русского писателя содержатся ценные упоминания деталей собора и свидетельство хранения раскопанных Н. Я. Марром архитектурных фрагментов в этом здании.

Почти на профессиональном уровне автор описывает многие другие храмы на городище, мост в ущелье Ахуряна, мечеть и оба минарета, один из которых, ранее стоявший в одиночестве, при посещении Ани Марковым был уже развалившимся, по его предположению, от последнего землетрясения (рис. 8).

Обращено внимание и на спорную атрибуцию некоторых зданий: 1) мечети, позже в литературе именованной мечетью Мануче, которая явно основывалась как дворцовое здание; 2) притвора церкви Апостолов, ошибочно называвшегося дворцом Пахлавидов; 3) дворца, который позже стал именоваться дворцом Парона (господина), а в конце XIX века еще и дворцом Багратидов. Е. Л. Марков знаком с научным дискурсом по каждому из этих памятников: «Наш талантливый странствователь по Востоку, А. Н. Муравьев, не допускал, однако, чтобы дворец армянских царей мог помещаться в таком опасном боевом месте, и считал с своей стороны эти развалины дворцом Палавидов, могущественных вассалов армянских царей, владевших одно время городом Ани. Мнение его разделяет и Броссе в своем классическом исследовании развалин Ани, хотя и полном некоторых ошибок, объясняемых, впрочем, тем обстоятельством, что Броссе не посетил лично развалин Ани, а описывал и рисовал их по материалам разных других археологов и путешественников» [6, с. 37]. Впрочем, выдвинутые

еще в те времена вопросы о функциональном назначении многоколонного здания, инкорпорированного в XI или XIII веке в комплекс мечети Мануче, и принадлежность дворца Парона по сей день остаются нерешенными.

Уезжал Е. Л. Марков из Ани на север, посещая памятники эпохи Багратидов: крепость Тигнис и возведенный в 970-е годы зодчим Трдатом собор в Аргине. Судя по обращениям в своем рассказе к древнеармянским источникам, писатель великолепно был осведомлен не только об исторических событиях тысячелетней давности, но и местах, где они протекали. Он сообщает, что в Аргине, служившей резиденцией католика, похоронены были два из них, но гробницы эти завалены обрушившимися камнями стен собора. Здание это он считает прекрасно построенным, сопоставимым с собором в Ани, с резьбой на стенах, а также выражает обеспокоенность судьбой храма, к тому времени уже сохранявшему в целости только одну стену. Вопреки эти опасениям, окончательно разрушит памятник не стихия, а турецкая администрация уже в 1950–1960-е годы [13, с. 44–45].

Было бы большим преувеличением считать все публицистические произведения о развалинах Ани хоть насколько-нибудь полезными для научной и реставрационной работы. Большинство их наполнены были лишь чувствами духовного созерцания и порой не содержали никакой информационной составляющей о памятниках архитектуры. Привлекало само место, становившееся целью духовного и познавательного паломничества.

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968), посетивший городище во время своего путешествия в Армению в 1923 году, оставил эмоциональные и полные восхищения строки с своим биографическом сочинении «Повесть о жизни»: «Что такое Ани? Есть, конечно, вещи, которые мы не в силах передать, как бы ни старались. Как передать такое безмолвие, что издали слышен сыплющийся шорох овечьих копыт и стук созревших семян в коробочках давно высохших цветов, как в детских погремушках?»

Как передать тени от ласточкиных крыльев на плитах папертей, заросших обыкновенным одуванчиком?

Среди безлюдья, ветра, тишины живут только травы, фрески и небо, похожее на фрески.



< Рис. 10. Геворг Башинджаган. Кафедральный собор Пресвятой Богородицы в Ани. Холст, масло. 82,5×125 см. 1900. Национальная галерея Армении [14, с. 35]

Облака стоят, как выписанные знаменитым итальянским мастером, и между облаков иногда падает на землю тот знаменитый косой и единственный солнечный луч, который любил изображать Доре.

Этот луч еще с раннего детства стал принадлежностью картин из Ветхого завета. Увидев его над выжженными площадями Ани, я сразу же понял, что попал в места такие древние, как сама земля.

Солнце садилось. Нам надо было возвращаться. С каким бы наслаждением я переночевал в этих развалинах, вглядываясь в круговращение звезд и даже завидуя самому себе» [14] (рис. 9).

Картину анийских образов на рубеже XIX – XX веков существенно дополняют произведения двух армянских художников – Геворга Башинджагяна и Аршака Фетваджяна. Становление творческого пути первого из них пришлось на последнюю четверть XIX в. и было неразрывно связано с русской академической школой и с мастерами эпохи романтизма. Ани Г. Башинджаган посещает в 1884 году, во время первого своего большого путешествия по Кавказу, и создает картину с изображением триумфальной арки Оромоса (х., м., 61 × 52,2 см. Национальная галерея Армении). Кроме безусловных живописных достоинств, произведение обладает выверенным рисунком, делающим изображение руинированного здания документальным источником для изучения этого практически не сохранившегося памятника первой половины XI века. На двух больших полотнах, почти идентичных по рисунку, но менее точно переданы формы Анийского собора, к востоку от которого видна руина церкви Сурб Рипсиме, впоследствии полностью разрушившейся, и далее, за ней церковь Спасителя (1900, х., м., 82,5 × 125 см; 1901, х., м., 82 × 132 см. Национальная галерея Армении) (рис. 10). Примечательна и панорама Ани с видом на мечеть Мануче и цитадель с царским дворцом, характеризующаяся обобщенными формами и, как и все произведения этого художника, изысканным светотеневым и колористическим решениями (1908, х., м., 63 × 115 см. Национальная галерея Армении) [15, с. 24–25, 33–36].

Возможно, к этой статье мог быть привлечен материал о деятельности фотографов Ани, тем более что они оста-

вили нам не только фотографии, но и свои воспоминания и впечатления. Но это – отдельная большая страница деятельности, тесно связанная с документацией материалов в годы работы русской археологической экспедиции.

Первый приезд Н. Я. Марра в Армению состоялся в 1890 году, а организация комплексной экспедиции – двумя годами позже [16; 17]. Это было время, когда увлеченность наследием средневековой армянской столицы русскими путешественниками, писателями и художниками достигла наивысшего уровня. Возможно, имел место общественный заказ на обращение внимания к этим руинам, который стимулировал профессиональный научный интерес к архитектурным памятникам этого городища и соседних с ним монастырей. Если так, то становятся очевидными не только собственный интерес Н. Я. Марра к началу работы над большим проектом по Ани, но и возможность убеждения с его стороны членов Археологической комиссии в необходимости такого предприятия.

За 25 лет работы экспедиции популярность Ани и в русской, и в армянской среде нарастала. Об этом свидетельствуют не только произведения художников и писателей на анийскую тему, но и факт наименования в честь города Ани астероида главного пояса, открытого 29 июня 1914 года [18, р. 74]. Раскопки, обмеры, реконструкции храмов Ани расширили информацию о памятниках архитектуры Армении и Грузии, научное и творческое освоение которых играло существенную роль в развитии архитектурной практики второй половины XIX в. [19; 20; 21].

Обзор литературных и художественных произведений выявляет их ценность в качестве документальных источников, передающих нам особенности тех памятников архитектуры, которые в наибольшей мере пострадали на протяжении XX века. Это в основном постройки в окрестностях Ани, расположенные вблизи городских стен или на расстоянии нескольких километров от них: Пастушья церковь, монастыри Оромос, Багнайр, Хцконк, соборы Ширакавана и Аргины, церковь в Текоре.

Литература

1. Иноязычные источники об Ани (X–XIX вв.) / отв. редактор П. А. Чобанян. – Ереван : Гитутюн, 2011. – 166 с. (На арм., рус., англ. языках)
2. Иванов, А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – № 2 (9). – С. 159–192
3. Gurallar, N. Russian Modernization in East Anatolia: The Case of Kars // *Muqarnas*. – 2000. – Vol. 37. – P. 247–264
4. Орбели, И. А. Развалины Ани : История. Современное состояние. Раскопки / – Санкт-Петербург : журн. «Нева», 1911. – 55 с.; 16
5. Марр, Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. – Москва – Ленинград, 1934. – 133 с.
6. Марков, Е. Русская Армения. Зимнее путешествие по горам Кавказа // *Вестник Европы*. – 1901. – Т. 4. – № 7/8. – С. 5–52
7. Муравьев, А. Н. Грузия и Армения. – Т. II. – Санкт-Петербург : Типография III отдела. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. – 331 с.
8. Андреев, А. П. На развалинах армянской Пальмиры (Из путевых впечатлений) // *Исторический вестник*. – 1898. – № 1. – С. 226–264
9. Լեո. Անի: Տպավորութիւններ, հիշատակներ, անցածն ու մնացածը (Лео. Ани. Впечатления, воспоминания, прошлое и оставшееся). – Ереван : изд. Ереванского государственного университета, 1963. – 384 с.
10. Kazaryan, A. The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient // *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout* / Ed. by Vasileios Marinis, Amy Papalexandrou and Jordan Pickett. – Turnhout: Brepols Publishers, 2020. – P. 241–252
11. Линч, Х. Ф. Армения: путевые очерки и этюды / пер. с англ. Е. Джунковской. – Т. 1–2. – Тифлис : Издание Торгового дома «Е. И. Петров и Ко», 1910. – 197 с.
12. Strzygowski, J. Die Baukunst der Armenier und Europa. – Bd. 1–2. – Wien: Anton Schroll & co G.M.B.H., 1918. – 888 p.
13. Геноцид после геноцида / ред. С. Карапетян. – Ереван : Фонд исследований армянской архитектуры, 2015. – 384 с. (На арм., рус., англ. языках)
14. Путешествие Константина Паустовского в Армению: «Тысячелетия прикасались к моим глазам» // Новостной портал «Армянского музея Москвы и культуры наций» : сайт. — URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/5/31/--2> (дата обращения: 18.05.2018)
15. Башинджагян, Н. Геворг Башинджагян (1857–1925). История жизни в картинах и документах. – Москва : Фортуна ЭЛ, 2011. – 152 с.
16. Казарян, А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. — 2016. — Вып. 7. — С. 9–27
17. Казарян, А. Ю., Кукина, Д. А., Медведева, М. В. Дело «о командировании Н. Я. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий» : Первый опыт раскопок в Ани // *Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН*. – Вып. 37. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 214–227
18. Lutz Dieter, Sch. Dictionary of Minor Planet Names / Fifth Revised and Enlarged Edition. — В., Heidelberg, N. Y.: Springer, 2003. – XVI, 992 p.
19. Баева, О. В., Казарян, А. Ю. Изучение армянской и грузинской средневековой архитектуры и его значение в сложении «армянского» стиля во второй половине XIX века // *Актуальные проблемы теории и истории искусства* : сб. науч. статей / под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2021. – Вып. 11. – С. 729–742
20. Баева, О. В. Возрождение «армянского» стиля в Российской империи в эпоху эклектики. Этапы, направления, идеи // *Вопросы всеобщей истории архитектуры* // 2021. — Вып. 16. — С. 185–199
21. Печёнкин, И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. — 2021. — Вып. 16. — С. 161–184

References

Andreev, A. P. (1898). Na razvalinah armyanskoi Pal'miry (Iz putevykh vpechatleniy) [On the ruins of Armenian Palmyra (From travel impressions)]. *Istoricheskiy vestnik*, 1, 226–264.

- Baeva, O. V. (2021). Vozrozhdenie 'armyanskogo' stilya v Rossiiskoi imperii v epokhu eklektiki. *Etapy, napravleniya, idei* [Revival of the 'Armenian' Style in the Russian Empire in the Period of Eclecticism. Steps, Directions, Ideas]. *Questions of the History of World Architecture*, 16, 185–199.
- Baeva, O. V., & Kazaryan, A. Yu. (2021). Izuchenie armyanskoi i gruzinskoi srednevekovoi arkhitektury i ego znachenie v slozhenii 'armyanskogo' stilya vo vtoroi polovine XIX veka [The Study of Armenian and Georgian Medieval Architecture and its Significance for the 'Armenian' Style's Formation in the Second Half of the 19th Century]. In A. V. Zakharova, S. V. Maltseva, & E. Yu. Stanyukovich-Denisova (Eds.), *Actual problems of theory and history of art* (Vol. 11, pp. 729–742). St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.
- Bashindzhagyan, N. (2011). *Gevorg Bashindzhagyan (1857–1925). Istoriya zhizni v kartinah i dokumentah* [Gevorg Bashinjagyan (1857–1925). The history of life in paintings and documents]. Moscow: Fortuna EL.
- Chobanyan P. A. (Ed.) (2011). *Foreign Sources on Ani (X – XIX Centuries)*. Yerevan: Gityutun.
- Gurallar, N. (2000). *Russian Modernization in East Anatolia: The Case of Kars*. *Muqarnas*, 37, 247–264.
- Ivanov, A. V. (2017). *Reguliarnyi vernakuljar: svoboda vnutri reshetki (istoricheskii tsentr Giumri XIX — serediny XX v.)* [Regular Vernacular — Freedom Within the Grid (The Historic Center of Gyumri in the 19th — Middle 20th Centuries)]. *Questions of the History of World Architecture*, 2(9), 159–192.
- Karapetyan, S. (Ed.). (2015). *Another Genocide after Genocide*. Yerevan: Research on Armenian Architecture Foundation.
- Kazaryan, A. Yu. (2016). Aniiskiy arkhelogicheskiy institute. *Diapazon deyatelnosti i osnovy dostizheniya uspekha* [Ani Archaeological Institute. Range of activity and what achieving headway is based on]. *Questions of the History of World Architecture*, 7, 9–27.
- Kazaryan, A. (2020). The City of Ani: Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient. In V. Marinis, A. Papalexandrou, & J. Pickett (Eds.), *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout* (pp. 241–252). Turnhout: Brepols Publishers.
- Kazaryan, A. Yu., Kukina, D. A., & Medvedeva, M. V. (2022). Records "On the N. Ya. Marr's Mission to Russian Armenia for carrying out archaeological researches there": The first experience of excavations at Ani. *Archaeological news, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, 37, 214–227. St. Petersburg.
- Leo (1963). *Ani: Tpravorow' yownner, hishatakner, ancac'n ow mnacac'y'* [Ani. Impressions, memories, the past and the rest]. Yerevan: Yerevan State University [In Armenian].
- Linch, H. F. (1910). *Armeniya: putevye ocherki i jetjudy* [Armenia: travel essays and etudes] (E. Dzhunkovskaya, Trans.), Vol. 1–2. Tiflis: Trading House E.I. Petrov and Co.
- Markov, E. (1901). *Russkaya Armeniya. Zimnee puteshestvie po goram Kavkaza* [Russian Armenia. Winter trip to the Caucasus mountains]. *Vestnik Evropy*, 4(7/8), 5–52.
- Marr, N. Ya. (1934). *Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodishcha* [Ani. Book history of the city and the site's excavations]. Moscow-Leningrad.
- Murav'ev, A. N. (1848). *Gruziya i Armeniya* [Georgia and Armenia]. Vol. II. St. Petersburg: Tipografiya III otdel. sobstv. E. I. V. kantselyarii.
- Orbeli, I. (1911). *Razvaliny Ani* [The Ruins of Ani]. St. Petersburg: "Neva" journal.
- Pechenkin, I. E. (2021). *Arkhitekturnoe nasledie Zakavkazya glazami teoretikov i praktikov epokhi istorizma* [Architectural Heritage of Southern Caucasus by the Eyes of Theorists and Architects of Historicism]. *Questions of the History of World Architecture*, 16, 161–184.
- Puteshestvie Konstantina Paustovskogo v Armeniyu: "Tysyacheletiya prikasalis' k moim glazam" [Konstantin Paustovsky's journey to Armenia: "Millennia have touched my eyes"]. (2018, May 18). *Novostnoy portal "Armyanskogo muzeya Moskvy i kul'tury nacij"*. Retrieved from <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/5/31/--2>
- Schmadel, L. D. (2003). *Dictionary of Minor Planet Names* (5th rev. & enlarged ed.). B., Heidelberg, N. Y.: Springer.
- Strzygowski, J. (1918). *Die Baukunst der Armenier und Europa*. Vol. 1–2. Wien: Anton Schroll & co G.M.B.H.

авторы

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Базилевич Михаил Евгеньевич – кандидат архитектуры, доцент Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, Хабаровск)

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (Иркутск)

Буш Дмитрий Вильямович – академик Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), народный архитектор России (Москва)

Бушуев Виталий Васильевич – доктор технических наук, профессор Объединенного института высоких температур РАН (Москва)

Бызов Анатолий Яковлевич – фотограф, член Союза фотохудожников России, лауреат сибирской премии достойных дел «Глаголы иркутского времени» в номинации «Человек года – 2022» (Иркутск)

Воличенко Ольга Владимировна – доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры, градостроительства и графики Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ, Курск)

Гимельштейн Александр Владимирович – кандидат исторических наук, профессор Иркутского государственного университета

Гимельштейн Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент Иркутского национального исследовательского университета (ИРНИТУ)

Гладских Анастасия – студентка кафедры архитектуры, градостроительства и графики ЮЗГУ (Курск)

Горощенова Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ИРНИТУ

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России, заслуженный архитектор России (Иркутск)

Деменкова Анастасия – студентка кафедры архитектуры, градостроительства и графики ЮЗГУ (Курск)

Дружинина Инна Евгеньевна – профессор ВАК, советник РААСН, профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры, строительства и дизайна (ИАСИД) ИРНИТУ

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, советник РААСН, профессор кафедры ИАСИД ИРНИТУ

Завадовский Петр Кшиштофович – архитектор, доцент кафедры архитектуры жилых зданий МАРХИ (Государственная академия)

Захарова Лидия Александровна – архитектор-реставратор ООО «Архитектурно-реставрационная мастерская 10», лауреат премии губернатора Иркутской области 2022 года

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды ТОГУ (Хабаровск)

Иванова Зинаида Ильинична – кандидат исторических наук, профессор кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций, доцент Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Иманкулов Джумаамедель Джумабаевич – доктор наук, профессор Киргизского государственного технического университета им. И. Раззакова (Бишкек, Киргизия)

Казарян Армен Юрьевич – доктор искусствоведения, академик РААСН, директор Института архитектуры и градостроительства НИУ МГСУ

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и практики архитектурного

проектирования Воронежского государственного технического университета

Кудрявцев Александр Петрович – академик РААСН, академик Международной академии архитектуры, народный архитектор России (Москва)

Куспангалиев Болат Урайханович – доктор архитектуры, профессор, директор Института архитектуры и строительства Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Лисицина Яна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, член Союза художников России

Лисицин Василий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСИД ИРНИТУ, член Союза дизайнеров России

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСИД ИРНИТУ

Ляхович Леонид Семенович – доктор технических наук, академик РААСН, заслуженный деятель науки и техники РФ, почетный строитель, профессор Томского государственного архитектурно-строительного университета

Марченко Анастасия Вадимовна – студентка ЮЗГУ (Курск)

Мякота Алексей Дмитриевич – руководитель ООО «АДМ», член правления Красноярской региональной организации СА России

Плесовских Иван Сергеевич – BIM-менеджер, ведущий инженер отдела технического регулирования и инноваций АО «Дальгипротранс», магистрант ТОГУ (Хабаровск)

Поликарпочкин Алексей Валентинович – генеральный директор ООО «Архитектурно-реставрационная мастерская 10», лауреат премии губернатора Иркутской области 2022 года

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Латвия)

Савочкина Наталья Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики ЮЗГУ (Курск)

Соловьев Дмитрий Александрович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (Москва)

Ходжиков Антон Валерьевич – магистр искусств, старший преподаватель Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Цурик Татьяна Олеговна – кандидат культурологии, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики ЮЗГУ (Курск)

Шилова Любовь Андреевна – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных систем, технологий и автоматизации в строительстве НИУ МГСУ

Штерн Варвара Андреевна – член Союза фотохудожников России и Иркутского фотографического общества (Иркутск)

Яскевич Владимир Владимирович – магистр искусств, старший преподаватель Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (Алма-Ата, Казахстан)

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за помощь в работе редакции архитекторов Евгению Сурикову и Юлию Никифорову

authors

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Mikhail Bazilevich – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Pacific National University (PNU, Khabarovsk)

Inessa Brazhnikova – senior editor, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Dmitry Bush – academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), people’s architect of Russia (Moscow)

Vitaly Bushuev – Doctor of Technical Sciences, Professor, Joint Institute for High Temperatures of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Anatoly Byzov – photographer, member of the Union of Art Photographers of Russia, laureate of the Siberian Prize for Honorable Deeds “Glagols of Irkutsk Time”, “Person of the Year 2022” nomination (Irkutsk)

Olga Volichenko – Doctor of Architecture, Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, Southwest State University (SWSU, Kursk)

Alexander Gimelshteyn – Ph.D. in Historical Sciences, professor, Irkutsk State University

Irina Gimelshtein – Ph.D. in Economics, Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Anastasia Gladskikh – student, Department of Architecture, Town Planning and Graphics, SWSU (Kursk)

Olga Goroshchenova – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor, Department of History and Philosophy, INRTU

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), honored architect of the RF (Irkutsk)

Anastasia Demenkova – student, Department of Architecture, Town Planning and Graphics, SWSU (Kursk)

Inna Druzhinina – adviser of the RAACS, professor of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design (IACD), INRTU

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, adviser of the RAACS, professor of the Department of Design, IACD INRTU

Petr Zavadovsky – architect, Ass. Professor of the Department of Architecture of Residential Buildings, MArchI (State Academy)

Lidia Zakharova – restoration architect, 000 Architectural and Restoration Studio 10, laureate of the Irkutsk Region Governor’s Prize 2022

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Design of the Architectural Environment Department, PNU (Khabarovsk)

Zinaida Ivanova – Ph.D. in Historical Sciences, professor of the Department of Social, Psychological and Legal Communications, Ass. Professor, National Research Moscow State University of Civil Engineering (MGSU)

Jumamedel Imankulov – Doctor of Science, professor, Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov (Bishkek, Kyrgyzstan)

Armen Kazaryan – Doctor of Art History, academician of the RAACS, director of the Institute of Architecture and Town Planning, MGSU

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Alexander Kudryavtsev – academician of the RAACS, academician of the International Academy of Architecture, people’s architect of Russia (Moscow)

Bolat Kuspangaliev – Doctor of Architecture, Professor, director of the Institute of Architecture and Construction, Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev (Almaty, Kazakhstan)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor at Irkutsk State University, member of the Union of Artists of Russia

Vasily Lisitsin – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of Architectural Design, IACD INRTU, member of the Union of Designers of Russia

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Design, IACD INRTU

Leonid Lyakhovich – Doctor of Technical Sciences, academician of the RAACS, Honoured Scientist and Engineer of the RF, Honoured Builder, professor, Tomsk State University of Architecture and Building

Anastasia Marchenko – student, SWSU (Kursk)

Alexei Myakota – head of the ADM, member of the Board of the Krasnoyarsk Regional Organization of the UAR

Ivan Plesovskikh – BIM manager, leading engineer, Department of Technical Regulation and Innovations, AO Dalgiprotrans, Master’s Degree Student, PNU (Khabarovsk)

Alexey Polikarpochkin – director general, 000 Architectural and Restoration Studio 10, laureate of the Irkutsk Region Governor’s Prize 2022

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Natalia Savochkina – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, SWSU (Kursk)

Dmitry Solovyyev – Ph.D. in Physics and Mathematics, senior researcher, Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Anton Khodzhikov – Master of Arts, Senior Lecturer at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev (Almaty, Kazakhstan)

Tatiana Tsurik – Ph.D. in Cultural Studies, Ass. Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, SWSU (Kursk)

Liubov Shilova – Ph.D. in Engineering, Ass. Professor of the Department of Information Systems, Technologies and Automation in Construction, MGSU

Varvara Shtern – member of the Union of Art Photographers of Russia and the Irkutsk Photographic Society (Irkutsk)

Vladimir Yaskevich – Master of Arts, Senior Lecturer at Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpayev (Almaty, Kazakhstan)

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to architects Evgeniya Surikova and Yulia Nikiforova for their help with the editorial work.

Тема фестиваля «СИБИРСКИЙ КОД»

Фестиваль проводится в Иркутске с 14 по 17 июня 2023 года, в порядке подготовки к Международному фестивалю «Зодчество-2023» в Москве.

В программе фестиваля:

- смотр-конкурс лучших архитектурных произведений 2021–2023 годов;
- смотр-конкурс пропаганды архитектуры 2021–2023 годов;
- смотр-конкурс творчества архитектурных коллективов и мастерских;
- смотр-конкурс творчества молодых архитекторов и студентов Сибири 2021–2023 годов;
- смотр-конкурс детского архитектурно-художественного творчества;
- дискуссии по материалам смотров-конкурсов, проблемам современного архитектурного творчества в Сибири и саморегулирования.

К участию в смотрах-конкурсах фестиваля приглашаются архитекторы, проектные организации, архитектурные фирмы, учебные архитектурные заведения, архитектурно-художественные школы Сибири и других регионов России, выполняющие проектирование или иные работы для территорий Сибири.

Материалы и информация по XXIII Межрегиональному архитектурному фестивалю «Зодчество в Сибири – 2023» размещены на сайте: <http://zvsiberia.ru>

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

XXIII МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ – 2023»

23
А
ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ
2023



projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

